

Гай Юлий
Орловский

Ричард Длинные Руки —
властелин трех замков

Гай Юлий Орловский

Сказка

Длинные Руки властелин трех замков

Ричард Длинные Руки — властелин трех замков. У него есть еще одна рука — в форме гигантской руки из кости и костей. Он живет в замке Балдуин. Несколько лет назад он убил короля и стал королем. Но король не умер, а был превращен в змея. Ричард Длинные Руки и его сподвижники борются с змейом и его сподвижниками.

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки

Ригард Длинные Руки —
воин Господа

Ригард Длинные Руки —
паладин Господа

Ригард Длинные Руки — сеньор

Ригард де Амальфи

Ригард Длинные Руки —
властелин трех замков

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
властелин трех замков

ЭКСМО

Москва, 2004

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О 66

Оформление серии художников *А. Старикова, М. Петрова*

Серия основана в 2004 году

Художник *А. Дубовик*

О 66   **Орловский Г. Ю.**
              Ричард Длинные Руки — властелин трех замков: Фантастический роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 480 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 5-699-08177-1

Ричард Длинные Руки, благородный рыцарь, а теперь уже и феодал средней руки, спешит на турнир. Будучи человеком скромным, избегает конфликтов, ссор, диспутов, стычек. Но мир таков: кто избегает неприятностей, того они находят сами. В лице странствующих рыцарей, горных великанов, колдунов, магов, драконов, волшебников, чародеев, верволов — фов, привидений, кобольдов, монахов-миссионеров и прочих-прочих интересных персонажей. А про самую большую опасность, женщин, вообще молчим.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-08177-1

© Орловский Г. Ю., 2004
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2004

Часть 1

Глава 1

Через все небо протянулось гигантское оранжевое облако, край блестит красным, ощущая близкий закат, над ним еще три, помельче, такие же вытянутые; кажется, гигантская кисть одним небрежным движением чиркнула по небосводу, и сердце сжимается в тоске от масштабности: облако от горизонта до горизонта, для божественной руки один мазок, один взмах, а мне ехать и ехать сотни миль...

Зайчик, красиво выбрасывая ноги в сторону, промчался у самого края небольшого лесного озерка. В тихой воде на мгновение отразился гордый рыцарь в блестящих доспехах, меч справа у седла, щит слева, с плеч красиво ниспадает белый плащ с огромным красным крестом. Конь великанский, черный, настоящий боевой жеребец.

Я с величайшим сожалением оглянулся на громаду замка Амальфи. До чего же обидно уезжать, так и не поняв, что хотел призрак, указывавший на черного всадника за таинственной дверью, и кто он вообще, почему металлическая статуя по ночам оживает и разъезжает черт-те где... хотя вряд ли оживает, разве на живой осталась бы от первой встречи с моим молотом только крохотная вмятина?

Да и вообще не разобрался до сих пор, почему коридоры то короче, то длиннее, влияют ли на это фазы луны или другие факторы, уж я-то мог бы понять больше, чем местный народ, но... турнир состоится ближе к Югу, а главное — приедут рыцари с таинственных южных земель.

Еще так и не воспользовался сладким правом тетравленда, обидел Гортензию... или как ее там... ах да, леди Гервену. Оставил в недоумении, сидит теперь как на иголках, не знает, каков ее статус. А всего-то для ее спокойствия надо было позволить ей разок постелить мне постель и лечь рядом. Она ведь хороша, хороша...

Я вздохнул, что-то воображение разыгралось. Наверное, съел что-нибудь. Слишком много мяса со жгучими специями. Вот так буду всю дорогу о бабах думать, а ночью Санегерий потешится.

— Погоди, — велел я Зайчику, — мы уже далеко от замка, пора снять галстук.

Не покидая седла, начал снимать плащ, шлем, с панцирем так извертеся, что едва не рухнул на землю, слез и продолжил складывать в кучу металлические пластины с рук, ног, с наслаждением снял и бросил сверху кольчугу. Зайчик следил внимательно, в багровых глазах мне почудилось сочувствие.

Мешок, в который мне натолкали всего-всего, тщательно перебрал, половину оставил на земле, взамен сложил доспехи и плащ, стараясь уложить покомпактнее, словно турист, планирующий пройти с рюкзаком всю восточносибирскую тайгу. Слуги по моему заказу в перерыве между судебными заседаниями положили жареного мяса, сыра и хлеба.

Еще я проверил оба мешка, не положил ли Гунтер тайком кольчугу с едва заметной меткой Лавинии. И хотя кольчуга выглядит просто невесомой, но, как объяснил монах, получила благословение самого прелата Войтыллы, потому ее не пробить копьем, мечом или топором, не пропечь стрелой из лука или арбалета. К тому же всякий, кто носит ее, не знает усталости, ему не требуется сон, а слышит ее обладатель намного лучше любого, чует запахи, как волк...

Я вздохнул, кольчуга осталась в Аматьфи, от Лавинии у меня ничего быть не должно. Зайчик терпеливо ждал, когда привяжу мешок за седлом. Я собирался вскочить, по-

тот решил опустошить мочевой пузырь, раз уж на земле, подошел к ближайшему дереву, за спиной смачный хруст, это Зайчик жрет молодые веточки.

В кустах промелькнула быстрая тень. Я насторожился, левой рукой дотянулся до пояса и пощупал рукоять молота. На прогалину вышла, не сводя с меня пристального взгляда жутких красных глаз, огромная черная собака. Она напоминала рottweilera, даже кане-корсо по размерам, но расцветка ближе к рottweilеровской, разве что нет коричневых пятен... просто черная от кончиков ушей до ног, гладкошерстная, в породах я не очень-то разбираюсь, без всяких там белых чулочек или носочков и белых звездочек на лбу или груди, как всегда добиваются собаководы.

Пес рассматривал меня, как кот рассматривает дичь, пасть приоткрылась, там как жерло огненной печи, я услышал приглушенное рычание. Остроконечные уши слегка прижались к голове, признак, что вот-вот бросится.

— Ну что ты, — сказал я нервно, — собака — друг человека... А паладин — тоже человек, хоть и со странностями! Ну что ты рычишь? Ты должен вилять хвостом...

Рычание стало громче, пес слегка присел, мышцы стали рельефными, как в атласе анатомии, где показывают с содранными шкурами. Холдея, я присел и похлопал в ладоши. У собак инстинкт подбежать к человеку, который присел то ли завязать шнурок, то ли покопаться в сумке. Так подманивают непослушных собак, что, заигравшись, не хотят возвращаться домой или подходить к хозяину.

— Меня есть нельзя, — сказал я как мог ласково и почти не дрожащим голосом. — Кошка — вот самый полезный корм! В кошке все сбалансировано. Рекомендации лучших собаководов!.. Хотя, конечно, можно есть и всяких там демократов.

Рычание сталотише, пес смотрел с недоумением. Повернул голову набок, потом на другой, всматриваясь в существо, что не ринулось прочь с диким криком.

— Хорошая собачка, — сказал я льстиво. — Хорошая,

хорошая, красивая... Ты просто светишься здоровьем, хоть и не чернобыльская сторожевая...

Пес сделал в мою сторону пару шагов, в горле рычание становилось то громче, то тише. Я похлопал ладонью по земле, все так же сидя на корточках и глядя ей в глаза. Если отведет взгляд, то ты победил. Смотреть надо вот так, не моргая и продолжая разговаривать, это гипнотизирует, подчиняет. Собаки, как и женщины, должны чувствовать сильную руку и доминирующую мощь.

— Или сюда, песик... Что женщина делает сидя, мужчина стоя, а собака — поднимая лапу? Правильно, здороваются. Иди и дай мне лапу... Я знаю, что собака Баскервилей — это Муму, которая выплыла, но я не Герасим, чес слово!

Пес подошел и остановился в двух шагах. Я сел на землю, сердце колотится как бешеное, кровь прилила к лицу, я все еще похлопывал по земле.

— Иди сюда, иди!.. Хороший пес, хороший...

Пес сделал еще шаг, мне стало совсем жутко, горячий воздух из раскрытой пасти жжет лицо, пес дышит часто, словно бежит вверх по лестнице.

И тут я сказал строго и властно:

— Сидеть!

Пес бухнулся толстым задом на землю, мгновение смотрел на меня ошалело, тут же вскочил, зарычал. Я вскрикнул осчастлившено:

— Молодец, хорошо!..

И снова он не сумел преодолеть рефлекс внедренной команды, подставил голову для поощрения. Я тут же почесал за ушами, по спине и, самое главное, спину в том месте, где все собаки мечтают почесаться, но не могут: ближе к репице хвоста.

Рычание становилось глушее, багровый огонь постепенно угасал, а когда я закончил чесать, пес пару раз двинул хвостом из стороны в сторону и посмотрел на меня с немым вопросом в больших неглупых глазах.

— Мы сейчас закрепим союз, — сказал я, надо в самом

деле закреплять, двигаться, говорить, не давая собаке выйти из состояния гипнотической подчиненности. — Я не собирался останавливаться, но... что ж, перекусим, я расскажу, куда еду, а ты расскажешь свою историю... вообще всех, кого напугал, кого оставил заикой...

Я вытащил из мешка мясо, сыр, хлеб, отламывал куски и бросал псу. Тот ловил и сжидал, словно мух, я похваливал, бросал снова, приучая к тому, что действую я, а он реагирует, мы дружим, но старший — я. Собаки — звери стайные, у них в крови подчинение более сильному и владельстному, на этом держится стая.

— Тебя все называют Черным Псом, — говорил я тем же благожелательным тоном. — Но это все равно, что называть меня человеком или даже рыцарем. Ты и есть пес черной окраски. Правда, не думаю, что у кого есть еще такой... во всяком случае, не видел ни в Амальфи, ни в Амиле, ни даже у Тудора, а там вообще помешанные собачники...

Он сел на задницу и внимательно слушал, слегка наклоняя голову то в одну, то в другую сторону. Я тоже сел и осторожно поднес кусок сыра к своим губам. Пес смотрел внимательно, но ни рычания, ни багровости в глазах. Я с облегчением проглотил сыр, почти не жуя, остальное бросил псу — заслужил за выдержку, — поднялся.

— Молодец, хорошо... Хороший пес! Думаю, не стоит тебе здесь оставаться, пугать народ. А то у них и коровы из-за тебя не доятся, и куры ненесутся, и вообще повышенный спрос на женщень... ну, ты понимаешь.

Он так же внимательно смотрел, как я ухожу, я повернулся, хлопнул себя по бедру и сказал повелительно:

— Ко мне!

Пес сорвался с места и в мгновение ока оказался рядом. Правда, не у левой ноги, как учат в школах, но здесь, возможно, другие правила. Были.

— Хороший пес, — сказал я в который раз, погладил, почесал, за все выполненные команды надо хвалить, чтобы пес в следующий раз выполнял с еще большим рвени-

ем. — А теперь познакомься с моим Зайчиком... Не пугай его... и сам не пугайся.

Зайчик нервно заржал, переступил с ноги на ногу, даже оскалил зубы, а пасть у него побольше, чем у любого пса. Пес тоже слегка зарычал, но я продолжал говорить ласково и властно, в конце концов оба успокоились, я вставил ногу в стремя, пес бесстрастно наблюдал за моими действиями.

— Пойдешь со мной, — сказал я. — Не думаю даже, что вот так возьму тебя и брошу, как только отведу от своих владений, а я, чтобы ты знал, сэр Ричард Длинные Руки! Да еще и де Амальфи, а с сегодняшнего дня так и вовсе де ля Амальфи, а это, я тебе скажу, уже что-то в этом мире, заносчивом и в то же время готовом кланяться всем, кто выше...

Черный Пес бежал поблизости, в собачьем взгляде я иногда ловил непонимание: как это вдруг он в подчинении у незнакомца и почему вдруг сопровождает, но из-под лап то и дело вышмыгивали ящерицы, над головой пролетали громко каркающие птицы, и в конце концов он, похоже, принял как истину, что все трудные вопросы решают я, а ему достается счастливое избавление от забот по принятию решений.

Зайчик идет неспешной рысью, это для пса, кто знает, каков он в беге, проверим пока на время и выносливость, да и вообще не забудет ли, что отныне у него вновь хозяин. Однако у пса, видимо, что-то переключилось в мозгу, в его простом сознании не может уместиться мысль о человечьем коварстве, для него все стало ясно и просто: хозяин — я, на мне теперь все вопросы выживания и обеспечивания стаи, а он наконец-то может вволю носиться вокруг просто так, кувыркаться в цветах, гонять птиц.

Они явно дразнили его, перелетая с ветки на ветку и садясь рассчитанно низко, но так, чтобы чуть-чуть не мог допрыгнуть. Я некоторое время любовался прыгучестью, просто кузнечик, а не пес, и тут пришла мысль, что я так

ни разу не видел, чтобы пес мочился на деревья или горбился, выдавливая экскременты.

Сперва подумал, что просто не обратил внимания на такую привычную деталь, ведь не приходится же выводить из городской квартиры и подолгу искать место на клумбе или на краю газона, рискуя навлечь укоры со стороны прохожих и ругань дворника, здесь все сам, а у меня других забот хватает...

Однако весь остаток дня пес ни разу не отметился у деревьев или кустов, не сообщил местным зверям, что он здесь, принимайте или бросайте вызов, но вот его автограф, даже полный атtestат с данными о поле, возрасте, мускульной массе и здоровье.

Если это так, хотя такое кажется диким, то пес не результат какой-то мутации и даже не выведен на генетическом уровне, а, как тогда Рихтер сказал, «создан». А создать можно так, что все остатки будут либо сжигаться во внутренней топке, это беру простейший варварский вариант, либо разлагаться на молекулы и уходить, так сказать, паром, а то и вовсе утилизироваться. Это уже тот уровень, при мысли о котором начинает кружиться голова, но разве Дмитрий Донской не одурел бы, стараясь понять, что за чудовище раскинулось на землях его Москвы и что за миллионы железных чудовищ носятся по странным дорогам, напоминающим застывшие реки?

— Бобик, — позвал я дрожащим голосом. — Бобик...

Пес прервал игры и моментально оказался передо мной: огромный, черный, массивный, но чем-то неуловимо напоминающий щенка. Да, кто-то обожает левреток и пекинесов, кто-то карликовых бульдогов, а другие, напротив, выбирают собак самой крупной породы, а в ней выискивают самого крупного щенка.

— Бобик, — сказал я просительно, — ну что тебе стоит взять и рассказать все о себе? Заполнить, так сказать, налоговую декларацию?.. Эх, все молчат о своих доходах и способах зарабатывания на жизнь... Ладно, беги, играй...

Он тут же убежал, а я постарался систематизировать,

что уже знаю. Бегает быстрее любой собаки, проверено, кроме того, откликается, как бы тихо я ни позвал, уже проверил. Не гадит, это и понятно: создавали для своих удобств, а не для собачьих. Но наверняка умеет что-то еще...

Пес унесся было далеко вперед, затем спохватился и пошел сбоку, поглядывая на нас, а когда уверился, что не собираемся поворачивать обратно или резко менять направление, снова ушел, стелясь над землей, как бегущая тень от облака.

Я поглядывал вслед обеспокоенно, у нас человек отвечает за собаку, даже если та просто потопчет цветочки на клумбе. А этот Бобик может и тигру, если не понравится, оставить без хвоста и ушей. В села или города с собой не поведешь — народ начнет разбегаться... С другой стороны, кто знает, вдруг да о его зловредности — бабы сказки. Все, что могу вспомнить, — это как после встречи с этим Черным Псом случаются всякие несчастья, но не могу припомнить, чтобы он кого-то разорвал или загрыз.

Ближе к полудню, когда проголодался, да и наскутила однообразная скачка, я остановил коня в удобном месте под двумя раскидистыми деревьями — ручеек, пригорок, — расположился со снедью. Пес сел напротив и молча наблюдал, как я разворачиваю скатерть.

— Время обеда, — объяснил я, — пусть даже ленча, мне все равно. Неграмотные, когда не знают правильно, говорят просто: трапеза. Вот мы и того, потрапезничаем...

Чтобы не томить, я сразу бросил псу увесистый кусок жареного мяса, а потом сыра. В другой раз, когда привыкнет, буду приучать, чтобы сидел или лежал, пока я жру, а сейчас поедим на равных.

На равных не получилось, он проглотил сразу и посмотрел на меня честными глазами, мол, ничего не ел, сроду не видел никакого мяса или сыра, но я погрозил пальцем.

— Хитришь? Это хорошо... Значит, понимаешь, что отнимать у сеньора нельзя. Ты теперь мой вассал, а я твой сюзерен...

Треск в кустах прервал мое объяснение структуры феодальных отношений. Я поспешил оглянуться, другой рукой нащупывая меч. Через лес в нашу сторону неторопливо бредет коричневая гора, настоящая горилла, с той лишь разницей, что ветви деревьев отстраняют огромной, как бревно, лапищей, а пни и кустарники разбивает палицей размером с половинку фонарного столба.

— Этого еще не хватало, — пробормотал я и пригнулся. — Такого мордоворота угощать не собираюсь... Бобик, тихо! Может быть, пройдет мимо.

Тролль похож на гигантскую гориллу и одновременно — на человека, разве что плечи переразвиты, как у Ронни Колмэна. Да и вообще он похож на Ронни Колмэна, только повыше и с виду поинтеллигентнее, что вообще-то нетрудно, если кто помнит Ронни Колмэна... Я надеялся, что он пройдет мимо, нет во мне азарта бросаться на все, что движется, это рефлекс богомолов, лягушек да рыцарей, а я из того мира, где даже педофилов и демократов принято считать людьми, однако тупой, как мистер Олимпия, тролль заревел и пошел на меня, угрожающе размахивая дубиной.

Бобик зарычал, я сказал властно:

— Сидеть!

Пес с неохотой, но опустил зад на землю. Я воспрянул духом, хотя жуткий низкий рык по-прежнему рождается в горле моего пета. Красные глаза враждебно следят за приближающимся троллем.

— А теперь отступим! — велел я. — За мной!

Я быстро взобрался в седло, мы в десяток конских прыжков очутились за сотню шагов. Пес с огромной неохотой бежал за мной, в глазах сильнейшая обида и немой укор. Даже, как мне показалось, сомнение в моей способности противостоять злу.

Мои пальцы стиснули рукоять молота.

— Сидеть, — велел я псу. Он сел, глядя на меня вопросительно. Я повернулся в седле, тролль упрямо прет за нами, не понимая, что в любой момент можем оказаться вне

досягаемости его лап. — А вы, сударь, вышли, как я понимаю, за пределы заповедника, так что можете рассматриваться как дичь или даже как помеха дорожному движению. Весьма интенсивному в это дневное время... Зачитываю ваши права...

Тролль, обнаружив, что мы убежали не так уж и далеко, зарычал и пошел быстрее, тяжело топая широкими, как ноги слона, ступнями. Дубина в его руке начала описывать круговые движения над головой.

— Что за дурак, — пробормотал я. — Не понимает, что я на быстроногом коне, а зеленых здесь нет. Ладно, поработаю орудием эволюции. Она же рука Провидения, Божьего Замысла и все такое.

Молот вырвался из ладони с привычным хлопаньем, удар, треск костей, в синем небе мелькнула бешено вертящаяся ручка. Я вскинул длань, хлопок в ладонь, а тролль еще некоторое время стоял с проломленной грудью, кости пронзили сердце и высунулись из спины. Затем ноги подогнулись, он тяжело рухнул вниз лицом.

— Молодец, — громко сказал я псу, — ты вел себя очень хорошо! Хорошо, это когда слушаешься меня, понял? Запомни, без моей команды и впредь не бросаться! Запомнил?.. Дай я тебя почешу за послушание...

Пришлось слезать, долго чесал, а еще и скормил два куска мяса со специями, что за странный пес, так жрет жареное, тоже мне хыщник. Пес блаженно щурился, морда счастливая. У широкомордых собак, особенно у боксеров, ротвейлеров, морды очень выразительные, так вот по этой морде я увидел, что пес уже принял безоговорочно, или почти безоговорочно, что вожак нашей небольшой стаи — я, все проблемы на мне, а ему надлежит только поддерживать меня везде и во всем... когда позволю.

Еще немного я опасался, что пес восхочет потерзать убитого противника, но, когда он в самом деле направился к троллю, я властно сказал «нельзя», он остановился и, повернув голову, посмотрел на меня с вопросом в глазах. Подозвал к себе, он подбежал ленивой трусцой действующего

президента в разгар предвыборной кампании, я похвалил, погладил, торопливо влез в седло и пустил Зайчика рысью.

Пес побежал рядом, я с облегчением перевел дух.

— Ты умный пес, — сказал я громко и уверенно, чтобы он привыкал к моему голосу. — Я — умный феодал, а ты — умный вассал. А теперь посмотрим тебя в галопе...

В галопе он тоже орел: несется длинными прыжками, а когда я велел Зайчику нарастить скорость, пес лишь удлинил прыжки: могучие лапы позволяют бросать тело на расстояние, немыслимое для любой собаки.

Так неслись с полчаса, из-под копыт выскачивали мелкие звери и птицы, в конце концов не утерпел, достал лук Арианта, стрелы здесь особые, три выстрела, и три толстых зайца рухнули в траву, пронзенные стрелами.

Пес ринулся, как черная молния, мгновенно собрал всех трех и подбежал ко мне, глядя преданными глазами.

— Ага, — сказал я, — впишем в твой служебной список, что ты побывал и охотничьей собакой, а то даже охотничьим псом... Вот так и сократим последствия амнезии, как Стивену Сигалу.

С зайцами, подвешенными у седла, ехать как-то неудобно, то ли привязал не так, вскоре начал высматривать хорошее местечко для привала, чтоб и дерево пораскидистее, и ручеек, и травка помягче.

Пес посматривал с ожиданием, но молчит, не напоминает, что зайцев пора уже свежевать, что значит — отрезать голову и сдирать шкуру, а там дальше пьянка у костра, песни под гитару...

— Ты прав, — сказал я замученно, — что за несчастный я человек: конь готов с утра до вечера галопом, пес не отстанет, а у меня задница уже в синяках. Когда же омозолеет, как у черепахи? И ноги тогда станут, видимо, как у кавалериста.

Я слез, расставляя ноги, как Чингисхан, даже как Аттила, радуясь, что Зайчика можно не расседливать, мой конь и не заметит тяжести седла, пес побегал вокруг дерева, по-

лакал воды из ручья, а затем, сделав круг, как оса, что запоминает место свежевырытой норки, унесся к ближайшему лесу.

Вода охгла ледяным холодом раскаленные, как в кузнечном горне, ступни, взвился пар. Я сцепил зубы, перетерпел, тут же блаженное чувство от пяток поднялось по голениям к коленям, заполнило прохладой натертые икры. Только теперь я ощущал, что зверски проголодался. Сперва я проголодался там, в седле, а теперь вот снова, немного ожив, ощущал, что голоден, как пес. Только тот унесся в лес, Зайчик с морковным хрустом грызет валуны, и только я должен разделять, готовить...

К счастью, в мешке отыскался круг сыра, а также пара больших ломтей мяса, зажаренные тушки птиц. Слуги постарались, хотя я строго предупредил, чтобы не запасали еды на неделю, у меня есть деньги, а останавливаться намереваюсь только в приличных гостиницах, где готовят хорошо. Но у сэра Лембита де Саккалы честные слуги: я им дал целую серебряную монету, и они добросовестно заполнили мешок едой — с хозяйствского стола полмешка.

Глава 2

Зайцев я кое-как разделал, но шкур снимать не стал, как и выдирать внутренности. Пес внимательно следил за моими руками, мне в его честных коричневых глазах почудилось сомнение в моем умении красиво и правильно разделять дичь.

— А я не очень-то и хотел, — заявил я нахально. — Это, собственно, для забавы. Чтобы тебе в пасть бросать кусками, понял? Лови!

Отрезанная голова полетела в воздух по направлению к псу. Он подпрыгнул, схватил на лету, послышался дробный хруст костей, пес сглотнул и выжидающе посмотрел на меня.

— Ничего себе, — сказал я ошаращенно, — ну и косте-

дробилка у тебя!.. Тебе любые питбули на один кутний зуб... Ладно, давай лопай это все, а я лучше по-людски...

Насытившись сыром и свежим хлебом, я страстно возмечтал о чашечке кофе, крепкого и горячего, ноздри ощутили его сводящий с ума аромат, губы задвигались, подхватывая капли... и тут неожиданная мысль ударила в голову, как острая стрела. Я сосредоточился, старательно вообразил чашечку с горячим сладким и крепким кофе. Небольшую такую чашку, я из такой пил в теперь давнище времена.

На траву плеснуло коричневым, я замер, запах кофе ни с чем не спутаю, неужели удалось, я же сам не верил, я же только страстно желал... действительно страстно...

Да бог с нею, чашкой, я ее держал тысячи раз, но так, видимо, не смог вообразить как надо, а вот кофе, субстанцию намного более сложную, сумел...

Кровь ударила в голову с такой силой, что едва не разломила, как острый нож спелый арбуз. Я поспешил схватил жестянную кружку, взгляд сосредоточен, кофе должен появиться в ней, горячий кофе, крепкий кофе...

С третьей попытки чашка внезапно потяжелела. Запах стал мощнее, насыщеннее. Я поспешил поднес к губам, обжегся, но отхлебнул с жадностью, даже не пытаясь проверить, то ли получилось. Запах не лжет, я привык слышать его из года в год, обжигающая жидкость потекла по пищеводу, мгновенно всасываясь, голова моментально очистилась, я словно стал лучше видеть, слышать, мышцы обрели упругость, а сухожилия стали толще.

— Спасибо, Тертуллиан, — прошептал я. — Мелочь, а приятно... Еще как приятно!

Я выпил три чашки, экспериментируя с крепостью и сладостью. Сердце колотится отчаянно, то ли перепил кофе с непривычки, то ли в самом деле все чувства обострились. Все-таки никогда я не видел так далеко, а сейчас могу рассмотреть вон на том дальнем дереве ползущего жука-оленя, солнце тускло блестит на полированных крыльях... Нет, это наверняка кофе так ударил в голову. Вон даже руки дрожат. То ли от жадности, то ли от перевозбуждения.

Еще пару часов мучился, пытаясь создать конфету, ав-

торучку, наручные часы, шоколадку и много всякой разной чепухи, что приходила в голову, однако то ли во всемирной магической памяти нет таких предметов, то ли у меня не получается вообразить достаточно четко, а кофе сам по себе не столько прост, сколько узнаваем: все-таки кофейное дерево слишком знаменито, чтобы его не занесли во все каталоги, как ботанические, так и медицинские. Возможно, сработало даже не мое четкое представление вкуса напитка, а как раз то, что кофе пережил тысячи и тысячи лет, сохранился если не как подбадривающий напиток, то как реликт древних эпох...

Ободренный, я вернулся к тому, что уже умею: зажигал огонь силой концентрации и желания. Всякий раз это источало так, будто встаскивал рояль на второй этаж. Куда проще, понятно, с помощью огнива, конечно, так и буду, но могут оказаться случаи, когда огнива не окажется. Или руки будут связаны. Так что я зажигал, затаптывал, переводил дыхание и снова зажигал.

Первое, что выяснил, никаких фейерверков и каскадов жаркого пламени — всего лишь слабый огонек. Если не окажется, чем ему кормиться, сразу же угаснет. Второе — расстояние. Лучше всего удается зажигать вот так: сидя на корточках, огонек вот здесь на сухих стебельках травы. Если поднимаюсь — уже труднее, в смысле мне тяжелее. На шаг от меня — еще труднее.

Максимальное расстояние — два шага. Сколько ни пытался подпалить сухие травинки в трех шагах, чувствовал только тяжесть, ноги слабеют, но огонька нет.

Заночевал на этом же месте, доэкспериментировался до поздней ночи. Впрочем, до турнира две недели, если со спутниками, а вот так на Зайчике, пусть и с пском, да за неделю управлюсь. Если не раньше. Так что запас времени есть...

Ночью явилась Санегерийя. Я торопливо выставил ладони.

— Погоди, погоди!.. Ты можешь сказать, как мне просунуть руку вслед за пальчиком в комнату магии?..

Она рассмеялась, покачала головой.

— Милый, а тебе дверью не отдавит пальцы?

— Но у меня получилось...

— Я знаю. Так получилось, что ты хорошо знаешь то, что есть... есть там...

— Где?

Она замялась, ее очертания на миг размылись, оттуда прозвучал голос:

— Не знаю... Там непонятное, огромное... но и это огромное — только шерстинка на лапке муhi, что на лбу огромного быка... Но там нашлось то, что знакомо и тебе... остальное же... прости, даже я не могу понять и представить... Милый, ты расстроен?

Я не успел ответить, на моих коленях оказалось ее горячее нежное тело. Я поспешил сжал ее в объятиях. Сочное и зовущее тело отзвалось сладким теплом, зов плоти слишком силен, я не гожусь в подвижники, моя плоть несмиряема, последовали сладкие толчки, Санегерийя тихонько рассмеялась, поцеловала в щеку и растаяла.

Некоторое время я находился в двух мирах: с Санегерийей в объятиях, и в то же время понимал, что лежу на куче веток, чтобы не застудиться от холодной земли, на месте костра дотлевают багровые угли, уже подернутые пеплом, приподнял веки и зажмурился от остройшей синевы безоблачного неба, воздух свеж и чист, как поцелуй Тургенева...

Жуткая мысль тряхнула меня с головы до ног и заставила шире распахнуть глаза. А если все вечернее приснилось, как вот Санегерийя, вдруг да насчет кофе только мечта, — я ухватил жестянку и сделал мысленное усилие, как будто вот сейчас создаю этот горячий, черный как деготь напиток, аромат бьет в ноздри...

Жестянка потяжелела, могучий запах ударил в нос и моментально прочистил мозг. Я вдохнул еще и, задержав ароматы в себе, сделал первый глоток. И ликование обрушилось с такой силой, что едва не пустился в пляс.

Оглянулся, похолодел. На том месте, где вчера лег Черный пес, а отныне мой черненький такой Бобик, разлеялась огромная псина неимоверно странной расцветки: се-рая, как овчарка, только с короткой шерстью. На спине и боках странные полосы, что как будто выходят за пределы тела и тянутся еще на пару шагов. Я протер глаза, пес лежит на двух толстых жердях, накрыв их мощной грудью и брюхом, это они пропустили на его коже, тоже ставшей неотличимой от земли. Это я сбоку вижу его отчетливо, да и то больше по тени, но для пролетающего над нами ястрема я сижу у костра один-одинешенек, никого и близко, если не считать коня в двух десятках шагов...

— Ни фига себе, — проговорил я. — Это ж каким тебя педигреем кормили... Не поспешил ли я тебя назвать Бобиком? Все хамелеоны подохнут от зависти! Ну и мимикрист ты, братец, я чуть заикой не стал...

Пес открыл глаз, зевнул, пасть распахнулась все такая же огненная, алмазами блеснули длинные клыки и острые как бритвы зубы. Он рывком поднялся на ноги, я замер, а он мигом оказался передо мной. Я искательно улыбнулся, он уперся лапами мне в грудь, я позорно завалился на спину, сверху нависла эта жуткая рожа, длинный горячий язык моментально облизал мне лицо.

— И я тебя люблю, — заверил я. — Давай почешу... вот так...

Он блаженно щурился, я чесал за ушами, поскреб спину, в голове — тысячи мыслей, наконец поманил его на зеленую траву, уложил и велел строго:

— Лежать!.. А теперь — хамелеонь! То есть хамелеонстой... в смысле мимикриуй!.. Ну, сделай себя зеленым!.. Не понял? Сделай так, чтоб тебя не заметили!

Он долго не соображал, все пытался поиграть, стараясь понять правила новой игры, наконец вроде бы понял, затих и почти моментально весь стал не просто зеленым, но по всему телу пролегли стебельки, листочки, пропустили сухие былинки, а на лапе расцвел игривый цветочек.

Я сказал торопливо:

— Молодец!.. Хорошо, молодец!.. Умница!.. Давай по-чешу... а теперь пойдем проверим еще...

Я уложил его у костра, где земля потемнела от копоти, пес послушно стал наполовину серым, а та часть, что на черном, также покернела, как будто обуглилась.

— Умница, — выдохнул я. — Молодец. Хорошо!.. Я люблю тебя, лапочка. И такой умненький, сразу схватываешь!..

Я осекся на полуслова. Шагах в двадцати от костра, на половину скрытая кустами, брюхом кверху лежит огромная, похожая на гигантского крокодила ящерица. Толстая, с шипастой спиной, но белым нежным пузом, еще более нежным горлом, сейчас разорванным так, что голова почти отделилась от тела. От кончика хвоста и до носа не меньше, чем метров семь. Не ящерица, а гигантский крокодил, хотя по виду — ящерица. Кровь впиталась в землю, сейчас там лихорадочно копошились крупные жуки, то ли скатывая в комочки, то ли стараясь набросать земли сверху.

Холод пронзил меня с головы до ног. Я оглянулся на Зайчика, тот забрел в заросли и что-то ищет там, наверное, птичьи гнезда. Пес смотрит на меня с ожиданием.

— Молодец, — пролепетал я. — Молодец... хорошая собачка... Да, очень хорошая... Бог мой, я даже не думал, что хорошая настолько! Так ты еще и сторожить умеешь?.. Да что я, дурак, говорю... Собака сторожит всегда, без всякого приказа... Пес, ты же мне жизнь спас! Эта ящерица меня бы проглотила, как муху.

Я снова почесал, погладил, он блаженно щурил глаза. Все мы любим, когда нас чешут и гладят. Сколько ему, мелькнула мысль: месяцы или пара столетий? А то и тысячи лет? У собак нет ощущения времени, не знают, сколько хозяин отсутствовал: полчаса или неделю — и бросаются навстречу с такой неистовой радостью, словно не видели сто лет. Так что пес, возможно, бегает по лесам еще с очень давних времен...

Некоторое время я бросал палку, а когда он приносил, бросал как можно дальше, потом приучал сидеть, лежать, замирать, сторожить и все такое прочее, что вроде бы

должны делать все городские собаки, за исключением бродячих. Пес всему обучался быстро, поразительно быстро. Настолько, что я заподозрил, что все это когда-то знал, даже знал и умел намного больше, но сейчас за чертову уйму времени одичал, растерял навыки, а из меня хреновый дрессировщик, тем более — реабилитатор.

— Завтракаем, — сказал я наконец, — и — в путь! Ты еще не передумал сопровождать меня? Ладно-ладно, это я так шую, понимаешь? Ты только теперь не меняй цвет, беги таким же черненьkim, так привычнее.

Часа два неслись по зеленой долине, очень мирной и цветущей, заприметили добротное село, дома из толстых бревен, все утопает в садах, пастух перегоняет на другое пастбище огромное стадо толстых ленивых коров, а от озера идут, важно гогоча, крупные белые гуси. С поля, со стороны садов, двигаются вереницами женщины, донесся веселый смех. Многие едут на подводах, сидят на краях, свесив босые ноги.

Из домов за окопицу выбегают подростки, молодые девушки, совсем редко — немолодые женщины. У всех в руках хворостины, им навстречу двигается, поднимая пыль, ленивое стадо, мычащее, помахивающее хвостами, овода и слепни пользуются последним моментом. Со смехом и веселыми криками разбирают скотину, отделяют, гонят домой. Иных коров, как я заметил, никто не встретил, эти дорогу знают и двигаются прямо домой, там толчок лобастой головой в калитку, а дальше знакомый хлев, тихий и защищенный.

На телегах везут бревна, пойманную рыбу, забитую дичь, какую-то рыжую землю, рыхлую и неприятную... ну да, это же руда для кузницы, все стягиваются в село перед приходом ночи, когда нужно запереть все двери, обезопасить заклятиями от нечисти, а для защиты от волков спустить с цепи здоровенных злых псов.

По дороге встретили несметное стадо овец, за ними неторопливо брел разомлевший от зноя пастух с длинным

кнутовищем на плече, что свисало со спины и чертило на пыльной дороге причудливый след.

— Смерд, — сказал я строго, — ответствуй господину, что лежит в том направлении? Мне не хотелось бы и вторую ночь провести под открытым небом!

Он поклонился, опасливо посмотрел на моего коня, зевая великолепно и страшен.

— Ваша милость, впереди река, за ней два села, оба беднее, чем наше!.. А брод не напротив, а ниже...

— Что насчет города? Чтоб в наличие постоянный двор, гостиница?

— Есть, но туда вам, ваша милость, сегодня не добраться.

— Дорога плоха?

— Дорога терпима, но далековато... — Он еще раз посмотрел на Зайчика, измерил взглядом ширину его груди, сказал, колеблясь: — Хотя, если гнать до самого вечера, к заходу солнца успеете.

— А потом уже не пустят?

Он вздохнул, развел руками.

— На ночь ворота всегда заперты. Говорят, в степи сно-ва появились Ночные Слуги.

Я насторожился.

— А это кто еще?

— Призраки, — объяснил он, — днем только тени, а ночью обретают плоть. У кого есть амулеты, те защищены, а люди с талисманами могут даже обратить их в слизь, но остальных Ночные Слуги просто лишают разума. Потому ворота ночью на запоре.

— Разумная мера, — согласился я. — Значит, надо спешить...

Пастух ахнул, побелел. Я быстро повернулся в седле. Перед нами возник, как будто появился из незримого вихря, пес с ягненком в пасти. Пастух не успел открыть рот для истошного вопля, как пес положил перед ним ягненка и благовоспитанно отступил. Ягненок попробовал встать, жалобно бекнулся и упал пастуху на ступни.

Инстинктивно он подхватил ягненка на руки, в глазах

ужас, побелел, с трудом оторвал взгляд от пса и перевел на меня.

— Ваша милость... — пролепетал он. — Если бы он не отыскал этого потерявшегося ягненка... я бы подумал...

— А вот не думай, — перебил я. — Нормальный охотничий... тьфу, пастущий пес. Вроде таксы.

— Да-да, конечно, — согласился он поспешно. — Только с виду он, как это... не к ночи будь помянут...

— Вот и не поминай, — снова перебил я. — Так, говоришь, впереди река, а брод ниже по течению?.. Но это нам сильно в сторону, а выше нет?

— Есть и выше, но до того брода дальше.

— Хорошо, спасибо.

А когда отъехали, я распорядился вслуш:

— Едем до реки по прямой, потом поднимемся по реке. Тот брод нас устроит больше.

Зайчик не спорил, да и пес не возразил — прекрасная у меня команда. Пока ехали, размышлял над тем, как это пес так легко учゅял отставших овец и потерявшегося ягненка? Наверное, за его долгую жизнь находились смельчаки, что приручали его заново. Возможно, один из таких орлов был пастух, почему у пса навыки общения со стадом. А овцы какие-то вообще не религиозные и даже не суеверные: ни-чуть не испугались, не крестились, не плевали через левое плечо.

Глава 3

Мы мчимся под синим небом, копыта стучат по каменной почве, чавкают в болотах, над нами проносятся ветви деревьев, проплывают массивные уступы исполинских не то скал, не то циклопических сооружений древних людей. Бобика не слышно, словно парит над землей, а стук копыт так же привычен, как шорох настенных часов. Далекие горы на рассвете выглядят голубыми и синими, сейчас стали оранжевыми и желтыми, а когда солнце перешло на ту сторону неба, побагровели, будто их залило кровью героев.

Я чувствовал морозность воздуха, хотя землю хорошо

прогрело солнечными лучами, в траве стрекочут теплолюбивые кузнечики и носятся крупные, почти тропические муравьи.

Пес, поняв, в каком направлении движемся, носился по сторонам, пугал птиц и зверей, однажды прибежал и подал мне толстого молодого гуся. Я похвалил, погладил, сунул гуся в сумку, а сам задумался: то ли пес еще и охотничий, то ли гусь совсем дурак, позволил себя схватить бескрылому зверю. Хотя, впрочем, надо будет как-нибудь проверить, на какую высоту пес прыгает....

Сейчас под копытами гремит выжженная пустыня, в лицо встречный ветер, я всматривался в даль, не сразу и заметил, что в сторонке на самом солнцепеке высится крест, еще чуть — и я проскочил бы мимо.

Огромный крест из неошкуренных бревен. А на нем распят голый человек. Вниз головой. Живот распорот, кишечки грязной грудой свисают до земли. Пара мелких зверьков, рыча, дерутся за лакомство, нападают друг на друга. Завидев нас, в первую очередь — Черного Пса, зверьки разбежались.

Пес с интересом осмотрел распятого человека, понюхал вываленные внутренности. Я соскочил с коня, подбежал, еще раз огляделся, но ближайшая роща далеко, а на каменистой равнине не спрятаться засаде. Человек слабо застонал, коричневые полосы застывшей крови испятниали пробитые толстыми гвоздями руки и ноги. Глаза со срезанными веками немигающе смотрят на мир.

Мне показалось, что глазные яблоки сдвинулись при моем появлении.

— Господи, — воскликнул я. — Ты еще живой? Держись, дружище...

Я упал на колени и принялся выдирать гвоздь из руки распятого. Человек прохрипел:

— Оставь... Я все равно умру... но... пусть на кресте... как мученик...

— Да, — согласился я, — завидная смерть. Но живым быть лучше...

— Нет, — простонал он, — нет...

— Может быть, — согласился я. — Но не однозначно. Лучше быть живым псом, чем мертвым львом, но пасаран, лучше умереть стоя, чем жить на коленях, нам жизнь не дорога, а вражьей милостью мы гнуемся... и тэдэ и тэ-пэ... однако же есть и другая точка зрения...

Кое-как выдрал и второй гвоздь, вскочил, ухватился за толстый штырь, что раздробил правую лодыжку несчастного. Человек хрюпал, говорил что-то, возражал, я с великим трудом освободил ногу, затем вторую, уложил мученика на землю. Изможденный, с огромной зияющей дырой на животе, куда, я только сейчас заметил, натолкали камней и пучков травы, он уже был мертвецом, но все еще шевелил обугленным ртом:

— Неразумные дикари... Не мсти им... Не ведают, что творят...

— Лежи тихо, — предупредил я и положил ладони ему на грудь. — Почему они тебя вверх задними ногами?

— Это я их упросил... — донесся затихающий шепот. — Чтобы не уподобиться распятому Христу... То он, а то я...

Слабость нахлынула, руки стали тяжелыми. Если бы я не сидел на земле, ноги не выдержали бы моего тела. Некоторое время я слышал только звон в ушах, а когда перед глазами перестали мелькать темные мухи, человек остался таким же изможденным и худым, но раны затянулись, как на руках и ногах, так и на животе, вытолкав наружу камни и пучки травы.

Я переждал приступ слабости, заставил себя подняться и сходить к коню. Черный Пес исчез, я ощущал слабое чувство досады, ну да ладно, и то хорошо, что увел его от моих деревень. Спасенный распростерт на том же месте, черная тень зловещего креста делит его пополам, руки все так же бессильно раскинуты в стороны. Я развязал мешок, с трудом превозмог страстное желание впиться зубами в мясо и сыр, выложил трясущимися руками поверх мешка.

— Угощайся, святой отец. Священник, если не ошибаешься?

Молодой, может быть, даже моложе меня, непонимающе смотрит светлыми, как весенняя вода, глазами. Шевельнул руками, прошептал:

— Ты... ангел?

Я оскорбился.

— Знаешь, кем меня только не обзывают, но ангелом...

Руки мои сами по себе ухватили мясо, я принялся пожирать жадно, как зверь, другой кусок придинул к спасенному.

— Не... очень, — прошептал спасенный. Он кашлянул, будто проверяя голос, заговорил уже громче, звучным и звонким, в самом деле юношеским голосом: — Но ты... исцелил... а это дано только ангелам... или святым людям...

Я помотал головой:

— И не святой, точно.

— Маг?

— Да нет же, — ответил я с неловкостью, почему-то всегда чувствую себя паршиво, когда приходится признаваться в паладинности, как будто публично заявляю о своей девственности или супружеской верности. — Так уж получилось, что мне дано это свойство. А кто ты?

— Я брат Кадфаэль, монах Барлетского монастыря.

Я промычал с набитым ртом:

— И что ты здесь... делал?

— Нес свет Христовой веры заблудшим душам.

— Ах да, миссионер... Лучше бы кириллицу принес. Был бы свет, если бы крест еще и подпалили! Не рано ли с просвещением?

— Духовная пища важнее любой...

— Ну-ну, — сказал я.

— Если Господь зовет, — прошептал он.

Я не стал уточнять, позвали его или послали, здесь есть интересные нюансы, а он приподнялся, сел, худой, изможденный, упираясь руками позади себя в землю. В кротких глазах — великое изумление, рассмотрел ступни, где только жуткие шрамы на том месте, где их проломили железные штыри. Еще с большим изумлением и страхом опус-

тил взор на живот. Страшный багровый рубец опускается от груди и почти до паха. Рядом на земле смирно застыли, не шевелясь и стыдливо стараясь стать незаметными, покрытые кровью и слизью камни, комья твердой земли с остатками серой высохшей травы.

— Не могу поверить, — проговорил он дрогнувшим голосом.

— Вера двигает горами, — сообщил я, — как говорил Мухаммад. Вообще, Вера — колоссальная баба!.. Ты ешь, брат Кадфаэль, ешь!.. Силы надо подкреплять и перед духовным подвигом.

Сам я ел в три горла, организм спешит восполнить потерю энергии, рассматривал брата Кадфаэля. Худой, как червяк, бледный вынош с горящим взором. Хотя уже и не очень-то вынош, но бледный и с горящим взором. Да и вынош, вынош, несмотря на возраст, который не определить. Правда, я сам еще не совсем старец, хотя, как постоянно твержу всем, старые книги читал и потому такой мудрый и правильный, что самому бывает тошно.

Как и положено северянину, у Кадфаэля светлые волосы, такие же светлые глаза. Такие якобы у киллеров, фашистов и вообще людей крутых и жестоких, но брат Кадфаэль... впрочем, если учесть, что по доктрине христианства следует смести с лица земли всех общечеловеков, то он и есть это самое крутое. А что голос мягкий и улыбка застенчивая — так ведь и Гитлер был прекрасным художником, ценителем искусства! А Гейдрих, создатель концентрационных лагерей, великолепно играл на скрипке, был ценителем прекрасного, меценатствовал...

Он прямо взглянул на меня своими честными светлыми глазами убийцы, киллера и фашиста. Взор его был строг и ясен, как доктрина о расовой чистоте.

— Я сделал все, — произнес он проникновенно, — что мог. Они истязали две недели, требуя отречься... но я лишь кротко рассказывал им о вере Христовой, о земном пути Господа нашего, о Царствии Небесном... Они смеялись и жгли мне ноги, протыкали ребра раскаленными прутья-

ми... но я читал молитвы, ни разу не разгневался, понимая, что это испытание ниспослано свыше... Через неделю начали сердиться, уже не зная, каким новым мукам меня подвергнуть... Приехал их главный шаман и обещал, что если отрину Христа, то излечит и даст в жены трех девственниц...

— Ого, — сказал я заинтересованно. — Это за какие заслуги?

— Сказал, что его народ ценит мужество. От таких людей пойдут сильные духом воины...

— И ты не согласился? — спросил я с огромным недоверием.

— Нет, — ответил он очень серьезно, со скромной гордостью. — Я продолжал кратко проповедовать о любви и смирении, на что они еще больше злились и рвали крючьями мясо, ломали пальцы... Однако что плоть? Стойко выдерживая пытки, я утверждал примат духа над плотью. Плоть немощна...

— Индейцы уважают белых, — сказал я. — Чингачгук из рода Маниту назвал бы тебя братом. А Оцеола, вождь семинолов, так вообще бы... Да ешь же! Возьми хотя бы сыр! А то я такой ангел, что все сожру.

Он покачал головой.

— Нет, сперва...

С трудом встав на колени, он склонил голову, сложил ладони лодочкой и забормотал благодарственную молитву. Я постарался естьтише, чтобы чавканье не осквернять благочестивое занятие.

Брат Кадфаэль молился долго, не обращая внимания на свою наготу, вот уж действительно наплевательски к телу, как будто уже эра нанотехнологий и можно в ближайшем к дому магазине подобрать другое, поновее. Или более модное. Я уж подумал, что он принял очередной обет, типа кто дольше простоит на коленях вот так на голой каменистой земле, но в конце концов монах закончил излагать Богу свою версию случившегося, разъяснил детали, а постскрипту попросил не гневаться на бедные заблудшие

души и не наказывать их, ибо не ведали, несчастные, что так распинать людей не совсем хорошо. Тем более пастырей, несущих им свет, любовь и всепрощение.

Наконец он обратил кроткий взор на меня.

— А кто будешь ты, добрый человек? Слыхал ли ты о Христе...

Я молча раздвинул рубашку, на груди блеснул серебряный крестик. В глазах брата Кадфаэля, напротив, появилось выражение сильнейшего непонимания.

— Так почему же... — начал он и замолк.

— Что? — спросил я.

— Почему ты, добрый человек... не возблагодарил Господа?

— За что? — удивился я.

— За пищу, — напомнил он. — Ни один христианин не переломит хлеба раньше, чем прочтет благодарственную молитву Создателю, который послал хлеб и дал нам жизнь.

Я хмыкнул, расправил плечи, надо как-то выкручиваться, в лице гордость и надменность, а голос сделал покровительственным:

— Брат Кадфаэль... у тебя какая степень посвящения? Ну понятно, простой монах... Как хорошо быть простым монахом, совсем простым, совсем простым монахом... Перед нами все цветет, за нами все горит... Тебе еще недоступны высшие уровни... Понимаешь, у нас, жидомасонов, с каждой ступенькой все больше возможностей общаться с Господом накоротке. Ты тоже жидомасон, только еще не знаешь, что ты жидомасон. Вообще все на свете — жидомасоны, но о том, что они жидомасоны, узнают только на самых высоких ступеньках карьеры. К тому времени столько накоплено... я не только о счетах в швейцарских банках, а вообще: связи, власть, карьера, положение в обществе, что уже никто не идет на попятную... Гм, это я отвлекся. Словом, я уже на такой ступеньке, что мне не надо вот так, как простым монахам, записываться в очередь на прием, я сразу мимо секретарши в кабинет к Главному. Я — паладин, понял?

Его глаза расширились.

— Паладин?.. Я столько о паладинах слышал...

— Вот и хорошо, — сухово сказал я, довольный, что он только слышал, но не видел. Не уличит, что я веду себя не совсем по-паладински. — Я с Богом веду беседы мысленно, понял?.. Тебе на твоем уровне Господь дал способность стойко переносить пытки... две недели, говоришь, терпел?..

— Господь терпел, — ответил он и перекрестился, — и нам велел.

— Вот-вот. Ты пассивно переносишь пытки, а я могу лечить раны. Сам понимаешь, чей левел выше. А теперь давай ешь. Это тебе как старший по званию говорю!

Он молча взял сыр и принял его есть. Судя по его виду, если бы я велел ему есть землю, он ел бы. Кротко и смиренно. Хороший жицомасон, многообещающий. Верит, слушается безропотно. Такого можно продвигать выше по жицомасонской лестнице. До уровня, как говорится, полной некомпетентности.

Пока он ел, ухитряясь даже это делать кротко и без естественной человеческой жадности, я критически осматривал его тощее тело аскета. На конкурсе «мистер Олимпия» вряд ли дадут первое место, даже с протекцией, это среди симеонов столпников был бы своим человеком, но мы не в том мире и не в другом, мы — в реальном, так что голому и босому в города и села заходить не совсем прилично, не двадцать второй век, когда последние остатки зачатков совести, стыда отпадут.

— Роскошную мантию не обещаю, — сказал я, — но посмотрим, чем тебе прикрыть чресла. А там вдруг да встретим какого-нибудь епископа неправильного... Вот его зарежем, а тебе — мантию.

Он ужаснулся.

— Зарежем?

— Еретика, — пояснил я.

— А, еретика, — ответил он, сразу успокоившись, — да,

еретики иной раз успевают раньше нас попасть к невинным душам!

В мешке я отыскал чистую рубаху, спасибо слугам, как знали, что понадобится.

— Держи, — велел я. — Облачись.

Он влез в подаренную одежду, она ему как поповская пряса, я ощущал прилив гордости, вот как я высок и широк, слава мне, богатырю и красавцу, плечи — во, объем бицепсов — во, а трицепсы так ваще...

— Хорош, — одобрил я. — Как Иисус в Гексарайской пустыне.

Он застеснялся, сказал с мягким укором:

— Ну вот еще... Как можно меня уподоблять самому Святителю.

— А я не тому Иисусу, — сказал я. — Их было много. Да хотя бы про Иисуса Навина слыхивал?

Вдали показалась темная точка, выросла вмгновение ока. Я ощущал толчок сжатого воздуха, а Черный Пес затормозил передо мной, упервшись всеми лапами в землю. Морда в крови, глаза багровые, красный язык выплеснулся, как стремительная змея, облизал нос и скрылся.

— Это мой песик, — сказал я монаху успокаивающее. — Зовут его Бобик. По дороге подобрал, чего пропадать хорошей собаке?

Брат Кадфаэль улыбнулся, а пес, к моему удивлению, подошел к нему и лизнул в лицо, а потом вернулся ко мне и, громко вздохнув, лег на бок.

— Животные чуют добрых людей, — проговорил брат Кадфаэль. — Да, это хорошая собака.

— У меня нет заводного коня, — сказал я. — Так что, брат Кадфаэль, придется вам потрястись на конском крупе. Там мешок, можете сесть на него. Правда, там доспехи, но вы уж как-то устройте свой тощий зад.

Он запротестовал:

— Я не поеду!

— Почему?

— Мне нужно остаться и донести Слово Веры до этих

несчастных, что живут в грехе и умирают, не приобщившись к святому христианскому учению!

Я покачал головой.

— Нет, — отрезал я твердо. — Я довезу до ближайшего села или города, а там как изволишь. Хоть снова на крест, твой выбор Голосуй, а то проиграешь! А так я буду чувствовать себя виноватым, что попадешь снова на тот же крест. И опять вверх ластами.

Он смотрел умоляюще, я непреклонно покачал головой. Зайчик подбежал на свист, я привязал мешок и взобрался в седло, пес носился вокруг огромными скачками, язык свисает, как красный флаг без ветра, Зайчик пытался достать его копытом, но пес всякий раз отпрыгивал. Я протянул брату Кадфаэлю руку, он ухватился тонкими бледными пальцами, я вздернул наверх.

— Держишься?..

— Да, брат паладин.

— Держись крепче, — предупредил я. — У меня конь... словом, ангел, а не конь!

Зайчик пошел сразу галопом, я все больше и больше отпускал поводья, пока встречный ветер не превратился в ураган, что старался выбить нас из седла. Пес несся у стремени, он казался мне туманным призраком, с такой скоростью двигается скачками. За спиной вскрикивал брат Кадфаэль, затем начал молиться.

Мы проскочили оба села, оставив их далеко в сторонке, а когда впереди показалась река, не стал искать брод, просто велел брату Кадфаэлю держаться покрепче, а Зайчика пустил во всю прыть. Дробь копыт перешла в шелест, как будто шины по асфальту, затем могучий толчок, за спиной ойкнуло, внизу промелькнула рябь воды, и после мучительной паузы, когда во внутренностях пусто, — удар, тела налились тяжестью, конь взбежал по берегу и остановился наверху.

За спиной слышалась целая литания, брат Кадфаэль, путаясь от чрезмерной волнительности в словах, возносил

восторженную благодарственную песнь Господу. Его тряслось, я слышал по стуку костей, потому не стал прерывать, не поймет, придется терпеть, пустил коня уже шагом, присматриваясь к показавшемуся на фоне красного закатного неба темному замку с зубчатыми стенами и массивными башнями.

Пес всего лишь самую малость приотстал, пока форсировал реку, я даже не посмотрел как, а жаль, он мог перебежать поверху, ведь если бежать быстро-быстро, то можно аки посуху, во всяком случае, снова несется рядышком огромный, с блестящей шерстью, высунутым языком.

Замок почти у горизонта, мрачным скопищем камня высится на высоком холме, а вокруг разместились, образовав звезду, пять крупных деревень. К замку только одна дорога, да и та поднимается на холм в противоположной от ворот стороне, чтобы всякий, кто бы ни двигался к замку, проходил под самой стеной, откуда могут не только бить прицельно из луков и арбалетов, но даже лить кипящую смолу, вар или сбрасывать камни.

Сам замок, с высокими башнями и толстыми стенами, надменно и гордо возвышается не только над деревнями, но и, казалось, над всем этим плоским равнинным миром бескрайних пашен, лугов, плесов, небольших рощ.

— Хорошая защита, — проронил я. — Удачное место.

За спиной задвигалось, слабый голос сказал с дрожью:

— Это не холм... вернее, холм потом насыпали. Там скала, на ней первые рыцари построили башню. Простую, деревянную. В ней и держались первые годы против сил Тьмы. Потом, когда силы Хаоса отступили, сюда началось переселение. К башне приделали еще пристройки, а когда места стало не хватать, собрали крестьян из окрестных селений и насыпали холм. На нем и возвели замок. Сперва из дерева, потом уже ломали камень и строили эти несокрушимые башни.

Я сказал уважительно:

— Это же целая крепость!

— Теперь да, — донесся из-за спины голос, — ее вокруг

замка строили уже потом. С каждым поколением что-то добавляли, перестраивали.

Я сам чувствовал, что крепость перестраивалась много раз, всякий раз становилась выше, шире, мощнее. Первые рыцари, выстроившие деревянную башню на утесе, ахнули бы, не поверив, что эта мощь выросла из зароненного ими зерна, ведь даже скалу ту не отыскать, ставшую краеугольным камнем.

Сейчас это замок из серых массивных глыб, по углам высокие башни, что острыми крышами царапают проплывающие чуть выше тучи. Есть даже ров, хотя и без воды. В массивных воротах угрюмо блещет опускная решетка, а дальше, похоже, еще одна, чтобы въезжающих можно было остановить, расспросить досконально, а то и обыскать, отбирая оружие.

Зайчик, уловив мою мысленную команду, пошел легким галопом, замок начал отодвигаться в сторону, а когда почти миновали, я увидел, почему ворота с этой стороны всегда заперты: северная часть стены обвалилась, уничтоженная странным ударом, словно исполинский кулак размером с башню проломил брешь, задев еще пару зданий внутри. Там обнажились внутренности, свисают стропила. С этой стороны замок почти весь затянут буйным плющом, камни покрыты зеленым мхом.

— Никто не живет?

Брат Кадфаэль вроде бы покачал головой.

— Дурное место.

— Чем?

— Дурное место, — повторил он убежденно. — Мало ли, что там.... Зато сразу за ним и расположился Плессэ, благословенный город. Здесь я учился у местных братьев смирению и послушанию.

Мы обогнули холм, взору открылся яркий беспечный город, который я принял бы, скорее, за постоянно действующую ярмарку. Несколько десятков домов, с полсотни хаток и еще сотни палаток и даже шалашей по всему периметру. В середине этого пестрого базара, естественно, за-

мок, однако больно невзрачен, зато следом за его стенами три дома, настоящие дворцы.

Несколько телег ползут к распахнутым воротам, возчики нахлестывают лошадей, спеша попасть в город до наступления темноты. Зловещий красный свет пал на стены, на землю, удлинив наши тени так, что они добежали до ворот и трусливо юркнули в город раньше, чем мы подъехали к воротам.

Глава 4

Дюжие стражники с обеих сторон, крепкий старший, ветеран и два священника, что окропляют въезжающих святой водой. Стражники внимательно и цепко следили, чтобы никто не увильнул от святого очищения. На моих глазах впереди возникла брань, одного перехватили и заставили еще раз вытерпеть кропление, да еще и потребовали, чтобы прочел «Аве, Мария».

Когда мы приблизились, я поклонился и сказал первым:

— Хорошая мера, святые отцы! Суровая, но необходимая.

Стражники никак не среагировали, ведь лесть — тоже подкуп, а один из монахов спросил строго:

— Кто будешь, странник на черном коне? Это твой пес?

— Просто странник, — ответил я. — Я им и хотел бы остановиться. И собачка тоже моя. Она тихая, ласковая. Но за моей спиной человек, который поручится за меня. Вы ему наверняка поверите больше...

Брат Кадфаэль с трудом сполз с коня, с Зайчика спускаться — все равно что со второго этажа без лестницы, вид жалкий, хоть рубаха еще не успела истрапататься или даже испачкаться.

Тот же монах спросил меня требовательно:

— Почему мы должны верить этому человеку больше, чем тебе?

Второй монах подошел и махнул в мою сторону метелкой. Несколько капель попали мне на руки, на ноги, остальные потекли по коже Зайчика. Я ответил вежливо:

— Потому что он не может по уставу ездить на коне. А я здесь намереваюсь купить ему мула.

Кадфаэль приблизился к ним, что-то сказал вполголоса. Они заговорили втроем, причем второй монах и на Кадфаэля брызнул вроде невзначай: доверяй, но проверяй, как говорил товарищ Сталин, молодец, бдительный, такой не даст обхехать себя на кривой козе,

Наконец старший монах повернулся ко мне, строгий голос прозвучал удивительно мягко:

— Прямо по этой улице неплохой постоянный двор. Там всегда, правда, не хватает мест, но скажите, что вас прислали братья из монастыря святого Себастьяна.

— Спасибо, — ответил я.

— Вам спасибо, — сказал монах.

Мы раскланялись, я слез с коня и взял его под уздцы, раз уж брат Кадфаэль пойдет пешим. Второй монах все же спросил, указывая на пса:

— А это... это не...

Брат Кадфаэль сказал живо:

— Это пастуший пес, потерявший хозяина!.. Он помогал пастырям собирать овец.

Мы прошли ворота, упоминание о пастыре — почти лицензия на любые бесчинства: ведь Христа и человечество часто сравнивают и рисуют в образе пастуха, что со здоровенной клюкой в руке пасет дурных овец. А сторожевые волкодавы, по мнению церкви, это как раз они — смиренные слуги Божьи.

Ведя Зайчика в поводу, мы неспешно шли по середине улицы, на нас оглядывались. Все четверо: конь, пес, я и даже Кадфаэль — весьма отличаемся от обычных горожан. Кадфаэль — аскетичным лицом и великанической мужской рубахой, что явно накинута на голое тело, а остальные — ростом, статью, играющими мышцами.

Постоянный двор завидели издали, ворота еще распахнуты, во дворе виден трехэтажный каменный дом с множеством пристроек. Мы неспешно двигались к нему, чувст-

вую, как усталость дает о себе знать, как вдруг за спиной послышался топот копыт, крики, свист.

Со стороны городских ворот, под аркой которых мы недавно прошли, на полном скаку несутся, громыхая железом, всадники на тяжелых конях. Не меньше десяти, все весело гикают и улюлюкают, стараясь достать разбегающихся прохожих плетьями, стучат на скаку в плотно закрытые ставни.

Мы оказались застигнуты посреди улицы. Конечно, мы бы успели убраться, но у меня слишком уж развито чувство собственного достоинства, а брат Кадфаэль просто растерялся, остановился с раскрытым ртом и растопыренными руками. Зато пес насторожился, под гладкой кожей вздулись тугие мышцы. Он стал похож на отлитую из металла статую.

Всадники налетели с грохотом и топотом, но я все хоть не в доспехах, но в одежде, что причисляет к благородному сословию, стоптать не решились, только один замахнулся плетью:

— Ты глухой, сосунок?

Я поднырнул под руку, ухватил за кисть и с силой дернул на себя. Он вывалился, как куль, земля дрогнула и застонала от удара закованной в железо туши. Не ожидая, когда поднимется, я повернулся к другому, у меня в самом деле длинные руки, ухватил и точно так же сдернул с коня. Здоровяк грохнулся с таким звоном, будто весь склепан из плохо скрепленного железа. Первый попытался приподняться, но захрипел и снова распластался в пыли, картино раскинув руки.

— Я сосунок, — согласился я. — Это видно, правда? А кто вы?

Не отвечая, они подали коней, беря нас в полукольцо, а затем окружили полностью. Открытые окна и лвери на нижних этажах захлопывались, но из верхних выглядывали любопытствующие горожане. Старший из всадников, огромный красавец в дорогих, но сильно поношенных и с

боевыми отметинами доспехах, быстро огляделся, на красивом породистом лице проступало бешенство.

— Ты кто? — заорал он.

— Тот, кто тебя уроет, — ответил я. — Но заупокойную не обещаю.

— Ты?

Не отвечая, я сказал громко:

— Брат Кадфаэль, ты испепели гневом двоих справа, а я вобью в землю по ноздри троих слева. Остальных сожрет наш пес, ему тоже надо чем-то кормиться!

Рука красавца уже выдернула меч из ножен до половины, но пес зарычал и сделал шаг вперед, слегка припал к земле, как перед прыжком, и все застыли, словно вмороженные в лед лягушки.

Красавец наконец сказал надменно:

— Я — Грубер, барон Дикого Поля, а также эрл Натерлига и Гунлара, владетель Дикси и Серых Сосен.

Я прямо посмотрел ему в глаза, и хотя он в седле крупного жеребца, но я смотрю на него, как будто с высоты крыльца взираю на замершего внизу лакея.

— Всего этого лишишься, если не повернете коней и не уберетесь немедленно.

Он ахнул:

— Я?

— Да, — ответил я. — Ты, Грубер, барон, эрл и чего-то там владетель.

— Нас девять человек, — заорал он. — Девять мечей и девять копий!

— Если хочешь попробовать, — ответил я как можно холоднее и небрежнее, — давай, пробуй. Но горожане, что смотрят сейчас, подтверждают, что я вас предупредил и давал шанс уйти живыми.

Голос мой начал вздрагивать, я блефую, как Миклухо-Маклай, что на вопрос туземца, смертный ли он, просто дал ему копье и сказал: а ты попробуй. Но тогда все туземцы рухнули к его ногам и признали богом, а здесь такое не пройдет, не пройдет.

Грубер пожирал меня взглядом, за его спиной всадники затаили дыхание. Он их сеньор, они верны, решает Грубер. А он смотрел на меня цепко, изучающе, и хотя морду старался держать непроницаемой, я читал как на бумаге, что если бы мир был весь отсюда и до горизонта, то никто бы не смел перечить ему, Груберу, но мир, к сожалению, велик, это здесь знает всех, а откуда-то могут забрести совсем странные, про одних говорят, что их тела из железа, другие вроде бы умеют исчезать от ударов, а появляются, как правило, за спиной, а у третьих такие доспехи, что не пробить никаким железом, а только веточкой омелы из подземного мира.

Он с шумом выдохнул воздух, сказал примирительно:

— Мы проделали долгий путь, устали, да еще в воротах нас мариновали чертовы монахи! Сейчас просто обрадовались возможности отвести душу.

Я вдруг понял: это никакие не рыцари, те бы из гордости ввязались в драку, а это простолюдины, для которых вполне весомы наши общечеловеческие ценности, как то: жизнь и кошелек. Более того, у этих людей такие приземленные ценности намного выше, чем рыцарская честь и достоинство.

— Значит ли это, — сказал я громко, — что вы приносите извинения?

Он угрюмо посмотрел на меня.

— Да... приносим.

— Ну тогда приносите, — сказал я так же громко. — Если сочтем удовлетворительными, примем. Если нет... пожалеете.

Лица его ватаги быстро бледнели. Он сам стал серым, все больше теряя блеск и уверенность и окончательно становясь похожим на простолюдина, укравшего рыцарские доспехи. Сильного, отважного, даже свирепого, но все же простолюдина, что не станет сражаться там, где может проиграть.

— Мы, — проговорил он с трудом, — приносим извинения... Да, мы были не правы, когда ворвались в мирный

город вот так... будто здесь не добрые горожане, а воры и разбойники. Прошу простить нас, виной наше долгое путешествие...

— ... и ваше дурное воспитание, — добавил я.

— И наше дурное воспитание, — повторил он едва слышно.

Я хотел было заставить повторить громче, но лицо Грубера из серого начинает багроветь, похоже, что и у простолюдина есть предел нагибания, я сказал громко:

— Ладно, извинения принимаем. А теперь настоятельно советую слезть с коней и, ведя в поводу, сходить к часовне и покаяться Господу в своих грехах. А уж потом можете по своим делам. Идите!

Это ударило, как хлыстом. Все заторопились, поспешно слезли с коней и, таща их в поводу, быстро ушли вдоль улицы. Из окон горожане выкрикивали что-то веселое, а нам похлопали в ладоши. Я уж побаивался, что брат Кадфаэль с его смирением начнет раскланиваться, как на сцене, но он зябко передернул плечами и с шумом перевел дыхание.

— Брат паладин, вот уж не думал, что так быстро сломятся...

— Разве мы не орлы?

Он вздохнул.

— Я нет...

— Но ты терпел пытки, — напомнил я.

— То другое, — ответил он с тем же вздохом. — Просто терпеть — одно, а вот так в схватке — я трус.

— Тогда считайте, что нам Дева Мария... все же помогает. Он покрутил головой.

— Только не Дева Мария. Она милосердная и всепрощающая...

— Тогда сам Господь, — ответил я просто. — Гот мит унс, так кто же против нас? А вон постоянный двор. Как раз вовремя!

Солнце уже опустилось за городскую стену, багровое небо медленно становилось лиловым. На левой половине

уже нехорошо блещет бледная луна, простили первые звезды. Окна домов, как волчьи глаза, желтеют в ночи.

Вблизи постоянный двор показался еще солиднее: из хорошего отесанного камня, три этажа и один подвальный, немалая конюшня и пристройки попроще: своя булочная, кузница, даже кожевник, судя по запаху. Во дворе колодец с высоченным журавлем, длинная колода с водой, длинная коновязь для тех, кто забегает только перекусить и быстро едет дальше, большая свинья в луже, это уж непременный атрибут любого постоянного двора или трактира, своего рода реклама, пусть все видят, какое великолепное мясо подается к столу, у стены гребутся суевиевые куры, тоже откормленные, толстые, как кабаны.

И хотя весь постоянный двор с немалым участком обнесен добротным забором, но ворота распахнуты так давно, что вросли в землю. Мы въехали, брат Кадфаэль тут же смиренно возблагодарил Господа, я пошел к крыльцу. Дверь распахнута, как и ворота, изнутри доносятся веселые мелодии, пение, удалые вопли. Распахнутая дверь показалась входом в ад: жаркое красное зарево и мощные волны запахов жареного мяса, кислого вина и свежего пива...

Я набросил повод на крюк коновязи, велел Зайчику никого и ничего не грызть, кивком указал брату Кадфаэлю на открытую дверь, а псу сказал строго:

— Рядом!.. Не отходи от меня ни на шаг! Понял?

Большой зал освещен ярко, что понравилось, не люблю этот дурацкий интим, когда за слабым освещением скрывают грязь и неубранный мусор, за пятью длинными столами веселятся местные гуляки, хотя мой взгляд вычленил и двух-трех, которые явно прибыли издалека.

Просторный зал, множество столов, кормление поставлено на поток: юркие ребята и поджарые женщины разносят на подносах жареное мясо, печеную дичь, рыбу, сыр и, конечно же, кувшины с вином, а также огромные кружки с пивом. Я оставил брата Кадфаэля с псом у входа, прямиком двинулся на хозяйственную половину.

— Привет, — сказал доброжелательно. — Я странствую по свету для расширения своего кругозора. Мой конь у ко-новязи, но о нем беспокоиться не стоит, накормлен, а вон мой пес... вон там он сидит, видишь?.. И при нем монах, он еще беднее меня. Видишь, в моей рубахе?

Объясняя, я взял его за рукав, пальцы у меня цепкие, вывел в зал к ожидавшим псу и Кадфаэлю. Хозяин хмуро глянул на обоих, с сомнением — на пса.

— Есть и пить вволю, — сказал он, — но комнаты заняты.

Брат Кадфаэль сказал суetливо:

— Да это ничего, мы со всем христианским смирением можем переночевать и на конюшне...

Я поморщился.

— Брат, говорите за себя. Это урон моему сану, если на конюшне или в коровнике! Ваш настоятель не спит в ко-нюшне? Тем более епископ?

— Но ведь христианское смирение...

— ...не имеет ничего общего с табелем о рангах, — прервал я.

Я бросил хозяину золотую монету и сказал, пристально глядя в глаза:

— Если нет двух комнат, найди одну! Чистую. Моя смиренность не настолько смиренна, чтобы спать на грязных простынях.

Хозяин подхватил золотой, брови полезли на лоб.

— Да ведь, ваша милость... Что на свете не грязь? Деньги вон тоже грязь... да еще какая. Но как приятно побывать свиньей!

Он ухмыльнулся, кивком пригласил меня наверх. Я кивнул брату Кадфаэлю:

— Брат во Христе, ты иди за стол и закажи поесть, а я осмотрю апартаменты! Судя по этажу, это пентхауз. Бобик, за мной!

Пес сорвался с места, я потрепал его по толстой бычьеи шее, молодец, послушание — добродетель любого вассала.

Апартаменты нам отыскались на третьем, самом верхнем этаже. Комната, которую при мне торопливо прибра-

ли, маленькая, но на ночь сойдет. Даже брату Кадфаэлю есть где лечь на тряпочке у двери. Вообще-то вроде бы не-прилично самому на лавку, а попутчика на пол, но, во-первых, мы ровесники, во-вторых, я все-таки привык к каким-то удобствам. А брат Кадфаэль больше привык на полу, тем самым достигая совершенства. Вот я и буду помогать его достичь. Могу даже наступить спросонья да еще и потоптаться, чтоб уж полный кайф.

Хорошо, что здесь Европа, а не исламский мир, собакам доступны все комнаты, на королевских пирах с пол-дюжины собак обычно под столом смачно гложут кости, их видишь как во дворе, так и в хозяйской постели. На пса только посмотрели, оценивая его размеры, после чего бросили на пол половинку старого вытертого одеяла. Пес обнюхал и тут же лег с громким вздохом.

— Хорошая собачка, — сказал я. — Стереги наше имущество, понял? Как только кто войдет без нас, рви на части. Можешь сразу и съесть... да-да, моя собачурка обожает живое мясо.

Слуга поспешил отступить к двери.

— Ваша милость, а как же прибирать?

— А не надо, — сообщил я. — Завтра отбудем, а среди ночи уборка как-то не совсем.

Когда спустился вниз, брат Кадфаэль сидел в уголочке смиленно, так же смиленно посматривал на пробегающую мимо пышногрудую девицу. Она двигалась быстро и ловко, разносila еду и питье, на монаха не обращала внимания, но на него уже поглядывали с интересом любители позадираться, таких полно в любой таверне, корчме, любом баре, салуне или ресторане.

Когда я подошел и сел за его стол, любители легкой добычи скисли, некоторое время посматривали недружелюбно, но я выпрямился, расправил плечи и, выдвинув нижнюю челюсть, посмотрел вокруг барабанным взглядом человека, который всегда прав, а кто в этом усомнится, тому быстро вобьет возражения в глотку вместе с зубами.

— Все в порядке, — сообщил я. — Комната хорошая, чистая. Клопов, что странно, нет. Наверное, с экологией здесь неладно, бегут. Но ты особенно не жалей! Может быть, ночью вылезут какие-нибудь совсем тупые, попьют из тебя крови, добавляя благочестия...

Он кивал, соглашался, спросил с недоумением:

— А почему вы, сэр Ричард, не сказали, что нас сюда прислали братья из монастыря святого Себастьяна?

— Зачем пугать хозяина? — спросил я. — Судя по всему, у этих монахов в руках немалая власть. Возможно, даже инквизиция. А я предпочитаю, чтобы мне служили не из страха... понимаешь?

— Увы, — молвил он с тяжким вздохом, — даже Господу нашему служат часто из страха перед его праведным гневом. А это не совсем хорошо.

— Согласен.

— Даже не совсем правильно...

— Ты идеалист, брат Кадфаэль. Тебе бы в коммунисты, есть такая партия, а не в монастырь.

Пышногрудая подошла к столу, серые бесстыдные глаза изучающе осмотрели обоих, улыбнулась широким красным ртом с пухлыми губами вампирши.

— Есть? Или только пить?

— И то и другое, — сообщил я. — Тащи самое лучшее. Не знаю, что у вас фирменное, но и его таши.

Брат Кадфаэль задвигался и робко заметил, что сейчас вообще-то пост, я согласился и сказал девице, что на времена странствий в моем монастыре братья во Христе от всех постов освобождены.

Она улыбнулась, подвигала мощной грудью.

— Потому вы, ваша милость, всегда в странствиях?

— Как ты угадала? — изумился я.

— Уверена, что вы свободны не только от постов, ваша милость.

— Я смиряю плоть, — сказал я сурово.

— Давно?

— С утра, — заверил я.

Она засмеялась, указала в дальний угол зала и упорхнула с грацией огромной ночной бабочки, что, несмотря на размеры, летают совершенно бесшумно и довольно ловко.

Я кивнул брату Кадфаэлю, все верно, девица указала на отделение для благородных, а в городе, в отличие от замка, благородными считаются все, кто хорошо платит. Здесь намного свободнее, столы добротнее, ножки с резьбой. Брат Кадфаэль горестно вздохнул, опускаясь за чистый стол, но ничего не сказал, придется терпеть и удобства, что так мешают усмирять плоть и чревоугодие. Долговязый парнишка быстро притащил блюдо с огромным жареным гусем, сыр и хлеб, а также два кувшина и две медные чаши. На столах для простонародья, как я увидел отсюда, только глиняные да деревянные. Да и чище здесь, ладно, за комфорт везде доплачиваем, знакомо.

Брат Кадфаэль начал длинную благодарственную молитву, я сказал: «*Ad gloriam*», Господь поймет, и принялся резать гуся. Четверть часа только раздирали гуся и жевали, я еще и запивал вином, на самом деле здесь то ли забыли, как изготавливать крепкие напитки, но вино не крепче пива, я запивал чуть ли не каждый кусок, гусь жестковат, передержали над углями, играют в мужественных мужчин, пренебрегают сковородами.

Кадфаэль первым отвалился от стола, снова прочел молитву, в глазах виноватость, все-таки позволил себе ощутить удовольствие от еды, а настоящий волевой человек не должен себе позволять такие низменные слабости.

— Солнце вышло из-за туч, — сказал я с удовлетворением, — нет на солнце пятен. До чего же я хороший, до чего приятен!

Брат Кадфаэль посмотрел на меня с укором.

— Брат Ричард, какое солнце? Мы на закате в город въехали!

— Когда я сыт, — объявил я, — для меня всегда солнце!

— Чревоугодие — грех...

— Брат Кадфаэль, это у меня-то при такой жизни чре-

во? Ты еще не видел чреватых! И представить не можешь, что придет время, когда целые страны будут ломать головы, как бы похудеть... А пока что счастье вообще в том, чтобы вообще поесть. Так что я человек скромный, поел — и счастлив. Правда, у каждой части тела свой идеал счастья...

Он не врубился, покачал головой.

— Как можно быть счастливым, когда мир все больше погружается в горе?

— Горе не заедают, — согласился я. — Но запить можно. Мы пьем за яростных, за непохожих, за презревших гротесковый уют... Наш капитан, обветренный как скалы, вышел в море, не дождавшись дня... наверное, тоже несет просвещение в дальние земли. Ведь *ad cogitandum et agendum homo natus est*, то есть для мысли и действия рожден человек, не так ли? Так что запей вот этот кусочек гуся, брат. Тем самым ты укрепишься и телом, ведь в здоровом теле...

Он мягко улыбнулся.

— Знаю, в здоровом деле — здоровый дух. Но древние ошибались, на самом деле — одно из двух. В миру чаще всего говорят: нищ духом, зато какое тело! И, конечно же, предпочитают именно могучее тело.

Я подозвал пробегающего мальчишку с подносом, бросил ему серебряную монетку.

— Чего-нить сладкого. На десерт!

Мальчишка исчез, брат Кадфаэль сказал с укором:

— Деньги следует презирать.

— Особенно мелочь, — согласился я. — Брат Кадфаэль, деньги счастья не заменяют, зато помогают обходиться без него. А для простого человека разве это не важнее? Деньги — не самое главное в жизни, когда они есть.

Он покачал головой:

— Владеть собой — разве не богатство?

— Легко быть святым, — возразил я, — сидя на Синайской горе, в пустыне или в тайге. Гораздо сложнее оставаться святым, сидя на базаре.

Брат Кадфаэль помолчал, в ясных глазах уважение и немой вопрос.

— Брат Ричард, я вижу, что ты очень хорошо понимаешь наши трудности, если затрагиваешь вопросы, над которыми ломают головы отцы церкви.

Я усмехнулся, сказал легким тоном, стараясь все перевести в шутку:

— Счастье — это когда тебя понимают. А когда поймут — беда!

Кадфаэль хотел что-то возразить, но умолк на полуслова, на лице появилось тревожное выражение. Я повернулся; на пороге осматривается рослый мужчина в синем кафтане поверх стального панциря, на голове шлем с плюмажем, однако лицокрыто, нехорошее лицо: с близко посаженными глазами и непропорционально широким ртом, однако губы плотно стиснуты, придавая лицу угрюмое озлобленное выражение.

Он оглядел зал оловянными глазами, к нему поспешил подросток, но вошедший уже заметил нас с Кадфаэлем, отмахнулся и пошел через зал в нашу сторону. За ним, громыхая железом, нарочито задевая сидящих за столами, двинулись двое мордоворотов, с короткими мечами у поясов.

— Ну-ка, харя, громче тресни, — проговорил я негромко. — Тихо, брат Кадфаэль, тихо. Я знаю, ты драчливый, особенно по пьяни, но мы же в приличном месте...

Глава 5

Он пугливо огляделся, за соседним столом звероватого вида мужики заревели хриплыми голосами песню о веселой резне в урочище Темных Мечей. Чуть дальше двое затянули борьбу на локтях, с другой стороны выставив остриями кверху ножи.

Я же чуть отодвинулся от стола, чтобы не зацепиться, вскакивая, молот на поясе напомнил о себе приятной тяжестью. Широкоротый идет, шагая тяжело, набычившись,

всем видом вызывая на драку, и двое за ним держатся тоже весьма, скажем скромно, вызывающие. Он не только одет богаче, но даже ножны меча расшиты золотом, в то же время не выглядит сеньором, что-то выдает слугу, хоть и высокого ранга.

Он остановился перед нашим столом и сказал непререкаемым тоном:

— Эй, вы двое! Собирайтесь, пойдете со мной.

Брат Кадфаэль сделал движение встать, я взглядел пригвоздил к месту, осведомился со всей кроткостью:

— Кто столь любезно приглашает нас, смиренных служителей Христа?

Он прорычал:

— Лорд Марквард!

Я осведомился еще почтительнее:

— А этот лорд... Марквард, он больше или меньше императора? Короли ему сапоги чистят?

Широкоротый надулся, выпятил грудь, еще не врубившись, что именно я спрашиваю, ответил напыщенно:

— Сеньор Марквард владеет здешним замком! Ему принадлежат самые богатые земли в округе. И даже этот постоянный двор на его земле.

Я взглядел предостерег Кадфаэля, чтобы не вскакивали в коем случае, заметил с тем же елеем в голосе:

— Но мы с моим смиренным спутником не принадлежим.

Широкоротый наклонился над столом, упервшись кулаками в столешницу, прорычал мне прямо в лицо:

— Ты что, не понял?.. Или тебя вести на веревке? Ты знаешь, кто я? Я — Клотар, глава всего войска лорда Маркварда!

Я мгновенно схватил его обеими руками за шею, раз уж нагнул так удобно, с силой ударил о столешницу. Раздался такой звон, будто шлем использовался как пустое ведро для собирания болтов и гаек. Я отпихнул обмякшее тело и вскочил, меч блеснул в руке уже обнаженный, готовый к бою.

— Что-то я сегодня добрый, — сказал я с неудовольствием. — Противно даже. Но вам, болваны, так легко не отдалаться.

Болваны ухватились за рукояти мечей, но остановились. Человек, который держит ладонь на рукояти, еще не в бою, но если обнажит меч, его можно атаковать, рубить, калечить, убивать — он сам дает право, обнажая меч. А я, судя по стойке, готов именно атаковать, рубить, калечить и даже убивать, что значит — выпил достаточно.

Широкоротый железной грудой сполз со стола, повалился на бок и так залег, даже не делая попыток подняться. Я указал на него острием меча.

— Забирайте этого дурака. И не возвращайтесь. Я редко бываю таким добрым.

Они убрали ладони с мечей и, поглядывая на меня уже со страхом, с трудом подняли своего Клотара, мужик весят, как половозрелый бык, потащили к дверям.

Я сел, не сводя с них взгляда. С той стороны стола до несся вздох облегчения. Я проворчал:

— Это твое мерзкое влияние, брат Кадфаэль...

— В чем, брат паладин?

— Да отпустил вот так... Надо хотя бы пару затрецин. Или напинать. Какое-то неудовлетворение в фибрах души...

Он сказал торопливо:

— Борись с этим, брат! Даже святые постоянно боролись с соблазнами!

— Да, — ответил я, — но разве не Христос сказал: не мир я принес, но меч?

Он покачал головой.

— То было брякнуто в полемике. Ведь понятно же, что на войне как на войне... обе стороны в... этом самом. В экскрементах.

— Но трубку мира обычно раскуривают на пепелище войны, — возразил я. — Так что воевать приходится.

Я выпил еще чуть вина, что и не вино, а так, сидр, только не из яблок, отыскал на блюде лоскуток мяса и сожрал, брат Кадфаэль следил за мной с вымученной улыбкой.

— Ах, сэр Ричард, вас послушать... можно понять, откуда еретики берутся!

— Ересь — признак богатства, — возразил я. — Вон в православии никогда... или почти никогда ереси не было, ну и что? Православие — это такой гигантский монолит, что над уровнем болота и не разглядишь, та же поросшая мхом кочка. А ереси... обогащают, укрепляют, развиваются, дают новые ростки, новые побеги, веточки.

Он слушал краем уха, все поглядывал на дверь. Я тоже посматривал, стараясь делать не так явно, но никто больше не вошел, а те посетители, что раньше орали песни, теперь затихли и держатся тише травы. Я ловил на себе любопытствующие взоры, но никто не решился подойти к нам с чашей вина и поздравить, хотя, судя по взглядам, таких здесь немало. Что значит, Клотара знают и очень не любят.

В нашей комнате чисто, прибрано, пес на своей роскошной тряпочке. Едва открылась дверь, вскочил и требовательно посмотрел на мои руки.

— Что, — сказал я обвиняюще, — решил, что я о тебе забыл? Какой же я сюзерен, если забуду о нуждах подданных? Я не олигарх и не депутат, я — феодал! Смотри, самое вкусное...

Я поставил на скамейку миску, нечего такому зверю наклоняться к полу, осанку портить, пес обнюхал, фыркнул, но сожрал все быстро и с аппетитом. Снова посмотрел на мои руки, я покачал головой.

— Вина не принес, уж извини.

Брат Кадфаэль сказал с укором:

— Нехорошо собачку спаивать.

— А людей?

— Людей не жалко, — ответил он, не задумываясь. — Люди сами ответствуют перед Господом Богом за свои деяния, у них — свобода воли. А вот за малых и сирых отвечаем мы, люди.

— Ладно, — сдался я, — не буду спаивать. Слышал, Бо-

бик? Брат Кадфаэль против того, чтобы тебе употреблять вино. Мал ищцо.

Пес поднял голову и посмотрел на брата Кадфаэля недобрым взором. Даже верхнюю губу приподнял, показывая белые жуткие клыки, что означает крайнюю степень недобрения.

— Ябедничать тоже грех, — уличил брат Кадфаэль.

— Но малый, — согласился я, — лучше допускать малые грешки, чтобы не сотворить большой. Большой — уже преступление.

— Большой грех хуже, чем преступление, — возразил брат Кадфаэль.

— Почему?

— Сегодня преступление, завтра уже нет, а грех... он всегда грех.

Я поставил меч и лук со стрелами по ту сторону ложа, чтобы всякий, кто захочет дотянуться, сперва наступил на меня, тоже молот снял и положил под одеяло. Брат Кадфаэль следил за мной полными печали и укора глазами.

Ложе затрещало под моим несредневековым телом. Я закинул руки за голову, заметил:

— Кстати, вот с таких диспутов начинались религиозные войны.

Брат Кадфаэль озадаченно умолк. Пес посмотрел на него, на меня, снова на брата Кадфаэля, громко фыркнул, словно сообразил, что худой монашек проиграл мне схватку.

— Надо заказать тебе одежду, — вспомнил я. — Эх, ладно... Будем завтракать, пошлем мальчишку на базар. Тебе какой размер? А фасон? В смысле рюшечки и фестончики где побольше, где поменьше? Накладные плечи?

— Брат паладин, — произнес он с великим укором, — как вы можете? Скромные служители Христа должны не замечать таких непотребств.

— И не замечаете?

— Не замечаем, — ответил он с достоинством. — Это там, на Югё, человек видит только оболочку, а мы учим видеть души...

— Если они есть.

— Они у всех есть, — возразил он. — Не у всех души — блистающие алмазы, есть мелкие души, есть никчемные, пустые, гнилые, продажные, червивые, подлые, но на то и есть мы, служители Господа нашего, чтобы спасти эти души от еще худшей участи...

— Да, — согласился я, — по слухам, дьявол обитает на Юге. Ты уверен, что доберешься? Вон тебя еще на полпути как встретили!

— Я не дойду, — ответил он просто, — другой дойдет.

— Ладно, — сказал я, — мне ехать в Каталаун, там пройдет рыцарский турнир. Какое-то время нам по дороге. А уже оттуда, если уцелеешь, поедешь один.

Он воскликнул:

— Спасибо, брат паладин!

Я отмахнулся.

— Не благодари. Я уже сам себя трижды назвал дураком за такую идею.

Кто-то громко и ясно, хотя и абсолютно беззвучно, произнес над ухом: «Опасность». Я мгновенно проснулся, сна ни в одном глазу, везде темень, слышно мерное дыхание Бобика. Я напрягся, слушал, глаза не то чтобы привыкали к темноте, но происходило нечто странное: я начал различать красноватые силуэты: один на лавке, другой на полу.

Так, наверное, видят змеи, они реагируют на тепловое излучение. Еще помню, что солдат, которые в ночь, снабжают приборами инфракрасного видения. Сейчас я чем больше всматриваюсь, чем отчетливее различаю фигуры Кадфаэля и пса.

Кроме них, в комнате никого. Если бы прошмыгнула мышь или крыса, я бы их увидел: теплокровные, это были бы прокатившиеся внизу два багровых комочка. И брат Кадфаэль, и пес выглядят отчетливо, хоть и со смазанными краями: все-таки кожа близка к температуре окружаю-

щей среды. Пес, правда, сияет, как маленький ядерный ре-актор: у собак температура намного выше, чем у людей.

Внезапно появился еще один источник багрового сияния: едва различимый, туманный, он двигался неслышно, явно крадучись. Я смутно удивился, что наша комната так велика, а потом сообразил потрясенно, что это кто-то по ту сторону стены, что и не стена вовсе, а так, в одну доску, только и того, что покрашенная.

Человек двигался очень медленно, часто застывал, прислушивался. Потом я понял, что он прикладывается ухом к стене с той стороны, ноздри уловили странный запах, не сказал бы, что неприятный, но тревожащий, ничего общего с ароматами кухни, столярным kleem или потными телами.

Стараясь даже не дышать, я сполз с ложа, меч в руке, потихоньку прокрался ближе. Странно, что даже пес не шелохнулся, сопит мощно, я на ходу нарочито задел его босой пяткой по носу, никакой реакции.

Багровое пятно растеклось по невидимой стене, словно некто пытался протиснуться через прозрачное стекло. Я задержал дыхание, напрягся, рукоять меча стиснута обеими руками, я направил острие в сторону багрового пятна и, нацелив, как копье, в то место, которое должно быть левой половинкой груди, с силой нанес удар обеими руками.

Острие проломило тонкую дощатую стенку, как лист картона. Меч вошел в тугую плоть, погрузился хорошо, не меньше, чем на две ладони. Я тут же рывком выдернул и, во второй раз задев пса, пробежал по комнате и выскоцил в коридор.

В слабом свете по коридору торопливо убегал человек, держась обеими руками за живот. Под стеной лежит странного вида деревянная дудка, такой индийские факиры заклинают змей. Я бросился вдогонку, у неизвестного подломились ноги, рухнул с грохотом, с трудом перевернулся на спину. Грудь залита темной кровью, обеими руками за-жимает кровоточащую рану, в лице изумление и страх:

— Как... ты...

Я спросил быстро:

— Говори, кто ты? Почему травил нас?.. Кто тебя послал?

— Сам... знаешь, — прошептал он.

— Откуда? — спросил я. — Говори же, дурак! Тебя еще можно спасти! Скажи, кто тебя послал, и ты останешься жить!

— Не останусь...

— Я могу спасти. Я — паладин.

— Ты — да. Но он не позволит...

Слова срывались с губ все тише, он дернулся и затих. Глаза бессмысленно уставились в потолок, на губах выступила зеленая пена. Я оглянулся на дудку, поколебался и, не пряча меч, пошел на хозяйственную половину.

Дверь подалась без скрипа, в комнате горит свеча, хозяин склонился над столом, двигает руками, рубашка расстегнута до пояса. Рукава засучены, с ним двое крепких парней, явно сыновья, мощная бабища и та крутобедрая девица, что принимала у нас заказ. Лица у всех усталые, осунувшиеся, на столе горка монет, хозяин что-то бубнит, раскладывая на разные кучки.

Я подошел с обнаженным мечом в руке, кровь стекает по лезвию на пол широкими красными каплями. Хозяин охнул, вскочил, а я спросил:

— У вас всегда хомячок кверху лапками спит?

Челюсть у него отвисла, спросил, заикаясь:

— К-к-какой... хом-м-мячок?

— Рыженький такой, — объяснил я. — С бородкой. Там, в коридоре.

Он кивнул сыновьям, те выскочили из-за стола, осторожненько протиснулись мимо меня, прижимаясь спинами к косяку. Девица посмотрела на меня, на отца.

— Я же говорила, что с такими гостями одни неприятности!

— Где неприятности, — сказал я, — там и прибыль. Это

азы бизнеса. Чем выше риск, тем выше прибыль, как сказал великий Карл Маркс. Не знали?

Хозяин оторвал взгляд от моего меча, кивнул, лицо оставалось все еще бледное.

— Да, после того, как вы отделали самого Клотара, завтра сюда набьется народу вдвое больше.

— Повысьте цены на пиво, — посоветовал я. — Ладно, я иду спать. Посмотрите в коридоре еще на странную такую дудку. Похоже, он через нее вдувал к нам какую-то гадость. Мой монашек спит, как коней продавши, а пес даже не копыхнулся. Наверняка такая дудка немало стоит, но оставьте себе как бонус, только с ее помощью гостей не обирайте. А в обмен сделаете вот такое христианнейшее дело, что зачтется на небесах: подберете одежду для монаха, что со мной, а я никому ни слова о том, что здесь случилось.

— Ваша милость, — сказал хозяин, просветлев лицом, — вы нас спасаете!

— Значит, договорились?

Они кивали, в такие дела закон лучше не впутывать, я тоже кивнул и вышел, закрыл дверь. Труп из коридора уже исчез, один из парней, который постарше и пошире в плечах, торопливо убирает тряпкой кровавую лужу, другой осторожно вертит в руках дудку.

— Не оцарапайся, — посоветовал я. А другому сказал: — Кто не брезгует самой грязной работой, тому и быть хозяином. Проверено зануссей!

Парень перестал краснеть, второй уязвленно нахмурился. Я вошел в комнату, поставил меч у изголовья, не вкладывая в ножны, лег и, к своему удивлению, заснул легко и просто, без всяких угрызений совести.

Утром разбудили чертовы петухи, кто их только назвал божими птицами, да еще рев скота, ржание коней, крики, скрип телег, это хуже, чем дорожный шум на Садовом кольце, я поднялся сонный, протер кулаками глаза.

Брат Кадфаэль с укором смотрел на мой меч. Зато пес

поглядывал весело, скалился во всю широченную пасть. Я проследил за их взглядами, на полу небольшая темная лужица, натекло с лезвия моего меча. Сейчас уже застыла, потемнела, но даже брат Кадфаэль понимает, что это не вишневый компот, хотя и похоже.

— Я лунатик, — сообщил я. — Ничего не помню. Прошлый раз, правда, половину города зарезал, всех женщин обесчестил, слуг перебил, а потом еще и дома подпалил... Пироманьяк я потому что! Это ко всем моим непревзойденным достоинствам.

Пес скалил зубы, брат Кадфаэль покачал головой.

— Все шутите, брат?...

— Да, кто-то пытался нас усыпить, как дрозофил. Я даже не понял, из-за кого.

— Наверное, из-за меня, — сказал брат Кадфаэль грустно. — Не все принимают веру Христа с великой радостью, не все...

— Не все, — согласился я. — Вот полабские славяне совсем не ликовали. Ладно, сейчас неудавшегося киллера ласково вопрошают небесная инквизиция, а мы отправимся завтракать.

Он спросил грустно:

— Брат паладин, ты в самом деле можешь вот так...

— Как?

— Убить человека, а потом идти завтракать?

— Дык аппетит только разыгрывается! — воскликнул я. — Это ж такой впрыск адреналина и желудочного сока!

В коридоре нас встретила хозяйская дочь, в руках огромный тюк, сказала, вытягивая шею:

— Уже встали? Ранние пташки! А мы вам одежду подобрали...

— Это вы ранние, — сказал я, — но какие молодцы... Быть вам монополистами в отельном бизнесе! Брат Кадфаэль, ты пока примерь, а мы с Бобиком закажем завтрак по-плотнее. Ты знаешь, где нас найти.

Брат Кадфаэль смотрел на кучу одежды с недоумением.

— Это... мне?

— Не будешь же ты расхаживать и дальше в моей рубахе?

— Жадничать нехорошо, — сказал он с укором.

Я отмахнулся, мы с псом спустились на первый этаж, но перед входом в столовую нас перехватил хозяин. С опаской поглядывая на пса, он заговорил негромко, при этом заметно нервничал, приглушал голос и все время оглядывался:

— Человека, которого вы... никто не видел на постоялом дворе. Дудка у него непростая, такие уже находили в старых городах. Можно выдуть хоть туман, что скроет все на половину мили, хоть дождь, можно даже снег, что труднее... но никто не знал, что можно еще и разные запахи. Похоже, вас старались просто крепко усыпить, чтобы не то обокрасть, не то...

Он умолк, я кивнул, договорил:

— Либо что-то более кардинальное. Но будем считать, что мелкий воришко влез по стене и пытался нас обокрасть. Иначе отпугнем постояльцев, верно?

Он вздохнул.

— Ох, как верно! Вы и не представляете, ваша милость, какое это трудное дело — содержать постоялый двор.

— Догадываюсь, — сказал я. — Днем работаете, ночью стройте менеджмент на следующий день?.. Ладно-ладно. Нам хороший плотный завтрак, харчей в дорогу, и мы отбудем.

В обеденном зале народу почти нет, по взмаху руки хозяина слуги торопливо накрыли скатертью тот же столик в помещении для чистой публики. Пес вздохнул и полез под стол. Хозяин поклонился, спросил:

— Ваша милость, харчей на сколько дней?

— Да чтоб хватило до ближайшего города, где будет гостиница. Учи только, что мой пес любит жареное мясо.

Он вскинул кустистые брови, в глазах недоумение.

— Если еда с вашего стола не подходит вашей собаке, то не лучше ли... прогнать эту зажравшуюся скотину?

— Он мне дорог как память, — объяснил я. — Так что поторопись, брата Кадфаэля тянет на подвиги.

— А вас, ваша милость?

— Я у него в послушниках, — объяснил я.

Он ухмыльнулся:

— То-то и видно. Очень удобная позиция, кстати.

Глаза у него были хитрые, но лицо смиренное, он-де всего лишь слуга, а покупатель всегда прав.

— А ты не дурак, — заметил я.

— Вы тоже, ваша милость, — заметил он кротко. — И понимаете, что лучше вам уехать как можно быстрее. Клотор — человек злопамятный.

На стол снова подали жареную птицу, мудро полагая, что кашу маслом не испортишь: если вчера понравилось, то и сегодня не откажемся. Правда, вместо гуся — жареные перепела, но зато столько, что я последнего доедал через силу, про запас, не оставлять же, и еще штуки три бросил под стол, где их ловил на лету пес и пожирал с великим энтузиазмом.

Зал постепенно заполнялся народом, я уже готов был перейти к сладкому, когда появился брат Кадфаэль. Нарядный, в великолепной рубашке, заправленной в брюки из тонкой кожи, сапоги из кожи поплотнее, но выделанной так же тщательно, широкий пояс с кольцами для ножа и фляги.

— Это женщина красит отсутствие одежды, — заметил я, — а вот насчет монахов...

— Нехорошо, — сказал он с великим осуждением, в светлых, как речной лед, глазах стояла великая печаль, — у них не нашлось монашеского одеяния, представляете?

— По дороге купим у монахов, — успокоил я. — Неужели те, что на воротах, не поделятся с собратом? За деньги, конечно.

— Если за деньги, — спросил он грустно, — разве это цележка?

— Ладно, проехали, — ответил я. — Ешь, это постное мясо. Если я, паладин, говорю, что постное, то оно постное!

Глава 6

На первое нам подали горячую, чуть ли не кипящую, уху, дальше я терзal посыпанный горькой травкой большой кровавый кус мяса, а брат Кадфаэль старательно ковырялся в тарелке с овощами, где я заметил и несколько картофелин. Похоже, Колумб уже побывал на континенте, где растут незнаемые в Европе картофель, помидоры, кукуруза и прочие заморские диковинки, брат Кадфаэль ест привычно, не удивляется, хотя раньше я, признаться, картофеля не встречал. Возможно, сказывается близость Юга?

В огромном помещении внезапно стало тихо. Я быстро поднял голову, по ступенькам в зал спускается крупный, очень богато, но без пышности одетый мужчина. Еще двое остались у дверей, а он направился к нам. Выглядит, наверняка им и есть, знатным и могущественным лордом: позолоченная кираса празднично блестит под красным бархатным камзолом, меч с богато украшенной рукоятью и в расшитых золотом ножнах висит на роскошной перевязи, она тоже украшена золотыми нитями и серебряным шитьем, брюки из тонко выделанной кожи, сапоги с золотыми шпорами, как же — рыцарь, но мое внимание приковало лицо: крупное, с квадратной нижней челюстью, суровые складки у губ, гневный излом бровей, холодные и слегка прищуренные глаза. Крупный зверь, определил я. И матерый, что значит, не набросится, как щенок.

Остановившись перед нашим столом, отвесил легкий поклон.

— Могу я присоединиться?

Я выразительно посмотрел на пустые соседние столы.

— Вообще-то в трактире мест достаточно. Но если почему-то жаждете посидеть именно с нами...

Я сделал паузу, он ответил сдержанно:

— Вы удивительно точны.

— Тогда присаживайтесь, — сказал я. — Сегодня я тоже добрый. К дождю, наверное.

Он еще раз поклонился, чуть-чуть, сел, красивым жестом передвинув перевязь, чтобы длинные ножны не меша-

ли за столом. Брат Кадфаэль уже ковырялся в рыбе, отодвинув перепелов и овощи, на пришельца поглядывал кротко, без боязни и смущения, ведь все люди — братья, если по Адаму, это по матерям они разные: одни от Евы, другие — от Лилит, я отставил чашу и смотрел на рыцаря с ожиданием.

— Я — лорд Марквард, — назвался он. — Это мой замок там на горе.

— Это от вас являлся один дурак, — поинтересовался я, — который вряд ли умеет даже шнурки сам завязывать?

Он скромно усмехнулся.

— Зря недооцениваете. Это очень сильный и жестокий человек. Просто он очень давно не встречал отпора, вот и...

— Расслабился, — закончил я. — Что ж, зато это его спасло.

— Не нужно так недооценивать, — повторил он. — Но я пришел, как видите, сам. Рассматривайте это и как извинение за грубость и недостаток такта в приглашении. Клотар — воин. Вот если бы я велел ему привести вас силой...

— Он остался бы здесь трупом, — прервал я очень любезно. — Вместе со своими слугами.

— Это не слуги, — ответил он автоматически. — Это... впрочем, неважно. У меня нет причины с вамиссориться. Наоборот, я хочу вам предложить работу.

Я ответил высокомерно:

— Вы меня ни с кем не путаете? Я — рыцарь, а не ремесленник.

— Извините, — сказал он поспешно, — я просто неудачно выразился. В последнее время мало встречаю рыцарей, а все больше торговцев. Скажем так, как старший рыцарь я обращаюсь к младшему...

Я прервал:

— Простите, вы не мой сюзерен.

Он поморщился, в глазах начали проскакивать злые огоньки, в голосе зазвучала металлическая нотка.

— Я сюзерен здешних земель, этого достаточно. И я рассчитываю на какое-то уважение к моему возрасту, если

вы в своей неразумной гордыне... простите, не понимаете, что со мной лучше бы разговаривать другим тоном.

Я пожал плечами.

— Во-первых, граф, вы не знаете мой ранг, а он, возможно, повыше вашего. Во-вторых, мне от вас ничего не надо, а вот вам от меня... Не так ли? Или будете уверять, что просто мимо шли?

Рифленые желваки вздулись у него с такой мощью, что кожа из коричневой стала белой. Кадфаэль задержал дыхание, я ждал взрыва, однако граф справился с приступом гнева, медленно перевел дыхание, а его крупные кулаки медленно разжались.

— Да, — выдавил он очень нехотя, — я в самом деле нуждаюсь в помощи... сильного и отважного человека. Неделю назад еще такой нужды не было. Не будет и неделю спустя, когда вернутся мои люди из Леса Одинокого Тролля. Но именно сейчас... Я богат и знатен, сейчас половина моих людей в Ольстерлине, а другая — в Тартле. Там небольшие затруднения с проникшими в те земли троллями, я послал защитить крестьян и очистить от всяких тварей. Те земли приносят мне большой доход, я не хочу их терять...

Кадфаэль сказал сочувствуяще:

— Рискованно оставаться без верных людей.

Он отмахнулся.

— Здесь мирный город. Кроме того, со мной пятеро надежных воинов. Этого достаточно, чтобы удержать замок в повиновении. А вот для нового срочного дела нужны люди. И не когда-то, а сейчас.

Я вскинул руку, прерывая:

— Сэр, со всей почтительностью... вы заметили, почтительностью!.. должен заранее отказаться от всего, что вы предложите. Я — рыцарь, который едет на турнир в Ката-лаун. И ничего другого...

Он усмехнулся, покачал головой.

— Думаете, это по вам не видно? Многие рыцари едут в

Каталаун. Но то, что вам хочу поручить, будет абсолютно не в тягость, а заплачу так, как вы никогда не получали...

Я смолчал, когда он выразительно посмотрел на мои вытертые брюки, плотную рубашку со следами кольчуги. Даже сапоги у меня простые, без золотых рыцарских шпор, вообще без шпор, как будто и не рыцарь.

— Сто золотых, — сказал он веско и взглянул мне в лицо. — Вы получите сто золотых монет.

— Ого, — сказал я. — За что же? За убийство дракона, наверное, заплатили бы меньше.

Он поджал губы, не понравилось, что я не упал в обморок, услышав такую сумму, не бухнулся на колени и не начал целовать ему руки.

— Дело в том, — ответил он нехотя, — что я давно собираюсь отправить свою dochь Женевьеву ко двору короля. Ей пора учиться придворным манерам. Да и вообще... молодой красивой девушке не место в городе, куда вот-вот подойдут войска императора Вильгельма Блистательного или войска короля Конрада.

Я покачал головой.

— С чего вдруг?

— Ходят слухи.

— Вы прекрасно понимаете, что это слухи, — отпарировал я. — Эти земли и так в союзе с императором и с королем Конрадом.

— Все равно, здесь может оказаться много ратного люда, — возразил он. — Пусть даже наши войска, а это не то общество.

— Сожалею. Ничто не может свернуть нас с пути.

— А вам и не надо сворачивать, — сказал он убеждающе. — Вам все равно проезжать через земли герцога Нурменга. Просто доставите ее к его двору, вот и все. А он уже сам введет ее в окружение короля. Он же и наградит вас, это достойный человек...

— С чего вдруг? — поинтересовался я.

Он улыбнулся.

— Он не только мой старый друг, но и многим мне обя-

зан. Кроме того, при его дворе немало моей родни, они тоже станут вашими друзьями. А при той задиристости и неуступчивости, что из вас торчат, как железные стержни, вам не помешают добрые друзья и покровители.

Я покачал головой, он прочел ответ в моих глазах и добавил с нетерпением:

— Я заплачу вам сто золотых монет. В здешних краях никто не видел таких денег. Но это покажет вам, как я ценю свою дочь. Кроме того, хоть у вас, сэр Ричард, и достойный конь... я почти догадываюсь о его происхождении... это не простой конь, но в долгом пути нужен хоть один в заводные! Я дам вам двух, что смогут пронести вас по озеру с такой скоростью, что едва-едва намочат копыта!.. По болоту проскачут так, что разве что колыхнется прыска!

Он видел, что при словах насчет ста золотых монет я не повел и глазом, а вот упоминание о конях заставило меня поколебаться. Я покосился на брата Кадфаэля. Не все же время ему вытирая нос о мою широкую спину...

Брат Кадфаэль смиренно жевал травку, какие-то клубни, похожие на кумкват, только красные, не вслушиваясь, все о высоком, все о высоком, решать мне, я пробормотал с досадой:

— Почему это деньги и красивых женщин постоянно перевозят с места на место?.. Во всем этом, дорогой сэр, одна неувязочка... У меня почему-то странное ощущение, что дело вовсе не в том, что вам срочно восхотелось отправить дочь к королевскому двору. Не хотите сказать правду?.. Ладно, дело ваше. Так вот мой ответ: я отказываюсь. И все разговоры на эту темы бесполезны. Не смею больше вас задерживать... сэр.

Это было оскорбительно, будто отпускаю слугу, он это знал, а еще видел, что я делаю это нарочно. Лицо налилось нездоровой багровостью, на висках вздулись толстые синие вены, потемнели, как сытые пиявки. Кадфаэль снова перестал дышать, а я внимательно следил за каждым дви-

жением графа. Те двое у дверей смотрят в нашу сторону, но ни один пока не сдвинулся с места.

— Вы... — сказал граф сдавленным голосом, — забываетесь... но я, чтобы показать свою добрую волю, объясню все до конца. Дело в том, что моя дочь из подростка превратилась в молодую и очень красивую девушку. На нее стали обращать внимание многие мужчины, но, к несчастью, обратил внимание и разбойник Грубер...

Кадфаэль вздрогнул, глаза стали испуганные, как у птицы в гнезде.

— Грубер, — повторил я, — Грубер... Это который барон, он же властелин Дикого Поля, а также эрл Натерлига и Гунлара, владетель Дикси и Серых Сосен...

Марквард скривил губы в нехорошой усмешке.

— У вас прекрасная память, сэр Ричард. Прекрасная! Я вижу вашу издевку в адрес этого разбойника, но, к сожалению, преувеличения здесь не так уж и много. Он — разбойник, но его сила стремительно растет, он объявил себя бароном, и по той мощи, которой владеет, он уже и есть барон Дикого Поля. Уже захватил большие земли, обложил налогом. Мог бы выстроить замок, но, боюсь, мечтает захватить готовый... Потому я спешу отправить дочь подальше. Грубер слишком занят укреплением своей мощи здесь, чтобы броситься разыскивать мою дочь...

Я покачал головой.

— Нет. Я не гожусь в охранники молодой девушки. К тому же не настолько силен, как это могло показаться. Знаете, как петух, что топорщит перья и раздувает грудь, так и я просто пугал этих дураков. Но если бы решились попереть, пришлось бы убегать... если, конечно, сумел бы.

Он усмехнулся, глаза изучающе пробежали холодным взглядом по моему лицу.

— Я так и подумал. Но вы держались хорошо, кто же знал, что это блеф? Да и сейчас... об этом будем знать только я и вы. Я потому и предложил, что это вам по дороге. Никуда не нужно сворачивать — все равно на свой турнир проедете через земли герцога Нурменга!

— Не нравится мне это, — сказал я.

Но он уже заметил трещинку в моей обороне, усилил написк:

— Я дам вам с собой троих своих лучших людей. Грубер не будет знать про отъезд, а потом станет поздно. Я же говорю, он прикован к этим землям, у него здесь слишком много вложено!.. А вам до земель герцога всего-то ехать трое суток.

Я нахмурился, что-то не нравится, когда стараются нагрузить чем-то, это инстинкт, хороший инстинкт выживания, я сказал с подозрением:

— Сэр, но сколько ехать до замка этого Нурменга? Если не доберемся за день... а я полагаю, что не доберемся, то где будет спать ваша дочь, если не встретим города с хорошей гостиницей?

Он покачал головой.

— Доблестный сэр, у меня два сына и только одна дочь. Она всегда играла с ними в их мальчишечки игры. Так же точно научилась ездить верхом, может спать у костра. Она не доставит вам хлопот. Я еще и потому хочу ее поскорее к герцогу Нурменгу, чтобы она там избавилась от мальчишечких привычек и научилась вести себя, как подобает знатной dame.

Его лицо подобрело, губы тронула легкая улыбка.

Я спросил с недоверием:

— Вы хотите, чтобы она ехала верхом?

— Нет, конечно, — ответил он быстро. — Это еще допустимо для девчонки, но недопустимо для леди. Я даю хорошую крытую повозку, где моя Женевьева будет спрятана от посторонних взоров. Но коней велю впрячь таких, что никому не покажутся медленными!.. А теперь, если мы договорились, я просил бы почтить нас посещением. Я уже отдал приказ, чтобы все подготовили. Я имею в виду самую лучшую повозку, самых лучших коней и, конечно же, сто золотых монет.

Я ощущал раздражение, слишком он уверен, что стоит

потрясти перед моим носом горстью золота, и я сразу соглашусь, но сказал только:

— Ладно, но только если у вас в самом деле все готово. И если это мне по дороге.

Я хотел навестить графа в его замке один, быстро взять эту самую Женевьеву и уехать, но брат Кадфэль попросился со мной, а я подумал, что у графа наверняка найдется и хороший мул, ведь монахам запрещено садиться на коней, как и брать в руки колюще-режущее оружие, из-за чего они если и вооружались, то лишь дубинками.

Пес — не монах, его я решил взять сразу, как только увидел, что графу он не нравится. Мы въехали в замок, слуги увеличили коней, а мы вчетвером, включая пса, поднялись в графские покои. Марквард велел принести вина, я отказался, но слуги все равно быстро собрали на стол все великолепие из посуды, что скопилась у графа: серебряные и золотые тарелки, золотые чаши с драгоценными камнями, высокие кубки с вделанными в края россыпями рубинов, всякие золотые статуэтки, которые нельзя приспособить ни под солонки или перечницы, ни под свечильники, а созданные только для пылевзглядопускания.

Граф хлопнул в ладоши снова, через некоторое время в дверях в полумраке появилась стройная, почти худая женщина, я почему-то решил, что она испанка. Медленно и грациозно прошла по залу по прямой, но мне казалось, что ее тело струится, как бегущая по камешкам темная ночная вода, села в кресло, явно предназначенное для нее, взглянула темных, миндалевидных глаз диковат, словно она из тех времен, когда по земле ходили боги, смотрит вроде бы прямо, но что видит из-под этих настолько длинных ресниц, что на них может сесть воробей?

Черные как смоль волосы падают на спину ровным водопадом, лишь где-то на уровне лопаток склоняются продолговатой серебряной заколкой. Полные губы кажутся темными, оттого ярче сверкнули зубы, когда не то улыбнулась, не то что-то сказала молчаливому слуге, вставшему за

спинкой кресла. От розовых мочек к плечам опускаются простые серебряные серьги, на что я сразу обратил внимание: люди такого ранга могут носить бриллианты, оправленные в золото. Если же серебро, то непростое серебро.

Я следил, как она беседует со слугой, тот слушает со всей почтительностью, я слов не слышал, только смотрел, как двигаются ее почти сливовые губы, поблескивают зубы, только глаза не меняют выражения, как и лицо, спокойно-равнодушное. Потом она откинулась на спинку кресла, легко забросила ногу на ногу, не свойственный здешним женщинам жест, прикрыла глаза, отчего тень от ресниц укрыла пол-лица.

— Моя дочь, — произнес наконец граф, он наблюдал за моим лицом, чуть улыбнулся. — Женевьевы Лира Рэд, если полностью, а так — Женевьевы. Друзья зовут ее Жени, но таких мало. Я вижу, вы от нее не в восторге. Однако мужчины не могут отвести от нее глаз! Так что пора ее в приличное общество...

Я повернулся, встретил его прищуренный взгляд.

— Вы нас видите впервые. Не рискованно ли доверять драгоценную дочь незнакомым людям? Уж не говорю про сто золотых монет и двух прекрасных коней! Да, кстати, понадобится еще и мул для моего спутника.

— Мул?

Я кивнул в сторону молчаливого Кадфаэля, монах вообще старается выглядеть тенью.

— Моему спутнику духовный сан не велит ездить на коне. Он развел руками.

— Мул будет. А золото... Что золото? Дело наживное. Золото лишь показывает, что я достаточно могущественный человек. Кони... да, кони — ценность, но наш край — лучшее на земле место, где лучшие на свете кони. И от этих жеребцов, что предлагаю вам, уже подрастают молодые жеребята. И вот только дочь — настоящее сокровище, вы правы. Однако я прожил долгую жизнь... намного дольше, чем вы можете представить, и научился отличать людей, которым можно верить.

Я поклонился, еще до конца не убежденный, злясь на себя, что взваливаю на себя обузу в виде женщины.

— Ладно, повозка во дворе?

— Уже запряжена, — сказал он быстро. — Все это не стоит вашего внимания. Вам нужно будет только ехать поблизости. И проследить, чтобы коляска въехала в ворота замка герцога. Можете даже не заезжать сами! Я же сказал, это моя родня.

Я покосился на Кадфаэля, на этот раз на его лице отчаянная мольба, чтобы согласился, ведь христианин должен помогать другому христианину, тем более когда в уплату идут чудесные кони, все знают, что во всем королевстве нет лучше коней, чем у Маркварда.

Я сдвинул плечами.

— Не уверен, что поступаю верно, но... согласен. Мы беремся доставить вашу дочь.

Он повернулся к двери, крикнул зычно:

— Хриндра!.. Хриндра!

В комнату вошла грузная темноволосая женщина с крупным суровым лицом, по-своему красивая, если кому нравятся решительные и полные достоинства бульдоги. Смуглое лицо кажется белым в сравнении с иссиня-черными бровями вразлет, темным пушком над губой, огромные, как дыни, груди выпирают из-под темной кофты, черная юбка скрывает ноги до самого пола.

Она сразу смерила меня подозрительным взглядом, губы сомкнулись в тонкую линию. Я ощутил раздражение, но смолчал.

— Хриндра позаботится о моей дочери, — пояснил граф.

Кадфаэль по-христиански поклонился, а я спросил:

— Это как же?

— Неприлично отправлять молодую девушку одну, — пояснил граф. — Тем более в компании одних мужчин.

— А она ездит верхом? — поинтересовался я.

— Повозка достаточно просторная, — объяснил граф. — Четверка коней с легкостью потащит хоть скалу!

Я покачал головой:

— Нет. Вы сказали, что ваша дочь прекрасно держится и в седле. Если тащиться только с повозкой, то придется выбирать всегда объездные пути, хорошие дороги. А вдруг случится такое, что повозку придется оставить?

Он покровительственно усмехнулся.

— Вы человек предусмотрительный. И осторожный! Это хорошо. Но я плачу и за неудобства.

Кадфаэль посмотрел на меня удивленно и вместе с тем умоляюще. Похоже, я в его глазах веду себя совсем не попаладиньи.

Я сказал холодновато:

— Вы попросили оказать вам услугу. Я, по мере сил, готов был оказать. Извините, я недооценил ее размеры. Извините, вынужден отказаться.

Не дожидаясь ответа, я коротко поклонился, кивнул Кадфаэлю, чтоб не отставал, а то здесь и куры загребут, пошел к двери. Кадфаэль догнал на пороге, сказал жарким шепотом:

— Брат паладин, вы держитесь странно! Я уже не говорю про сто золотых монет, которые можно пожертвовать церкви!.. Кстати, можно было бы выжать еще десять... а то и двадцать! Но вы отказали в помощи юной девственнице...

Я отмахнулся.

— Девственнице?

— Ну да!

— Ты и это заметил, скромняга?

— Я думал, что вы тоже рассмотрели ее серьги!.. Отказать в помощи женщине... я от вас не ожидал.

— Женщина и не пикнула, — напомнил я. — Может быть, ей вовсе не хочется уезжать. Может быть, у нее тут куча любовников, с которыми развлекается, не теряя девственности... Да-да, и так бывает, грамотный ты наш! Все, что мы слышали, — это доводы ее отца, который мне как раз и не понравился!

А про себя подумал, что и сама дочка графа не понравилась. Мне больше по вкусу голубоглазые блондинки с

пышным бюстом и полными губами, а эти испанки того и гляди зарежут, как Кармен бедного тореадора Хозе.

— Я еду на турнир, — объяснил я. — Там получу больше. А если будем сопровождать двух баб в повозке, что тащится, как черепаха, то не успеем и к закрытию.

Мы спустились по лестнице, а когда шли через широкий двор, сверху появился, свесившись через перила, граф. Я сделал вид, что не слышу его настырный голос, увещевающий, уговаривающий, взывающий и призывающий договориться. Но я сказал себе, что это деловые люди договариваются, а я — рыцарь, более того — паладин, рыцарей хоть понять можно — за баб-с дерутся, а тут вовсе за абстрактные идеалы вроде чести, совести, благородства, верности!

Глава 7

На постояном дворе я седлал Зайчика, пес прибежал на зов, довольный и даже счастливый, что снова с людьми, что может бродить по двору, трогать лапой свинью в луже и никто не бросается от него с истошным криком. Трактирщик вышел нас проводить, невиданное дело, я поблагодарил за снаряжение брата Кадфаэля, спросил, где по дороге заехать к хорошим коневодам, надо купить мула.

Трактирщик начал припоминать, у кого мулы покрепче, вздрогнул, глаза уставились через мое плечо. Я быстро повернулся, со стороны центра города быстро несетя в нашу сторону легкая крытая коляска, почти карета, крепкий угрюмый мужик правит четверкой великолепных коней, дверца и окошко коляски закрыты.

Солнце выглянуло из-за тучи, ударило в глаза, но еще ярче заблистал повозка. Я наконец-то сообразил, что она вся от верха до колес отделана золотом. Четверо длинно-гривых коней впряжены в затейливого вида постройки, на козлах жилистый мужик в кожаных латах, вожжи туго натянуты, удерживая звероватых коней.

Коляска остановилась перед воротами постоянного дво-

ра, почти перекрывая нам выезд. Возница слез, в руках скамеека, поставил на землю и распахнул дверцу.

Показалась мощная фигура графа Маркварда. Одной рукой оперся о косяк, повозка скрипнула и перекосилась, другую лапу опустил на плечо кучера, тот закряхтел и согнулся, а Марквард величественно сошел на землю, сразу заулыбался, раскинул руки.

— Вот видите, дорогой сэр Ричард! Мы вовремя. Ни-
чуть не заставили себя ждать.

Я нахмурился.

— Насколько я помню, мы не договорились.

Он ахнул в притворном удивлении.

— Как это? Я принял все условия. Хриндру оставил в замке, хотя это крайне неприлично отпускать девочку однушку, но я верю вашей рыцарской галантности и девственности...

Я сказал раздраженно:

— Кроме меня, есть и другие мужчины. Знаете, сэр Марквард, не пытайтесь воздействовать на мое чувство долга. На мне все обломались: и общечеловеки, и патриоты, и западники, и зеленые, и даже единоросы. Словом, пусть вашу благороднейшую дочь сопровождают другие. *Dixi!*

Я вставил ногу в стремя, взялся за луку и взобрался на Зайчика. Кадфаэль тоже ухватился за седло, готовясь вскарабкаться наверх и сесть за моей спиной, трактирщик бросился освобождать ворота, Марквард побледнел, приблизился ко мне вплотную, впервые я увидел в его глазах страх.

— Сэр Ричард, — проговорил он почти умоляюще. — Я не хотел тебе говорить... Но здесь моей дочери грозит беда.

Я смолчал, за моей спиной Кадфаэль пробормотал:

— Да почему не проехать пару дней бок о бок с повозкой?

— Или вообще в сторонке, — добавил Марквард искалько, — но держа ее в виду?

Он, ухватившись за стремя, посмотрел на меня снизу

вверх с мольбой в глазах. И хотя я подозреваю, дитя своего века, что это только купеческий прием, чтобы втюхать негодный товар, но заколебался, а Марквард, чуя слабину, сделал вид, что вот сейчас рухнет на колени.

— Ладно, — буркнул я. — Но я ничего не обещаю лишнего. Довезу до замка герцога, и все.

— Благодетель! — вскричал он. — Жени!.. Жени, выйди поблагодарить нашего спасителя!

Занавеска в окошке отодвинулась, на миг показалось женское лицо. Оно мне показалось миловидным, затем дверка распахнулась, в проеме встала во весь рост крепкая ладная девушка в синем платье до пола, густые черные волосы убраны в затейливую прическу, бледное лицо превратилось в маску ярости, на которой грозно горят крупные глаза лиловой тучи, в их недрах грозно блещут молнии. Она мне показалась мало похожей на ту ленившую красавицу в замке Маркварда, почти засыпавшую в томной неге.

— Отец, — произнесла она сквозь зубы, — уж не продаете ли меня на ярмарке скота?..

Марквард вскричал:

— Жени, не говори так! Я тебя безумно люблю и, конечно, волнуюсь. Итак, сэр Ричард, я доверяю вам свое единственное чадо, свое сокровище!.. Жени, вернись в повозку, больше тебя никто не потревожит.

Она ожгла меня ненавидящим взглядом, отступила, дверь захлопнулась с такой силой, что повозка едва не рассыпалась. Я помолчал, подыскивая доводы, чтобы отказаться снова, эта вельможная дочь не понравилась еще больше, даже очень не понравилась, если сказать мягко, а если точнее, то я к ней ощущил такую же неприязнь, как и она ко мне.

— Ладно, — ответил я холодно, — в конце концов, все-го лишь два-три дня. Хотя раньше я что-то не замечал за собой излишней благотворительности.

Марквард вскинул взгляд, явно хотел напомнить, что сто золотых монет — это не совсем благотворительность, но вздохнул и смолчал. Я поморщился при виде золотой

отделки, глупая роскошь утяжеляет повозку, но не успел слова сказать, как с улицы во двор въехали трое всадников, все в легких, но добротных доспехах, шлемы открытые, кольчуги блещут новенькими кольцами. На шлеме одного трепещет синее перо, второй держит в поводу крепкого молодого мула.

Все трое остановились возле телеги с видом охранников. Я нахмурился, не узнать во всаднике с пером на шлеме моего вчерашнего знакомца Клотара трудно, у него великолепный кровоподтек на лбу, один глаз заплыл, я спросил резко:

— Это что? Эти тоже с нами?

Граф сказал быстро:

— Я же сказал, что дам троих надежных людей. Теперь они подчиняются вам, сэр Ричард! Кстати, это вот самый быстроногий мул во всем королевстве!

Кадфаэль с великим вздохом облегчения соскользнул из-за моей спины, и не успел я возразить, как он взобрался на мула и ухватил поводья.

Я скривился, сказал зло:

— Другие сопровождающие без надобности!

— Через три дня они вернутся ко мне, — ответил граф.

Я стиснул челюсти, со спины мула донесся горестный вздох Кадфаэля. Зайчик переступил с ноги на ногу, изогнулся, смотрит на меня с недоумением. Я потрепал его по холке, от сильнейшей злости не сразу нашел нужные слова, а когда нашел, решил, что и они слишком слабые, чтобы послать Маркварда достаточно далеко, просто повернул коня в сторону ворот.

— Нет. Считайте, что мы ни о чем не говорили.

Он побагровел, но я уже пустил коня к воротам, за спиной послышалось горестное:

— Хорошо-хорошо!.. Но одного человека вы взять обязаны. Должен же я отправить с дочерью хоть кого-то, кого она знает?

Я повернулся, ответил сквозь зубы:

— Но только одного.

— Договорились! — быстро сказал он. — Ганель, Земан — останьтесь!

Из троицы вперед выдвинулся Клотар, самый рослый, самый широкий в плечах. Солнце заблистало на стальной кирасе, а по синему перу проскочили золотые искорки. Конь под ним почти не уступает моему Зайчику в росте, а сам Клотар выглядит опасным бойцом, особенно теперь, когда я ему несколько помял шлем, не снимая с его башки. Над правой бровью лиловеет кровоподтек, глаза опустил, а по его виду ясно, что спиной к нему лучше не поворачиваться. Не здесь, конечно, а там, где окажемся наедине. Или даже не наедине, брат Кадфаэль не в счет.

На этот раз он в полных доспехах, даже шлем рыцарский, с забралом, с плеч ниспадает широкий плащ. Конь крупный, злой, щерит зубы, посматривает по сторонам, кого бы куснуть или ударить копытами.

Кадфаэль наклонился вперед и что-то сказал в длинное оттопыренное ухо мула. Тот фыркнул и кивнул, Кадфаэль светло улыбнулся.

Я сказал резко:

— В путь!..

Марквард некоторое время шел со мной рядом, незаметно передал увесистый мешочек, очень увесистый, я посмотрел с подозрением, но пересчитывать не стал, мы же джентльмены, сунул в седельную суму, потом перепрячу. Марквард отстал, крикнул нам вдогонку:

— Пусть ваш путь будет легким!

Я пробурчал зло:

— Путь не бывает легким, бывает легкой ноша. Но сейчас не тот случай.

Выехали из города достаточно резво, я на Зайчике впереди, пес весело несется рядом, повозка тащится сзади... хотя это я так, от вредности, на самом деле четверка коней несет резво, только хвосты да гривы стелются по ветру. Клотар держится справа от повозки, чтобы первым оказаться у дверцы, телохранитель гребаный. Кучёр, больше

похожий на атамана разбойников, посвистывает на козлах, без нужды крутит над головой кнутом, но ни разу не опустил на блестящие конские спины, не за что оскорблять таких великолепных скакунов.

Брат Кадфаэль в арьергарде, глотает пыль со всем христианским смиренiem. Я старался понять, что я за овца в лаптях, дал себя уговорить, интеллигент вшивый, не могу отказать, а что дальше будет? Надо научиться говорить «нет», как бы ни уговаривали, иначе на такое подобают, что вовек алименты платить буду незнамо кому.

О Грубере не слышно, но если он еще в городе, то мог заметить наш отъезд. Не мог же заехать в город, быстро купить все необходимое и сразу уехать?.. Впрочем, почему нет?

Клотар дважды отъезжал в сторонку, я дивился, даже не слезает, но он снимал с крюка арбалет, прикладывал к плечу. Любопытствуя, я приотстал, а когда поравнялся с повозкой, у ног кучера лежат подстреленные крупная птица размером с гуся и огромный молодой заяц.

Сам Клотар снова уносится вперед, слева от седла поблескивает отполированным прикладом небольшой арбалет с толстой дугой, очень дорогая и сложная штука. Мой лук в сравнении совсем архаика, все-таки арбалет — дитя науки и техники, передовое слово, а у меня дикарский лук, да еще с примесью непонятной магии.

Я оценивающе посматривал на его арбалет. В моем мире считают, что арбалет бьет мощнее лука, но слишком уж медлителен, однако четыре стрелы в минуту — это не так уж и плохо. Тем более что арбалет бьет железными короткими стрелами, именуемыми здесь болтами, что прошибают железные доспехи, как тонкий картон.

У Клотара с лица не сходит злобное выражение, что и понятно, такие не любят проигрывать, слишком долго походив в победителях и привыкнув быть победителями всегда. А если учитывать, как он умело пользуется арбалетом, то уж точно поворачиваться спиной не стоит.

Дорога тянулась по зеленой равнине, справа и слева глубокие выбоины, словно там прошли колонны танков, иногда в сторонке проплывает кучка деревьев. Иногда ни-

чего необычного, иногда же я, хоть и не знаток деревьев, но мог поклясться, что таких не существует ни в лесах, ни в джунглях, ни в саванах.

— Разве что в лабораториях, — пробормотал я себе. — Моды, моды, модификации... генная инженерия на марше...

Сзади послышался топот, брат Кадфаэль догнал на своем мule, в самом деле скоростное животное, сказал торопливо:

— Там впереди, если чуть левее, нечестивый идол!

— Мыдвигаемся к Югу, — напомнил я. — Чего ты ожидаешь?

— Здесь христианские земли, — возразил он твердо. Я посмотрел на него выразительно, на руки, где шрамы от штырей, Кадфаэль добавил торопливо: — В основном!..

— Я слыхивал, что сохранение мира требует усилий в сто раз больших, чем победа в самом лютом бою.

— С врагом никогда не будет мира, — заявил Кадфаэль твердо. — Никогда!

— Да-да, — согласился я, — Добро победит зло, поставит на колени и зверски убьет.

— Почему зверски?

— Ах да, церковь предпочитает без пролития крови... То-то у тебя вон дубина.

Он сказал, защищаясь:

— Это не моя! Мне ее вместе с мулом дали!

Я проследил за его взглядом, левее у дороги начал вырастать некий обелиск. Зайчик охотно повернулся, ветер заставил в ушах, и когда за спиной послышался дробный стук копыт мула, я уже несколько минут рассматривал странный памятник... если это памятник.

Пес, примчавшись со мной ноздря в ноздрю, пошел нарезать кругами вокруг, а я еще не успел даже рассмотреть саму скульптуру, как уже ахнул от восторга при виде пьедестала: стопка книг, очень умело высеченных то ли из розового мрамора, то ли из металла, но впечатление такое, что огромные толстые фолианты сложены аккуратно один на другой... ну, с той аккуратностью, какую могут проявить

ученые, то есть кое-как, словом, в художественном беспорядке: чуточку вкривь, вкось, одни толще, другие тоньше, разного размера, от этого стопка книг выглядит удивительно живой.

И существо, забравшееся наверх, выглядит усталым библиотекарем, что не желает себе другого пьедестала, как родные книги. И чем стариннее эти книги, тем дороже, любимее, желаннее.

И тогда, когда всмотрелся в существо, по спине пробежал озноб, а нервы заледенели. Там сидит не человек, даже не млекопитающее. Скорее, нечто вроде спрута или осьминога.

— Это нужно уничтожить, — крикнул брат Кадфаэль яростно. — Это создание рук почитателей Сатаны!..

Я не мог оторвать взгляда от старинного обелиска.

— Знаешь, брат Кадфаэль... Самые непримиримые инквизиторы, что жгли всю империю майя, инков и ацтеков, начали собирать остатки их поверженной культуры. Понимаешь, мы — победители! А этот реликт уцелел от мира побежденных. Христианство — еще и милосердие, не слыхивал? Если повержен, уже не враг.

Вдали по дороге бодро катила повозка. Клотар и возница смотрели в нашу сторону, даже окошко приоткрылось, леди Женевьевы Лира Рэд изволила полюбопытствовать, что мы делаем у языческого идола.

— Пойдем, — предложил я. — Не думаю, что я могу сокрушить то, чтоостояло века... и миллениумы.

Он посмотрел на меня с подозрением.

— Договаривайте, брат паладин. Дескать, если бы даже и могли...

— Такие вещи лучше оставлять недоговоренными, — сказал я мягко. — У нас хватит проблем.

Он некоторое время ехал рядом, теперь повозка маячит впереди, сказал вполголоса:

— Да, это верно. Я поговорил с кучером, он много чего рассказал... Человек словоохотливый. Словом, нам надо

оберегать девицу не только чтобы ее не захватил Грубер, но и...

Он замялся, я спросил также шепотом:

— Что?

— Говорят, она по уши влюблена в этого Грубера.

— Что? — повторил я в полной растерянности.

— Так говорят, — ответил он торопливо и выпрямился, всматриваясь в повозку, что вроде бы ускорила движение. — Только поэтому старый граф и отправляет ее отсюда подальше.

Я тоже посмотрел вслед повозке.

— Тогда он прав. Обучить его дочь хорошим манерам в самом деле не мешает. И привить чуточку вкуса.

— Брат паладин, — проговорил он невесело, — боюсь, что придется приглядывать и за нею тоже.

— В смысле?

— Чтоб как-нибудь не сбежала на привале, если этот красавец барон окажется поблизости.

Я стиснул челюсти, огляделся по сторонам. Пока что по сторонам равнина с редкими островками леса, но встречаются и овраги, густо заросшие кустарником. Когда дорога проходит по самому краю, становится неуютно. Но дороги прокладывают осторожные купцы, так что овраги пока что в сторонке. Повозка идет резво, кони прекрасные. Теперь понятно и то, почему отец постарался дать нам самых быстрых коней.

— Боюсь, — сказал я, — в этом случае Грубер уже знает, куда мы везем его невесту.

Кадфаэль зябко повел плечами.

— Да уж... А здесь не в городе, к народу за помощью не обратишься.

— За помощью? — переспросил я. — Народ предпочитает оставаться в сторонке.

Он вздохнул.

— Беда в том, что это Грубер может в этих краях собрать народу немерено. Здесь его земли. Ну, не совсем его, но край здесь пустынный. А он в таких местах — король.

Глава 8

Клотар подстрелил еще одного оленя. Не понимаю, зачем нам столько, целую неделю надо сидеть на месте и жрать не переставая, но, оказывается, я забыл, что здесь зеленые еще не создали своих партий, а нормы отношения к природе несколько иные. Клотар моментально вырезал самую нежную филейную часть и бросил кучеру, остальное осталось позади на дороге на радость ястребам и мелким лесным зверькам.

Досадуя, я взял в руку молот, Зайчик идет ровной рывью, лес справа и слева, но деревья жалко... ага, вот!

Справа от дороги выплыла массивная скала, даже не скала, а причудливое образование, когда ветры, дожди и прочие непогоды подтачивают почему-то снизу, в результате чего от могучей каменной пирамиды остается столб с массивной шляпкой. Такое вот стоит тысячелетиями, удивляя проезжающих купцов, а потом будет удивлять туристов...

— Не будет, — сказал я вслух.

Молот вырвался из моей ладони, затрещал воздух. До несся глухой удар, подобный подземному грому. Я видел, как в нашу сторону смотрит и Клотар, и даже леди из повозки, хорошо, пусть видят, кто здесь сильнейший.

Основание скалы треснуло, черные зигзаги исполосовали камень, затрещало сильнее, и вся многотонная шляпка, даже многосотонная, начала опускаться, разваливаться. Земля задрожала от тяжелых ударов.

Я повесил молот на седельный крюк и поехал себе дальше, словно ничего не случилось. Пусть сравнят убойную мощь сраного арбалета и моего чудо-оружия. Зайчик постепенно набирал скорость, Кадфаэль что-то закричал позади, ветер свистит в ушах, я в мгновение ока догнал повозку, окошко тут же захлопнулось.

Я хмуро вспоминал Грубера, его внешность, манеру говорить и сидеть на коне, гордый разворот плеч, смуглое мужественное лицо. Такие всегда нравились и всегда будут нравиться женщинам. Женщины — дуры, ничего не видят,

кроме внешности, хотя и любят поговорить о каких-то иных достоинствах мужчины, кроме того, которое в моем прошлом мире заменило все остальные достоинства.

Грубер, барон-разбойник, романтичный герой, который не страшится самого короля, а на своих землях вершил суд, не считаясь даже с церковью. Сильный, значит, мужчина. А женщины инстинктивно липнут к сильным, это глубинный зов природы, ведь только сильные могут обеспечить выживаемость рода...

Конечно, такой вспыльчивый красавец завладеет воображением любой дурочки. А эта Женевьеве — дурочка, по ней видно. Раз красивая — то дура, это любой знает, а если очень красивая — то дурочка в степени.

Постепенно я привычно выдвинулся далеко вперед, наконец за спиной застучали копыта мула. Кадфаэль поехал рядом сумрачный, поглядывал на меня искоса, но в разговор не вступал.

— Если вас ударили по щеке, — проговорил я наконец, — надо подставить задницу, верно? Будет менее больно и более звонко.

— Не понимаю вас, сэр Ричард...

Чаще всего он зовет меня братом паладином, но когда вот так пытаются выразить неодобрение, то я для него — сэр Ричард. Я оглянулся на повозку, на хорошей скорости идет по дороге, в то время мы стараемся держаться в сторонке, чтобы не заставлять благородную леди глотать пыль.

Кадфаэль перехватил мой взгляд.

— Заметили, что не торопится?

— Да, — пробормотал я, — теперь это понятно. Ждет, когда нас догонит Грубер с его командой. У него кони не такие резвые.

— Может быть, как-то принудить... Боже правый!

Повозка замедлила движение, кони свернули в сторону могучего развесистого дуба. Едва остановились, конюх скочил и принялся их расседлывать.

Поворотив коня, я понесся во всю прыть. Дверь распахнулась, Женевьеве спустилась по ступенькам сама,

двигается грациозно, и, словно бы не замечая скачущего в ее сторону главного охраняющего, повернулась к небольшому ручейку, что вытекает из-под корней дуба.

Когда я резко осадил коня, она уже сидела, опустив босые ноги в воду. Длинное платье оказалось приподнято чуть выше лодыжки, что вообще-то неприлично, но сейчас она в роли дитяти природы, что гимназиев не кончало, в греческом зале не бывало, и вообще надо быть ближе к природе.

— Что случилось? — гаркнул я.

Она медленно подняла голову, вскинула длинные ресницы. Взгляд удивленный, но меня затошило от притворства: любой вздрогнет, если над головой вот так рявкнуть, все видела и ко всему готовилась, все рассчитано, змея в синем платье.

— Что? — переспросила она нежным мелодичным голосом. — Ничего не случилось... Просто я устала и теперь изволю передохнуть. Здесь тень от жестокого солнца, моя нежная кожа не выносит солнечных лучей... здесь лесной ручей... Или это не лесной? Неважно...

Клотар высится в седле хмурый, неподвижный, а я сказал, не скрывая бешенства:

— Леди Женевьеве, мы едва отъехали от города!.. Какой отдых, если кони даже не успели разогреться?

Она сказала холодно:

— Кони? Вы говорите о конях, сэр Ричард?

— Они хотя бы бежали по этой выжженной солнцем степи! — ответил я люто. — А вы нежились на подушках! Я видел, сколько вам их туда напихали. Ладно, я не стану препираться. Раз уж ваш дурак расседлал коней, пусть передохнут малость. Но отныне останавливаемся только по моему приказу!

Она поморщилась, отвернулась и произнесла очень холодно:

— Вас наняли, чтобы сопровождать меня. А как ехать и где ехать — определяю я. А также когда отдыхать.

— А вот хрен в задницу, — ответил я в бешенстве. Кад-

фаэль, что как раз подъехал, охнул, а Клотар вздрогнул, нахмурился, его рука потянулась к рукояти меча. — Здесь все определяю я!.. Если ваш холуй на облучке осмелится... Эй ты, идиот, слышишь?.. Остановиша без моего разрешения — убью на месте. Запомните все: в море капитан корабля — царь, Бог и верховный судья всем и всему. А сейчас мой приказ: обедаем и выступаем тут же... Отдыхать на ходу!

Леди Женевьевы раскрыла хорошенъкий ротик, явно собираясь возразить, но в нашу сторону несется огромный черный пес, пугающе громадный, пасть распахнута, в красной, как жерло горящей печи, блистают острые зубы и длинные жуткие клыки, и она умолкла, подобрала ноги и съежилась. Даже Клотар, который уже вроде бы понял, что пес при мне, но и он, похоже, передумал слезать с коня.

Пес бросился мне на грудь, я заранее изготовился к толчку и сам сделал движение вперед, мы сшиблись, и я на ногах устоял, молодец. Пес пытался меня лизнуть, запрыгал вокруг, спрашивая, почему остановились.

— Привал, — объяснил я ему. — Есть тут, видите ли, слабые!.. Отдыхать им восхотелось.

Леди Женевьевы смотрела на пса с великим отвращением.

— Если уж захотелось чего-то, что слушалось бы и не перечило, почему не завести собаку?

— Хорошая идея, — признал я. — Это лучше, чем заводить женщин.

Она поморщилась, я не дал ей назвать пса верблюдом с клыками, посмотрела на Клотара.

— Наш охранник изволит разрешить нам пообедать. Вы поняли?

Он поклонился.

— Да, госпожа.

Я чувствовал себя настолько разозленным, что даже перекусить сел в сторонке. Бобик счастливо глотал куски жареного мяса, кругобедрая дочка хозяина снабдила на неделю, но, думаю, вечером все сожрем, глаза стали маслены-

ми, смотрит преданно, хвост колотит по бокам, как у среднеазиатского варана.

Клотар, леди Женевьевы и конюх устроились у самой воды, жевали медленно, явно затягивая обед. Кадфаэль вообще не ел, а я закончил чашечкой крепкого кофе, ветерок от нас, первым насторожился Клотар, для него это просто неизвестный запах, а леди Женевьевы прикрыла глаза и замерла, принюхиваясь.

Я поднялся, отряхнулся.

— Все, обед закончен. Если кто не опорожнил мочевой пузырь или кишечник, советую сделать это сейчас. Дальше поедем без остановок.

Леди Женевьевы спросила ехидно:

— До самого Каталауна? Или куда вы там едете?

— Отсюда и до ночи, — ответил я голосом армейского офицера. — Выполнять!

Вообще-то я не думал, что они вот так сразу соберутся, просто старался выглядеть жестоким и непреклонным, но, видимо, в этом феодальном мире только так и нужно, к тому же я уже потренировался в своем Амальфи, словом, подчинились беспрекословно, леди без всякой помощи взбралась в повозку, разве что с треском захлопнула дверцу, протестуя против деспотизма, кучер дернул вожжи, и отряд тронулся на рысях, а потом, разогревшись, кони довольно долго шли галопом.

Во все стороны ровная степь с небольшими клочьями леса, иногда холмы, почти всегда заросшие деревьями и кустами, не видать сел и деревень, они, как и города, располагаются по рекам, вода нужна всем.

Я вздрогнул, выныривая из глубоких размышлений, далеко позади раздался крик. Я поспешно развернулся: повозка сильно отстала, тащится еле-еле, а из ближайшего леска высаживают полуголые люди с оружием в руках. Один сразу же перехватил коней и повис у них на мордах, пригибая к земле, другие бросились к повозке. К счастью, все, кто протаптывал дорогу, опасались приближаться к

зарослям слишком близко, и, когда разбойники себя обнаружили, Клотар с этой стороны повозки переместился на другую, встав между лесом и добычей, я видел часто взмахивающий меч.

Ветер заревел у меня в ушах, я в мгновение ока оказался рядом с Клотаром, наши мечи звенели, сталкиваясь с оружием противника. Наконец они повернулись и бросились в лес, бросив даже раненых. Клотар тут же догнал двоих хромающих и зарубил. Кони затаптывали несчастного, который сумел их остановить, кучер достал его кнутом по глазам так, что ослепленный разбойник взывал и, ухватившись за лицо, оказался под копытами.

— Эй, — крикнул я в повозку, — вы там ол райт?

За дощатой стенкой послышался голос, особого страха я в нем не ощутил, а когда обогнул повозку, дверца распахнулась и показалась леди Женевьеве, бледная и решительная, с кинжалом в руке, которым заколола не то Хозе, не то тореадора.

— А вас это беспокоит? — поинтересовалась она холодно.
Я ухмыльнулся.

— Я ведь пообещал доставить вас в пункт назначения.

— Но вы не уточнили, — сказала она язвительно, — в каком виде.

Я ухмыльнулся шире.

— Вы правы, я об этом даже не подумал. Это, кстати, наталкивает на разные варианты... подсказывает возможности...

Послышался топот копыт, примчался запыхавшийся брат Кадфаэль, мул выглядел совершенно невозмутимым.

— Не убивайте! — закричал Кадфаэль.

Я повернулся, Клотар соскочил с коня и осматривал распостертых разбойников. Которые показывали признаки жизни, тем деловито перехватывал глотку. За ним ходил озадаченный пес, присматривался, старался понять новый поворот: то нельзя людей убивать, то можно, то снова нельзя... а сейчас, оказывается, все-таки можно, но не всех, а вот по какому принципу?..

Кадфаэль слетел с мула, как легкий комарик, успел ухватиться за руку Клотара, когда тот занес нож над последним раненым.

- Не смейте! Он уже без оружия!.. Это большой грех!..
- Он напал на нас, — прорычал Клотар.
- Но сейчас уже не враг!
- Почему?
- Он безоружен!

Клотар зарычал, выдернул руку и хладнокровно вонзил кинжал в горло поверженного разбойника. Тот захрипел и раскинул руки. Пес вскинул голову, в горле рычание, посмотрел на меня. Я кивнул успокаивающее, мол, все в порядке. Клотар тоже поднял голову, наши взгляды встретились. Он смотрел вызывающе, явно нарываясь на стычку, еще разгоряченный схваткой.

Я посмотрел на него, как на пустое место, повернулся к леди Женевьеве.

— Я рад, что вы не пустили лужу от ужаса. Значит, ничего не мешает нам ехать дальше.

Кучер прислушивался, тут же дернул за вожжи, повозка тронулась. Я догнал, сказал ему, что молодец, прямо Индиана с кнутом, свистнул пса и снова поехал впереди. Перед глазами мелькали, как на экране, сцены схватки. Марквард не соврал, Клотар в самом деле очень умелый боец. Ни одного лишнего или неверного движения: рубил, колол, повергал, к себе не давал даже приблизиться. Если бы я не подоспел, он сам бы, возможно, справился со всей шайкой. Если не ошибаюсь, разбойников было не меньше десятка. Из них только двое улизнули, двух Клотар зарубил убегающими, а если учесть, что я поверг только двух, на его долю приходятся все остальные, это четверо, причем в самое трудное время, когда приходилось драться одному.

Дважды видели троих гоблинов, но они ускользнули, едва рассмотрели наш караван подслеповатыми глазками, один раз над нами пролетел небольшой дракон, даже снизился, чтобы рассмотреть получше или примериться, но

мы взялись за оружие, он увидел блеск обнаженных клинков и поспешно взмыл к облакам.

Дорога постепенно опускалась, дальше в низине желтят соломенными крышами аккуратные домики. Как я обратил внимание, все на невысоких, в половину моего роста, столбах, словно здесь частые наводнения, все тщательно побелены, ставни из толстых массивных досок, до ма просторные, крылечки широкие.

Мы идем достаточно споро, я присматривался к домикам, по ним многое можно понять и о хозяевах, заметил, что в селе, судя по их виду, нет хаты старше, чем в два-три года, за домами огромные сады, ветки гнутся под тяжестью яблок и груш, старики заботливо подпирают рогульками, чтобы не переломились, или же подвязывают веревочками. Огромные круглые чаши оранжевых подсолнухов, лепестки — как язычки огня, множество цветущих маков...

Смутно чувствовал, что в этом какой-то сбой, маки вроде бы цветут ранней весной, как и подсолнухи, но если предки баловались с генами растений, то здесь может быть всякое...

Впереди необозримые просторы болот, темная вода зловеще чернеет между кочками серой осклизкой травы. Вот почему дома в деревне на столбиках, весной здесь все заливает на мили. Болото распахнулось вправо и влево, лишь в миле впереди упирается в темный берег. Там уже опускается огромное багровое солнце, зловещий красный огонь побежал по земле, вспыхнули верхушки болотных трав, а темная вода стала еще темнее.

Но по ту сторону гигантского болота виднеются стены крупного города. Подъехал Кадфаэль, сказал тусклым голосом:

— Странный город... Я там не был, но о нем много говорят.

— Что именно?

— Поговаривают, что там правят простолюдины. Его так и называют плебейским городом. А зря ты, брат паладин, позволил этому зверю убить пленного...

— Пленных захватывают в сражениях, — напомнил я, — не при грабежах. Воры, террористы и демократы —

вне закона. Их сразу на виселицу по определению. Думаю, брат Кадфаэль, в этом городе нам понравится.

Он посмотрел на меня с удивлением, а я пустил вперед пса, указав на город, а сам направил Зайчика по его следам. За спиной слышал голос Клотара, он велел кучеру не отставать от впередиидущих.

Плебейский город, так ужасающий брата Кадфаэля, странен и необычен только потому, что он пока что, видимо, первый. Жаль, я не знаю номера выигрышных билетов или какая лошадь придет первой на скачках, но помню хорошо, что именно плебейские города и похоронят в будущем родовитую знать. Вообще города не возникли бы без предпринимателей и ремесленников. Это они создали и финансировали цеховые союзы, что противостояли знатным родам, и скрепленное клятвой братство ремесленников оказывалось не менее крепким и стойким, чем рыцарские ордена. И сейчас мы приближаемся к стенам города, который мне должен быть ближе...

В раскрытые ворота въезжали последние торговцы с телегами, нас остановили, потребовали предъявить разрешение на въезд, плату за топтание земли, а также за ввоз четырех коней с повозкой, что наносит ущерб новенькой мостовой славного города. Я скрипел зубами, привык к рыцарской щедрости, но плебейство в том и проявляется, что при всякой демократии возрастает количество взяточников, хапуг, мздоимцев и обыкновенных вымогателей.

Я заплатил, нас еще некоторое время мурлыкли, стараясь придраться и заставить заплатить еще за что-нибудь, здесь ведь товарно-денежные отношения, законы рынка, но я наконец взялся за рукоять меча и попер конем на слишком уж обнаглевшего чиновника, пусть и средневекового.

Он заорал, начал звать стражу, но второй поморщился, сделал нам знак проезжать, а ему начал что-то объяснять строго и внушительно. Как мог я догадаться, нечто вроде недопустимости чрезмерного выжимания, а то ведь и до

военного переворота недолго. У кого меч в ножнах, тот может и вытащить...

Я сразу же направил наш караван к постоянному двору, велел расседлать коней, леди Женевьеву отвести в верхние покои и присматривать за нею, а сам спустился в нижний зал. За столами не столько едят, сколько пьют, я выбрал местечко у стены, чтобы видеть весь зал, заказал обильный ужин на пятерых.

— Это единственный постоянный двор? — спросил у хозяина.

— Через две улицы еще один, — ответил он с чувством полнейшего превосходства. — Но там намного беднее, проще, вовсе нет отделения для благородных.

— Отлично, — сказал я. — Распорядись, чтобы на стол подали, что я заказал. Мое пусть не жрут, скоро вернусь.

Хозяин этого двора гордился им не зря: через две улицы я увидел приземистый одноэтажный дом, кладка старая, крыша покосилась, двор невелик, кроме кузницы, там ничего и нет, даже хлеб пекут неизвестно где. У коновязи двое коней смирно жуют овес, простые коняги, а когда я поднялся на крыльце и вошел в помещение, откуда пахнуло кислыми щами.

Пес поглядывал на меня неодобрительно, на предыдущем дворе пахло вкуснее. Выбрав стол в таком же стратегически важном месте, чтобы видеть всех и вся, я заказал себе вина, к которому не притронулся, осматривал зал, а пес залез под стол и стал ждать падающих кусков мяса, а еще лучше — мозговых косточек. За соседним столом гудят, как шмели, чем-то встревоженные скотоводы, крепкие плечистые ребята, но абсолютно непригодные к приключениям, дальше трое странных типов, одеты неплохо, под плащами угадываются ножи и короткие мечи.

И лишь в противоположном от меня углу сидит угрюмый плечистый солдат, может быть, и не солдат, но мне показался именно бывалым солдатом: жилистый, с коротко обрезанными волосами, грубое обветренное лицо, широкая грудь с выпуклыми мышцами и длинные руки. Он не-

весело смотрел в кружку с элем, взгляд мрачный, нёмного тоскующий. Пышные усы печально повисли, я подозвал пробегающего парнишку, дал монетку и велел отнести на стол к усачу кувшин вина.

— Какого, ваша милость?.. Есть фальское, ринское...

Я покачал головой.

— Простого. Не стоит баловать рядового.

Я попробовал отхлебнуть вина, едва не выплюнул обратно, походит на испорченный уксус. Когда усачу поставили вино, он что-то спросил, парнишка указал в мою сторону. Усач бросил быстрый взгляд, рука его сграбастала кувшин и кружку.

Усач приблизился, во взгляде подозрение. Я молча указал на свободное место напротив. Он сел, взгляд мгновенно охватил и мой кувшин с дорогим вином, и по-царски зажаренного гуся.

— Чем обязан? — спросил он хрипловатым голосом, глаза у него оказались светлые, холодноватые, но лицо мне понравилось: суровое и добротное, если можно так сказать, умело слепленное, не пожалели материала на кости, на скулы, на мощные надбровные дуги. Квадратная челюсть, глубокие складки, но мелких морщин нет, да и откуда им взяться на такой выдубленной коже.

— Мне нужен крепкий солдат, — объяснил я. — Так уж получилось, что мне навязали в спутницы одну молодую особу женского пола. Я пообещал доставить ее в целости в земли герцога Нурменга.

Он буркнул:

— Это близко.

— Да, — согласился я, — однако и девица не горит желанием туда попасть, и нашлись люди, что хотели бы девицу умыкнуть...

Он хмыкнул:

— И что же?

— Мне нужен человек, — объяснил я, — кто сменил бы меня на страже, когда заночуем у костра. Со мной едет еще

один, но я ему не доверяю. А третий так вовсе не человек, а монах.

Он подумал, сказал медленно:

— Если будем только вдвоем, то это десять серебряных монет...

Он замолчал, в глазах сомнение, готов торговаться, сбросить, но я лишь кивнул.

— Хорошо. Ты прав, двое — маловато. Можешь подыскать еще одного по своему выбору. За ту же цену.

Он впервые улыбнулся.

— Сторгую за пять. Нагрузка все-таки поменьше... Меня зовут Альдер.

Я выложил на стол пятнадцать серебряных монет.

— Конь у тебя есть?

— Нет, но оружие в порядке.

— Что?

— Меч, топор, два ножа, еще кираса и железная шапка.

Я бросил на стол золотой.

— Купи коня. Не скучись, подбери хорошего.

Он кивнул с самым серьезным видом.

— Не сомневайтесь. Когда от коня порой зависит жизнь...

А что, девицу хотят умыкнуть очень серьезно?

— Очень, — согласился я. — Идиоты. Я бы ее сам отдал, да еще приплатил бы, но... пообещал довезти, куда дежнемешься.

Он задумался, я уж решил, что хочет отказаться или повысить цену, но он лишь поинтересовался:

— Тогда и для второго коня?

— Да. Но предупреди, что дело вообще-то опасное.

Он смотрел на меня прищурившись.

— Но вы-то взялись?

Я поморщился, развел руками.

— Дело в том, что я — рыцарь...

Он понимающе покивал, мол, это то же самое, что написать на груди «Дурак» крупными буквами и расхаживать по улицам, а то и добавить: «Люди! Плюйте на меня».

— Рыцарь — это хорошо... наверное. Но как случилось,

что вы... по-простому? Или доспехи пришлось отдать? Слыхал я, что у вас, благородных, такой обычай: отдавать доспехи и коня победителю.

Я ухмыльнулся.

— Просто не хочу драться с каждым болваном, возомнившим, что его дама сердца — самая дамистая. Доспехи у меня в мешке, а меч стараюсь не вынимать из ножен... лезвие уж очень заметное.

Он снова слушал внимательно, смотрел, оценивал, а улыбнулся уже почти дружелюбно.

— Если так, то вы не дурак, ваша милость. Хоть и рыцарь. Драться за дело — достойно, а по пустякам, как рыцари, — последняя дурь. Когда война — бьемся, так надо, а когда ее нет... разве ж за баб стоит?

Я объяснил, куда утром явиться, он допил и ушел, сразу повеселившись, с прямой спиной, настоящий ветеран, что хоть и спустил с себя все, но оружие при нем, что выручило снова. Уже не в бою.

— Вылезай, — велел я Бобику. — Здесь тебе ничего не обломится.

Он вылез и посмотрел на меня с таким укором, что мне, как Чехову, стало ужасно стыдно.

Глава 9

Клотар сидел за столом, удобно расположившись спиной к стене, а лицом ко входу, характерная посадка для мужчин, столешница заставлена широкими тарелками, глубокими мисками, там же высится кувшин и три медных кубка. Брат Кадфаэль скромно сидит на другой стороне, а моя тарелка с ювелирной точностью стоит на вершине невидимого треугольника с абсолютно равными сторонами.

Они молча смотрели, как пес влез под стол, завозился там, устраиваясь, печально вздохнул и лег, громыхнув kostями.

— А где извозчик? — спросил я. — Кучер? Ну, в смысле, водитель коней?

— Понес леди Женевьеве блюдо в номер, — объяснил брат Кадфаэль. — Он очень вежливый, хоть с виду не очень...

— Просто холуй, — буркнул Клотар.

— Он очень добрый...

Я отмахнулся.

— Понятно, понятно. Люди-дикари: на лицо ужасные, добрые внутри...

Я взялся резать мясо, стараясь не слишком явно присматриваться к Клотару, с кем до этого мы оба держались как на противоположных концах невидимой веревки и оба мечтали ее удлинить еще больше.

В просторном зале, где достаточно крепких мужчин, он выглядит, однако, как матерый волчище среди дворовых псов. Рослый, все в том же синем кафтане поверх стальной кирасы, коротко срезанные волосы обнажают толстую, как ствол дерева, шею, лицо будто высечено из серого камня, глаза стали еще ближе один к другому, зато широкий рот теперь шире, что я считал вообще невообразимым. Сейчас он откусывает такие ломти мяса, что я разделил бы на два десятка ломтиков, если бы в моих руках были нож и вилка. А так, конечно, я отстану от него не очень уж...

Я проглотил первый кус мяса, пересилил себя и сказал Клотару:

— У тебя нет причин меня обожать. Я тоже от тебя не в восторге... хотя, конечно, расправился ты с разбойниками просто великолепно!.. Так что давай не будем выказывать друг другу чрезмерной любви, но и не будем ничего такого, что помешает доставить леди Женевьеву... по адресу.

Он смотрел набычившись, с подозрением в близко посаженных оловянных глазах. Брат Кадфаэль сказал спешно:

— Да какие могут быть... Сэр Ричард, о чем вы говорите? Мы же все христиане!

— Еще какие, — подтвердил я.

Клотар проговорил неприятным голосом:

— Мы должны довезти леди Женевьеву...

Кадфаэль не уловил недосказанности, но я учゅял, у нас

с Клотаром есть нерешенное дельце, кивнул и ответил, глядя ему в глаза:

— А когда довезем, тогда — да.

— Хорошо, — ответил он грубо. — Отложим.

Я жестом подозвал паренька с подносом.

— Еще такого же барашка... В чем жарили?

— В оливковом масле, — ответил он с почтением к таким шустрым едокам, не заметил нашего ненасытного крокодила под столом. Уже брюхо будет волочиться по земле, а все равно будет жрать, морда противная. — А что к барашку?

— Мне ничего, — ответил я, — но у моих... гм... коллег есть свои запросы.

— Вина, — прорычал Клотар. — Только лучше, чем эта бурда.

Мальчишка повернулся к Кадфаэлю. Тот проговорил смириенно:

— Я уже сыт. Но, чтобы быть со всеми, я не откажусь от постной пищи.

— Есть прекрасные белые грибы в сметане, — сообщил мальчишка.

— Грибы и мне, — крикнул я вдогонку.

Мясо запивали вином из одного кувшина, стараясь не протянуть к нему рук одновременно, чтобы не соприкоснуться пальцами. Кадфаэль ерзает, на лице виноватость, не понимает напряга, ведь мы же христиане, должны взаимно прощать друг друга, даже щеки подставлять.

Принесли барашка и, к моему удивлению, заодно по своей инициативе подали прямо на сковороде еще шипящую и стреляющую капельками масла яичницу из дюжины яиц, горячий хлеб из муки тонкого помола и свежий сыр, а также поставили масленку, заполненную доверху свежайшим маслом.

— Ого, — сказал я. — Похоже, нас здесь уважают.

— Заметили, — буркнул Клотар. — Не люблю.

Я покосился на его яркий синий камзол, смолчал, хотя

на языке сразу кое-что завертелось, готовое спрыгнуть. Другое дело — брат Кадфаэль, этот в самом деле не любит, когда замечают, потому и весь из себя скромнейшая мышка.

Дверь распахнулась, в зал вошли, тяжело ступая, пятеро воинов в побитых доспехах. Во главе отряда я отметил коренастого и поджарого человека с суровым коричневым лицом. Из-под тусклого шлема выбиваются темные с сединой волосы, такие же белые нити блестят и в короткой бороде. Властный взгляд, разворот плеч и осанка выдают в нем командира. Кожаный панцирь в металлических пластинках, на широком поясе короткий меч и кинжал с длинным узким лезвием.

Бард оборвал песню несколько обидчиво: взоры всех обратились к пятерым. Они тяжело опустились за стол слева от нас, сразу потребовали еду и вина. Кто-то поинтересовался, что у них с доспехами, старший бросил коротко, что встретили гяурлега. И тот не ушел с дороги, как обычно делал, если верить легендам.

Разговоры прервались, теперь уже и бард начал прописываться поближе. Я не знал, что это за гяурлег, но видел, как посерезнел Клотар, как побледнел и часто-часто закрестился Кадфаэль.

Справа от меня кто-то сказал:

— Говорят, только Блуждающий может остановить гяурлегов.

— Но Блуждающий, — ответил другой голос, — ушел и больше не вернется...

— Это он сам так сказал?

Кадфаэль заметил, что я прислушиваюсь, сказал строго:

— Суеверия темных людей!.. Ничто не спасет мир, только любовь и милость Господа нашего. А все эти древние колдуны и маги — это темная грубая сила, что служит Сатане.

— А что за гяурлеги? — спросил я.

Клотар посмотрел на Кадфаэля с презрением.

— Зверь, которого уничтожить никто не сумел. Как раз

про него известно точно, что он был создан великим магом Синих Гномов, тот жил между Третьим и Четвертым циклом. А вот почему создал, здесь мнения расходятся. Не только у всякой швали подзaborной, но и у тех, кому думать велено сеньором, у каждого свое объяснение...

Кадфаэль тут же заспорил, Клотар грубо, но довольно умело парировал. Я слушал, поглядывал на потрясенных людей за соседним столом, доспехи жестоко измяты, у некоторых в щели проступают красные капли. Их пятеро, но неизвестно, сколько было перед стычкой с этим неведомым гяурлегом.

Очень хотелось выругаться. Одно дело, когда с генами экспериментировали ученые, да и то получалось нередко хрен знает что, недаром же в ряде стран такое вовсе запрещено, а другое, когда неграмотный маг, пользуясь обломками старых знаний, тоже пытается создать... в меру своего разумения. Вот и насоздавали.

Судя по обрывкам сведений, все эти чудовища были созданы в древние эпохи, когда еще что-то работающее да оставалось от старого мира. Однако поднимающейся из руин варварской цивилизации было непонятно само значение науки, а шаманы, отважившиеся войти в последние уцелевшие лаборатории... или клады с оружием, обрели могущество, размеры которого и сами не сознавали.

Я не знаю до сих пор, кто такие джинны, элементали и прочие бессмертные духи огня и воздуха: созданные ли существа или же сами шаманы, ухитрившиеся чаянно или нечаянно перейти на другой уровень существования.

Кадфаэль бросил на меня быстрый взгляд.

— Наверное, нужно у этих людей узнать...

Он замялся, Клотар буркнул:

— Я сам спрошу. Нам все равно выезжать из города.

Надо знать, через какие ворота.

— А что за Блуждающий? — спросил я.

Оказалось, что и Клотар, и Кадфаэль о нем слышали немало. Из их рассказов я понял, что Блуждающий... в некоторых легендах упорно именуется Гуляющим, хотя

смысл, понятно, иной, в древности овладел неким заклятием... был проклят, как упрямо утверждали другие, таких большинство, но и те и другие сходятся в том, что он получил вечную жизнь. Он набирался мудрости, знаний, стал богатым человеком, даже самым богатым на свете, но это наскучило, потом стал королем, тоже наскучило через пару столетий, а то и раньше, побывал на всех континентах, служил и Добру и Злу, теперь вообще никому, только бродит по свету, у него осталось только слабое любопытство... да и то, как подозревают мудрецы, он его поддерживает сам, ведь если остановиться на месте, то вообще...

Ночевали без помех, все прекрасно, леди Женевьева управилась со своим платьем и без служанки, так что рано утром мы накоротко позавтракали и бодро готовили коней. Треть пути за спиной, осталось всего два дня, а там я поеду один или с братом Кадфаэлем, это еще дней десять, и — рыцарский турнир!

Пес все порывался побегать по двору, но я заметил, как народ пугается, велел сидеть на месте. Я уважаю права и свободы граждан, которые еще не знают, что они граждане, а король их страны — тоже гражданин.

Брат Кадфаэль упаковывал в мешки снедь на дорогу, леди Женевьева вышла последней и с великой неохотой взобралась в повозку.

— Вы свой молот не забыли? — спросила она сухо.

Я удивился.

— Почему такая забота о моем молоте?

— Я видела, что он может, — сказала она и тут же добавила с ядовитой мстительностью: — Вы без него ничего не стоите, верно?

Я не успел ответить, в распахнутые ворота въехали на рослых конях двое мужчин в одинаковых стальных кирасах. Оба в простых, но очень функциональных шлемах, под кирасами кольчуги, а на поясах по мечу и боевому топору, еще у каждого длинный нож с узким трехгранным лезвием, за спиной круглые щиты. Один, который с пыш-

ными усами, сейчас лихо закрученными вверх, слегка поклонился, второй молча отдал честь.

— Прекрасно, — сказал я. — Прекрасно. Хорошие кони!.. Господа, позвольте представить вам доблестного Альдера и...

— Ревеля, — подсказал Альдер. — Я с ним прошел три войны, а также всю гергельскую кампанию...

— Гергельскую, — повторил я с умным видом, — ну да, если гергельскую... Добро пожаловать, Ревель. Как тебе уже наверняка сказал Альдер, нам предстоит вроде бы недлинный рейд, но есть некоторые сложности.

Ревель, во многом похожий на Альдера, такой же по возрасту, стати и даже выражением лица, ах да — вместе же гергельскую, молча кивнул. Глаза его серьезные, как и лицо, а губы плотно сжаты.

Клотар смотрел неверяще. Побагровел, спросил:

— Это что же... они едут с нами?

— Да, — ответил я. — Я их нанял.

Он сказал быстро:

— Но мы бы и сами довезли...

Я спросил холодно:

— Снова оспариваешь мои решения?

Альдер сразу все понял, для него я и задал очевидный вопрос, и употребил это «снова», чтобы сразу стало понятно. Альдер нацелился на спорщика хищными глазами материого зверя. Ревель тоже окинул Клотара оценивающим взглядом, понятным каждому мужчине. Клотар открыл рот, помедлил и закрыл. Опасный человек, знает, когда отступить, это не рыцари, те в любом случае будут переть напролом, если сочтут, что задета их честь.

Я сказал громко:

— Все, выступаем. Нам еще ехать и ехать. Чем скорее доберемся, тем быстрее каждый получит свое!

Я не старался добиться театрального эффекта, но все почему-то насторожились, подобрались, словно каждый заподозрил второй смысл в простой вообще-то фразе.

Занавеска в повозке колыхнулась, но я сказал громко:

— Думаю, леди Женевьеве представлять новых членов команды необязательно! Ей достаточно смотреться в зеркальце.

Альдер взглянул на меня с некоторым удивлением, но на выдубленном ветрами лице ничего не отразилось, Ревель тоже в седле спокойный, уже оценил обстановку, прикинулся, как, с какой стороны от повозки будет в поле, на болоте и на каком расстоянии нужно держаться в лесу.

Во дворе еще несколько человек запрягали коней, все с тревогой говорили о гяурлеге. Его видели у северных ворот, через которые мы въехали, как будто он шел по нашему следу, но догнать не успел. Я мысленно возблагодарил себя, такого умного и замечательного, что не давал останавливаться, отдыхать, гнал и гнал, и вот вознаграждение: шкуры целы. А те рыцари и воины, что шли к городу чуть позже, приняли вынужденный бой.

По их словам, гяурлег мог бы забрать их всех, но он не волк, что режет всю стаю: ухватил двоих, остальных просто разметал. Одного сожрал на месте, труп второго унес в пастис. Похоже, где-то нора, там может быть его самка с детенышами. Успеть бы собрать храбрецов, в это время самка ослабевшая, от детенышей не отойдет, можно бы разом избавиться... А на гяурлега какую-нибудь ловушку, ямку ловчую или что-нибудь хитрое, откуда никакой неуязвимый не выберется.

Когда мы покидали город через южные врата, монахи остановили нас и начали уговаривать отыскать гяурлего. Я заколебался, ведь я профессионально самое то, чтобы бороться со всякими там бродячими драконами, троллями и нечистью, однако пересилил себя и ответил, прямо и честно глядя в суровые лица:

— Увы... понимаю, стыдно отказываться, про нас могут подумать всякое... Но мы не мальчишки, чтобы нас брали на «слабо». Я выполняю задание куда более тяжелое, чем ловить драконов.

— Какое? — поинтересовался один из монахов.

— Везу женщину.

Монахи посмотрели на меня в недоумении, я оставался очень серьезным, и они посерезнели тоже. Возможно, у меня непростая женщина. Или везу в такое место, откуда не возвращаются.

— Тогда с Богом, сын мой.

— Его помочь будет очень кстати, — признался я.

Следом за нами с опаской покинули город еще пара всадников налегке и тяжело груженный караван. Всадники, убедившись, что гяурлег не подстерегает, пустились галопом, караванщики потянулись медленно, степенно, а мы пошли экономной быстрой рысью.

Альдер, который лучше всех знает эти земли, поехал со мной рядом, подробно рассказывал о местах, где едем, о тех, которые справа и слева, а также о тех, через которые будем ехать. Везде он бывал, везде воевал, я уже усомнился было, так ли это, но убедился по крайней мере в превосходной памяти Альдера: дорогу помнит до последнего камешка.

Земля, как я понял, остается в основном еще в руках, вернее, в лапах того мира, который люди истребляют, несмотря на постоянные войны с себе подобными. Не только отдельные замки, но даже целые королевства бывают окружены со всех сторон смертоносными болотами, ожидающими лесами, зыбучими песками, и везде масса самых разных смертоносных тварей, из которых известны хорошо если половина. Но даже в таких вот королевствах, что уже имеют четкие границы, нет-нет да и попадаются пятна Черного Тумана, Синей Травы или Ведьмины Кольца, а в уже освоенном лесу, где крестьяне рубят лес, а бабы собирают хворост и ягоды, вдруг появляется какая-нибудь нечисть...

Клотар едет вблизи повозки, но с каждым часом все больше вырывается вперед, в руках дважды побывал арбалет. Я ощущал себя уязвленным, достал лук и начал высматривать дичь. Перво-наперво присмотрелся к гусям, чего это разлетались, обнаглели, не скоро вас научат летать

под облаками, а пока что прекрасно знают убойную дальность стрел...

Щелкнула тетива, я напряженно провожал стрелу взглядом. Когда уже думал, что переоценил крепость своих мышц и точность лука, стрела наконец достигла заднего гуся, почти на излете, клюнула его в шею.

Я заметил, что Клотар посматривает на меня, но старается не показывать вида. Альдер радостно закричал, когда гусь пошел вниз, конь под ним сорвался в галоп. Гусь падал, растопырил крылья, пытался то планировать, то снова яростно молотил по воздуху крыльями, так что Альдер успел подхватить его на лету.

— Прекрасный выстрел, ваша милость, — крикнул он, сияя, всегда приятнее служить умелому рыцарю, чем просто богатому недоумку. — Как повезло!

— Щас увидишь, — пообещал я, — как мне везет...

Но гусей больше не попадалось, я тщетно обшаривал взглядом небо, а когда наконец показалась большая стая, то летела слишком высоко, даже стрелы из лука Арианта с их повышенной дальностью, увы, имеют пределы.

Зато я выстрелил в высокочившего из-под ног Альдера зайца. Стрела догнала зайца в верхней дуге прыжка, пронзила, и на землю упал уже бьющийся в агонии серый комок. Альдер снова подхватил, осмотрел, выдернул стрелу и подал мне.

В глазах глубокое уважение, еще один такой выстрел, и поверит, что это не случайность, что я в самом деле суперстрелок. Придется, чтобы отвести подозрение от самого лука, пару раз промахнуться.

— Вы были не только рыцарем, ваша милость, — сказал он так, что я услышал и закамуфлированный вопрос.

— Я рыцарем стал на поле боя, — ответил я кратко.

Он смолчал, я объяснил сразу все. А я спрятал лук, стрелу сунул в колчан, не стоит рассказывать, что там всегда ровно двадцать стрел, сколько бы раз я ни выстрелил.

Пес посмотрел на меня с обидой. Только-только, как

он понял, началась охота, это же самое интересное, а я уже устал? Ну тогда он сам будет ловить зайцев...

Альдер, стараясь быть как можно более полезным за свои десять серебряных монет, принялся рассказывать, что за этими землями королевства Варт Генца лежит королевство Гиксия, однако они не соприкасаются: между ними обширная зеленая долина, которую ни король Фальстронг, ни король Искандиар не намерены присоединять к своим владениям. И все потому, что там почему-то заговоренные земли.

Однако земли этого обширного континента — лакомый кусок не только для искателей приключений, авантюристов и кладоискателей, но даже обыкновенные крестьяне, которые похрабрее, в минуты отчаянной храбости собирают весь скарб в повозку, запрягают кто быка, кто коня и отправляются в эти свободные земли.

Кому повезет, тот сам становится себе господином на плодородных землях, налоги не платит, никому не кланяется, быстро обзаводится потомством, и вот уже, глядишь, свое село, а там и городок, от которого рукой подать до собственного королевства. Сперва маленьского, но так как нет никаких войн с соседями за отсутствием оных, то такое королевство растет стремительно... пока не упирается либо в зачарованные области, либо нарушается управление и начинается смута и борьба за престол.

Можно бы, конечно, объехать обширную область между графствами фона Кастелинга и владениями барона де Голли, но, во-первых, это потерять не меньше трех дней, а во-вторых, находились же смельчаки или отчаянные головы, что пересекали это уроцище Плачущего Младенца и оставались живы. Правда, Альдер называл таких не смельчаками, а везунчиками, я помалкивал, не решаясь спорить с бесспорным.

Глава 10

Леди Женевьеву к дополнительной охране отнеслась с полнейшим равнодушием, Альдер напрасно выпячивал грудь и подкручивал усы, мол, с ним волос с нее или на нее

не упадет, она смерила его холодным взглядом, зевнула и задернула шторку на окошке. Кучер вообще не повел глазом, смотрит только вперед, изредка подергивая за вожжи, разговаривает с лошадьми, эти в его полной власти, здесь он крут и беспощаден, настоящий феодал, какими их представляют простолюдины.

Альдер присматривался к псу, а когда мы несколько оторвались от других, сказал вполголоса:

— Кого-то мне этот милый песик напоминает...

— Все собаки одинаковы, — заметил я.

— Это кошки одинаковы, — поправил он. — А собак можно различить хотя бы по росту. Это же не пес, а настоящий кабан!..

— Крупный, — согласился я и посмотрел на него с ожиданием.

Он ухмыльнулся:

— Ну, раз он вам служит, а нас не рвет на части, то это хороший пес.

— Очень, — сказал я, — лапочка. Такой послушный!

Его улыбка стали шире:

— Да уж... Я не стану говорить, на кого он похож...

— Не стоит обижать честного пса, — согласился я, — нехорошими сравнениями.

Он оглянулся:

— А ваш монашек покропил святой водой?

— Когда монашек его встретил, — заметил я, — он был не в том состоянии, чтобы что-то одобрить или забанить. Когда пришел в себя, он принял пса, как и траву, на которой лежал.

Он кивнул:

— Мы все такие. Если вашего песика увидят одного в лесу или в поле, сразу невесть что подумают! А когда вот так с нами, то собака и есть собака. Только очень крупная.

Не дурак, мелькнуло у меня. Такие вещи понимает, которые относятся к общей психологии толпы, если есть такая дисциплина.

Он все поглядывал и на моего коня, однако на лбу не

осталось и следа от свалившегося рога, а так конь как конь, только очень крупный, а когда идет рысью или галопом, он становится просто прекрасен, как клипер под всеми павлинами или танцующая женщина.

Мы остановились на крутом изгибе, дорога почему-то сворачивает, делает гигантскую петлю, а затем снова выходит на прямую и пропадает за горизонтом.

— А что? — спросил я. — Заминировано?

— Сэр...

— Нагажено? — поправился я. — Кони в дерьме копыта испачкают?

Альдер внимательно смотрел на мирную долину с роскошной зеленою травой.

— Не знаю, — признался он. — Помню только, что испокон веков так ездят.

— Может быть, — предположил я, — когда-то там было нечто очень опасное, тогда обезжали поневоле, но сейчас зачем?

Он подумал, кивнул, перевел тот же очень внимательный, даже прощупывающий взгляд на меня.

— Все может быть, ваша милость. Так что же... едем прямо?

Я подумал, прикинул взглядом длину исполинской петли.

— Нет, поедем согласно дороге. Петля не так уж и велика. Когда-нибудь в другой раз, когда не буду ничем связан, когда буду готов получше...

Он ухмыльнулся:

— Ваша милость, теперь я вижу отважного и опытного воина, а не задиристого мальца. Увы, многие рыцари мальцами остаются до глубокой старости. Я рад, что мы с Ревелем сейчас с вами. За него не беспокойтесь, он сейчас с другой стороны повозки. Следит и за девушкой, что внутри, и за ее телохранителем. Она очень красивая и... беззащитная.

Я изумился.

— Беззащитная? Эта змеюка?

— Некоторые цветы, чтобы их не сожрали сразу, научились отращивать шипы... Как их, забыл...

— Розы, — подсказал я.

— Да, розы. Если бы не шипы, их бы козы давно сожрали. А так розу сорвет тот, кого не страшат ее уколы.

За спиной послышалось конское фырканье, стук колес, подъехала повозка. Клотар и Ревель держатся по обе стороны, рослые и с одинаково каменными лицами. Кучер натянул вожжи, колыхнулась занавеска, леди Женевьевы высунула смуглую личико. Жмурясь от яркого солнца, спросила надменно:

— Чего стоим?

— Это наше дело, — отрубил я. — А вы езжайте дальше. Вон дорога!

Альдер взглянул на меня несколько странно, мне даже почудился в его взгляде легкий укор. Пес запрыгал вокруг повозки, стараясь лизнуть узницу, утешить, я строго велел ему не приставать, леди Женевьевы с брезгливостью поглядела ему вслед.

— Почему он такой огромный?

— Наверное, потому, — ответил я, — что это собака, а не кошка, если вы еще не рассмотрели.

— У меня дома в спальне шесть собачек, — заявила она оскорбленно. — Так что я в собаках разбираюсь! Все шестеро спят на одной подушке.

Не слушая меня, задернула занавеску, кучер взял в руки вожжи, коляска понеслась, подпрыгивая на ухабах. Клотар и Ревель удалились так же синхронно, только брат Кадфаэль на крупноголовом мule приотстал, улыбнулся нам светло и беззащитно.

— Брат Кадфаэль, — сказал я, — ты с кем предпочитаешь общаться: с женщинами или собаками?

Брат Кадфаэль даже отшатнулся, все понятно, я кивнул, сказал понимающе:

— Ты прав. Женщина — полная противоположность собаке: собака все понимает, но ничего сказать не может...

Альдер вздернул бровь, вдумываясь и запоминая, но ничего не сказал, и мы, пустив коней в галоп, обогнали повозку и понеслись по утоптанному тракту.

Дорога, словно река из расплавленного золота, прошгла русло в цветущей зелени, углубилась в почву двумя глубокими колеями. При каждом шаге вздымалась тончайшая желтая пыль, долго висела в воздухе, оседая на одежде и лицах тех, кому выпало ехать следом.

Дважды видели небольшие села, что расположились в излучинах небольшой речушки, на опасливом удалении от леса. Хоть и далеко бабам ходить за сучьями, грибами и ягодами, а мужикам — возить бревна, зато и лесному зверю надо выйти на открытое место, чего звери не любят. К тому же оба села, как я сразу заметил, окружены рвом и ловчими ямами.

Дорога, кстати, быстро истончалась, несколько раз вообще пропадала в траве. Дальше лежит то, что в моих краях называлось Диким Полем, где вольно гуляли запорожские казаки, крымские татары, ногайцы, куда редко забирались отряды польских магнатов, но искали славы герои-поединщики, начиная от хазарских времен и кончая «лыцарями» из Сечи.

Сходство еще и в том, что и здесь немерено дичи, в реках видимо-невидимо рыбы, в плавнях не протолкнуться от птицы, в лесах бродят могучие стада туров и зубров, диких свиней, оленей, ветви деревьев гнутся под тяжестью гнезд сытых птиц, а пчелы переполняют душистым медом дупла деревьев.

Такая вот степь, перемежаемая участками леса, тянется, как говорят, на сотни, если не тысячи миль, где переходит в Высокие Холмы. А дальше вообще надо одолеть непростой перевал через горную цепь, чтобы снова попасть в цветущую долину, уже действительно южную: тамошние жаркие ветры, ударившись в горную гряду, возвращаются обратно, так что там, по слухам, вовсе не бывает зимы.

Здесь же пока что земля самая что ни есть благодатная:

множество ручьев, рек и речушек, а холодные ключи бьют из-под земли чуть ли не через каждые полмили. Альдер уверял, что на каждую милю найдется десяток ключей. Их можно увидеть издали, присматриваясь к деревьям или внезапно буйной и сочной зелени.

По этой дикой земле легко проходят в любую сторону воинские отряды, особенно если помимо конников и ратников еще есть и лучники. Кони всегда находят сладкую траву и свежую воду, люди стреляют дичь, а вот небольшие отряды уже рисуют. Еще больше рисуют одиночки, однако именно одиночек привлекает такое Дикое Поле: есть где сразиться с такими же искателями приключений, единоборцами.

Пес унесся далеко вперед, исчез, затем я видел его черную голову справа, и через секунду — за четверть мили слева, он гонял толстых птиц с красными крыльями, что не желали улетать далеко и тут же садились обратно, что лишь раззадоривало азартного Бобика. Во все стороны простор, лишь изредка проплывают мимо стайки рассыпающихся скал или же кучки деревьев, город далеко позади, мы в Диком Поле, где только один закон — закон сильного, однако сегодня со мной Альдер и Ревель, крепкие и надежные, хотя и себе на уме, опасаться стоит только Грубера, которой еще и барон Дикого Поля, а также эрл чего-то там и владетель еще чего-то. Словом, такая шишка, которой я могу только сапоги чистить.

Я посматривал по сторонам, однако признаков конного отряда пока нет. Более того, их не замечал и Альдер, следопыт из него получше, чем из меня. Ревель сказал гордо, что у нас лучшие в мире кони, никто не догонит, однако Клотар напомнил, что мы едем как раз по такому краю, куда за покупками съезжаются все лошадники. Наши прежние кони выглядят клячами рядом с нынешними, но ведь и Грубер тоже из этого края. Я еще в тот первый день, когда мы схлестнулись на улице, обратил внимание на их дивных коней.

И еще Клотар сказал однажды с беспокойством:

— У Грубера слишком много причин, чтобы снарядить в погоню за нами целое войско. Мы увозим его невесту, а это и богатство, и огромные земли Маркварда...

Альдер прервал презрительно:

— Клотар, ты был простолюдином, им и помрешь, хоть и командуешь всеми силами Маркварда! Грубер — рыцарь, а для рыцаря нет большего оскорбления, чем бытьбитым на виду у всех. Такие оскорблениесмываются только кровью. А невесты, земли, богатства... что они для благородного рыцаря?

Клотар хмыкнул, но спорить не стал, а я еще больше уверился, что человек он опасный. Мог бы возразить и доказать, что Грубер не такой уж и рыцарь, как распространяет о себе слухи, но... не стал. Что-то придерживает при себе.

К полудню кони устали, я приметил такое же одинокое дерево посреди степи, инстинктивно предпочитаю подобные места, чтобы никто не подгребся неслышно и незаметно, хотя Клотар резонно доказывал, что лучше ночевать в чаще, там нас заметить труднее.

Альдер и Ревель умело разожгли костер, со сноровкой разделяют дичь, да и вообще все у них получается умело и без суеты. В то время как Клотар садился обедать с конюхом, эти двое держатся ближе ко мне, но все же образуют одну малую команду в составе более крупной. Я присматривался к ним, понятно, что оба будут в первую очередь прикрывать спины друг друга, а уже потом наши.

— Ревель, ты возвращаешься с какой-то войны или так и подрабатываешь охранником караванов?

— Подрабатываю, — признался он. — Что делать, уже лет двадцать мечтаю стать управляющим хотя бы крохотного хозяйства. Лучше бы целого замка... хе-хе, но не с моимрылом на такое, а вот малое хозяйство — самое то, что нужно ветерану, вышедшему на покой.

Альдер иронически щурился, я поинтересовался:

— А ты долго собираешься идти с мечом по жизни? Вот даже Клотар подумывает на покой!

Альдер сдвинул плечами.

— Мало ли что я мечтал по юности. Как раз грезил когда-то именно о своем небольшом хозяйстве... В смысле я — хозяин, а такой вот надежный, вроде Ревеля, — управлятель... Но я видел, как многие, кто мечтал куда меньше и скромнее, не доживали даже до седых волос. Так что лучше не мечтать попусту, а делать дело.

— Да, — согласился я. — Кто мечтает, тот мечтает зря, а кто делает дело, того удача сама находит и бросается на шею.

Пока обедали, Альдер рассказал кое-что забавное про людей и места, где нам ехать, Ревель рассказал смешную историю про двух рыцарей и заблудившуюся в лесу монахиню, а когда подошла очередь до меня, я приспособил несколько анекдотов, стараясь выбирать попроще, однако и те пришлось растолковывать. Потом Альдер запел, Ревель подхватил, я этих песен никогда не слыхал, а когда они попросили спеть что-нибудь из песен моего народа, я порылся в памяти и спел пару песен о войне, потом о любви.

Они слушали зачарованно, за спиной послышались всхлипывания. Я обернулся, удивленный, это Женевьевы рыдала и терла кулаками глаза. На меня посмотрела почти с ненавистью.

— Что у вас за песни?.. Вы кто?

— Хороший ученик, — ответил я с неловкостью. — Плохие песни забываются, хорошие застrevают в голове. Разве не так?

— Так, — огрызнулась она. — Но почему хорошие песни знают.. не только хорошие?

— А память от хорошести не зависит, — объяснил я благодушно. — Память в голове, хорошесть — в сердце.

Альдер попросил:

— Ваша милость, спойте что-нить еще!

Я подумал, пробормотал:

— Если моя память мне ни с кем не изменяет, то я

вспомню... Ага, вот всплыло... увы, кверху брюхом. А вот это вполне, вполне...

— Да хоть и кверху, — поторопил Альдер. — Я таких песен никогда не слышал!

Леди Женевьева фыркнула, отсела и сделала вид, что занимается рукодельем, как надлежит благовоспитанной леди.

Я спел, потом еще и еще. Певец из меня хреновый, но когда за твоей спиной шедевры ряда веков, когда каждый день слушал сотни песен, от седого ретро до ньютехнодрэка, то я собрал бы здесь все призы на юрмалах и евроконах.

Альдер слушал, покачивал головой. Я читал в его выпуклых глазах: да, не родились вы рыцарем, ваша милость. Но когда только успели побывать... еще и этим?

Я вздохнул, поднялся.

— Зайчик, ко мне!

Свистнул, далеко на опушке леса застыла черная, как вырезанная из эбонита, фигурка коня. Пес воспользовался моментом и с силой ударил грудью в бок, но Зайчик только пошатнулся. В следующее мгновение он тряхнул гривой и понесся в нашу сторону.

Мчался неспешно, красивым аллюром, сильно выбрасывая в сторону ноги. Хвост и грива развеиваются по ветру, при каждом скачке слегка взлетает в воздух, очень грациозно, как будто переливается быстрой волной. Альдер и Ревель, даже Клотар любовались прекрасным животным, а я, дитя другого времени, подумал о том, как это конь слышит мой свист, если я едва шевельнул губами?

Альдер сказал с восторгом:

— Если бы не черный, цены бы ему не было!

— А что черный, — спросил я уязвленно, — разве не самые быстрые — вороные?

— Да, но вам, сэр Ричард, больше пристало бы на белом коне! Как паладину.

Я отмахнулся.

— Я белый рыцарь на черном коне. И вообще, у моего

черного коня — душа белая. В то время как у некоторых белых людей — души чернее сажи.

Альдер хохотнул, толкнул Ревеля в бок.

— Смекаешь, о ком сэр Ричард сказал?

Ревель чуть-чуть растянул губы. Он все еще держится сдержаннее всех, медленно вживается в отряд, но исполнительный, работоспособный, никогда ничего не забывает и вообще кажется мне надежным и даже очень хозяйственным.

— Сэр Ричард, — сказал он осторожно, — что-то конь в упряжке захромал. Надо успеть в город затемно.

— Захромал? — переспросил я. — А что же конюх молчит?

— Он собирался сказать...

— Что ж не сказал? Кони — его забота. Не нравится мне это, все-таки коней Марквард дал подготовленных для долгой дороги. Ладно, проехали. За всем не уследишь. Запрятайте коней, выступаем!

Мы с Альдером едем впереди, Клотар и Ревель по обе стороны повозки, а брат Кадфаэль на муле тащится сзади. Пес держится некоторое время с нами, но слишком много выпархивающих из-под лап и копыт птиц, убегающих зайцев, и он убегал настолько далеко, что даже я начинал беспокоиться, Альдер же многозначительно покашливал и делал скорбное лицо.

Он раньше меня заметил нечто впереди, насторожился, привстал в стременах.

— Дымок...

— Костер? — спросил я. — Ну и что, люди трапезничают.

— Не прямо же на дороге!

Переглянувшись, мы пустили коней в галоп. Я обогнал сразу же, впереди появилось темное пятно, стремительно разрослось и превратилось в обломки догорающих повозок. На дороге жалобно кричала и билась в агонии тяжело раненная лошадь, всюду трупы в лужах крови. Двое сумели ускользнуть в густую траву, но и там их догнали и зверски

добили, я видел с рослого коня истоптанную и залитую кровью траву под изуродованными телами.

Повозок три, если судить по глубоким колеям из-под их колес, везли нечто тяжелое, но вряд ли разбойники со-жгли товары вместе с повозками.

Мы обехали вокруг, в траве отыскали тела молодой женщины и мальчишки лет семи. Над обоими еще и поглу-мились. Женщина совершенно голая, вся в кровоподтеках. Насиловали наверняка многие, а потом, натешившись, отрезали груди и вспороли живот снизу и до пупка. Маль-чишке отрезали гениталии, вспороли живот.

— С мужчинами можно поступать по-всякому, — хму-ро сказал Альдер, — особенно когда допытываешься, где клад зарыл или с каким словом можно пройти в крепость... Но тех, кто так с женщинами... я бы сам жег на медленном огне. Но сперва бы заживо снимал шкуры!

Я оглядел догорающие повозки.

— Такое надо показывать горожанам почаше, — сказал я, — чтобы не орали, что цены на товары высокие, что про-клятые купцы наживаются! Вот попробовали какие-то не-счастные снизить себестоимость, взяв охраны поменьше...

— Это верно, — согласился Альдер. — Простой народ не понимает, что непросто привезти заморский товар, да еще платить на границах каждого баронства за топтание земель.

Застучали копыта, повозка не просто несется к нам, а летит, кони стелятся в стремительном беге. Леди Женевьевы-ева высунула голову и смотрела в нашу сторону. Возница нахлестывал коней, а когда оказался возле нас, резко натя-нул вожжи.

— Тпру!.. Что случилось?

Я сказал зло:

— Да вот тут некие разбойники развлекались!

Леди Женевьевы сказала быстро:

— Это не Грубер!.. Это не Грубер!

Я сдвинул плечами.

— Не знаю вашего Грубера, потому я ни на кого не ки-

ваю. Но вам виднее, раз уж вы в первую очередь подумали о нем.

Ее щеки зарумянились, дверца распахнулась, Альдер соскочил и подал ей руку, опередив Клотара. Я не стал смотреть, кивнул Клотару.

— Слышал, что она сказала?

Он буркнул с неприязнью:

— Да.

— И что думаешь?

Он заколебался, сказал угрюмо:

— Это в городах есть какая-то власть... а в Дикой Степи всякий сам себе хозяин.

— Значит?

Он сказал еще неохотнее:

— Не буду ничего говорить. В Степи все чувствуют полную свободу.

Я кивнул.

— Понятно. Этого достаточно. Я примерно вижу, как воспользуется полной свободой брат Кадфаэль и как воспользуется этот барон-разбойник.

Он смотрел на меня ничего не выражавшими оловянными глазами, мол, ни за что не угадаешь, как воспользовался бы свободой я, а я кивнул подъехавшему Кадфаэлю, он сразу же ухватил книгу и бросился читать молитвы по убитым.

Я сам подъехал к леди Женевьеве, что слишком приблизилась к месту, где нашли женщину с мальчишкой.

— Леди, — сказал я резко, — возвращайтесь!

Она окрысилась, спина прямая, настоящая красавица испанка, донна белла, или как их там:

— Что?.. Почему вы мне приказываете?

— Потому, — сказал я еще резче, — не хочу, чтобы вы все здесь облевали! Быстро, поворачивайтесь! К повозке...

Но она уже увидела, охнула, сделала три торопливых шага и оказалась прямо над женщиной. Над трупами стоял на коленях брат Кадфаэль и читал заупокойную. Леди Же-

невьеева побелела, несмотря на смуглую кожу, прижала руки ко рту.

— Что, — сказал я грубо, переводя огонь на себя, — отпечатки знакомых сапог увидели?.. Возвращайтесь.

Последние слова я, как ни старался, произнес все же мягко. Она всхлипнула и побрела обратно.

Глава 11

Солнце опускалось за край леса, когда мы проехали, заплатив пошлину, через городские ворота. Постоялых дворов оказалось сразу три, что правильно: должна быть конкуренция, бей монополистов. Мы выбрали лучший, у меня есть чем платить, да и, если честно, всегда было, спасибо заветному амулету. Разместили коней, сложили вещи в комнатах и заперли, Ревель, как самый хозяйственный, за это время побывал в нижнем зале, велел накрыть стол в отделении для благородных, и, когда мы спустились, слуги как раз расставляли последние кувшины с вином и чаши.

Леди Женевьевы на этот раз не изволила отсиживаться в своей комнате и дуться, пришла в сопровождении Клотара, а в ее комнате оставили охранять вещи конюха.

На ужин подали великолепный мясной суп, только от запаха одуреть можно, жареную птицу, яичницу с ветчиной, печеную рыбу, множество сладостей, мы сперва утоляли голод, затем просто ели с аппетитом, потом смаковали, не в силах оторваться от мастерски приготовленных блюд.

В огромном зале около трех десятков столов, две трети заполнены, воздух пропитан тяжелыми запахами еды и вина, но мы под стеной, где окно прямо над столом, свежий ночной воздух разгоняет нечистые ароматы.

Клотар внезапно всхрюкнул, сделал движение привстать, да так и застыл в такой позе и с вытаращенными глазами. Я сидел боком ко входу в зал, повернул голову и увидел, как через порог переступил Грубер. Без доспехов, в ярком синем камзоле, расшитом золотыми цветами, он

выглядел великолепным красавцем любовником, по которым сохнут домохозяйки. Узкий пояс подчеркивает тонкую талию, лицо чисто выбрито, пара свежих шрамиков подчеркивает мужественный загар и белые зубы.

С ним вошли трое матерых и загорелых дочерна воинов. Все в кирасах, у двух еще и кольчуги, а у третьего под кирасой кожаный камзол, прошитый металлическими нитями. Все с короткими мечами у поясов и, как и Грубер, без головных уборов. Они сели за ближайший стол у входа, и, пока один заказывал ужин, остальные не отрывали от нас взглядов.

Заприметив такого богато разодетого красавца, к нему заспешил хозяин, изогнулся в поклоне.

— Красавец, — заметил Альдер. — Только слишком ярко...

Леди Женевьевы вспыхнула как маков цвет, смотрела восторженными глазами на барона-разбойника. Я буркнул:

— На вкус и цвет дуракам закон не писан.

Альдер хмыкнул.

— Везде по одежке встречают, коли рожа крива.

Грубер сразу же направился к нам и бесцеремонно сел по ту сторону стола. Я нахмурился, но не успел сказать слова, как он со сладчайшей улыбкой обратился к Женевьеве:

— Моя дорогая!.. Рад, что ты пригласила меня к вам за стол.

Клотар дернулся, быстро взглянул на меня, мы этого гада не приглашали, я смолчал, Женевьевы сияет, смотрит на барона-разбойника с обожанием, и, если мы его попрем без очень веских доказательств, что он сволочь, эта дура возненавидит нас еще больше, а нам это надо?

— Надеюсь, сэр Ричард, — сказал он по-свойски, — мы с вами еще скрестим копья на турнире в Каталауне.

— Тоже надеюсь, — ответил я нейтральным голосом.

— Жаль только, — ответил он, — что не могу пригласить вас на свадьбу с леди Женевьевой. Будет только малый круг наших общих друзей... а вы в него не входите.

Я ответил мирно:

— Не думаю, что ваша свадьба состоится.

Он засмеялся.

— Да? Женевьеву, скажи им.

Она повернула ко мне сияющее лицо и сказала дерзко:

— Я выхожу за барона Грубера замуж.

Клотар стиснул кулаки, Альдер нахмурился. Все ждали моего слова, я кивнул.

— Я всегда на стороне тех, кто бунтует против деспотической власти родителей. Так что я целиком... да, целиком. Но мы обещали отвезти Женевьеву к королевскому двору. Или к герцогскому? Впрочем, это неважно.

Грубер сказал легко:

— Не волнуйтесь, я снимаю с ваших плеч эту тяжкую для вас и такую приятную для меня ношу. После свадьбы я сам отвезу туда мою жену... если она, конечно, захочет.

За столом, где расположились его соратники, поигрывали ножами для разделки жаркого и поглядывали на нас с победными улыбками. Я тоже улыбнулся, развел руками.

— Тоже решение. Хорошее решение.

Клотар и Альдер смотрели на меня с недоумением.

Клотар наконец спросил неприятным голосом:

— Что... вы предлагаете передать ее барону?

Лицо его начало медленно наполняться тяжелой кровью. Он задышал чаще, ладонь поползла к рукояти меча. Я пожал плечами.

— Почему нет? Баба с воза — кобылу в... Деньги и копейки мы уже получили. Так что пусть забирает. Не скажу, что был счастлив от ее присутствия. Правда...

Они четверо сияли, только Клотар, несмотря на растущий гнев, что-то уловил, остановил пальцы на рукояти меча, спросил настороженно:

— Что?

— Правда, — повторил я, — хотя я полностью за право выбора предмета любви самими субъектами... неча тут родителям лезть!.. я вообще, если на то пошло, за свободную любовь... по крайней мере, для меня, а вы оставайтесь кон-

серваторами, мне так удобнее, однако же, признавая и сознавая...

Я перевел дыхание, во как закрутил речевую фигуру, еще замысловатее, чем из трех пальцев из-под локтя над ушами; оглядел всех, теперь слушающих неотрывно, закончил с лицемерным вздохом:

— Но мы живем в правовом пространстве, которое нам хоть и не нравится, но все же лучше устаревшие законы, чем никаких. Вот когда узаконят, что девушки могут выходить замуж по любви, а не по деспотическому произволу родителей, тогда я первый сниму шляпу, в смысле шлем, и раскланяюсь. А пока что мы не может передать Женевьеву сэру Груберу без разрешения на то ее родителей. И не можем допустить свадьбу, если он, сэр Марквард, не пришлет письменное подтверждение с теми людьми, слову которых я могу доверять.

Грубер смотрел на меня бешеными глазами. Лицо медленно багровело, губы посинели, а желваки, казалось, вот-вот прорвут кожу. Я ждал, что он опрокинет стол и с диким ревом ринется на меня, напрягся и держал руку на рукояти меча. Однако Грубер медленно выдохнул, смолчал, отчего мне стало чуточку не по себе. Еще один, который умеет держать себя в руках, а я предпочитаю более непосредственных людей.

— Все же, — проговорил он хриплым голосом, — полагаю, что незамужней женщине, которая печется о своей репутации, нельзя находиться в обществе мужчин. Я сниму для нее лучшую комнату на этом постоялом дворе. А завтра утром в здешней церкви в присутствии свидетелей я вступлю в брак с леди Женевьевой.

Клотар, Альдер и Ревель перевели взгляды на меня. Я ответил холодно:

— Комнату для этой женщины сниму я. Вернее, уже снял. И не лучшую, а ту, которую она заслуживает. Кроме того, предупреждаю, всякий, кто протянет руку, чтобы носью постучать к ней в дверь, останется без руки.

Клотар не вытерпел долгого молчания:

— Возможно, и без головы.

Грубер вызверился на него через стол:

— Что ты сказал?

— А тебе, ублюдок, — сказал Клотар, — вообще не стучать ни в чью дверь, ибо сейчас выйдем на задний двор, посмотрим, как ты обращаешься с оружием!

Грубер отшатнулся, Клотар что-то слишком быстро пришел в ярость и выразил готовность к драке, в то время как дикопольный барон явно рассчитывал на долгую перебранку. Наступило неловкое молчание, леди Женевьевы еще не придумала, как спасти удариившего лицом в грязь Грубера, а я сказал холодно:

— А теперь, сэр Грубер, вы можете удалиться. Я все сказал.

Он кивнул, поднялся, направился к своей троице, и тут только дошло, что я его отпустил, как слугу, как лакея. Он круто развернулся, лицо снова с устрашающей скоростью налилось кровью, глаза метнули молнии, однако я сделал вид, что занят кубком вина и ничего не замечаю.

После секундного колебания он круто развернулся и, негромко бросив что-то своим, стрелой вылетел из зала. Соратники поспешили следом. Когда дверь за ними захлопнулась, Альдер тихонько перевел дыхание, стараясь делать это незаметно, а Женевьевы произнесла яростно:

— Ну... ну я дождусь завтрашнего утра!.. Я дождусь!.. А потом посмотрю, как Грубер подвесит вас, сэр Ричард, в своем подвале на цепях и заставит попробовать каленого железа!

Все трое мужчин молчали, я ответил мирно:

— Не сомневаюсь, что это любимое занятие Грубера. Вы будете хорошей парой.

— Да как вы...

— Смею, — ответил я так же мирно, — смею.

Мы допивали вино медленно, наслаждались уютом большого просторного заведения, полного людей. Ведь с утра снова увидим только голую степь, вышмыгивающих

из-под копыт зверьков, а в небе одиноких орлов. Альдер первый заметил, как в помещение влетела молоденькая девушка, почти подросток. Сразу же, стараясь не привлекать внимания, она перешла на шаг, двинулась между столами в сторону кухни. Мужчины поворачивались к ней, я не слышал, что говорили ей, но ее щеки покраснели, она ускорила шаг. Кто-то пытался схватить ее, но она ускользнула с грацией лесного зверька.

Хозяин заметил ее, когда она появилась в дверях кухни. Я посматривал краем глаза, как она что-то говорила ему, он хмурился, кривился, наконец пожал плечами и развел руками. Девушка умоляюще прижала руки к груди. Мне показалось, что она вот-вот расплачется.

Брат Кадфаэль сказал с сочувствием:

— Откуда-то сбежала.

Альдер буркнул:

— Каждую весну из дома бегут сотни парней. Но девушки бегут редко.

— Я не сказал, что из дому, — кротко возразил Кадфаэль.

Он искательно взглянул на меня, я кивнул.

— Если хочешь, прояви свое христианское милосердие и угости ее обедом. Но ничего больше!

Альдер захохотал, Кадфаэль покраснел, вскочил. Мы смотрели, как он подошел к хозяину и девушке. Хозяин тут же отошел в сторону, с явным облегчением перепоручив ее монаху, а Кадфаэль взял ее за руку и подвел к нашему столу.

— Ее зовут Улинда, — сказал он. — Она сбежала от хозяина, у которого была в услужении всего неделю. Он сперва вел себя прилично, а сегодня начал требовать от нее... словом, начал...

— Все понятно, — прервал я. — Он мужчина, этим все сказано.

Она с ужасом посмотрела на меня, я жестом указал ей на место за столом.

— Я не голодна, — прошептала она.

— Садись и ешь, — велел я. — Я сказал, что каждому

мужчине захочется тебя затащить в постель, такая ты хорошенка и сдобненка... но мы должны сдерживать свои скотские желания, только тогда становимся мужчинами.

Дверь с грохотом распахнулась, на пороге возник крупный широкий мужик с квадратным лицом, и сам весь какой-то очень даже квадратный. Всхрапнув, он спустился по ступенькам и двинулся между столами, похожий на быка в загоне для овец. Его налитые кровью глаза сразу отыскали беглянку возле меня.

— Эй, — сказал он резко, — вот ты где?.. А ну, иди сюда!

Она вздрогнула, как от удара хлыста. Покорно склонив голову, уже качнулась вперед, собираясь встать, но я придержал ее, прямо посмотрел в лицо здоровяка.

— Эй, — сказал я, — с женщиной нужно бы разговаривать помягче.

Все затихли, опустили ложки. Здоровяк шагнул к нам. Огромные кулаки сжаты, лицо покраснело. Без раздумий замахнулся, я легко отодвинулся, ногой ударил в колено. Он вскрикнул и рухнул на дощатый пол с таким грохотом, что на столах подпрыгнула посуда.

Я сказал с сочувствием:

— Какой скользкий паркет...

Он вскочил, глаза бешеные, взревел и бросился на меня, нагнув по-бычыи голову. Я отодвинулся, одновременно придав ему ускорение. Он врезался в стену, как гоночный автомобиль, не вписавшийся в поворот. На пол рухнул светильник, выскочив от сильнейшего толчка, горячее масло облило дурака от макушки и до задницы, одежда вспыхнула. Он заорал, изогнулся, кипящее масло течет за шиворот по спине вдоль хребта, прожигая плоть до кости.

— Выкатывайте его! — крикнул я. — Выкатывайте!

За соседним столом обернулись, я увидел непонимающие лица.

— Что, ваша милость?

— Круглые дураки в люди не выходят, — объяснил я, — их выкатывают.

Улинда дрожала, у нее кусок в горло не лез, хотя видно,

что голодна не на шутку, смотрела с ужасом и на меня, и на других мужчин за нашим столом. Наконец леди Женевьеве произнесла с царственной холодностью:

— Ешь, никого не бойся. Это всего лишь мои охранники. Они тебя не обидят.

Девушка судорожно перевела дыхание, слова Женевьевы успокоили моментально, но пальцы еще дрожали, когда она брала мелко нарезанные кусочки мяса.

Еще с четверть часа мы лакомились, а когда я решил, что пора отправляться на покой, завтра утром в дорогу, дверь с грохотом распахнулась, влетел здоровенный мужик. Я сразу узнал в нем улучшенное и поправленное издание того идиота, что ухитрился поджариться на масле светильника. Этот явно брат, но не близнец, ибо выше на полголовы, шире в плечах и потяжелее.

Он взревел от двери:

— Где эта сволочь, что искалечила моего брата?

Все молчали, переводили взгляды с ворвавшегося буяна на меня и обратно. Тот все понял, ринулся, задевая гуляк, к нашему столу. Я сказал Улинде:

— Сиди спокойно. С этим придется серьезнее...

Он прокричал шагов с пяти:

— Ты эта сволочь?

— Нехорошо, — ответил я, — нехорошо так о своих родителях. Это они искалечили твоего брата... да и тебя, похоже, тоже. Возможно, по пьяни? Вот что значит нездоровий образ жизни...

Он кинулся в той же манере, нагнув голову. Я точно так же отпрыгнул, но этого оказалось недостаточно, он развернулся почти сразу, бросился снова. Я блокировал первые два удара, ударил в ответ, попал в нос. Хрустнули тонкие кости, кровь брызнула обильно. Рана пустяковая, но крови всегда много, почти всех это останавливает сразу, но этот лишь взревел, как раненый дракон, набросился, размахивая кулаками.

Я успел отступить, сделал подножку, а когда он грохнулся об пол, с силой ударил ногой в голову. Он упал, сно-

ва начал подниматься, я торопливо ударил снова. И снова. И снова. Он упрямо поднимался, кровь залила лицо и обильно орошала пол, но этот идиот все поднимался и поднимался.

Наконец я промахнулся, он ухитрился вскочить, и тогда я схватил обеими руками его за голову и с силой ударил раз пять лицом о стену. Когда он обмяк в моих руках, я разжал пальцы. Он грудой мяса рухнул на пол, похожий на корову, которую уже начали свежевать.

— Жаль кулака, — сказал я громко, — но надо бить дурака.

Один из гуляк подобострастно хихикнул:

— Да вы и сапог не пожалели, сэр.

Я вернулся к своему столу, сел. Девушка дрожала, в глазах ужас, а брат Кадфаэль сказал, то ли ей, то ли как мысли вслух:

— Если бы другие не были дураками — мы были бы ими.

— Утешительно, — хмыкнул я.

Дверь распахнулась, на пороге появились трое крепких мужиков в кожаных панцирях. Я вздохнул, начал приподниматься, но все трое прошли к дальнему столу, рухнули на лавку и хриплыми голосами заказали вина и побольше еды.

За многими столами загоготали, а новоприбывшие испуганно и подозрительно осматривались, втягивали головы в плечи, не понимая, почему такой хохот при их появлении. Альдер тоже рассмеялся, я с облегчением перевел дыхание.

Леди Женевьева фыркнула, я поднялся, очень вежливо сказал ей:

— Уже поздно, но я хочу попытаться отвести эту девушку в какую-нибудь приличную семью и пристроить там. У вас, конечно, появился шанс попробовать за это время удрать...

Она помолчала, в глазах прежний гнев и какое-то новое выражение, но едва открыла рот, ее перебил Альдер:

— Ваша милость, если вы пойдете с ней, то здесь мы с Ревелем!

— Но если появится барон Грубер...

Альдер сказал твердо:

— Он ее не возьмет! Я ее скорее зарежу, как овцу, но он хрен что получит!

Клотар сказал с неохотой:

— Мы забаррикадируемся наверху. С налету у него ничего не получится. А брать штурмом не решится, это же сумасшествие в таком большом городе. Здесь городская милиция не дремлет.

Я посмотрел на Женевьеву, она прощупала сквозь зубы:

— Хорошо. Пока вы ее тащите... забавляться где-то, я никуда не сбегу.

— Обещаете?

— Да, — ответила она с большой неохотой и отвернулась.

Я кивнул девушке.

— Пойдем. В лавке торговца сладостями, как мне показалось, недостает помощника. Правда, растолстеешь на сладостях, жалко... Но вообще-то скромная и работящая девушка всегда найдет себе приличное место... пусть даже не с первой попытки. А вы, ребята, учтите, что здесь порядки несколько иные. Я еще до конца не разобрался в структуре городского управления, но уже вижу: мы не можем силой заставить леди Женевьеву отказаться выйти замуж за Грубера. Мы вообще не можем силой принудить нашу знатную госпожу что-то сделать.

Женевьеева победно улыбалась, глаза под иссиня-черными соболиными бровями заблистили торжеством. Клотар поинтересовался с подозрением:

— Почему это?

— Потому что здесь уже не кордон, — пояснил я, — не фронт! Здесь упорядоченная жизнь... ну, насколько это возможно, а это значит, что есть законы. Кто правит, не знаю: городской голова, губернатор или мэр, но кто-то правит на основании каких-то законов. А все законы за-

прещают выяснить отношения силой оружия. Оружие имеет право применять только власть.

Альдер кивнул, подтверждая, брат Кадфаэль добавил что-то по-латыни, а Клотар пробормотал с отвращением:

— С ума сойти... Куда мир катится?

Выглядел он, признаться, совершенно ошарашенным, из чего я понял, что начальник всех вооруженных сил Маркварда не покидал его крохотных владений. А там, конечно, можно и не поверить, что есть сила, способная обуздывать распоясавшихся сеньоров.

— Вот что, — решил я, — ты, Альдер, с Ревелем будете по очереди сторожить дверь в комнату леди Женевьевы. Покидать пост не разрешается.

Женевьева возмутилась:

— Разве я не дала слово? И вообще, я что, пленная?

— Порядочная девушка, — объяснил я, — не должна покидать комнату ночью. И не должна впускать мужчин. А так как мы делаем вид, что вы, леди Женевьева, порядочная...

Она вспыхнула.

— Делаете вид?

— ...то вы дождитесь утра, — закончил я невозмутимо. — И тогда другие тоже поверят... может быть, что вы — порядочная женщина... в какой-то мере. Я тоже, кстати, верю, что вы можете быть порядочной в каких-то отдельно взятых случаях. Ну, к примеру, если на небе засияют две луны, рак на горе после дождичка в четверг свистнет или сухая верба зацветет.

Я поднялся, Альдер по моему знаку взял Женевьеву под локоть и сказал смущенно:

— Леди Женевьевы, простите, но хозяин велел проводить вас в комнату.

Она резко выдернула руку, глаза метали молнии.

— Не прикасайтесь ко мне!

— Не упорствуйте, — посоветовал я. — И тогда избегнете порки. Хорошей порки.

Она ожгла меня диким взглядом, но в моем лице было

нечто, что сразу погасило огонь в ее глазах. Видимо, я не прочь выпороть прямо сейчас, и она, чуткая, как все близкие к природе существа, в это наконец-то врубилась.

Глава 12

Пристроить Улинду удалось быстро, хороших девушек видят сразу, хотя на беду это видят и ублюдки. Я вышел, дав денег хозяину лавки, дряхлому старцу, который с жестью с трудом держит булочную, вышел и по прямой направился в ближайшую кузницу, ориентируясь по звону молотов о железо.

В кузнице полыхает горн, я еще у двери ощутил волну жара, а когда открыл дверь, то как будто оказался в Африке. Два молота стоят рукоятями вверх, а немолодой кузнец с сединой в бороде и волосах постукивает небольшим молотком, подгоняя длинный узкий кинжал под нужный размер.

— Бог в помощь, — сказал я.

— Спасибо... ваша милость.

Я снял с пояса молот.

— Можете сделать такой же?

Он посмотрел на меня, на молот, снова на меня. В глазах что-то изменилось, я даже подумал, что умелец узнал молот, о нем наверняка немало легенд. Кузнец долго осматривал молот, в сомнении чесал затылок, сказал с величим сомнением:

— Сомневаюсь, ваша милость, чтобы такие молоты могли ковать вообще...

Я сказал быстро:

— Ты, философ, скый всего лишь похожий. Понял?

Он взглянул остро, я видел, как у него появились кое-какие мыслишки, на лбу прорезались вертикальные складки, что значит, задумался для солидности.

— Похожий сделаю. Почему не сделать? Дня за два...

— Утром едем дальше, — прервал я.

— Но, ваша милость...

— Двойная цена, — сказал я.

Он вздохнул.

— Ладно, поработаем ночь. Который день так... Когда высплюсь? Оставьте ваш молот...

— Нет, — возразил я. — Ты видишь этот молот. Самый обычный, таких сотни. Разве что рукоять слишком коротка. По ней и отличают от других. Таким и сделай. Не думаю, что такая уж сложная работа.. Утром зайду. Если надо будет подправить, сделаешь при мне.

Чувствуется, что город — плебейский, это значит, что жизнь не замирает и ночью. Работает не только кузнец, вон в пекарню повезли муку, утром благоухающие свежевыпеченные булочки будут в лавках, трудятся шорники, хлопают двери трактиров, гостиниц. По дороге трижды останавливали вольные женщины, предлагали услуги. Не утерплю, похвастаюсь: одна предложила переспать за так, настолько понравился, я расчувствовался, все мы легко ловимся на льстивые слова, бросил ей серебряную монетку.

Потом я почти бежал, в открытом окне на втором этаже показалась крепкая фигура Альдера. Махнул, мол, все в порядке, пьяных нет, а я бдю, муха не пролетит, гад не проползет, враг не просочится на постоянный двор.

В ответ я помахал рукой, а сам быстро пробрался в свою комнату, сунул молот в мешок и закутал в тряпки. Если завтра утром выйду с другим, никто не заметит подмены.

Когда я поднялся на третий этаж, Альдер помахал мне рукой от двери леди Женевьевы. Я направился к нему, но он, приложив палец к губам, сам пошел навстречу, оглянулся и сказал, понизив голос:

— Вовремя вернулись, ваша милость.

Я насторожился.

— Что-то случилось?

— Непонятные людишки, — ответил он. — В ваше отсутствие зашли на постоянный двор, осмотрели, но останавливаться не стали.

— К конкуренту двинули? Там дешевле.

Он хмыкнул.

— Да не совсем... Вот присмотритесь к тому дому, через площадь... Тень от сарай?

В тени в самом деле угадывается человек, не хватило дураку терпения затаиться неподвижно. Еще одного, уже сам, я заметил через два дома на другом конце площади.

— И еще двое на крыше, — добавил Альдер и указал на дом слева. — Так что окна надо закрывать, когда будете монеты пересчитывать.

— Да уж, — согласился я, — но пуще глаза надо стеречь то, что они считают неслыханным богатством.

Он ухмыльнулся, адиёты, как можно девку считать ценным приобретением, да еще такую, от нее наплачется, сообщил:

— Там Ревель присматривает за ее дверью.

— Надо еще и за окном, — сказал я.

— Да неужто через окно спустится?

— От такой можно всего ожидать.

Он покрутил головой.

— Тогда в самом деле такая девка чего-то стоит... Но все равно, пришлось бы через двор, с той стороны глухая стена. Другое дело, если ее попробуют те лихие ребята выкрасть.

— С ее согласия, — напомнил я. — А это упрощает их задачу.

Он кивнул.

— Даже Ревель заметил, что в город все прибывают крепкие ребята из степи. И все стягиваются сюда. Похоже, нас обкладывают, как волков.

Дверь комнаты Женевьевы отворилась. Она вышла, поморщилась, увидев нас.

— Еще не спите? Вы что, в самом деле собирались всю ночь здесь торчать?

— Что вам понадобилось? — ответил я вопросом на вопрос.

— Иголка и нитка, — сообщила она.

— Вам доставят, — ответил я. — Я позову служанку.

Оба мы присматривались к ней внимательно, что-то

держится очень уж нахально, в глазах торжествующий блеск, спина прямая, явно у себя по комнате летала, но сейчас сама королевская величавость, лицо вытянулось, взгляд из-под длинных ресниц надменен, как на пьяных слуг, что ко всему еще и вымазались в дерьме.

Альдер тоже словно бы старался прочесть на ее лице, что ей сообщили за это время и каким способом, а я старался выглядеть твердым и надменным, тертым калачом, что все видят насквозь и не допустит помехи своим планам.

Она поинтересовалась холодно:

— А что же вы так быстро вернулись? С той крестьяночкой почему не задержались?

— Хорошую девушку все хотят держать при себе, — пояснил я. — Это от всяких... ну, вы понимаете, стараются избавиться. Довезти как можно быстрее.

Она вспыхнула, выпрямилась еще больше, тонкий стан могу обхватить пальцами, маленькая, но крепенькая грудь тута натянула тонкую ткань. Я засмотрелся, она перехватила мой заинтересованный взгляд, презрительно фыркнула, смазав королевскость, ну не идет надменной королеве фыркать и хрюкать.

— Полагаю, — произнесла она крайне холодно, — вас от меня постараются избавить.

— Пусть стараются, — разрешил я.

— И обязательно избавят!

— А вот это уже бабушка надвое репнула... и еще насчет гопа, пока не перескочишь...

— Что за «гоп»? — осведомилась она подозрительно.

— У нас говорят: не говори «гоп», коли рожа крива, — объяснил я. — Это не к вам, ессно, ваша надменность, но есть тут... слишком быстрые. Жаль, не сбили у них рога в молодости... Что ж, будем сбивать сейчас. Отросшие. Ветвистые.

Она выпрямилась, облила нас презрением из-под длинных, как копья македонской фаланги, ресниц, поверну-

лась и ушла к себе. Альдер покрутил головой, в глазах странный восторг.

— Какая женщина!.. Нет, какая женщина!

— Я предпомнила попроще, — буркнул я.

— Сэр Ричард! — вскрикнул он шокированно.

— В смысле попроще в общении, — пояснил я. — Есть и такие, Альдер. Красивые, умные, образованные...

Он в сомнении покрутил головой.

— Если женщина красивая, умная, да еще и умеющая себя держать, то это уже непонятное что-то, не для нормальных мужчин.

Я кивнул.

— Ты прав. Ладно, я сейчас скажу служанке, чтобы принесла иголку с ниткой...

— Думаете, ей в самом деле это было нужно?

— Нет, конечно, но примем игру. И скажу Ревелю, чтобы не забыл тебя сменить.

Я уже уходил, а он направился к двери Женевьевы, когда что-то вспомнил, хлопнул себя ладонью по лбу. Я тоже повернулся, он подошел торопливо и сказал шепотом:

— Очень уж не нравятся мне те ребята, что расположились хоть и за городской стеной, но...

— Что тебя тревожит?

— Это те, что ехали за нами вчера.

— Может, случайность? — предположил я.

Он покачал головой.

— Они все верхами, как и мы, но у них нет повозок! Давно бы обогнали нас. И почему заезжали то справа, то слева? Нет, ваша милость, это люди Грубера. Он все-таки больше разбойник, чем рыцарь.

Я буркнул:

— Одно другому не мешает.

Он посмотрел на меня нерешительно.

— Да это я чтобы вас не обидеть.

— Я не отвечаю за все сословие, — сказал я. — Может быть, и Грубер остынет, когда у него будет свой замок,

свои земли и свои крестьяне. Своих не пограбишь, они и так свои!.. Поневоле начнет о них заботиться.

— Если доживет, — заметил Альдер. — Если бы все доживали; земля бы прогнулась под их тяжестью. И железа бы на всех не хватило.

Я поднялся к себе в комнату, постучал сапогами, вроде снимал, задул светильник, ложе заскрипело под моим весом, хорошо, я тут же на цыпочках прокрался к окну, бесшумно отворил и, цепляясь за выступы, кое-как спустился по стене. Здесь темно и тихо, глаза быстро привыкли, хотя я скоро начал различать и красные силуэты от теплового излучения, мимо прошли запоздалые гуляки, я перемахнул забор и оказался на другой улице.

Свет в домах почти везде погашен, оставалось прятаться в тени только от лунного света, я перебежками прокрался на ту сторону площади. Во дворе приглушенные голоса, тихонько заржала лошадь, зачувяв меня, голоса притихли, но, к счастью, по улице протащилась пара запоздавших гуляк, заорали песню и утопали к постоялому двору. После паузы во дворе заговорили снова, а я прокрался через освещенное место, новая тень приняла с готовностью, где я переждал чуть, прислушиваясь, потом ухватился за верх стены и быстро перемахнул через нее.

Под ногами, опять же к счастью, ни щепок, ни спящего поросенка, что пронзительным визгом переполошил всех, дальше пробирался под стёночкой почти без препятствий. Обогнув дом, рассмотрел просторный двор, во дворе костер, двое стражей коротают время, играя в кости, хороши охранники, дверь в дом прикрыта, но вряд ли на запоре, когда ее охраняют двое крепких мужиков с оружием в руках.

Я выждал момент, когда один метнул кости и оба упали на четвереньки, всматриваясь и считая дырочки, на цыпочках пробежал в дверь, быстро отворил, чуть скрипнуло, я скользнул в прихожую и тихонько закрыл за собой.

Сердце колотится, как будто я пробежал кросс в пять

километров. В доме тихо и темно, только у дальней двери едва чадит крохотный светильник, пожадничали масла. За окном тоже тихо, я прокрался к той двери, отворил, огляделся в большой комнате, заставленной разнообразной мебелью, поспешил вдоль стены по лестнице на второй этаж.

Там всего три комнаты, я у каждой прислушивался, везде тихо. Недоумевая, я толкнул самую дальнюю, осторожно заглянул, обнаженный меч в руке, свет с улицы освещает пустую комнату, если не считать кровать, стол и пару стульев. Во второй комнате то же самое, только еще и громоздкие шкафы.

Третью дверь я толкнул, уверенный, что хоть здесь-то я найду Грубера, и когда увидел на ложе спящих мужчину и женщину, уже не сомневался, что отыскал гада.

— Спи-спи, — прошептал я, — баюшки-баю...

Женщина начала открывать глаза, я ударил рукоятью по голове. Послышался стук, женщина охнула, ее голова бессильно упала на подушку. Мужчина пытался вскочить, лезвие моего меча уперлось ему в горло. От неосторожного движения лезвие погрузилось на пару миллиметров, но из разреза сразу поползла вниз тонкая темная полоска.

— Кто... вы? — прошептал он, едва шевеля губами.

— Кто ты? — спросил я грубо, разочарованный, что это не Грубер. — И какого черта следишь...

Он снова чуть неуловимо дернулся, теперь я понял, что угадал, просто спросонья не рассмотрел мое лицо в темноте, а так меня видел, знает и в самом деле зачем-то следит.

— Я ни за кем не следил...

Но говорил слишком торопливо, а в голосе нет той искренности, которая убедила бы мое изощренное ухо. Лезвие меча упирается в горло, затылок вжимается в деревянную спинку кровати, и даже сдвинуть в сторону не удастся: из сплошной спинки выступают толстые декоративные прутья, фиксируют голову в углублении.

— Подумай, — сказал я услышанной фразой очень да-

леко отсюда, — что мне помешает погрузить меч глубже?
Так это, на ладонь?

Он нервно сглотнул, кадык дернулся, поморщился, кровь потекла гуще.

— Я не... хорошо-хорошо, я следил.. Мне велел барон Марквард.

— Кто? — переспросил я изумленно.

— Барон Марквард, — повторил он послушно. — Мой господин.

— Он нанял тебя?

— Нет, я служу ему уже двадцать лет.

Десятки мыслей закружились у меня в голове, человечек не двигался, глядя на меня расширенными в ужасе глазами. Я подумал, сказал нерешительно, но стараясь, чтобы голос звучал веско, внушительно:

— Вот что... Если я взялся отвезти леди Женевьеву, то я ее отвезу. Следить за мной — это как бы предположение, что я либо сопру деньги и смоюсь, либо сам использую эту строптивую девицу. Вообще следить — это попрание достоинства. Моего, ессно. Это недоверие, понял? А недоверие я воспринимаю как оскорблениe.

Медленно убрал меч, женщина застонала и открыла глаза. В них появился ужас, она набрала в грудь воздуха, но ладонь мужчины опустилась на ее рот раньше моей.

— Молчи, — предупредил он. — Случилось просто недоразумение. Господин сейчас уйдет.

Я кивнул.

— Да, я ухожу... Тебе же совет: возвращайся к барону и скажи, что я оскорблен. И мог бы считать себя свободным от обещаний, если бы... если бы оказался такой же скволовчью, как он сам. Но я все-таки довезу леди Женевьеву. Теперь я ухожу, но... если я завтра или еще когда-то увижу тебя, приглядывающим за мной, то...

Я подвигал мечом, бросая ему на лицо лунные блики. Он торопливо кивнул, женщина молчала, глаза — как плошки. Я нашупал за спиной дверь, тихонько отворил и выскользнул.

Альдер все еще дежурил в коридоре, с ним, к моему удивлению, был пес. Он ликующе бросился мне на грудь, я расцеловался к нему, велел отправляться в мою комнату, но Альдер сказал просительно:

— С ним так здорово, ваша милость! Ему самому нравится. Он был сторожевым псом, да?

— Был, — согласился я. — Кстати, за нами в самом деле следили. Почему-то от Маркварда, отца этой избалованной красотки.

Глаза Альдера стали очень внимательными.

— И... где он сейчас?

— Спешит к воротам. Я велел ему передать Маркварду пару теплых слов.

Поцеловав пса в бархатный нос, я отправился в свою комнату, сбросил сапоги и с наслаждением завалился на мягкую постель с чистыми простынями. Вместо светильника с вонючим баарным или даже рыбьим жиром здесь горит такая великолепная толстая свеча, что я не стал задувать, пусть горит, это не яркая электрическая лампочка, свет которой выедает глаза...

Засыпая, я перебирал в памяти день, кто что сказал, как ехали, прикидывал, как поедем завтра, глаза начали закрываться, и в этот момент услышал легкий скрип половиц. Я открыл глаза именно в тот миг, когда открылась дверь. Грубер остановился на пороге, взгляд жестокий и веселый одновременно.

— Ах, вот ты где... — произнес он негромко, — ну, здесь не отлежишься, я тебе обещаю.

— Не обещай слишком много, — посоветовал я.

Он хмыкнул, его взгляд не отпускал меня, рука тихо-хонько прикрыла за собой дверь, ноги продвинули его поджарое тело на шажок, ладонь опустилась на рукоять меча.

— Я всегда выполняю то, что обещаю.

— Я тоже, — ответил я загадочно.

Он сделал еще шаг, еще, рука потащила из ножен меч, и тут его взгляд зацепился за пустые ножны на крюке.

Пальцы застыли на эфесе, а нога на миг зависла в воздухе, затем опустилась с осторожностью, словно на тонкий, быстро тающий под лучами весеннего солнца лед.

Глаза быстро метнулись в мою сторону, моя правая рука под одеялом, пальцы левой руки крепко стиснули край, могу сошвырнуть одеяло в одно мгновение. А какой я с мечом, он не знает... или уже знает?.. но он видел, с какой легкостью я сбрасывал с коней его напарников, ему могли рассказать, как я побил в кулачных схватках в этой же таверне двух признанных буянов-братьев, а это может остановить и более рискованного.

— Ты что, — проговорил он, стараясь, чтобы голос звучал насмешливо, — с мечом спать ложишься?

— Тебе не нравится?

Он фыркнул.

— Знавал я трусов... но про таких — даже не слышал.

— Это не трусость, — сказал я, — а разумная предосторожность, чтобы вонючие шакалы не подбирались близко.

Пальцы на рукояти меча разжались. В глазах бессильная ненависть, он нервно облизнул пересохшие губы, странный контраст, ведь на лбу капли размером с виноградины.

— Мне Жени рассказала про твой меч, — объявил он. — И про молот. А сам ты что-то без них стоишь?

Я фыркнул.

— Я сражаюсь тем, чем считаю нужным. Если у меня меч длиннее, чем у тебя, я не стану обламывать лезвие, чтобы соблюсти равенство. Понял?

Он несколько мгновений смотрел в упор, вдруг выпалил:

— Ты не рыцарь!

— Рыцарь, — не согласился я. — Но я бывал в таких диких степях, что тебе и не приснятся. И, кстати, рыцарем я не родился.

Его пальцы подрагивали над рукоятью меча, капли пота уже начали сползать, оставляя блестящие дорожки. Гла-

за заблестели, я ощутил, что сейчас выхватит меч, посоветовал:

— Оглянись.

Я не двигался, он бросил короткий взгляд в сторону двери, застыл. В проеме Альдер с обнаженным мечом, а пес уже изготовился к прыжку, ждет от меня команды.

— Все понял, дурак? — спросил я. — Мой совет: сгинь, скройся так, чтобы не попался на пути даже случайно! Сомнем, вобьем в землю по ноздри. А теперь иди... существо!

Альдер и Бобик отодвинулись, давая дорогу. Грубер, белый как мел, осторожно двинулся к двери. Прижимаясь спиной к косяку, выскользнул в коридор, исчез.

Альдер сказал потерянно:

— Как он сумел?.. Колдовство, не иначе!

— Есть такие амулеты, — успокоил я. — Но я все равно заметил. На меня такая фигня не действует. По крайней мере польза есть: он проговорился, что уже успел переговорить с нашей пленницей.

Альдер вскрикнул:

— Как?

— Кто знает... Может быть, по стене влез к ее окну. Там решетки надежные?

— Да, но... Я пошлю Ревеля посматривать и за стеной с той стороны!

Утром, когда пропели петухи, я вскочил, достаточно освеженный коротким сном, Альдер спит, зато бдит Ревель, я спросонья принял за Альдера, такой же кряжистый и матерый, он встретил меня прямым взглядом настороженных глаз, я сказал негромко:

— Готовьтесь выехать после завтрака. А я отлучусь недолго.

Он кивнул, даже не пытаясь узнать куда, настоящий солдат, привыкший выполнять приказы... если они не выглядят откровенно глупыми.

Оглядываясь, нет ли слежки, я первым делом забежал в кузницу, оттуда грохот, как из преисподней, где заковыва-

ли Тантала, сквозь крышу попыхивают синие дымки, а когда я раскрыл дверь, жаром обдало таким, что куда там Африке. Двое дюжих молотобойцев взмахивают молотами, сам кузнец лишь постукивает молоточком, направляя удары.

— Заказ готов? — спросил я.

Молотобойцы опустили молоты, кузнец посмотрел оценивающе, взгляд сразу скользнул по моему поясу.

— Сложный оказался заказ; — ответил он медленно. — Вот лежит, еще тепленький... Только что закончили. Надо бы сравнить...

— Это я сам, — сказал я быстро. — Молодец, у тебя глаз, как у Зверобоя. Все в точности!.. Вот держи, это окончательный расчет. Ладно, вот еще добавлю за старание. Хорошим мастерам надо платить, чтобы не было утечки мозгов.

Он принял монеты степенно, поблагодарил сдержанно, с достоинством. Я повесил молот на привычное место на поясе, кивнул и вышел. Подправлять в самом деле не требуется, глаз у кузнеца оказался цепким: если не присматриваться, то я и сам не сразу замечу разницу. Этот повешу справа у седла, но от души надеюсь, что все мои страхи и подозрения напрасны, это я просто страхополох, как штатовские коммандос, что тени своей страшатся, потому и выживают, и что не придется вот так сразу срывать с крючка и метать как можно быстрее.

Уличка еще сонная, только-только рассвет, солнце вылезает из-за края земли, а крепостная стена отбрасывает тень на весь город, золотятся только шпили храмов и верхние этажи самых высоких домов на вершине холма.

На городских воротах стража взглянула с недоумением, но товаров не выношу, а меч за плечами и молот на пояссе — в этих краях что-то вроде украшений на одежде.

Те подозрительные типы расположились, как и рассказал Альдер, под укрытием невысокой, но обрывистой скалы, с дороги не видно, костер горит вовсю, багровая россыпь углей размером с булыжник, столетние дубы жгли, что ли, на таких углах можно испечь слона. Вокруг огня

расположились четверо. Трое сидят в беспечных позах туристов, только что без гитары, четвертый лежит, прикрыл морду тряпкой, расслабляется, укуреныш. В рогульках длинный толстый прут, крупные ломти мяса уже начинают чернеть, дикии: огонь с дымом, кто такую гадость жрет, я не дал бы такое мясо даже Бобику. Все четверо не выглядят опасными, но я взглядался несколько минут, пока не убедился, что отребье и есть отребье. Даже странно, что их тоже привлекли к охоте на такую опасную дичь. Или не сказали, что мы те олени, которые могут не только убегать, но и гоняться за охотниками.

Молот так и норовил сунуть рукоять мне в пальцы, словно и он может, как и тот, под который косит, но это значит, что придется убивать всех, а я все-таки существа из того мира, где хоть и насмешничают над общечеловеками, но все же не бьют направо и налево, как здесь, где народ плодится как мухи. Правда, и мрет как муhi.

Они попытались вскочить, когда я внезапно возник у костра, однако одного ногой в лицо, второго толкнул в костер, а третьего, который вскочил, саданул кулаком в морду. Четвертый, рыжий и с короткой шкиперской бородкой, успел подняться, выхватил нож, однако в моей руке уже блеснул длинный меч, и шкипер застыл в нерешительности.

Двое орали и катались по земле, оба ухитрились упасть прямо в середину костра, одежда вспыхнула, словно про-масленная бумага. Третий, что сапогом в лицо, поднялся на четвереньки, я саданул снова, держа острие меча направленным на рыжего с ножом. Тот отступил на шаг.

— Лучше не двигайся, — предупредил я. — Сейчас я короток, но я не всегда голубь мира.

Один из горящих с криком выхватил нож и бросился на меня. Коротко блеснул меч, я пропустил падающее тело мимо и снова повернулся к шкиперу.

— Я все еще ангел доброты, — сказал я. — И вы все еще можете жить...

Тот, который с разбитым лицом ползал у костра, вдруг

захватил горсть земли и швырнул мне в лицо. Я на миг закрыл глаза, тут же открыл, на меня метнулось его крупное тело и с хрустом накололось на острие меча, как жирная нежная бабочка на булавку. Коротким движением я освободил меч, мои глаза все еще держат в перекрестье прицела рыжего бородача.

— Я начинаю сердиться, — предупредил я. — Вот прямо щас начинаю.

Он торопливо отбросил нож.

— Сдаюсь!.. Мы не знали, что нас послали следить за самим чертом.

— Помоги напарнику, — велел я. — И убирайтесь отсюда. Быстро.

Он вскрикнул:

— Да, господин! Как скажете, господин!

Не сводя с меня глаз, скользнул к последнему оставшемуся, кроме него, в живых, помог загасить огонь на штатах.

— В следующий раз, — предупредил я, — буду рубить сразу.

Оба испуганно закивали, а я повернулся и пошел обратно, поводя острием меча перед собой.

Глава 13

Когда я вернулся во двор, Альдер и Ревель уже запрягали коней в повозку. Клотар на своем жеребце кружил возле крыльца, горячил без надобности. Мой Зайчик отбивался копытами от пса, тот напрыгивал, угрожал ухватить за горло, взрыкивал грозно, конь всхрапывал и свирепо раздувал ноздри, но их сторонились только местные, даже Клотар уже свыкся, что звери так развлекаются.

Альдер встретил меня вопросительным взглядом.

— Все в порядке, — ответил я. — Малость прогулялся.

Он кивнул, в глазах мелькнуло одобрение.

— Хорошие там цветочки?

— Да, — сказал я. — И земля там мягкая.

— Лучше бы птахам оставить, — сказал он. — Божьи все-таки...

— Я так и сделал, — ответил я кротко.

Брат Кадфаэль прислушивался с недоумением. Взглянул на небо, где в синеве кружили два орла, потом уже три, быстро снижались, пока все не упали камнями по ту сторону городской стены.

— Брат паладин, — сказал он заботливо, — тебя не было с нами на утренней трапезе... Ты не захворал?

— Я буду учиться есть в седле, — ответил я. — Как ныне дикий друг степей калмык. И еще гунн! Это у меня обет на сегодня такой. Понял? Ты что, не знал, что у рыцарей иногда вожжа под хвост западает?

Альдер посматривал усмешливо, уже знает, сколько во мне рыцарствости, а сколько практической сметки, но бедный Кадфаэль растерялся, потом нехотя кивнул, принимая, что да, у рыцарей и не такая бывает дурь.

— Где леди Женевьевы? — спросил я нетерпеливо.

С высоты седла раздался неприятный голос Клотара:

— Госпожа велела передать, что ей надо еще четверть часа, чтобы переодеться.

— Скажи, — велел я, — что если не спустится сейчас же, я вытащу ее, как ленивую служанку.

Через пару минут леди Женевьевы появилась на крыльце, окатила меня взглядом, преисполненным полнейшего и просто предельного презрения, поднялась в повозку, после чего занавеска на окошке закрыла доступ вовнутрь надежнее, чем крепостные ворота Парижа ордам Аттилы в город.

Долина сразу после выезда за городские врата пошла неприятными буграми, что сами по себе вроде бы безвредны, многие даже распаханы под поля, меня же беспокоило, что не могу окинуть пространство с птичьего полета или хотя жирафьего роста. За холмом может затаиться шайка разбойников, уж не говорю о людях Грубера, потому я время от времени выезжал вперед, осматривал дорогу, по которой проедем.

Видел кладоискателей, гномов, исчезников, странных животных, которых обычно относят к нечисти, но кто на самом деле нечистью по большей части не является. Однако мышление людское прагматично: весь животный мир делится на полезный и вредный, овцы — полезно, волки — вредно, и никакие ссылки на санитаров леса не помогут. Ну а те звери, которые не вредные и не полезные, с которых ни мяса, ни шерсти, ни ценных рогов или копыт, — это просто нечисть, которую тоже надо истребить, чтобы не жрала, к примеру, нашу траву, пусть ее лучше коровы жрут.

Возвращаясь, я проезжал в сторонке от повозки, разве что перекидывался парой слов с Альдером. В последний раз он заметил многозначительно:

— Ваша милость, на горизонте дважды показывались всадники.

Смотрел он серьезно, а в голосе слышалась подсказка.

— Люди Грубера?

— Похоже.

— Приметы какие-то есть?

— С такого расстояния разве заметишь?

Я задумался, прикидывая, как этот барон-разбойник, через его владения, по сути, едем, попробует отнять добычу. Можно даже лихим налетом, если у него достаточно людей, а можно попытаться ночью, если не достигнем города и заночуем в лесу или в поле.

Погрузившись в расчеты, я не услышал, как рядом застучали колеса, занавеска чуть приоткрылась, леди Женевьевы выглянула веселая, сияющая, только что язык не показала.

— А вам, сэр Ричард, — спросила она с веселой ехидцей, — какие женщины нравятся — умные или красивые?

Я выпятил грудь и ответил истинно по-рыцарски:

— Ни те, ни другие. Мне нравитесь вы, леди Женевьевы!

Она насмешливо заулыбался, польщенная, но все испортил Ревель, заржал, как конь, а на ее вопросительный взгляд сказал поспешно:

— Да это я так, леди... Вспомнил кое-что.
— Гергельскую кампанию, — подсказал я.
— Да-да, гергельскую...

Но когда мы отъехали, я видел, что прелестная леди задумалась, бровки поползли вверх, а потом лицо вдруг залилось краской, и всю дорогу поглядывала на меня так, что я чувствовал, как она мечтает насадить меня на раскаленный вертел и самолично держать над огнем в своих прелестных ручках.

— Знает, — сказал Альдер вполголоса. — Как-то он ей подал знак.

— Или она тоже рассмотрела, кто за нами следует...

— А иногда оказывается впереди, — напомнил Альдер.

Некоторое время втроем держались позади коляски, но ветер ухитряется доносить пыль из-под колес на любое расстояние, наконец мы с Альдером пустили коней вперед. Я некоторое время оглядывался на повозку, потом пошли мелкие рощи, неглубокие балки, заросшие кустарником и мелким лесом, где так легко спрятаться разбойникам, мы бдили во все глаза, первым почуял неладное Альдер, оглянулся и выругался во весь голос.

Повозка, развернувшись, неслась прочь. Неслась с такой скоростью, с какой никогда еще не ехала с нами. Эти кони, оказывается, могут развить скорость, о которой мы даже не подозревали! Я заорал и, повернув Зайчика, ринулся следом. За спиной застучали копыта коней Альдера и Ревеля, быстро отдалились и затихли.

Возница, оглядываясь в ужасе, изо всех сил настегивал коней. Я настигал быстро, на лице возницы панический страх, он никогда не видел, чтобы кто-то мчался так быстро и в самом деле догонял их повозку.

Я обогнал, ухватил коня за узду и заставил остановиться. Из окошка выглянула леди Женевьевы. Лицо ее было бледным и перекошенным от ярости и разочарования, глаза блестели, как у разъяренной кошки.

— Как вы смеете?

Я бросил резко:

— Заткнись.

Ее глаза расширились в неподдельном изумлении:

— Вы это... мне?

— Тебе, — ответил я грубо. — Возможно, все-таки придется выпороть.

— Да как... да как вы... смеете?

Она задыхалась от негодования. Дверца с треском распахнулась, Женевьевы выскочила и бросилась на меня. Я высвободил ногу из стремени и показал взглядом, что дам ей пинка прямо в ее прекрасное карменистое лицо. Испанские страсти так испанские. Она остановилась, глязя неверяще обшаривали мое злое лицо.

— Вы... вы не рыцарь!

— Совершенно верно, — подтвердил я. Бросил резко: — Я паладин! А это значит, что бабы для меня значат очень мало... вас как блох на бродячей собаке, а вот долг — это долг. Так что не сомневайтесь, мне с высоты моего паладинства не видать разницы между графиней и ее служанкой. Восхочу — обеих. В смысле выпорю. А теперь...

Послышался конский топот. Клотар и Альдер неслись во всю прыть, оба пригнулись к конским гривам, кони стелятся над землей, как огромные хищные птицы. За ними несся чуть отставший Ревель. Поодаль маячил Кадфаэль на своем уродце, ну и гончий же у нашего монаха мул. Едва начали замедлять бег, я повернулся к вознице. Ни жив ни мертв, он застыл на облучке, неподвижный, как будто вырезали из старого трухлявого дерева, осыпанного пылью.

— Слезай! — велел я жестко.

Покорно, не делая ни одного лишнего движения, он сполз и замер у колеса, безропотно склонив голову. Клотар и Альдер подскакали, успокаивали разгорячившихся ко-ней.

Женевьевы вскрикнула:

— Не смеите!.. Не смеите казнить моих людей!

— Заткнись, — оборвал я. — Я говорил, что в море капитан — судья и палач? Так вот, я обещал твоему отцу привезти, но мы не уточняли, в каком виде? Подумай над

этим. И сейчас я, властью, дарованной мне международным... гм.. международными обычаями, вершу суд, где я — судья, адвокат, прокурор, суд присяжных и... этот, экзекутор. Ревель, слезай с коня, он что-то уступает этим, что в упряжке.

Ревель ахнул.

— А на чем я?

— Поведешь повозку, — решил я. — С той скоростью, какую может развить. В смысле на крейсерской.

Ревель, ворча — не хочется превращаться в кучера, — слез с коня, бросил повод хмуруму Клотару. Женевьеву смотрела расширенными глазами то на Ревеля, то на меня. Ревель взял вожжи, начал разворачивать повозку. Мы поехали по бокам.

Возница остался столбом, я оглянулся, крикнул:

— Мы недалеко ушли от города. Доберешься и пешком!

Альдер добавил с облегчением в голосе:

— Лучше — в город. Если побежишь к тому, к кому ехал... получишь вместе с ним. Подумай по дороге.

Ревель вырулил на дорогу, покрикивал и поторапливал коней, старался выяснить их предел, наконец они пошли почти вдвое быстрее, чем когда на козлах сидел человек Женевьевы. Он посвистывал изумленно, делал большие глаза, крикнул нам:

— Эти кони — настоящее сокровище!

— Нам так и говорил Марквард, — подтвердил я. — Теперь ты доказал, что это так. Спасибо, Ревель!

— Рад стараться, ваша милость!

Всегда нужно похваливать подчиненных, когда есть возможность, тогда они вообще из кожи лезут ради такого справедливого командира. Зато Женевьеву приоткрыла занавеску и прокричала дерзко:

— Милорд, у вас еще есть шанс бросить все и удрать!..

Вы еще можете спасти свою шкуру!

Я повернулся к Альдеру.

— Знаешь, когда леди Женевьеву родилась, ее отец дол-

го швырял камни в аиста. Но то ли пьян был от горя, то ли еще что, но отогнать не сумел. Себе на беду.

Альдер кивнул.

— У моего отца было четверо детей: три кричащие, стервозные твари и один мальчик. Тогда я понял старую истину: легко стать отцом, куда труднее им оставаться... когда дети вот такие...

Он кивнул в сторону повозки. Занавеска колыхнулась, холеная ручка отодвинула, в проеме снова показалось смуглое лицико леди Женевьевы.

— Что вы там раскудахтались, два идиота?.. Сэр Марквард как был сволочью, так и стал... еще большей сволочью!

Я заметил с холодком в голосе, недружелюбно:

— В адрес отца можно бы высказываться и повежливее.

Она фыркнула:

— Отца!.. В адрес отца — другое дело!

Я некоторое время ехал, держа голову прямо, потом до меня начало доходить, что-то я торможу, повернулся в седле всем корпусом.

— Я что-то не понял?

Она фыркнула еще громче, вкладывая в фырк неописуемое презрение такому остолопу, как я.

— Естественно! Любой дурак бы понял.

— Может, потому я и не понял?

— Что не дурак? Ах-ах, как остроумно!.. Но Марквард не отец мне, хотя я воспитывалась с его детьми с пяти лет. Просто так было принято говорить, он сам называл меня дочерью, а я его — отцом, чтобы меньше возникало разговоров. Мой отец — герцог Нурменг, к которому Марквард и вынужден сейчас меня отправить.

Клотар потихоньку придержал коня и поехал с другой стороны повозки. Я молчал, стараясь быстро соотнести сказанное с реалиями. Пока что вместо ясности становилось запутаннее. Альдер переспросил озадаченно:

— Вас послал не отец? Так почему же...

Она склонила голову набок, прищурила глаза и смотрела

ла из-под приспущеных ресниц. Так будто бы свысока, сказала с тем же презрением к моей непроходимой дурости:

— Мой настоящий отец, герцог Нурменг, много воевал, его земли то и дело захватывали враги. У него погибли три сына, и, когда я родилась, он постоянно возил нас с мамой, я больше видела воинских лагерей, чем городов!.. А когда началась война с мятежными областями и подступили войска Карла, он вообще отоспал меня в благополучные земли к своему дальнему родственнику. Да-да, этому самому Маркварду. Это еще тот мерзавец!.. Не обращал внимания на меня до тех пор, пока я не выросла, а потом вдруг...

Она запнулась, я спросил нетерпеливо:

— Что?

— Потом он вдруг начал раздевать меня взглядом, — выпалила она зло. — И начал делать разные намеки... К счастью, к этому времени мой отец прославился в сражениях, получил от короля большие владения, титул герцога, в его землях сейчас мир, и он прислал к Маркварду гонцов, поблагодарил, что тот заботился обо мне, но теперь хочет заняться моим воспитанием сам.

Я присвистнул задумчиво.

— Вот оно что... То-то мне все время казалось, что здесь нечто не так...

— Сэр Ричард, вы просто дурак, — сказала она высокомерно, — вы не понимали очевидных вещей. Он сейчас отсылает меня только потому, что не хочет отдать барону Груберу. А мы с бароном любим друг друга!

Я сдвинул плечами.

— Извините, просто барон не показался мне... любвеобильным. У вас как насчет земель, деревень? Или вы бесприданница?

Она фыркнула:

— Деревень?.. У нас три города, сорок сел и не счесть, сколько деревень!.. У нас железные и золотые рудники, серебряные копи, и только у нас растет лес, из которого ста-

вят мачты для королевских кораблей и даже делают сосуды в храмы! Такая дрёвесина стоит дороже золота...

Она осеклась, сообразив, что льет воду на мою мельницу, ожгла негодящим взглядом. Я смолчал, хотя ох как хочется нанести следующий удар, добить, усилить впечатление, но нет, лучше вот так, пусть додумает сама, пусть засомневается...

Остановились только для короткого обеда, даже коней не распрягали, перекусили, не разогревая на костре, я торопился к ночи добраться до города или до большого села. Лучше, конечно, до города.

Все чаще попадаются вооруженные люди, однажды я увидел крестьян, работающих в поле, у каждого при себе боевой топор, копье либо лук со стрелами. Редкие путешественники рассказывали о стычках с нечистью, делились сведениями о новых гарпиях, которых раньше не встречали в этих краях.

Я проверял, на месте ли меч, потом вспоминал насчет подмены, нащупывал сквозь ткань седельного мешка прежний молот, поглядывал по сторонам с настороженностью человека, привыкшего к безопасному миру. Альдер однажды указал на горизонт и сказал, что вон там горы, за ними, считай, начинаются земли Юга, настоящего Юга. Там и теплее, ибо их ветры натыкаются на горный хребет и поворачивают вспять, и власть колдунов там крепка, христианскому воинству через горы перебраться очень не просто, если вообще возможно.

Гор, правда, я не усмотрел, низкие облака опускаются почти до земли, все серое, пасмурное, однако ближе к вечеру задул ветер, я ехал, склонившись к конской гриве, а потом как-то бросил взгляд на горизонт, оторопел.

На стыке между бесконечной ярко-зеленой равниной и ярко-синим небом белеют, как алебастр, вершины гор. Сами горы темные, прекрасный контраст, в чистом невесомом и еще не пропитанном пылью воздухе все видится немыслимо четко, ясно, холод проник в кости от внезапного

осознания, насколько эти горы далеки, высоки, насколько они... вечные, что ли, но при их виде мне сразу подумалось о вечности, бесконечности, планетных масштабах и про-чей херне.

Альдер, бывавший в этих краях, начал рассказывать про одного из жителей, известного неуживчивым характером, что ушел из деревни и поселился в лесу, выстроив там избушку. К удивлению односельчан, он там быстро сдружился со зверьми, после чего презрительно говорил, что звери — твари честные, искренние, никогда не лгут и никого не обманывают, в то время как люди...

Так он прожил пять лет, в деревню вовсе перестал на-ведываться: лес давал ему все для нехиткой жизни. Но однажды в деревне пропал ребенок, потом второй, третий... Когда исчез первый, жители решили, что мать недоглядела, ребенок утонул, река все-таки близко, но второго украли прямо из колыбели. А третий исчез чуть ли не на глазах у всей деревни: многие видели, как нечто косматое бежало к ближайшим деревьям с огромной скоростью.

Когда начали исчезать взрослые, жители испугались, теперь на ночь запираются в домах, а местный священник утром и вечером читает молитвы против нечистой силы.

Я слушал внимательно, Клотар тоже слушал, он всегда старался все слышать, но в разговоры вступал очень редко. Я так и не понял, знал ли он, что Женевьеву не дочь Маркварду, но расспрашивать не стал, обойдемся. Сейчас он время от времени подъезжал к нам, лишившись единственного человека из замка: возницы. Обычно ехал, глядя перед собой, наша неприязнь зреет, как нарыв, лицо злое, неприятное, со мной никогда не заговаривал, и сейчас бросил насмешливо именно Альдеру:

— Вот тебе и вторая мирная деревня...

— Мирная, — возразил он. — Ты бы посмотрел на село бегичей!

— А что с ними?

— Да они живут, почитай, всю жизнь в осаде. Даже днем выходят в поле с оружием! А ночью так все запирают-

ся, как в крепости. У них всего десять хат, так их огородили рвом и забор поставили такой, что не всякий город защищает!

Клотар спросил с презрением к недоумкам, копающимся в земле:

— Так не проще ли бросить все и переселиться на земли... где безопаснее? Господин Марквард принял бы еще несколько сотен крестьян!

Альдер сдвинул плечами.

— Если бы совсем невыносимо, а так... отбиваются же? Зато никому не кланяются, налоги не платят. Кроме того, здесь река кишит рыбой, в заводи птицы видимо-невидимо, в лесу земляника размером с орех, орехи — как яблоки, богатейшие малинники, а земля такая, что вечером ткнешь в землю оглоблю — утром там уже телега! Коровы здесь приносят по два теленка, гуси плодятся так, что не успевают резать.

Он умолк, впереди на дорогу вышел мужик, помахал рукой. На обочине две груженые телеги, еще одна медленно тащится со стороны села.

Я выехал вперед, мужик отступил на обочину, торопливо сорвал с головы шапку.

— Ваша милость, — сказал он плачущим голосом, — не желаете ли в дорогу купить гусей, уток или оленину?

— А что, — поинтересовался я, — настреляли в избыток?

Он замотал головой.

— Что вы, ваша милость! Домашние гуси, откормленные! Молодые, нежные, мясо во рту тает!.. Дешево отдаем...

Альдер повернул коня к телегам, осмотрел товар, вернулся на рысях.

— Да, — подтвердил он, — дешево отдают. Очень дешево, ваша милость. Я думаю, лучше здесь набрать в дорогу. Дальше будет дороже.

— Хорошо, — сказал я равнодушно, — распорядись. Вот деньги, закупи, что считаешь нужным, сложи в повозку.

Он замялся.

— Но там леди Женевьевы...

— Ну и что? — спросил я. — Обоз он и есть обоз. Пусть она их щиплет по дороге.

Я проехал вперед, присматривался и вслушивался, замечал и заколыхавшиеся ветки на отдаленном дереве, и пробежавшую рябь по высокой траве, затем остановился, пропустил всех, дождавшись брата Кадфаэля на муле.

Лицо монаха просветленное, он бормотал молитву, вскинул на меня взгляд чистых невинных глаз.

— Будь они и дальше все благословенны!

— Кто?

— Люди этих сел!

— А что, — поинтересовался я, — праведники?

— Да, — сказал он с восторгом, — иначе разве Господь послал бы благословение их нивам и пашням? Они ж урожай снимают два раза в год! И вообще вся живность... вчера цыпленок, а сегодня уже молодая курица. К вечеру сама несет яйца. Да не по одному в сутки, как в других местах, а по два-три!..

— Неплохо, — заметил я. — А как сами жители?

Он всплеснул руками в восторге.

— Я не видел среди них больных и увечных! Даже шибко старых не видел! А если кто и с седой головой, все равно такие бревна таскает, что смотреть боязно... Церковь у них в порядке, я не заезжал, но отсюда видно... Прекрасный край, брат паладин!

— Прекрасный, — согласился я. — Если бы они еще и оружие ковали. А то придут войска императора Карла и всех повяжут, как цыплят.

Прекрасный, повторил про себя. То ли все злаки в этой долине модифицированные, кроме необходимых белков, витаминов и углеродов еще и лекарства в себе содержат, что попутно лечат и поддерживают всех в виде здоровых таких живчиков, то ли в землю здесь внесены самовозоб-

новляемые реагенты, что все это обеспечивают. Увы, если сюда нахлынут войска, то все сожгут, испепелят, народ вырежут, и потом родится легенда о праведном народе и земном рае...

Глава 14

Очень медленно впереди и чуть левее по курсу начало подниматься на горизонте нечто зеленое. Мы двигаемся достаточно быстро, теперь на облучке Ревель, кони под его кнутом идут резво, и вскоре я понял, что это даже не лес, а исполинская корона дерева, что почему-то лежит на земле.

Затем понял, что не лежит, ствол все-таки есть, только выглядит пеньком, на котором держится зеленая копна. В ночь с тридцатого апреля на первое мая сюда улетала на метле, хотя иные говорят, что в ступе, а то и вовсе превратившись в летучую мышь, моя молоденькая служанка Фрида.

Любопытствуя, я повернул коня в ту сторону. Альдер крикнул в спину остерегающе:

— Нечистое место, сэр Ричард!

— Но Вальпургиева ночь прошла. Да и день сейчас...

Он недовольно посмотрел, прищурившись, на солнце.

— Ну и что? Если бы солнечные лучи сжигали не только вампиров, но и любую нечисть... Сэр Ричард, я с мечом в руке могу выйти против любого войска, не устрашусь, но козни дьявола повергают меня в трепет.

Дерево вырастало, я измерил взглядом расстояние, ощутил нечто странное, не сразу понял, что по мере того, как мы скажем к дереву, у него как бы очень медленно вытягивается ствол, а корона не просто разрастается, но еще быстрее приподнимается.

Я присмотрелся, ахнул.

— Так это же... за горизонтом! Какое же оно... вблизи?

Альдер мчался за мной, чуть поотстав. Прокричал:

— Ваша милость, это дерево колдунов!

— Да здесь все, — ответил я, — на что ни ткни пальцем... Это дуб или ясень?

— Почему ясень?

— Я слыхал, что Один сделал копье из ясения. А потом из ясения сделал копьемо Ахилл... Хотя, наверное, Мировое дерево не имеет право быть какой-то породы. Как Адам не может быть евреем или немцем. Хотя, правда, есть научные труды видных украинских ученых, доказывавших, что он был хохлом.

Альдер с его адаптированным к просторам зрением рассмотрел на дальнем холме человека на рыжей приземистой лошади и в рогатом шлеме. Я попытался вспомнить все, что знал о рогоносцах, но в голову лезут прежде всего викинги из комиксов, хотя большинство раскопщиков утверждают, что викинги никогда не носили шлемы с рогами. Рога служили символом силы и мести в империях Вавилона, Ниневии и Месопотамии, а в Европе из рога только пили пиво, да и то этот обычай туда занесли дикие славяне, часто общавшиеся с Колхидой.

Впрочем, мы же едем на Юг, а это ближе к землям Вавилонии, чем Викинговии. К тому же викинги никогда не ездили верхом, вообще не знали коней, так что это какой-то забредший далеко с Юга.

Хуже, если это абориген.

Слева и справа небо подпирают темные громады гор, но впереди широкий просвет. Кони бодро несут по зеленой степи, наконец впереди показалась длинная линия деревьев. Даже я, не мичуринец, узнал породы, что, как маньяки к проституткам, стягиваются на берега рек, где медленно и печально опускают ветви в воду, на радость прячущимся в тени лягушкам.

Река распахнулась широкая и достаточно быстрая, как Амур, что несет свои воды со скоростью курьерского поезда. Альдер первым поднялся на берег, огляделся.

— Красиво...

— Что? — спросил я.

— А вот это, — он указал на плакучие ивы, — как вдовы, что не дождались с войны мужей...

— Да, — согласился я. — Медленно и печально.

Он взглянул с недоумением, подъехал Клотар, прорычал недружелюбно:

— Как будем переправляться?.. Здесь брод вряд ли отыщешь.

— Разве что через тысячу миль вверх по течению, — согласился я. — Лучше двинем по берегу вниз. Я слышал, что так обязательно найдем жилье.

Все живое тягается к воде, но если звери приходят только напиться и тут же убегают в лес, то человек просто селится у воды, чтобы и рыбу ловить, и срать в воду, и пить ее же.

Уже через пару часов заметили впереди два домика, возле них огород и небольшое стадо коров, но самое главное — широкий паром у берега.

Кони опустились, скользя по глинистой почве, к причалу, повозку спустили бережно, леди Женевьевы могла и не проснуться, почти снесли на руках. На широком дошатом причале дожидаются крестьяне с повозками, несколько женщин с огромными корзинами, доверху заполненными фруктами, а также два монаха в поношенных рясах, подпоясанных серыми от грязи веревками, в сандалиях на босу ногу.

Паром как раз медленно полз с той стороны. Я рассмотрел на нем такие же повозки, с десяток коней, какой смысл возить их туда-сюда, не понимаю, но ладно, паром двигается медленно, в этом мире все делается медленно, когда же привыкну и перестану топать в нетерпении?..

Наконец этот огромный плот, замедляя и без того не такой уж и скоростной бег, ткнулся в бревна причала. Перебросили широкие сходни, сперва вывели коней с телегами, потом все остальное, паромщик поглядывал на солнце и явно собирался прерваться на обед, но я бросил ему золотую монету, он сразу передумал, поклонился.

— Ваша милость, прошу!.. Прошу, ваша милость, ваших спутников тоже прошу...

Первыми завели повозку с запряженными конями. Коны Клотара и Альдера хрюкали и отказывались идти по шатающимся сходням, это мой зашел преспокойно, словно

каждый день ходит. Или помнил, как сто лет назад как-то ходил и ничего не случилось. Мул Кадфаэля зашел с королевским достоинством, он не какая-нибудь тупая лошадь, он — высшая раса, потому и не дает потомства.

Клотар и Альдер слезли и, каждый схватив своего коня за повод, затащили этих закомплексованных животных на широкое поле из толстых бревен. Пес быстро скакнул на паром и сел возле Зайчика. За нами робко завели своих ко-ней и разместили подводы крестьяне, оба смиренных монаха, а последними, демонстрируя угнетенное положение женщин при феодализме, крестьянки с корзинами фруктов.

Паромщик уже убирал сходни, когда послышался топот, из-за берегового склона вынырнули сверкающие шлемы, а спустя несколько мгновений пятеро всадников во весь опор понеслись в нашу сторону.

Альдер с лязгом хлопнул ладонью по рукояти меча.

— Если это люди барона Грубера, даже разговаривать нечего...

— Я их не узнаю, — ответил хмуро Клотар.

— А ты всех людей Грубера знаешь?

— Пусть не всех, — ответил Клотар угрюмо, — но тех, что за нами следили, не забуду.

Альдер сардонически хмыкнул.

Всадники с грохотом подскакали к воде, впереди несся рослый рыцарь, закованный с головы до ног в сверкающую сталь, он казался отлитой из металла статуей, где нет ни щели, ни зазора. Даже в узкую прорезь в шлеме нельзя было рассмотреть глаза.

Он крикнул издали звучным голосом прирожденного вожака большого отряда:

— Экселент! Я ж говорил, что Господь нас любит? Ни минуты не ждали!

Паромщик сказал с низким поклоном:

— Ваша милость, плот и так перегружен. Не лучше ли в другой раз...

Всадник направил коня по мосткам на паром. Конь

хоть и подрагивал кожей, но своего господина страшился больше, чем скрипящих сходней, зашел безропотно. Всадник поднял забрало, мы увидели крупное породистое лицо, сейчас искаленное гримасой гнева.

— Перегружен?.. Так выгони всю шваль на берег! И пусть благодарят Бога, что я не заставил их искупаться!

Испуганные крестьянки первыми бросились по сходням на берег. Я поднял голову и спросил медленно:

— Считает ли господин и нас швалью?

Он вспыхнул, красивое холеное лицо задергалось, явно хотел сказать грубость, но кое-как совладал с собой и бросил небрежно:

— Вы, как я вижу, люди благородного состояния, так что можете остаться.

— Спасибо, — ответил я вежливо, — но кроме того я — рыцарь, чего не скажешь про вас, сэр. А обязанность рыцаря — защищать слабых и сирых от всякой несправедливости, как подтвердит вам присутствующий здесь смиренный служитель Господа нашего. Так что, сэр, мой вам совет — убирайтесь обратно на берег и ждите со всем христианским смирением... так подобающим рыцарю, пока паром вернется.

Он выпрямился в седле, лицо стало красным, глаза вылезли в великом изумлении.

— Что?.. Да я тебя...

— Остынь, — посоветовал я.

Его конь стоял на самом краю парома. Я сделал быстрый шаг, чуть присел и с силой толкнул плечом коня в бок. Тот невольно отступил в сторону, удерживая равновесие, копыта сорвались с края, и оба, конь и всадник, рухнули в воду — один с проклятиями, другой с душераздирающим ржанием.

Некоторое время вода кипела, там конь, стараясь вскочить как можно быстрее, месил копытами хозяина, вбивая в прибрежную грязь. Наконец конь поднялся и, дико вытаращив глаза, выско чил на берег, как ошпаренный кот, что ненавидит воду. Я надеялся, что всадник запутается ногой

в стремени и конь его вытащил, однако тот некоторое время барахтался, наконец поднялся, выпрямившись, мокрый и грязный, как Рембо во вьетконговских джунглях, шлем с плюмажем потерял, вода выливается из всех щелей доспехов, на щеке кровавая ссадина, редкие волосы прилипли к голове, делая ее крохотной, на макушке зеленые веточки ряски. Еще бы лягушку туда...

Он выплюнул грязную воду, закашлялся, а я повернулся к паромщику.

— Думаю, можно отчаливать. Эти всадники сожалеют, что не могут поехать с нами, и просят позволения переправиться следующим рейсом.

— Очень просят, — добавил ухмыляющийся Альдер.

А Клотар посмотрел с неудовольствием и покачал головой. На лице написано, что я — дурак, слишком быстро наживаю врагов. А дорога не скоро закончится.

Помощники паромщика быстро убрали сходни, женщины с корзинами в последний момент успели снова проскользнуть на паром. На меня смотрели с опасливым воссторгом.

Красавец, стоя по пояс в грязной воде, вскинул кулак.

— Мерзавец!.. Я тебя найду!.. Я тебя из-под земли достану!

— Лучше бы ты этого не делал, — посоветовал я. — Здоровей будешь.

Паромщик ухватился за канат, его помощники тянули изо всех сил. Один из всадников спрыгнул на землю, в руках арбалет, быстро согнулся, зацепляя крюк, с пыхтением разогнулся, торопливо вложил в канавку болт и побежал к самой воде.

Пока он все это проделывал, я взял лук Арианта, выждал, когда дурак вскинет арбалет к плечу, до этого есть шанс, что стрелять не станет: подумаешь, сеньора искупали, не убили же, но он явно готовился выстрелить, и моя стрела, тонко вжикнув, вонзилась ему в глаз с такой силой, что вошла по самое оперение. Он повернулся, выронив ар-

балет, упал ничком, а окровавленная стрела на две трети высунулась из затылка, пробив железный шлем.

Паромщики молчали, ошеломленные. Альдер сказал с удовольствием:

— Сколько видел, как умельцы бьют стрелами, но такое, скажу честно, видеть не доводилось. Как приятно увидеть... на нем как будто шлем из капустного листа!

— Некачественное железо, — сказал я громко. — Сыродутное. Продукт большого скачка.

— Стрелять из лука, — сказал Клотар громко, — не рыцарское дело.

— Я не родился рыцарем, — ответил я, глядя ему в глаза. — Рыцарем я стал на поле боя. Так что я многое умею из того, что не могут рыцари. Не нарываюсь, но если кто захочет... пусть попробует.

Красавец в воде перестал потрясать кулаком. Мы отплывали очень медленно, я хорошо видел, как даже под слоем ила и речной грязи побелело его холеное лицо. Я подмигнул, махнул ему рукой.

— Помни, что ты хоть и первый парень в деревне, но деревня... махонькая!

Он еще долго орал и махал руками, подпрыгивал, разбрызгивая воду, потом выбрался на берег, ему подвели коня. Он взобрался в седло, но не стали ждать возвращения парома, а помчался обратно.

Клотар покрутил головой.

— Нехорошо...

— Хорошо, — бодро возразил Альдер. — Таким надо сбивать рога, пока еще маленькие. А то отрастут, больнее будет.

С облучка подал голос Ревель:

— И руки отобьешь...

— Нехорошо, — пояснил Клотар, — что назад ускакал. А если соберет народ для погони? Он здесь наверняка в своих землях. Не нравится мне это.

— Ерунда, — заявил Альдер жизнерадостно. — Им не

мешает дать трепку. А нам малость размяться. Неужели тебе не хочется подраться?

— Ничуть, — ответил Клотар.

Альдер и Ревель вытаращили глаза на такое признание, редкостное для мужчины, даже брат Кадфаэль поднял голову от молитвенника и воззрился на брякнувшего такое. Я покосился на Клотара. В самом деле опасен, если не боится в таком признаваться. Это говорит прежде всего о силе, опыте и бесчисленных стычках, из которых выходил победителем, но уже видел, как другие — тоже сильные и умелые — расстаются с жизнью. Это подросток никогда не признается, а, напротив, будет лезть в любую драку, но в жизни каждого мужчины наступает такой день, когда он подумывает завершить скитания с обнаженным мечом в руке.

Если, конечно, доживает до такого дня.

Паром медленно пересекал реку, я услышал глухое рычание. Пес возник на краю, глядя в воду. Шерсть дыбом, верхняя губа задралась, показывая острые клыки. Крестьяне в ужасе метнулись на другой конец парома.

В волнах на миг мелькнул острый плавник, словно на большой скорости пронеслась касатка и снова ушла под воду. Паромщик перекрестился.

— Неужели Морской Черт?

Альдер вздрогнул, перекрестился.

— Откуда? И в море почти повывелся.

— Так то в море, — ответил паромщик тоскливо. — Эх, снова начнется...

— Что? — спросил Альдер с тревогой. — Что начнется?

Паромщик не ответил, угрюмо тянул с помощниками канат. Пес порычал, метнулся на другую сторону, напугав крестьян до трясучки, порычал и там, провожал взглядом нечто в глубине, видимое только ему. Паромщик поглядывал на пса одним глазом, дважды перекрестился, не выпуская канат из другой руки.

— Если бы это не ваша собака, — сказал он мне с поч-

тительным ужасом, — я бы решил, что это и есть Призрачный пес! Говорят, только он истребляет Морских Чертей, водных старииков и даже перед самим Морским Удавом не отступит...

Я сказал легко, хотя внутри все затрепетало и сжалось:

— Нет, это моя ласковая домашняя собачка! Она мне тапочки приносит. Бобик, ко мне!

Пес метнулся на зов, бухнулся передо мной толстым задом, глядя преданно и с мольбой: ну прикажи что-нибудь! Ну вели куда-нибудь сбегать для тебя, хотя бы палку брось на тот берег! Или хошь я для тебя удавлю вон того в воде?

Я почесал, погладил, крестьяне крестились и с облегчением взыхали. Многие, воспользовавшись вынужденным простоем в делах, просили у брата Кадфаэля благословения, он осенял всех размашистым крестным знамением и говорил о кротости и всепрощении.

Наконец паром ткнулся в причал из бревен на том берегу, крестьяне тут же хлынули на берег, прервав внеплановую церковную службу и забыв о своем христианстве до встречи со следующим попом или монахом, мы осторожно свели повозку и снова пустились по довольно утоптанной дороге, хотя это и Дикое Поле.

Почти от самого причала колея повела мимо цветущего села, что вытянулось в линию вдоль дороги. Мы держались вблизи повозки, нападения не опасались, слишком уж по-фламандски толстые зажиточные женщины, неторопливые мужчины, тучные поля и сады, где под каждой ветвью подпорка, чтобы те не обломились под тяжестью яблок, груш, слив.

Альдер огляделся, из мощной груди вырвался горестный вздох:

— Хорошо живут... За такую жизнь полжизни отдать не жалко.

— Нехило, — согласился я.

Брат Кадфаэль покачал головой.

— Все мирское — тлен...

— Тлен? — возразил Альдер. — Жить вот так и есть счастье!

Брат Кадфаэль, подумав, согласился:

— Ты прав: чтобы стать счастливым, достаточно просто не знать, что такое счастье настоящее.

— Брехня, — ответил Альдер уязвленно. — А вы как думаете, ваша милость?

Я не хотел ни с кем спорить, ответил уклончиво:

— Счастье — это не когда у тебя все есть, а когда тебе ничего больше не надо. Хотя если тебе совсем ничего не надо, то скорее всего ты труп. Вот такая философия, если ее приложить к реальной жизни.

Альдер довольно заржал, брат Кадфаэль посмотрел с укоризной. Я сказал примирительно:

— Разница между ребенком и взрослым человеком в том, что ребенок ищет счастья, а взрослый избегает несчастий. Альдер же ищет богатства, чтобы убедиться, что не в деньгах счастье.

Брат Кадфаэль покачал головой.

— Будьте осторожны. Навалившееся громадное счастье может и задавить.

— Да, — согласился я, — я такое видывал... А вот даже самое громадное духовное богатство налогами не облагается. И отнять его нельзя.

Он посмотрел на меня с благодарностью. Молодец я, мелькнула мысль. Я становлюсь настоящим политиком. Среди этих простых и прямолинейных так нетрудно быть прожженным политиканом, умелым лавировщиком и ма-нипулятором.

Глава 15

Далекие горы пылают, подсвеченные снизу спрятавшимся солнцем. Вершины горят, как бенгальские огоньки, от них сияние, а над ними красная заря на половину неба. Облака сгромоздились в нечто многоэтажное, застыли, пугающие неподвижные, снизу красные, сверху лило-

вые. Воздух поредел, утратив тени, ни ветерка, всюду-всюду верещат кузнечики.

Альдер все чаще вырывался вперед, эти места все еще знает, с вершины одного из холмов помахал рукой:

— Город!.. Спать будем на чистых простынях!

Я сделал мысленную зарубку, Альдер тоже, как и Клотар, уже не ищет счастья в ночевке среди степи у костра на камнях. Уже понял, что на мягкой постели да чтоб еще и простыни чистые — это перевешивает стремление куда-то мчаться, искать сокровища, драться за них, а потом удирать, прижимая к груди мешок с добычей.

— Следите за повозкой, — крикнул я ему в ответ.

— А вы? — крикнул Альдер.

— Проверю дорогу, — ответил я бодро. — Насчет мин, как Фатима.

Я свистнул псу, Зайчик бодро ударил копытами, задржал, показывая, что все понял, можно не приоравливаться к остальным, пошел красивым галопом по дороге, копыта стучат все чаще и чаще, стук превратился в барабанную дробь, а потом и вовсе перетек в странный шелестящий звук. Я некоторое время прятался в его граве от жуткого урагана, через который ломился Зайчик, в ушах рев, наконец прокричал:

— Все-все, сдаюсь!.. Медленнее, еще медленнее!

Зайчик перешел на простой галоп, а затем и вовсе на рысь. Пес несется в двух шагах слева, глаза горят азартом, пасть распахнута так, что должна бы тормозить, как с раскрытым зонтом навстречу ветру, лапы слились в серую мерцающую полосу.

В полумиле впереди крупный город за высокой крепостной стеной, ворота распахнуты, телеги въезжают по одной, никто не проверяет, стражники чешут языками, никто не смотрит, что на этих тяжело груженых повозках, так и троянского коня можно завезти...

Я постоял, поглядел, а когда оглянулся, далеко-далеко облачко пыли, это мой отряд спешит успеть под защиту городских стен до ночи. Стражники посмотрели и на меня с

ленивым интересом, не часто видят таких крупных ребят на огромных конях, да еще и собака очень уж великанская, даже не поймешь, что за порода.

— Ворота когда закроются? — спросил я. — Дело в том, что во-о-он там везут знатную госпожу, ее уж никак нельзя оставлять ночевать в поле!

Стражники переглянулись, один сказал с хитрой усмешкой:

— Если даже успеете, то есть ключ, которым открывают любые ворота.

Я посмотрел на небо, начинает лиловеть, выудил золотую монету и бросил тому, кто выглядел постарше.

— Постарайтесь не закрывать, пока она не подъедет. Хорошо?

— Не беспокойтесь, — ответил старший, он уже разглядел, что у него в ладони, в голосе искреннее почтение. — Дождемся!

Назад я пошел обычной рысью, не стоит всем знать, что мой Зайчик развивает скорость большегрузного автомобиля на хайве. Ветер снова в лицо, хотя скажем в обратную сторону, но теперь легкий такой ветерок, как напоминание, что живем на дне глубоководного воздушного океана, где на каждый сантиметр наших тел давит чертова уйма тонн, и если нас поднять повыше, то разорвет, как разрывает глубоководных рыб, поднятых со дна Тихого или Великого.

Лес снова похож на сказочный сад, умело высаженный дизайнером-садовником, могучие сибирские сосны и кедры дивно высятся среди поистине восточных оливковых деревьев, а еще ниже сплошные заросли вечно цветущих кустарников, цветочки хоть и дикие, то есть мелкие, но с сильным завораживающим запахом...

Я мощно потянул в грудь ароматного воздуха и чуть не поперхнулся: дикий крик взорвал воздух. Я инстинктивно схватился за рукоять молота, затем бросил ладонь на рукоять меча. Из цветущих кустов выбежали люди, здесь троп-

ка идет совсем рядом, одни загородили дорогу, другие бросились на меня сзади.

— Бобик! — выкрикнул я. — Сидеть!.. Не вмешиваться!

Меч со звоном покинул ножны. Диким криком пытаются испугать коня, тот должен от испуга так забрыкаться, что не дал бы вообще ухватиться за оружие, но Зайчик к воплям равнодушен, встал как вкопанный, я взмахнул мечом направо, налево, раздались крики боли. Какой-то мерзавец ухитрился проскользнуть коню под брюхо и там с силой пырнул Зайчика снизу ножом, я тут же снес гаду голову, а второй попробовал мечом рассечь конские сухожилия. Мне стало дурно, когда представил моего красавца с перерезанными жилами, и, после того как зарубил и эту сволочь, а остальные с воем убежали, я скатился кубарем на землю и тщательно осмотрел брюхо и ноги Зайчика.

Сперва почудилось, что ошибся с ногой, но с брюхом не мог ошибиться: оно у коня одно! Да и ноги пересмотрел все четыре: нигде ни следа от ножа, ни малейшей царапины.

— Та-а-ак, — сказал я озадаченно, но сердце запрыгало в ликовании, — так ты, значит, как из тугой резины... Здорово! Впрочем, такого ценного коня не могли выпустить слишком уязвимым, это было бы нерентабельно. Однако...

Эх, еще бы как-то научить коня драться по команде. Насколько помню, хорошо дрались скифские кони, об этом пишут Геродот, Страбон и Плиний, кусались и лягались кони Аттилы, били передними копытами противника рыцарские кони... А этот когда дерется, вот так словно засыпает.

— Надеюсь, ты не пацифист, — проговорил я с сомнением. — Хотя я, скажу сразу, уважаю чужие религиозные взгляды.

Наконец я повернулся к псу, что уже ерзал задом на земле, словно у него глисты, старается незаметно приблизиться к нам. Я спрыгнул на землю, обнял за лобастую голову и расцеловал.

— Молодец!.. На людей нельзя бросаться, понял?.. По-

ка я не скажу, что можно. Запомнил?.. Сейчас ты все выполнил как надо, давай за это почешу... погляжу... еще раз почешу...

Вдали показалась повозка, я подождал, пока приблизится. Небо стало совсем лиловым, простили первые звезды, когда мы на рысях подъехали к распахнутым воротам. Стражники приветствовали нас веселыми воплями, чем несказанно удивили Альдера и Клотара, тут же закрыли за нами ворота и, задвинув широченные засовы, отправились в ближайший трактир.

Альдер посмотрел на меня с изумлением.

— Вижу, вы и здесь побывали, ваша милость.

— Я в этих краях впервые, — сказал я быстро.

Он покачал головой.

— Но вам салютовали! Уважают вас, сэр Ричард.

— С кем-то спутали, — сказал я. — Где тут постоянный двор поприличнее?

Он все еще смотрел с сомнением, кивнул, не отрывая от меня взгляда.

— Сейчас повернем, а там через два дома... Или вы так давно были, что подзабыли?

Ревель бросил с козел:

— А если сэр Ричард был в те времена, когда и город еще стоял по-другому?

Глаза Альдера расширились, он перекрестился, что вообще-то делает очень редко. Мы повернули, как он сказал, а там в самом деле через два дома распахнул широкие врата постоянный двор, который язык не поворачивается назвать постоянным двором: усадьба, состоящая из прекрасного здания из камня и множества пристроек, включая конюшни, собственные булочные, оружейные, мастерские шорников, настоящая первоклассная гостиница, даже мотель, учитывая огромнейший двор с конюшнями и тремя кузницами, где перековывают лошадей, подновляют сбрую. Верхних два этажа отведены под комнаты, а нижний весь отдан под трапезную, четко разделенную на залы для простых, благородных и весьма благородных.

— Хорошо живут, — сказал я. — Мне чудится, что чем дальше продвигаемся к Югу, тем народ богаче.

Альдер развел руками.

— Последняя Великая Война Магов, — проговорил он медленно, — как-то обошла стороной этот край. Нет, землю везде трясли и ломали, но сюда хотя бы не текли Огненные Реки, здесь не превращалось в лед, а потом снова в пепел... Наверное, потому, что здешние места всегда были пустынные, задело краешком... И потому с тех давних времен в здешних землях осталось нечто уцелевшее!

— Это плохо? — спросил я.

— Опасно, — ответил он. — Опасно, когда в земле таится нечто такое, что однажды высунет морду и цапнет тебя за ногу. Это я так, шутю. Но те штучки, что остались от Великих Магов, могут цапнуть целый город.

Клотар прислушивался, пробурчал:

— С виду городтише тихого.

Альдер насторожился.

— Ты что-то чувствуешь?

— А ты нет? — огрызнулся Клотар.

— Так то я, — отпарировал он. — Я же чуткий, а ты толстокожий, как деревенский кузнец.

Клотар нахмурился, сказал грубо:

— Все, что я слышал про эти места, связано именно с землей. То ли в ней какое-то колдовство, то ли спрятана некая сила... или разлита в почве, так что как-то действует...

Я поднялся в отведенные нам комнаты, осмотрелся, леди Женевьеву определил в самую дальнюю по коридору, чтобы, если вздумает выйти, сразу же заметили Клотар, Альдер и Ревель, все они вызвались дежурить по очереди, а в остальное время держать двери своих комнат открытыми.

В своей комнате я осмотрел прежде всего засовы, я не собираюсь ложиться спать с открытой дверью, мельком выглянул в окно и замер. По улице мимо постоялого двора едет на крупном коне с непомерно толстыми и почему-то мохнатыми ногами странный всадник в очень странных

доспехах. Конь ступает по брускатке совершенно бесшумно, хотя я отчетливо вижу блеснувшие в лунном свете подковы. Когда конь и всадник прошли мимо дома напротив с освещенными окнами, свет в окнах лишь померк чуть, я рассмотрел даже рисунок на занавеске.

Полупризрачный всадник проехал по середине улицы и так же бесшумно свернул за угол. Я вздрогнул, перебежал к другому окну. Там кучку народа развлекает мужик, которого у нас называли бы цыганом. Он водил по кругу медведя, заставлял выделывать разные штуки. Очень знакомое зрелище, по крайней мере, по книгам, однако этот медведь что-то в самом деле больно смышеный.

Еще дальше некто показывал особую козу, та ходила среди хохочущей толпы и что-то искала в карманах. Если смотреть из моего окна на третьем этаже, то видно, что во-круг постоянного двора, по ту сторону ограды, расположены хатки работающих на постоянном дворе, бедненькие такие, но дальше хатки сменились домами и даже дворцами знатных семей. Каждый строил жилище по своему вкусу: у одних подобие римских вилл, у другие мрачные бастионы франков, у третьих блещущие мрамором богатые жилища в три этажа. Небедный город, если брать в общем. Скажем так, богаче Зорра, хотя Зорр — это Зорр.

В дверь заглянул брат Кадфаэль.

— Брат паладин! Альдер велел передать, что все уже внизу.

— Пойдем, — вздохнул я. — В любом материальном мире есть и пить надоцно. Никак не привыкну.

Он взглянул на меня как-то странно, после паузы взорвал, но тоже как-то осторожно:

— Но ведь есть же миры, где это не требуется...

— Да, — буркнул я, — там не требуется нашей грубой пищи. Есть иная, более тонкая...

Он смотрел широко распахнутыми глазами дитяти. Я спустился в нижний зал, запахи кухни, пота, вина и горьких трав, что усиливают аппетит и разжигают желание, оранжевое пламя в очаге, где на огромных вертелах

жарятся туши оленей, кабанов, не говоря уже о таких мелочах, как зайцы или птица.

Наша троица устроилась в отделении для самых благородных, благо платят не они, леди Женевьевы во главе стола, но по другую сторону, оставлены два места для нас с братом Кадфаэлем. На стол уже ставили мясо и жареную яичницу, обильно сдобренную зеленью, я жестом показал, что и мне того же — и побольше, побольше, у нас еще один клиент под столом, надо его кормить до тех пор, пока не восхочет петь.

Ревель заметил, что подстреленных по дороге гусей и зайцев лучше отдать на кухню. Все равно нажремся так, что уже будет не до нашей добычи. Я кивком дал согласие, понимая, что деловитый Ревель и здесь сумеет гешефтнуть, есть у него такая жилка, есть.

Таверна заполнялась людьми в доспехах: кожаных и металлических, в простых панцирях и с богатой отделкой, но все при оружии, все громыхающие металлом и с громкими голосами, все требующие немедленно еду на стол и вино, побольше вина.

Мы сидели за своим столом и мирно наслаждались хорошей едой и неплохим вином. Вообще-то еда мало отличается от той, что мы сами готовим на костре, но вино неожиданно оказалось очень приятным.

В таверну вошла женщина, что сразу же вызвало некоторое оживление в зале. Нашу даму, ессно, заметили еще раньше, но она с тремя мордоворотами и монахом, здесь ловить нечего, а вот эта одна, что значит, может стать легкой добычей. Женщина, путешествующая в одиночку, автоматически заносится в разряд доступных. Не столько потому, что так оно и есть, а чтобы как-то оправдать свои мысли и действия. Все мы, глядя на женщин, нередко проигрываем в уме сцены, что бы мы с ними сделали, но когда с ними сопровождающие, на этом все и заканчивается, но когда вот так одна...

Женщина пошла между столами по направлению к

кухне. Мужчины поворачивались, кто-то шлепнул ее по заднице, другой попытался сграбастать и усадить на колени, но она увернулась. Возле камина сушил сапоги дородный рыцарь в хорошем панцире, хотя и чересчур легком для боев, обернулся в ее сторону.

— Эй, — воззвал он, — если ты ищешь защиты...

Она живо обернулась, кивнула.

— Н-нет, сэр. Я просто оторвалась от своих... и сейчас хотела бы найти работу на несколько дней, чтобы не затруднять благородных рыцарей опекой одинокой леди...

Кто-то хмыкнул, выражая недоверие словам «леди», мол, настоящие мадамы не входят в такие таверны, да еще в одиночку, а рыцарь у камина произнес внушительно:

— И все-таки я не советую вам пренебрегать моим покровительством. Разве не видите, здесь такие грубые люди...

— Нет-нет, — сказала она уже решительнее. — Спасибо.

— «Спасибо» — это да или нет?

— Я же сказала «нет», — повторила она все тем же голосом, не робким, но и стараясь не сердить этого большого и явно влиятельного человека. — Спасибо, сэр, за доброту.

Из кухни показался приземистый мужчина, раскрасневшееся лицо лоснилось от пота. Коротко взглянул на женщину.

— Да, юная леди?

Она сказала быстро:

— Я... отстала от своих... Мне нужно несколько дней, чтобы дождаться, когда меня отыщут. Если у вас найдется для меня работа, я не буду в обузу. И могла бы работать за комнату и еду...

Рыцарь прервал громовым голосом:

— Юная леди, я же сказал: у вас уже есть работа! Я беру вас.

Она оглянулась, заколебалась, словно хотела спросить, что у него за работа, но все же сообразила, покраснела и покачала головой.

— Нет-нет, сэр. Я приличная девушка, просто я оказалась в такой ситуации...

— Вот и хорошо, — прервал он нетерпеливо. — Я помогу выйти тебе из этой ситуации. А пока отправляйся на верх, там в самой большой комнате неразобранная постель. Разбери ее и постарайся согреть до моего прихода.

В зале послышались смешки, женщина покраснела, беспомощно огляделась по сторонам. Хозяин открыл и закрыл рот, посмотрел на рыцаря опасливо и отступил, разводя руками.

— А она хороша, — сказал один громко. — Люблю таких вот хрупких...

— Да ты что? Там же взять не за что!

— Найду. К тому же с такой сразу чувствуешь себя мужчиной. А с твоей Долорес — это что на буйвола залезть...

— Ты про Долорес заткни пасть, дурак!

— Да я ничего, мы же про эту говорим...

Рыцарь снял ногу с каминной решетки, шагнул к девушке, разводя руки.

— Женщина, — голос его звучал уже не просто нетерпеливо, а с быстро вскипающим гневом, — я не привык, чтобы мне перечили.

Она быстро отступила, испуганно оглянулась, там дальше столы с гуляками, что смотрят заинтересованно, рыцарь надвигался, она отступила еще на шагок.

— Оставьте меня! — вскрикнула она с мольбой. — Я порядочная девушка!

— Это наш хозяин исправит быстро, — проговорил один за столом.

Ненавижу вмешиваться, я не затычка в каждой бочке, не люблю ссоры и скандалы, всегда предпочитаю, чтобы кто-то поднялся и проявил себя героем, но когда никто не встает, а женщину обижают на моих глазах, то...

Я сказал громко, не вставая из-за стола:

— Эх, благородный сэр! Оставь девушку в покое.

Он сделал еще шаг, почти ухватил девушку в объятия, тут до него дошло, что кто-то осмелился бросить ему вызов, в безмерном удивлении развернулся в мою сторону.

— Это кто там подал голос...

Я сказал громче:

— Сэр Ричард Длинные Руки, если тебе это что-то говорит. Ричард де ля Амальфи.

Он продолжал смотреть все так же тупо. Я подосадовал, что новости распространяются так медленно, все мои соседи уже знали о моей мощи и не рискнули бы связываться по таким пустякам, как эта случайная женщина.

— И что же, — прорычал он наконец, — ты осмеливаешься бросить вызов мне?.. Сэру Альбрехту де Вильи?

Я покачал головой:

— Никому не желаю бросать вызов. Я — человек мирный. Однако благородный рыцарь никогда не обидит даму.

Он взревел:

— Даму? Где ты, дурак, видишь даму?

В зале замерли. Женщина дрожала и смотрела на меня большими испуганными глазами.

Тяжело вздохнув, я поднялся во весь рост, сразу окававшись если не выше этого Альбрехта, то по крайней мере вровень. Не глядя на него, обратился к хозяину:

— Хороший обед для леди. И еще вина... для нас. Леди сядет с нами.

Перенеся ноги через лавку, я шагнул в сторону опешившего Альбрехта. За его спиной со всех сторон начали вскакивать люди, кто-то схватился за рукоять ножа. Я быстро окинул их взглядом. Человек восемь, не меньше, а вон еще трое с той стороны стола, по их виду заметно, что они его люди.

— Слушайте, сэр Альбрехт, — сказал я мягко. — Мы все устали, раздражены. Не будем спорить по пустякам. Если вам захочется помериться со мной воинским мастерством, то я еду на рыцарский турнир в Каталаун... Похоже, вы тоже туда направляетесь...

Один из людей за спиной Альбрехта сказал предостерегающе:

— Сэр Альбрехт — самый сильный рыцарь в этих землях!

Сколько можно, подумал я тоскливо, на каждой улице

свой герой, в каждой деревне есть лучший кулачный боец, в каждом городе кто-то сильнее всех...

— «Эти земли», — ответил я так же кротко, но уже закипая, — не больше участка за моим хлевом.

Альбрехт побагровел, ухватился за рукоять меча. Он уже обнажил его, когда я сделал быстрый шаг вперед и ударили в этот надменно выдвинутый подбородок. Это мухачи могут лупить друг друга часами, а удачный удар тяжеловеса сразу отправляет в нокаут: Альбрехт вздрогнул, пальцы разжались, меч со звоном звякнул о пол, а за ним рухнул и сам рыцарь. Столы подпрыгнули, будто обрушилась каменная колонна.

Острая боль обожгла пальцы, и тут же все прошло, на костяшках быстро исчезла даже краснота. Наверное, даже возжелай я сохранить раны, трусливый организм не допустит такого надругательства и в первую очередь залечивает себя, любимого, а уж потом остальных.

Я постоял некоторое время, обвел окружающих холодным, надеюсь, взглядом. Раздвинул плечи и чуть отодвинул руки, чтобы выглядеть угрожающе, дурацкий вид, так ходят мальчишки, мечтающие, чтобы их воспринимали как крутых и сильных, еще черные шапочки надевают, чтобы походить на бандитов, так вот и я прикидываюсь не умным, а именно сильным.

На меня смотрели в нерешительности, ладони так и застыли на рукоятях мечей, топоров, ножей. Я молился, чтобы этот дурак Альбрехт оставался без сознания как можно дольше.

Женевьеве в тишине сказала громко:

— Как тебя зовут?

— Кристина, — ответила девушка дрожащим голосом.

— Иди сюда, Кристина, — велела Женевьеве. — Этот сэр Ричард хоть и нехороший человек, но женщина защищает везде. Он не даст тебя в обиду. Да и я не дам.

Она с вызовом окинула мужчин надменно-царственным взором. Они смотрели на нее с восторгом, не отводя

глаз. Девушка села возле Женевьевы, судорожно вздохнула, как после долгого плача.

Сэра Альбрехта оттащили к стене, приподняли и усадили. Кто-то из чересчур усердных облил его водой, рыцарь очнулся. Мутные глаза охватили взглядом таверну, он заворчал, поднялся во весь громадный рост. Его поддерживали под руки, он зло повел плечами, освобождаясь, шагнул в нашу сторону.

— О Господи, — вздохнул я, — когда же это кончится...

Леди Женевьева встала и сказала звонким, ясным, не терпящим возражений голосом:

— Эта бедная девушка находится под моей защитой. Кто попытается обидеть ее, тот обижает и меня!

Альбрехт зарычал, пальцы стиснулись на рукояти меча. Налитые кровью глаза смотрели на меня неотрывно, разбитые губы злобно кривились, он сделал еще шаг, но двое приятелей ухватили за плечи, удержали, он рычал и вырывался, но уже на публику: одно дело драться со мной, другое — выступить против благородной леди.

Когда его увели, я сказал Женевьеве вполголоса:

— Спасибо. Честно говоря, не ожидал.

Она посмотрела на меня, как на пустое место, повернула голову к девушке.

— Ты голодна?

— Нет, леди, — ответила она поспешно, — нет-нет, спасибо.

— Ешь, не бойся. Никто тебя не обидит.

Альдер скосил глаза в мою сторону.

— С вами еще могли бы потягаться, сэр Ричард, а вот с леди Женевьевой...

Я кивнул с кислым видом. Конечно, ее слово всегда будет выше моего: если сейчас этот дурак Альбрехт попытался бы отнять девчонку, восстановил бы против себя всех мужчин. Даже его приятели вряд ли поддержат, если бы он начал спорить еще и с этой ослепительно красивой леди.

Мы ужинали медленно, все устали за длинный день в дороге. Даже Альдер с Ревелем, больше всех привыкшие к

постоянным передвижениям по королевствам, и то неспешно потребляли каждое блюдо, еще неторопливее заливали вином, смакуя каждый глоток. Клотар ел с прежним хмурым видом, я ни разу еще не видел, чтобы он улыбался, и сейчас он не сказал, а прорычал в свою тарелку:

— Я слышал, в этом городе пользуются запретной магией.

Он так редко заговаривал по своей инициативе, что я, как отец народа, поспешил поддержать разговор:

— Запретной? Разве наша христианнейшая церковь не считает любую магию...

Он отмахнулся, словно я не Ричард де Амальфи, а еще Амило и Вердена в придачу, а зеленая навозная муха, что норовит сесть ему на губу и почесать лапы.

— Церковь запрещает. Но церковь не последняя дура...

Он коротко взглянул на брата Кадфаэля, почти что улыбнулся.

— Что вы хотите сказать? — спросил Кадфаэль враждебно.

— Церковь на словах запрещает любую магию, но и она понимает, что есть магия лекарей, что умеют лечить коров и людей, а есть магия, что поднимает мертвых из могил...

Брат Кадфаэль сказал резко:

— Вся магия — от дьявола!

— Церковь не успевает во все дыры, — отрезал Клотар. — Она закрывает глаза, что деревенские колдуны лечат коров, выводят наверх подземные ключи, вызывают дождь в засуху... Но когда маги поднимают войско Мертвого Короля...

Он умолк, с треском разломил берцовую кость молодого оленя и начал шумно высасывать костный мозг. Леди Женевьева поморщилась, остальные переглядывались, сопели, Альдер сдвинул брови, постукивал краем чаши по столу.

— Ты хочешь сказать, что здесь они уже начали?

Клотар сдвинул массивными плечами.

— Я — нет. Просто услышал сегодня. Сперва на улице, потом здесь. Говорят слишком уж... упорно.

Альдер буркнул, нахмурившись:

— Слухи часто бывают просто высосанными из пальца.

— Бывают, — согласился Клотар. — Но людям, которые не прочь осесть где-нибудь и доживать жизнь спокойно, такие слухи не нравятся.

Альдер поднял голову, взгляды скрестились. Мне даже почудилось, что от встречного удара посыпались незримые искры.

Глава 16

После ужина Альдер и Ревель вежливо, но настойчиво проводили леди Женевьеву на верхний этаж. Девушку она взяла в собой, место отыщется и для двоих, не у стола же ей ночевать, за что я был признателен, иначе снова пришлось бы устраивать на ночь глядя.

Клотар постоял в задумчивости, странно поглядывая на меня, на Кадфаэля, затем как-то незаметно исчез. Я вышел во двор, а затем и на улицу, постоял в тени, осматриваясь. Что-то давно люди Грубера не показываются, даже не по себе как-то. Хотелось бы верить, что оставили нас в покое...

Увы, я не Кадфаэль, чтобы верить безоговорочно, я скорее тот хохол, что «нэ повірэ, паки нэ помацае». А тут того и жди, чтобы не помацали самого по морде.

Когда я, насторожившись, возвращался, на крыльце появился, пьяно покачиваясь, огромный мужик с пудовыми кулаками. Я замедлил шаг, что-то в этом кулачном бойце не то, наконец сообразил, что, несмотря на все старания изображать пьяного, глаза совершенно трезвые, смотрит остро и прицельно.

— Ты, — сказал он громко, — тварь паскудная, чего к моей дочери ходишь?

— Сдуру? — поинтересовался я.

— Она ж еще ребенок! — заорал он. — А ты, ублюдок...

В открытых дверях показались головы, даже из подсоб-

ных помещений вышли кузнецы, шорники, все довольно улыбались в предвкушении зрелища доброй драки. Из трапезной тоже вышли несколько человек, я услышал голоса, подбадривающие мужика. Кто-то крикнул и мне, чтобы не трусил, мужчина-де отступать не должен, нельзя терять лицо, словом, все те слова, чтобы я не отступил и не испортил им зрелище.

Я вздохнул.

— Слушай, — сказал я примирительно, — иди пропись. Мне не хочется драться.

— Ты трус! — заорал он.

Вокруг быстро собирались толпа, из-за спины мужика появлялись завсегдатаи, некоторые с кружками пива в руках, соскакивали с крыльца и присоединялись к зевакам. Удивительно, как эта жадно глазеющая дрянь страстно жаждет ток-шоу, интервью телеведущих друг с другом, телеразборки кому с кем спать и в какой позе трахаться, но сейчас у плебса только этот эквивалент, а так уже вижу морды будущих домохозяек и футбольных фанатов...

— Да, я трус, — согласился я. — А теперь дай пройти.

— Ты не пройдешь!

— Почему? — спросил я. — Мною заплачено за комнату. Могу зайти и спать, никого не задевая.

— Ты ублюдок!.. А ублюдкам здесь не место!

— Тогда исчезни, — посоветовал я.

Мужик шагнул вперед, широко размахнулся и ударил. Я никудышный боец, нет практики у городского маменькина сынка, но в этом мире, где размахиваются вот так, словно в замедленной киносъемке, я отклонился без особого труда. Его кулак прошел над моим плечом, а сам он ударился о меня грудью и брюхом. Я обхватил его руками и, вскинув на плечо, круто развернулся и сбросил с крыльца грузное тело.

То ли я так быстр, то ли эти люди соображают совсем уж медленно, но он опомнился, только скатившись по ступенькам на улицу. И поднялся медленно, хотя цел, в глазах ярость и недоумение. Я спустился с крыльца, а мужик

взревел и ринулся на меня, издали прицелившись кулаком, как вот щас вобьет меня в землю по ноздри.

Я вновь уклонился без труда, поддал ему под зад, стена вздрогнула от удара грузного тела. Мужик обернулся, на лбу ссадина, нос кровоточит, снова заорал и бросился на меня. Уклонившись, я жестко ударил в бок, этот бугай прервал рев, словно выключили. С трудом затормозив, развернулся, постоял и пошел на меня, изголовившись схватить в объятия.

Мои ноги сами отодвинули меня, я приготовился драться на длинной дистанции, нельзя допускать этого гада близко, а то еще укусит, это еще те мушкетеры.

Он протянул лапищи, я отступил и с силой ударил в живот. Громила дернулся, лицо сразу стало белым, как будто из воска, он весь застыл, пасть раскрыл настолько широко, пытаясь ухватить воздуха, что я едва не плонул туда в вонючую красно-черную дыру. Но вместо этого я ударил коротко и сильно в нос. Хрустнули тонкие кости, кровь выплеснулась тонкими горячими струйками.

Мужик взвыл и ухватился за лицо. Между пальцами побежали красные ручейки. Не такая и жуткая рана, но на самом видном месте, и крови всегда хлещет столько, что любой теряется от шока.

— Не нравится? — спросил я громко. — Кто идет за шерстью...

С размаха, он уже не видит моего кулака, ударил в лицо еще сильнее. Мои пальцы ожгило больно, но его и вовсе хрустнули. Охнув, он завалился навзничь, обе ладони все еще зажимают раздробленный нос. Вокруг начал собираться народ, мужики кричали, подбадривали, требовали, чтобы встал и дрался, но он остался лежать, выл по-звериному, а кровь хлещет с такой силой, что грозит заполнить весь двор.

— Переключите на другой канал, — посоветовал я народу, — сейчас пойдут новости культуры, а затем погода.

Передо мной расступились опасливо, у меня даже кулаки не разбиты, хотя все видели, как зверски я бил в его

окровавленное лицо с переломленными костями носа. Это значит, что могу и еще врезать, ведь только раздразнили.

На крыльце я остановился, выдвинул нижнюю челюсть и, обернувшись, обвел всех феодалье-бараным взглядом. В голове быстро складывались слова, способные напугать кого угодно и обеспечить нам пустое пространство, куда бы ни двинулись, но в это время краем глаза я заметил в сумерках, как в дверях дальней конюшни появился с обнаженным мечом в руке человек, взглянул на лезвие, вытер клочком ткани, сунул меч в ножны. Он все еще в тени, только я рассмотрел его, сердце застучало чаще. Стараясь не выходить из тени, он крадучись прошел вдоль стены, мелькнул за спинами зевак.

Я еще раз обвел взглядом притихшую толпу, повернулся и вошел в дом. Сердце еще больше участило бег, в голову бросилась кровь, зашумела в ушах.

Не останавливаясь в трапезном зале, я поднялся на третий этаж. Альдер и Ревель стоят в коридоре, я издали услышал хохот, Альдер рассказывает что-то, помогая жестикуляцией, Ревель одобрительно улыбается.

— Почему вдвоем? — спросил я.

— Да еще рано в постель, — объяснил Альдер. — А с полуночи я сменю Ревеля. Что-то случилось?

— Да вроде нет...

Альдер осмотрел меня с головы до ног.

— Да? Вид у вас несколько... взвинченный.

— Пустяки, — заверил я. — Со мной все в порядке.

А вот...

Послышались шаги, я обернулся, в глубине коридора поднялась снизу фигура Клотара. Он двигался все такой же медведистый, угрюмый, поглядывая исподлобья, маленькие глазки злобно зыркают из-под неандертальских надбровных дуг.

— А у Клотара, — поинтересовался я, — как видок?

Альдер скользнул по нему равнодушным взглядом.

— Как обычно.

— Да? — спросил я. — Клотар, что ты делал сейчас в ко-
нюшне?

Клотар не вздрогнул, не выразил удивления, плотные
губы чуть изогнулись в саркастической гримасе.

— Решил посмотреть, как устроили коней. Кони Мар-
кварда — дорогие кони, за ними нужен уход. И кормить
надо отборным зерном, только тогда они быстрее всех на
свете.

— Ну и как? — спросил я.

Альдер и Ревель насторожились, видно же, что спра-
шивал неспроста. Клотар ответил так же невозмутимо:

— Вода чистая, холодная. В кормушках полно зерна.
Правда, кто-то еще решил проверить, чем кормят наших
коней...

Он по-волччьи улыбнулся. Я молчал, ждал продолже-
ния, Альдер не выдержал, спросил:

— Кто?

— Не знаю, — ответил Клотар со спокойствием камен-
ной горы. — Не стал спрашивать. Я не любопытный.

Альдер смотрел испытуемое, Ревель впервые нарушил
молчание:

— Что с ними?

Клотар небрежно махнул рукой.

— Оставил там. Правда, перебросил на другую сторону
прохода. Там кони того графа, что в зеленом.

— Сколько их было? — спросил Альдер.

— Всего трое.

Альдер кивнул Ревелю, тот бросился по коридору. Кло-
тар с прежней невозмутимостью прошел мимо нас, мы
молча смотрели, как толкнул дверь своей комнаты, скрылся.

— Крепкий мужик, — сказал Альдер со странной инто-
нацией. — Думаю, он не случайно пошел проверить, как
там с конями. Такие умеют чувствовать, когда и что про-
изойдет. Кто с мечом в руке странствовал немало, тот зад-
ницеей чует, чем пахнет.

— А ты? — спросил я.

Он ухмыльнулся.

— И я чую. Вот сейчас прибежит Ревель и скажет, что с нашими конями все в порядке, а в соседнем загоне три трупа, кони беспокоятся. И еще чую, что на сегодня наши напасти кончились. Можно спать спокойно. Кто-то послал того дурака начать с вами драку, чтобы народ отвлечь, а сами...

— Тогда я пошел, — сказал я. — Рад, что на сегодня лимит приключений исчерпан.

Сквозь сон я услышал скрип половиц. Мгновенно раскрыл глаза, комната залита слабым лунным светом. Моя кровать в тени, я уставился на дверь и в дивном прозрении увидел, как с той стороны подкрадываются два багровых силуэта: высокий, странно трепещущий, и второй, пониже ростом, но широкий, разогретый, словно в нем кипит котел, плотный, руку держит так, словно в ней кинжал.

Разогретый, как глыба металла в жерле вулкана. Пес приподнялся, ждет. Я произнес одними губами:

— Тихо!.. Не двигаться!.. Молчи.

Пес снова лег, это выглядит, как будто раскаленная глыба слегка расплылась по полу. Дверь неслышно подалась, в щели появилась голова, лица в тени не видно, затем возникла рука с обнаженным мечом. Человек вошел в комнату, за ним вдвинулся второй: пониже, широкий в плечах, в кожаном панцире. В руке кинжал, точно такой, какой я предположил, когда смотрел на обоих через дверь.

Ошибся Альдер, мелькнула злая мысль, здесь никогда лимит на такое вот не исчерпается, что за жизнь, сердце стучит настолько громко, что эти двое могут услышать, я высвободил руку с мечом и, направив острием на незнакомцев, произнес как можно тверже:

— Не двигаться!.. Вас двое, но еще не знаете, что я могу. Они застыли, первый сказал нервно:

— Да знаем-знаем, потому и пришли.

— Не двигайся, — повторил я. — Бросай меч. Нет, просто разожми пальцы. А ты, с кинжалом, медленно сунь его в ножны. Оставайтесь там.

Высокий спросил:

— Можно нам сесть? Здесь лавка.

— Нет, — ответил я резко. — Сперва отвечайте.

— Хорошо, — ответил высокий покорно. — Как скажешь. Спрашивай. Но я скажу сразу, чтобы облегчить тебе работу: ты — Ричард Длинные Руки, который и Амальфи и тот самый, что Амило и Верден захватил. А мы — Ганс Мюллер и Фриц Лейбер.

— Это мне ничего не говорит, — отрезал я холодно. — Особенно — Фриц Лейбер. Почему вы здесь?

— Мы купцы, — ответил высокий, назвавшийся Мюллером. — Везем товары в Каталаун. Охрана была нанята только до этого города.

— Понятно, — прервал я. — Насчет охраны — мимо. В смысле пролетели, ребята. Ищите в другом месте. Я уже подписался сдуру провожать одну красивую... эх, век буду помнить.

Широкий купец только досадливо крякнул, но Мюллер сказал настойчиво:

— Мы уже наняли пятерых. Люди вроде бы умелые, уже охраняли караваны. Но когда я узнал, что и вы едете до Каталауна, то решил, почему бы не поехать вместе? Вас четверо умелых бойцов плюс учений монах, и нас двое купцов, что знакомы с оружием, и пятеро охранников... На вас четверых могут нападать всякие разбойники...

— Отобъемся, — прервал я.

— Да, конечно, — согласился поспешно Мюллер, — но я видел, как вам не хотелось драться во дворе! Нам тоже не хочется драться там, где можно избежать. Что мы получим от драки? Мы — купцы. Потому и богатые, что деремся только там, где сами этого желаем. Если поедем не позрь, а вместе, то никто из этих мелких шаек не посмеет к нам приблизиться!

Я подумал, резон в их словах есть, спросил подозрительно:

— А почему пришли так вот тайком?

Мюллер замялся, признался:

— Мы не одни торговые люди в городе. Все сбиваются в группки, но там кипит борьба, кто будет главным. А с вами нет никакого урона: будьте вы главным — это совсем другое, чем подчиняться другим купцам!

— Ладно, — ответил я. — Утром отвечу. А теперь идите отдохните... люди рыночных отношений. Не наступите на собачку. Она уж совсем собиралась вами перекусить.

Мюллер кивнул, а Лейбер сказал с улыбкой:

— Мы ее заметили еще из коридора. Не удивляйтесь, мы — купцы, а это значит, осторожные люди. И амулетами обвешаны всеми, какие нам доступны.

Часть 2

Глава 1

Т олова с утра налита свинцом. Я создал кофе, выпил с величайшим наслаждением, взбодрился, однако голова осталась такой же невыносимо больной. Сделал еще порцию, нервы уже как струны, голове легче не стало. И в этот момент ощущалось некое давление, словно мощный инфразвук глушит мои мысли, подавляет волю.

А вот тебе хрен, ответило во мне почти на автомате. Я поставил кружку с остатками кофейной гущи на стол, пусть слуги гадают, что же такое я пил, поднялся. Осталось ощущение, что некто беспомощно колотится о непрошибаемую оболочку, окружающую меня, пытается отыскать щелочку, как делает всякий раз новая реклама, но она должна быть в самом деле очень уж изощренной и умелой, чтобы пробиться через все защитные системы современного человека, живущего в рыночном изобилии. А здесь некий дурак колотится в одно и то же место, растрачивает силы, я его почти не замечаю, спасибо нашей системе маркетинга, сделавшей нас невосприимчивыми к простым пиаровским ходам.

— Подучитесь, — пробормотал я, — маги недобитые... Мало на вас инквизиции. Ничего, Святая Церковь до всех вас доберется...

Мелькнула мысль, что и мне тогда не творить кофе, ведь церковные доктрины отрицают чудеса, а все эти дикарские слухи о чудотворных иконах — отголоски языческих верований. Никто да не смеет

творить чудес, кроме Господа Бога, а он сотворил однажды, создав этот мир и позволив нам перестраивать его по своему усмотрению.

Пес встал, потянулся, прогибая спину, как балерина, и сладко зевнул. В коричневых глазах вопрос, я ответил бодро:

— Как это что будем делать?.. Конечно же, есть! Много и от пуз. Как будто есть на свете более интересное дело!

Он радостно завилял хвостом, соглашаясь, что да, нет ничего более увлекательного. Недаром же и вы, люди, тоже чуть что — за стол. И всякие пиры по любому случаю, когда все пьют и едят так, что из ушей лезет.

Я вышел в коридор, в голове сразу прояснилось, боль исчезла. Альдер доложил, что леди Женевьеве даже не пытаясь выходить, Ревель подтвердил, что и в его дежурство она вела себя тихо, Клотар помалкивал, его забота — кони и повозка, но их он обезопасил на какое-то время. Брат Кадфаэль все еще беседовал с Господом Богом, вот уж нашел себе собеседника, я сообщил за утренней трапезой, что к нам присоединятся торговые люди с караваном и охраной, так что поедем вместе. Если, конечно, они не станут тащиться, как раненые эстонские черепахи.

— Это хорошо, — сказал Клотар веско. — Больше мечей, больше топоров.

Я поинтересовался в пространство:

— А что же леди Женевьеве не осчастливила нас присутствием?

Клотар смолчал, брат Кадфаэль посмотрел на меня с укором и отвел взгляд, Альдер и Ревель переглянулись, наконец Клотар прогудел недружелюбно:

— Госпожа очень устала.

— И что же, — сказал я, — предпочитает ехать голодной?

Клотар буркнул:

— Я не смог ее разбудить.

Мы молча ели, а когда тарелки опустели и дошла очередь до кувшина с вином, я сказал предостерегающе:

— Сильно не налегайте. Чтоб через полчаса кони были оседланы, а вы ждали меня во дворе!

Они молча проводили меня взглядами, а я, взяв полную тарелку, отправился в комнату Женевьевы, толкнул ногой дверь.

Она все еще спала, обхватив обеими руками подушку. Колени поджала чуть ли не к подбородку, щеки раскраснелись, пухлые губы чуть приоткрыты, сейчас выглядит святочным ангелом, но юбка задралась, обнажив полные бедра созревшей молодой женщины, точеные длинные ноги выглядят провоцирующе, даже слишком...

Я поставил поднос на лавку рядом с ее кроватью, тронул за плечо.

— Пора, красавица, — сказал, подражая герою какой-то оперы, — вставай, вечер... что такое вечер? Неважно. Пора ехать.

Она открыла глаза, некоторое время в них еще оставался туман сладкого сна, затем зрачки сузились, губы сжаллись, лицо приняло холодное и высокомерное выражение.

— В чем дело, наемник? — поинтересовалась она хриплым со сна голосом. — Не терпится потешить свою плоть?

— Я ее не на помойке нашел, — ответил я, мгновенно вскипев, — чтобы пачкать о каждую... да, каждую. Даю двадцать минут на все. Посрать, умыться, поесть и выйти во двор. Не успеешь — вытащу силой.

Она вскрикнула:

— Не посмеешь!

Я прямо посмотрел ей в глаза:

— Хочешь проверить? Тогда задержись хоть на минуту дольше.

В караване торговых людей четыре повозки, в каждую впряжен по четверке крепких выносливых коней, это не хилые крестьянские лошадки, купцы понимают, как много зависит от скорости, от оборачиваемости капитала. Пятеро хорошо вооруженных воинов уже гарцевали на поджарых лошадях, мускулистых, с высокими бабками.

Купцы ждали нас за воротами постоянного двора и, едва мы выехали, тронулись несколько впереди, как бы принимая удар возможных разбойников на себя. Впрочем, разбойники могут пропустить основной обоз и напасть на отставших, такое тоже бывает. Именно эта тактика чащевенчается успехом.

Почти до полудня мы ехали врозь, потом Альдер разговорился с охранниками каравана, брат Кадфаэль принялся вопрошать, в каких отношениях они с Господом Богом, даже Клотар, к моему удивлению, заговорил с купцами, начал расспрашивать о ценах на овечью шерсть, причем выказал себя человеком знающим, вскоре они уже ожесточенно обсуждали политику какого-то короля, вздумавшего за счет овец увеличить поголовье рогатого скота.

Во время короткой остановки, когда напоили коней и сами чуть подкрепили силы тем, что захватили с собой, леди Женевьевы изволила выйти и некоторое время сидела на берегу ручья, плескала ногами по воде. Мюллер, купеческий старшина, засмотрелся, сказал с восторгом:

— Какая женщина, какая женщина!.. У нее лицо богини!

Второй, который Лейбер, пробормотал:

— Что лицо, я таких совершенных ног никогда не зре...
зрел...

Мюллер обратился ко мне:

— Сэр Ричард, не правда ли, прекрасное лицо для женщины важнее? Ноги когда увидишь, а лицо всегда на виду.

— Потому красота ног важнее, — возразил Лейбер. — Ждешь-ждешь, наконец... и если ноги кривые и волосатые, то и лицо не спасет!

Я отмалчивался, они приставали, веселые и захмелевшие, я буркнул:

— *Aurea mediocritas.*

Они отстали, озадаченные, я ушел вперед, не переводить же, что это означает — золотая середина, могут понять не так, даже обязательно не так поймут. Зато с купцами остался Альдер, он в последнее время что-то слишком

засматривается на избалованную дочку олигарха, да и понятно: после тех баб, которых встречаешь в трактирах, эта выглядит как царица эльфов, пусть даже темных эльфов.

Я вспомнил, спросил у Ревеля:

— А где та девушка... которую Женевьеве приютила?

— О, ваша милость, кому-то повезет с женой! Ей было так неловко, что она затрудняет нас, что рано утром, когда леди еще спала, эта Кристина встала и на цыпочках ушла, чтобы нам меньше помех.

Я подумал, кивнул:

— Баба с воза...

Хотя еще с полдня вспоминал ее испуганное и вместе с тем полное достоинства лицо.

Купцы двинулись в путь даже с излишней поспешностью, старались доказать нам, что и они, с тяжело груженными повозками, могут передвигаться быстро, а на отдых им нужно совсем немного времени.

Один из купеческих проводников выехал вперед с Альдером и, ожесточенно споря, намечал с ним маршрут. Сами купцы, к моему удивлению и некоторому неудовольствию, обращались ко мне как к старшему. Сперва я полагал, что это просто обращение к их военному руководителю похода, то же самое, когда и сорокалетний сержант должен вытягиваться и первым приветствовать тридцатилетнего майора, однако со временем ощущил, что эти люди инстинктивно ощутили, что я в самом деле... старше.

Сам я, да, тоже чувствую себя старше всех этих людей, хотя большинство из них по возрасту превосходят меня как минимум вдвое. Уже потому, что Копернику понадобилась жизнь, чтобы осознать ошеломляющую истину, что Земля — шар, как и Пифагору непросто было прийти к своей знаменитой теореме, а я то и другое усвоил в детстве, никакой ломки взглядов, это же естественно, а как же, мол, иначе? Я знаю основы экономики, как все мы знаем, знаю преимущества и слабые места феодальной системы, знаю, чем все неизбежно кончится, это делает меня мудрее

и заметно старше. Настолько старше, что это чувствуют и принимают люди, которые на самом деле, как уже сказал, вдвое, а то и втрой старше меня по возрасту.

Через пару часов мы нагнали еще один караван, уже с переселенцами, что подыскивают вольные земли, где могли бы зажить по своим правилам, никому не подчиняясь, не платя налоги, не участвуя в войнах, которые их не касаются.

Этот караван двигался медленно, все-таки быки — не кони, их не заставишь нестись вскачь, зато пара быков тащит груз, который не сдвинула бы с места и восьмерка коней. Да и выносливее быки, но сейчас даже они выглядят изнуренными, понурыми, едва передвигают ноги.

Впереди каравана, как ни странно, священник, к нему сразу же заспешил брат Кадфаэль для церковного диспута, у обоих одинаковые мулы, только у караванного священника мул от копыт и до кончиков ушей покрыт желтой пылью, как все вокруг: земля, трава, камни, даже всадники и люди в повозках. Мужчины из числа переселенцев едут в стороне от каравана, чтобы не утонуть в облаке пыли из-под копыт и колес.

Мы с Альдером выехали далеко вперед, высматривали место для отдыха. Наш караван почти слился с отважными переселенцами, тоже едва тащится, животные в конце концов пусть не выбились из сил, но все же устали, им бы сейчас добраться до прохладного озера и залезть, опустившись в воду по ноздри.

— Что их заставляет? — спросил Альдер негромко.

— Они люди, — ответил я. — А человеку мало жить-поживать да добро наживать.

— Но они не выживут! — воскликнул он. — Посмотрите, сэр Ричард, никто из них не умеет держать в руках оружия!

— Они жили в благополучных землях, — объяснил я человеку, рожденному на фронтире. — У них все было... но всего было мало. И каждый шаг приходилось соотносить с правилами, законами, обычаями. В конце концов это ос-

точертевает даже самым смирным и законопослушным. А если учесть, что даже в те земли добираются одиночки, что рассказывают о вольных землях границы, где бери земли столько, сколько хочешь, где нет ни хозяина, ни суда, ни бургомистра...

В низине мы рассмотрели небольшое озерцо, уже наполовину высохшее. Быкам придется к воде идти по колено в грязи. Я кивнул, Альдер привстал на стременах и замахал рукой. Движение каравана немножко ускорилось, быкам будто шепнули, что впереди вода, где они отдохнут.

Альдер остался напоить своего коня первым, пока воду не взбаламутили, я поехал навстречу каравану, мой Зайчик в воде не нуждается. А если и нуждается, то может получить ее из чего угодно.

Высокий седой старик с огненными глазами вожака разбойников, старшина переселенцев, дружелюбно кивнул мне.

— Прекрасно, что там озеро. У вас не отышется свежего мяса? Я видел, вы охотились.

— А что с вашими припасами? — поинтересовался я.

— Пусть пока побудут в мешках. Зачем развязывать мешки, когда дорогу пересекло целое стадо оленей?

— Я постараюсь добыть парочку, — пообещал я.

— Спасибо, — ответил он. Помявшись, проговорил с неохотой: — И вот еще... Говорят, завтра будем проходить опасные земли...

— Пройдете сами, — прервал я.

Он усмехнулся, развел руками.

— Я так и думал, но почему не попробовать?

День прошел спокойно, я постепенно начал успокаиваться насчет Грубера. То ли этот герой наконец смирился, что Женевьеву не достать, то ли слишком занят укреплением своей власти и влияния в Диком Поле, но, похоже, наконец-то отстал. Лишь однажды на горизонте показались всадники, но Альдер всмотрелся и сообщил, что там трое на верблюдах, это караван южан.

Я пожалел, что дороги тут же разошлись еще больше, успел бы хоть посмотреть на коренных южан. За это время небо уже окрасилось красным, солнце начало опускаться к горизонту, по степи побежали длинные тревожные тени. Купцы и караванщики расположились на ночлег вместе, взаимно прикрывая друг друга повозками, мы встали с ними, но с внешней стороны.

Проснулся я почему-то задолго до рассвета. Костер уже прогорел, темный купол неба выгнулся неправдоподобно широкой чашей, звезды светят только самые яркие, остальные не могут пробиться через слой мельчайшей пыли, она не успевает осесть за короткую ночь.

Зайчик шумно вздохнул, переступил и посмотрел на меня красным глазом. Я улыбнулся ему, он презрительно фыркнул, тряхнул гривой и стал смотреть в дальнюю цепь темных кустов. Я ощутил, что он рассматривает нечто, насторожился, пробрался к нему, не забыв захватить меч и лук.

Кусты, как мне почудилось, слегка шевельнулись. Потом в другом месте. Я отполз, тронул Альдера и Ревеля.

— Поднимайтесь, — прошептал я, — только тихо!.. В кустах кто-то прячется.

Альдер сразу схватился за оружие, а Ревель попятился к телегам.

— Я подниму людей.

— Только тихо, — предупредил я. — Если те в кустах увидят, что их заметили, бросятся сразу, не дожидаясь подкрепления.

Ревель некоторое время будил, но почти сразу же какой-то идиот начал возмущаться, что ему не дают спать, что ночь тихая, нигде никого нет, мало ли что кому чудится...

Кусты затрещали, оттуда начали высакивать фигуры, которые в темноте показались мне великанскими. Альдер и Ревель метнули по дротику и приготовили мечи, я успел выпустить не меньше чем семь стрел, потом схватился за меч, закипела схватка в темноте. Люди оказались в кожа-

ных доспехах, лишь одного я встретил в железном панцире, но и его зарубил со спины Клотар.

Из переселенцев, судя по всему, стрелять никто не умел, хотя везли луки и стрелы, каждый встал с топором или мечом у своей телеги, и, когда два-три разбойника все же прорвались через нашу мясорубку, на них там навалились и зарубили.

Я рубил, не столько стараясь поразить насмерть, как задеть хотя бы кончиком меча: раненный даже очень легко уже не думает о нападении, это при защите вынужденно сражается до конца. Клотар устрашающе ревел, как неведомый зверь, размахивал огромным мечом, о него разбивались несчастные, как волны о скалу, что не смогли его обогнуть, но обогнувших встречал двумя мечами Альдер.

Я только-только разогрелся, как нападающие исчезли. Некоторое время слышался только женский и детский плач, потом переселенцы задвигались, ко мне подошел седой старшина, кровь капала с его длинного и очень узкого меча.

— Мы... отбились?

— Ненадолго, — сообщил я.

— Могут напасть снова?

— Что значит «могут»? — сказал я чуть ли не злорадно. Спохватился, сказал уже виновато: — Посмотрите, не ранило ли кого. И еще...

— Что?

— Когда нападут снова, чтобы никто из детей не слез с телеги посмотреть на драку вблизи.

Он выглядел шокированным.

— У нас очень воспитанные дети!

— Надеюсь, — проворчал я.

Ревель деловито осмотрел убитых. Ничего необычного, простые разбойники. Жилистые, прокаленные солнцем и с обветренными лицами, одеты небогато, но вполне добродотно. В карманах отыскалось несколько монет серебром, у одного — золотая. Вполне могли бы вот так же уехать с караваном или без него на новые земли, где их не знают,

зажить мирной жизнью землемельца, которому не грозит виселица...

Альдер рассматривал их дольше всех, предположил:

— А что, если они... принадлежат кому-то?

Клотар фыркнул, я осмотрелся, но небо все еще черное, рассвет близок, но там, за горизонтом.

— А кто близко?

— Сеньор Грум, а еще дальше — Нельвиг. Говорят, Нельвиг — хитрый жук. Вполне мог прислать людей, чтобы творили смуту. А он при случае мог бы предложить защиту от этого отребья.

— Возможно, — согласился я, — хотя слишком сложно для простого рыцарского менталитета.

Больше никто не спал, дождались утра, позавтракали и продолжили путь. Переселенцы вскоре отстали, но я видел, как стараются идти точно по нашим следам, где мы, так сказать, своим присутствием разминировали дорогу.

Вскоре показался очередной замок, дорога проходила от него близко, слишком близко. Мне очень не понравилось, что даже на крепостных стенах пусто, даже на башенке над воротами, где всегда торчат если не любопытные, то обязаные торчать там стражи и спрашивать всякого: «Хто идет?», но сейчас тихо, безлюдно, будто стараются не спугнуть птичку.

Мы миновали крепость, я услышал облегченный вздох Альдера, забормотал молитву брат Кадфаэль, и тут решетка ворот поднялась, подъемный мост не опустился, а обрушился на эту сторону рва. Из-под арки ворот вырвались скачущие всадники с копьями наперевес и мечами наголо.

— В круг! — страшно закричал Клотар. — В круг!

Повозки остановились, правильное решение, с тяжелыми телегами не уйти, люди торопливо хватали коней под уздцы и сдвигали повозки. Леди Женевьевы выглянула, на лице легкий испуг.

— Что случилось?

— Освободители скачут! — зло ответил я.

— Освободители от жизни, — прорычал Клотар. Он выхватил меч и начал подавать коня вперед, загораживая путь к повозкам. — Ничего, нас взять не просто...

Из-под арки выплескивались все новые и новые всадники. Проскочив мост, они подавали коней в стороны, двигаясь уже не плотным ядром, а охватывая нас широким кольцом.

Они скакали слишком быстро. Слишком. Мой молот бесполезен, это не крепостная стена, что никуда не убежит, да к тому же у меня на крюке висит фальшивка, а мой упрятан в мешок...

Я торопливо схватил лук, достал тетиву, набросил на выступ, с трудом согнул и зацепил петлей за другой край. Тетива грозно загудела. Пальцы мои, дрожа от усердия, начали выхватывать стрелы, накладывать на тетиву, я выпускал их как можно быстрее, не заботясь о прицеле, а только о том, чтобы натянуть посильнее, а потом проводить стрелу взглядом.

Клотар выказал себя умелым военачальником: не позволил никому ринуться вперед, все встали за повозками и в проходах, пусть скачущие потеряют силу атакующего удара, пусть бой пойдет на равных, хоть их и втрое больше...

Я продолжал стрелять, стрелы срывались с тетивы, грозно жужжа, а скачущие впереди либо откидывались на конский круп, либо зарывались лицом в гриву, а трое вовсе слетели с седла, причем одного, запутавшегося ногой в стремени, испуганный конь волочил по земле, забирая влево и мешая другим.

Половина из скачущих осталась на поле, остальные достигли каравана. Зазвенела сталь, слышались крики, ругань, я все так же стрелял из лука, а возле меня оказался Альдер, он все понял раньше других и отчаянно защищал меня, пока мои стрелы опустошали ряды нападающих.

Схватка у повозок продлилась не больше двух-трех минут, затем оставшиеся внезапно повернули коней. Я сцепил зубы и продолжал пускать стрелы уже в спины. До зам-

ка удалось доскакать троим, там подняли мост и опустили решетку.

Подскакал на взмыленном коне Ревель, прокричал в восторге:

— Сэр Ричард! Вы в одиночку перебили половину!.. Это чудо!

— Не дергайся, — сказал я. — Сейчас увидишь еще одно чудо...

По его щеке сползала кровь, еще один красный ручеек просачивается в сочленение между кирасой и наплечной пластиной. Я приложил ладонь, в ушах зазвенел комарик, и тут же слабость исчезла, Ревель же в изумлении прислушался к своим ощущениям. Клотар внимательно посмотрел на затянувшуюся рану на его лбу, я ощутил на себе его пристальный взгляд, затем он повернул коня и подъехал к повозке леди Женевьевы.

Альдер кивнул ему вслед:

— Кажется, он вас недолюбливает... но позицию выбрали правильную. Если бы вас стоптали или зарубили, всем пришлось бы полечь... скорее всего.

— Он у Маркварда главнокомандующий, — буркнул я. — Научился выбирать места, кто где нужнее.

Из охранников все оказались ранеными, один даже тяжело, Мюллер тоже ходил с завязанным плечом, я молча прошелся, всех поднял на ноги, но сам чувствовал себя выжатой тряпкой.

Мюллер был на вершине от изумления и счастья, рассыпался в благодарностях, нахваливал и себя, что вот он какой мудрый и проницательный, знает, с кем отправляться в путь, а ведь предлагали же ему нанять еще пятерых стражников, совсем задешево предлагали.

Я сказал сипло:

— Остановимся на ночевку здесь.

Мюллер испугался.

— Здесь? Вблизи этого замка?

— Думаю, мы их выдоили досуха, — ответил я вяло. — Побоятся нос высунуть. Будут думать, что мы планируем

захватить и замок. А мне нужно сейчас как следует поесть и отоспаться...

— Мы можем вас повезти в повозке...

Я покачал головой, от такого движения в глазах потемнело.

— А если еще кто нападет? Я буду только помехой. До вечера хоть и далеко, но если нашим коням дать отдохнуть почти сутки, завтра они полетят, а не пойдут! Да и я утром буду как огурчик.

Глава 2

Мы расположились на виду у замка, два больших костра, пусть видят, что все живы и здоровы, никто даже не ранен, пьем и радуемся, а ночью, возможно, сделаем вылазку и захватим замок, пусть потрясутся. Купцы на радостях вытащили запасы еды и вина, которые собирались расходовать экономно, один из стражей, что был ранен особенно тяжело, пустился в пляс, делая в сторону замка непристойные жесты.

Леди Женевьеве с Клотаром и Альдером сидела у нашего костра, посматривала, как я жадно пожираю нежное мясо и сочные форели, морщилась, но я постоянно видел в ее темных, как ночное небо, глазах живейший интерес.

— А что же вы не разметали их молотом, сэр Ричард?

— Молот хорош, — ответил я, — чтобы крушить стены. Против человека... это что из катапульты по воробьям. И слишком могуч, и... чересчур медленный.

Я отвечал обстоятельно, разжевывал намного старательнее, чем жевал обычно, желудок мой кричал, что и недожеванное пойдет, только давай скорее, здесь уже не желудочный сок, а настоящая азотная кислота, все переварим-с...

— А лук у вас... тоже непростой?

— Простой, — ответил я тем же добросовестным голосом деревенского дурака. — Но я не родился рыцарем, а был стрелком, так что лук для меня — родное. Я был лучшим из лучших! А вот молот — да, молот у меня волшеб-

ный... Еще и тем, что всякий, кто попробует украсть, ли-
шится рук.

Она ахнула.

— Какая жестокость!

— Такие времена, — ответил я с лицемерным вздохом.

Затем у костра разговор зашел о великом волшебнике Йыгинокле, его владения мы пересечем завтра. Собственно, он не обращает внимания, кто там проходит внизу, пусть даже у подножия его железной башни, сам он настолько велик, что мог бы свергать королей, если б его заинтересовали такие мелочи, а так он занимается чем-то таинственным и, как говорили монахи, богохульным: над его башней внезапно собираются тучи и хлещут молнии толщиной в дерево, гремит гром так, что звери в ужасе прячутся в норы, а иногда в синем безоблачном небе появляется жуткий лиловый водоворот, куда устремляется волшебник.

Вся мощь, говорят, берется из найденного Камня Мощи, так его называют, хотя, наверное, у древних было другое название. Еще такой же по мощи есть камень и у мага Франгойла, тот живет по ту сторону гор, только Франгойл, напротив, умеет раскалывать землю и выводить наружу огонь и расплавленное железо. И еще есть колдун Улангеш, тот, говорят, мог бы обоих прихлопнуть как мух...

Тут все заспорили, даже обычно отмалчивающийся Ревель пробормотал:

— Смотря какой у него по моши камень... — Оглянувшись на меня, добавил с неловкостью: — Вас, должно быть, удивляет, ваша милость, что говорим о камнях, а не о благородном железе, что именуется сталью, не о серебре, золоте...

Я пожал плечами:

— Нисколько. Иные камни дороже золота.

Он взглянул на меня уважительно:

— Вы сталкивались с ними?

— Да, — ответил я коротко. — Да.

— И даже держали в руках?

— Да, — повторил я, голос мой стал глушее. — И держал, и сам вставлял в... словом, когда приходило время, покупал новый камень взамен устаревшего, более мощный, позволяющий больше... Ставил на маму, смотрел, как пашет. В моей стране это называется апгрейдом.

— Называется? — повторил он с почтением. — Значит, так колдуют и... другие?

— Все умеют делать, — отмахнулся я. — А что здесь за проц... в смысле камень?

Он встал, голос зазвенел от почтительности:

— Это великий камень! Только с его помощью удалось остановить Черного Властелина... так его называют, хотя легенды говорят, что он был светлым, как солнечный луч. А другие вовсе гласят, что он был юной женщиной. Словом, его сковали чарами Камня, низвергли и запечатали всеми могучими чарами выход на поверхность. Однако...

Я кивнул.

— Понятно, все поддается коррозии. Даже чары.

Он смотрел с великим уважением.

— Вы, господин, зрите прямо в корень! И хотя Черный Властелин в аду, но оттуда можно выбраться. Да, вы правы. Если есть вход, то есть и выход. Два выхода надежно завалены и задвинуты горными пластами, а третий, самый уязвимый, — чарами. Они ослабели за эти двадцать тысяч лет, а Властелин, напротив, набрал моши от сил ада...

— Он что, — спросил я, — бессмертный?

Ревель посмотрел на меня с удивлением и даже отстранился, словно его шокировал вопрос.

— Ну конечно, господин... Или вы так шутите? Все Властелины бессмертны. Ходили слухи, что и у них есть уязвимые места, но пока еще никто Властелина не убил, а от старости они, понятно, не умирают.

Мои отяжелевшие веки смыкались, я что-то пробормотал, чувствуя, как все тело наливается теплой тяжестью, расползается, теряет очертания, будто я превращаюсь в огромную медузу из подогретой ртути.

— Спу...

Утром я видел, как Альдер приблизился к повозке леди Женевьевы, что-то сказал в закрытую дверь. Не дождавшись ответа, отошел, постоял, снова сказал уже громче что-то настойчивое. Клотар оставил седлать коней, отошел в сторону, а там прошелся по кругу, всматриваясь в землю. Лицо его становилось все озабоченнее.

Тело мое, отдохнувшее за ночь, требовало движений. Я подошел к костру, где купцы разложили снедь, хотел сесть, но чувство тревоги коснулось при виде озабоченного Клотара. Когда Альдер в третий раз подошел к повозке, Клотар сказал мертвым голосом:

— Похоже, не дозвовешься...

Альдер посмотрел дикими глазами, рванул на себя дверцу. Некоторое время смотрел вовнутрь остановившись взором. Клотар снова пошел, пригнувшись и трогая кончиками пальцев траву, лишь тогда мы услышали горестный вскрик Альдера:

— Леди Женевьеву... исчезла!

Купцы и охрана вскочили на ноги, а Клотар оглянулся, крикнул сварливо:

— Если думаете, что ее утащил Грубер, то ошибаетесь!.. Здесь чужие следы.

Альдер бросился к нему, вдвоем пошли по только им видному следу. Мы ждали, слишком потрясенные и подавленные, чтобы разговаривать. Вернувшись, Альдер доложил:

— Леди Женевьеву никто не похищал. Она почему-то ушла сама по добной воле. Кралась, разувшись и ступая на цыпочках. Видите? Только отпечатки пальцев, а пяткой даже не касалась земли.

Ревель хмыкнул:

— Почему-то!

Альдер взглянул на соратника с угрозой в темных глазах. Желваки вздулись массивные, тугие, острые.

— И далеко ушла? — спросил я. — Сможем догнать?

Альдер посмотрел на Клотара. Тот кивнул.

— Там ждали двое с конями наготове. Следы едва за-

метные, копыта обмотали тряпками. Сперва шли шагом, потом рысью... Думаю, сейчас все еще несутся галопом. Если не сменили коней.

Альдер страдальчески морщился, хватался за голову. Клотар выглядел темнее грозовой тучи, желваки вздулись с такой силой, что вот-вот прорвут кожу. Даже бедный брат Кадфаэль ошелел, до этого времени Женевьевы вела себя как изнеженная леди, капризная и своенравная, я запоздало вспомнил, что лорд Марквард говорил о ней как воспитывающейся вместе с братьями, мол, и на коне верхом, и ночь у костра, а если надо, то и тетиву сможет натянуть.

Когда торопливо седлали коней, подбежал Ревель.

— Повозку брат?

Я помешкал, быстро принимая решение, отмахнулся.

— Нет. Хрен с нею. Я обещал доставить Женевьеву, а не повозку. И мы ее доставим. Женевьеву, а не повозку! Даже если заставим бежать за нашими конями с петлей на шее!

Он вздохнул с облегчением.

— Хорошо... Что с ее конями?

Я ответил не раздумывая:

— Повозку — сжечь... или отдать купцам, а коней заберите. Хоть ты и купил лучших в том городе, но с этими никто не сравнится!

Альдер посветлел лицом, хоть какая-то да польза от бегства знатной леди, кивнул Ревелю, и метнулись к повозке. Я отправился к купцам, они с тревогой и сочувствием смотрели на суматоху, уже догадываясь по нашему виду, что случилось нехорошее.

— Меняем маршрут, — сказал я сразу. — К сожалению, придется пуститься в погоню за нашей... теперь уже пленницей. Жаль, вместе путешествовать было полезно.

— Жаль, — сказал и Лейбер. Он в самом деле выглядел опечаленным. — Скажу без преувеличения, вы спасли наши шкуры! Надеюсь, дальше путь будет безопаснее. Пусть Господь благословит вас в поисках!

— Там остается повозка, — сказал я напоследок. — Ес-

ли есть желание, заберите. Вы ее видели, чересчур роскошная. И пару коней, не очень хороши, но все же.

Лейбер подумал, лицо очень серьезное, кивнул.

— Спасибо, возьмем. Если вам что-то понадобится в южных краях, загляните в местные купеческие общини. Сошлитесь на меня. У купеческих цехов власти почти что нет, однако чем-то помочь могут.

Отцепили повозку, собрались спешно, первым оказался на коне в боевой готовности Клотар. Глаза горят бешенством, лицо такое, словно ему плюнули прямо в морду и тут же скрылись в кустах, откуда хихикают и выкрикивают оскорблений, перебегая от дерева к дереву. Он ерзал в седле, немилосердно скрипит, едва сдерживался, чтобы не подгонять нерасторопных черепах. Единственное существо, которое он одарил благосклонным взором, был Бобик, тот ликующее прыгал рядом и тоже торопил всех побыстрее пуститься в увлекательную погоню.

Альдер бегом привел Зайчика, я услышал, как ветеран споткнулся, ахнул громко.

— Сэр Ричард!.. — проговорил он потрясенно. — Где ваш молот?

Я спросил раздраженно:

— А ты как думаешь?

Он запнулся, развел руками, но в глазах был ответ, который не осмеливался высказать вслух. Действительно, что-то слишком проникся к леди Женевьеве излишней нежностью. Подошли Ревель и брат Кадфаэль, лица сразу стали траурные, понимают, чего я лишился. Вернее, чего лишился весь отряд.

Я помолчал, стараясь выглядеть как можно более огорченным. Надеюсь, и по поводу молота в моем голосе прозвучала самая что ни есть горечь:

— Да, она обезоружила меня... как рассчитывает.

Брат Кадфаэль даже не расслышал, молился, вскинув взгляд серых глаз киллера к небу, Ревель и Клотар не поняли, как и пес, хотя насчет пса и Зайчика не уверен, а вот Альдер встрепенулся, в глазах проглянула надежда.

— А в самом деле?

— Быстро схватываешь, — похвалил я. — Если не дого-
ним сейчас, в ближайшем населенном пункте загляну к
кузнецу.

— Но у него нет боевых молотов, — возразил Альдер. —
Лучше к оружейнику!

— Ничего, — ответил я. — У меня дар, любой молот мо-
гу обоеvить. А вот тот, что украдут у меня, тут же становит-
ся обычным молотом деревенского кузнеца. Да, вот еще...
Брат Кадфаэль, вам лучше ехать с торговцами. Увы, ваш
мул не в состоянии следовать за нашими конями. А я не
хочу, чтобы вас снова... Да и ваш путь все же на Юг. А мы —
временные спутники!

Он печально улыбался, в глазах сильнейшая жалость,
даже такому подвижнику не чужды простые человеческие
чувства, как дружба, товарищество, верность.

Мы обнялись, я торопливо вспрыгнул на Зайчика, сви-
стнул псу, и вчетвером понеслись по следам. У Клотара и
раньше был конь из конюшни Маркварда, зато Альдер и
Ревель чувствовали себя королями: сами восседали на див-
ных аргамаках, да еще и заводными у них такие же сказоч-
ные кони!

Прежних коней Альдера и Ревеля мы оставили брату
Кадфаэлю, его дело, как распорядиться.

Несколько озадаченный, я присматривался к Клотару.
Откровенно скалит зубы, насмехается над моей растяпи-
стостью, какой же воин позволит, чтобы украли его ору-
жение, я выгляжу по-дурацки, однако оседлал скакуна быст-
рее всех, еще и торопил других. Когда мы выметнулись в
погоню, все вырывался вперед, свешивался с седла, на хо-
ду читая следы, указывал направление.

За спиной раздался стук копыт. Мы начали огляды-
ваться, позади скакет на мule брат Кадфаэль, я крикнул
сердито:

— Почему не остался?.. Мы все равно вернемся!

Он помотал головой, лицо уже усталое.

— Нет...

— Мы не можем дожидаться тебя!

— Я... догоню...

Я стиснул челюсти, но каждый сам хозяин своей судьбы, мы должны мчаться во весь опор, пока беглецы не удрали далеко, это главное. А удобства брата Кадфаэля и его желания — дело десятое.

Пес повел по следу, приходится покрикивать, чтобы, увлеченный преследованием, не умчался в одиночку, а там кто знает, что ему придет в голову: то ли начнет играть с леди Женевьевой, то ли разорвет в клочья как предательницу.

Меня подмывало догнать их одному, лишь бы пес успевал указывать дорогу, а Зайчик не подведет, но Ревель очень настойчиво напомнил про колдунов, а Альдер упомянул про ловушки и засады. Грубер будет полным дураком, если не попытается что-нибудь эдакое...

— Дураки в здешних землях не выживают, — добавил Ревель. — К тому же у каждого либо амулет, либо талисман. А то и целая куча.

— И у тебя?

Он спокойно выдержал мой взгляд.

— Я ведь все еще жив...

— Так и я жив, — буркнул я.

— Но я в Диком Поле уже двадцать лет, — ответил он так же спокойно.

И всего несколько шрамов, отметил я. Да, Ревель либо великий воин, либо умеет чувствовать заранее, где пахнет жареным.

— Хорошо, — сказал я. — Будем держаться вместе. У каждого из нас есть то, чего нет у других.

Клотар, что теперь постоянно вырывался вперед, он-де следопыт, уже поджидал нас у подножия холма.

— Их уже двадцать человек, — сказал он возбужденно. — Похоже, те двое были посланы только встретить. А теперь, когда их такой отряд, сразу же пошли галопом во-о-он в том направлении!.. По прямой.

Альдер бросил зло:

— Чуяли, что сразу бросимся в погоню.

— Так не разочаруем наших прихожан, — сказал я. — Бобик, по следу!..

Клотар на скаку с легкостью читал следы, рассказывал, сколько в отряде Грубера рыцарей, во всяком случае — тяжело вооруженных всадников на тяжелых конях, сколько на легких лошадках, эти еще опаснее, среди них могут оказаться лучники.

Альдер неотрывно следил, как пес несетя впереди, сворачивает по следу, и если петля небольшая, то и срезает ее, беря направление верхним чутьем. В то же время не уносился вперед, часто оглядывался, проверяя: по-прежнему ли следуем на том же расстоянии.

— До чего же смышленый, — сказал Альдер восторженно. — Хоросанская школа?

— Чего?

— Я говорю, в хоросанской школе обучали? Там самые умелые собачьи учителя.

Я фыркнул:

— Обижаешь. Кто этих учителей и обучил, как не мой пес?

Кони с грохотом копыт вылетели в залитую солнцем оранжевую долину. На той стороне такая же пологая гора, как и эта, из-за которой мы выметнулись. Если раньше мы ежились от утреннего холода, то здесь все сверкает под солнечными лучами. Долина кажется покрытой растопленным золотом, что текло во всю ширь между горами, постепенно застывая, а сейчас все неподвижно, и подковы наших коней стучат звонко и празднично.

Ревель заорал что-то ликующе и погнал коня вперед в синюю небесную высь. Когда они выметнулись из тени, их охватило такое неистовое солнце, будто вспыхнули в пламени. Ревель заорал еще громче, замахал руками, я услышал звон подков, будто в самом деле конь мчится по металлу. Пес оглянулся на него и прибавил ходу, буквально стелясь над землей, ноги мелькают с такой скоростью, что на их месте только серое мельтешение.

Альдер пригибался к конской гриве, скакет красиво и умело, словно рожден степняком.

— Давно не приходилось драться за женщин! — крикнул он весело. — Все за земли, за власть, за трон... иногда за волшебные вещи, а чтоб вот так за красивую девственницу...

Я фыркнул. И красивой, на мой взгляд, не всякий назовет, а уж насчет девственности вот так наугад...

— На ней написано, — спросил яsarкастически, — что девственница?

Клотар услышал, нахмурился, рука дернулась к рукояти меча, Альдер же ахнул:

— Ваша милость, разве не видно?

— Не видно, — ответил я упрямо.

— Да как же... это ж каждому ясно!.. Она девственница, это как пить дать. Что прибавляет притягательности.

Они смотрели, как на чудовище, я пожал плечами.

— Пусть девственница, если вам так хочется. Это же надо... Конечно, девственница, кто спорит? С таким характером!

Мы проскочили по разные стороны обломка скалы, похожего на колокольню Ивана Великого, а та колокольня похожа известно на что, а когда снова понеслись стремя в стремя, Альдер сказал укоризненно:

— Сэр Ричард... просто эта девушка ни разу не оказывалась за крепкой мужской спиной. Вот и пришлось, как прекрасной розе, вырастить шипы.

У меня вертелось на языке определение, что девственность не порок, а половая безграмотность. В моем нормальном королевстве девственны лишь те, кого никто не пожелал. Да и вообще девственность девственности рознь. Нашим школьницам девственности хватает на всю школу, соседние улицы и кучу тусовок.

Альдер, видя мое молчание, решил, что почти убедил меня, начал развивать тему:

— Женевьевы... что роза... Она потому с шипами, что

всяк норовит сорвать. Но кто не устрашится шипов, тот за- владеет дивным цветком.

Я посмотрел с удивлением, лицо сурового воина было мечтательным, даже голос изменился. Клотар фыркнул, сказал прямо перед собой, ни к кому не обращаясь:

— Женщины — цветы жизни. Их либо в воду, либо в землю.

Далеко впереди фигура Ревеля вдруг застыла, вышколенный конь тоже превратился в статую. Через пару мгновений заставил коня попятиться, укрылся за деревом. Я послал Зайчика в галоп, на ходу выдернул меч.

— Что там?

Ревель оглянулся, лицо бледное, глаза расширены.

— Ваша милость... вы лучше посмотрите сами.

Глава 3

На выходе, почти перекрывая узкий проход между отвесными горами, высится небольшая крепость, а к ней стягиваются пестрые отряды: пешие, конные, на телегах, некоторые на конях, но многие и на верблюдах. Полыхают костры, все выглядит так, будто огромные толпы народа собрались на воскресную прогулку за город.

— Кто осадил их? — спросил я. — Не Грубер же?.. Вряд ли у него столько войска.

Подъехал Клотар, сказал вскользь:

— Это не Грубер.

— Понятно, — ответил я, тщательно скрывая раздражение. — Но я не слышал, что где-то поблизости вторглись войска не то императора Карла, не то какого-то короля.

Альдер помалкивал, озадаченный, Клотар изрек все так же вскользь:

— Не думаю, что это войска императора. Они не прошли бы незамеченными.

Ревель сказал осторожно:

— Я слышал, древние маги умели проводить через кордоны целые армии...

— То древние, — отмахнулся Клотар. — А это, скорее всего, разбойники...

— Разбойники? — изумился Ревель. — У разбойников не хватает сил ограбить священника, если он под охраной двух-трех солдат...

— Я имею в виду заезжих, — объяснил Клотар. — Они иногда просачиваются через кордон, собираются в большие группы, а потом нападают на караваны и даже замки. Если удается захватить врасплох, быстро грабят и уходят. А если дают отпор, тоже уходят.

Альдер проворчал:

— Непросто дать отпор, когда нападения не ждешь... Бывает, не успевают опустить решетку ворот!

Крепость выглядела жалкой: полуобвалившиеся башни, мелкий ров, к тому же высохший. Подъемный мост поднят, створки ворот закрыты плотно, но привычной металлической решетки я не заметил вовсе.

В лесу стучали топоры. К несчастью, крупные деревья стоят на краю леса, на моих глазах одно с шумом обрушилось, сразу десятка два полуголых дикарей бросились к нему с топорами, обрубали сучья, вершинку, умело и старательно затачивали комель, превращая его в подобие кончика гигантской пули.

Потом с криками и воплями начали поднимать, я представил себе, как с разбега побегут к воротам и ударят, стало нехорошо: один-единственный удар разнесет ворота в щепки.

— Это не наша война, — сказал я твердо, — мы рыцари... я, во всяком случае. Но я не дурак, чтобы бросаться на защиту справедливости... К тому же еще неизвестно, кто там в замке! Вдруг такая скотина, что эти волосатые показутся ангелами...

Они все трое слушали внимательно и серьезно. Я — старший, и если поведу на все войско — пойдут, воинская честь увильнуть не позволит. Тут главное, чтобы не дать команду.

— Вообще-то принято помогать тому, — проговорил Альдер нерешительно, — на кого напали...

— Принято, — согласился я. — Вот многие этим пользуются. А то и вовсе делают вид, что на них напали! А затем так дают сдачи, что мокрого места не остается... Нет, у нас своя задача. Надо как-то на ту сторону...

— Как?

— Не знаю, — огрызнулся я. — Грубер же проскочил?

— Грубер мог успеть до нападения, — заметил Альдер. Клотар покачал головой.

— Нет, следы совсем свежие. Грубер ускользнул буквально только что. Думаю, в его отряде есть колдун, который отвел глаза нападающим. Если сильный колдун, то могли просто проехать через весь лагерь, на них не обратили бы внимания.

Мне стало еще тревожнее, я вздохнул, собрался с силами, сказал как можно тверже:

— Можно, конечно, изобретать хитроумные варианты, но давайте поступим очень просто. Поедем открыто, но быстро. Будем улыбаться, размахивать руками. Нас всего четверо, никто не сочтет нас угрозой. Постараемся проехать через весь лагерь, а там дадим деру мимо крепости. Кони у нас такие, что хрен догонят. Вот такие мы рыцари.

Альдер смотрел в ту сторону, откуда мы прибыли, вздохнул.

— Пятеро?

— Что? — переспросил я.

— Пятеро нас, — пояснил Альдер. — Наш монашек-то не робкого десятка.

Облачко пыли приближалось, из него вынырнул на скакуущем муле брат Кадфаэль. Он без устали понукал животное, и мул не мчится, а летит, только из-за коротких ног уступил гонку с горячими конями. Я уже чуть было не предложил пересесть на одного из аргамаков, ведь в запасе два редких скакуна, но вспомнил про церковные запреты, сказал сердито:

— Ну и сглупил ты, брат!

— Все в руце Божьей, — ответил брат Кадфаэль, запыхавшись.

— Бог-то Бог, — проворчал я, — да и сам... того, руками двигай. Мы сейчас просто поскакаем через лагерь! Это опасно.

Он посмотрел в глаза кротким взором, но я увидел и укор. Мне ли говорить об опасности тому, что с креста читал проповеди о милосердии и пел псалмы?

К счастью, единственный шатер расположился на той стороне долины, вожак нападающих демонстрирует своим и осажденным, что не страшится вылазки, мы пустили коней в галоп, чтобы не отвечать на вопросы, да нас и не спрашивали, каждый занят делом, мы неслись через лагерь, мечи в ножнах, а руки на виду, морды стараемся сделать ликующими.

То один, то другой поднимали головы, группа воинов попробовала остановить нас, я отмахнулся:

— Некогда, некогда!.. Важное сообщение!

Зайчик попер грудью, угрожая стоптать, перед ним расступились, мы помчались в сторону шатра. Трое крепышей с мечами наголо охраняют вход, но, думаю, предводитель вряд ли отсиживается в такую минуту, я прокричал на ходу:

— Важное сообщение! Кому...

Один из телохранителей указал в сторону ворот. Там ударный отряд колотил бревном в ворота, что все еще держатся, сверху сыплются камни, льется кипящая вода и горячее масло, летят стрелы. Воинов с бревном прикрывает отборный отряд с единственным рыцарем во главе, во всяком случае, этот гигант в полных рыцарских доспехах распоряжается, сам лезет в опасные места, на него валят цепкие глыбы, он лишь содрогается от ударов, но упрямо прикрывает огромным щитом таранщиков.

Мы неслись в их сторону, затем я крикнул:

— Теперь все зависит от скорости!.. Не останавливайтесь!

— А вы? — крикнул Альдер в беспокойстве.

Клотар тоже оглянулся, но смолчал, хотя в глазах тот же вопрос.

— Я догоню, — ответил я громко. — Ну, черепахи!

Я пропустил их вперед, оставшись в арьергарде, а затем поскакал к рыцарю. Пес весело несся рядом, забегал то справа, то слева. Едва я появился у ворот, в меня тоже полетели стрелы. Хорошо, этим понятно, с кем я, Зайчик остановился в пяти шагах от рыцаря, я прокричал:

— К тебе на помощь идет отряд барона Маркшейдера!

Рыцарь оглянулся, крикнул разозленно:

— Какого дьявола... Кто такой Маркшейдер?

Пес подпрыгнул, испугав его коня так, что рыцарь едва не вылетел из седла, а я воскликнул ликующее:

— Мой господин, сейчас я его встречу и приведу! У тебя будет войско вдвое больше!

Развернув Зайчика, я пустил его вскачь, пес понесся рядом, а потом, видя, куда скажем, обогнал и присоединился к самому последнему из отряда, брату Кадфаэлю.

Зайчик набирал скорость, я старался, чтобы несся как очень хороший скакун, пусть даже самый лучший в мире, но все-таки ничего волшебного. Несмотря на то что почти все защитники сосредоточились над воротами, все же с угловой башни в нашу сторону полетели стрелы. Будь наш отряд намного крупнее, защитники перебросили бы сюда и стрелков побольше, весь узкий проход между стеной крепости и отвесной горой был бы забит трупами, но и сейчас в скачущих были стрелами из узких бойниц почти в упор, я видел, как зашатался и ухватился за конскую гриву Альдер, как начал заваливаться набок Ревель, только Клотар на скаку поводил в воздухе щитом, уже похожим на спину разъяренного дикобраза, успевал оглядываться остальных.

В брата Кадфаэля не стреляли, монашеская ряса и отсутствие оружие служат лучшей защитой, а Ревель выпал из седла, распластался, попробовал встать на колени, я сбавил скорость, нагнулся и с усилием подхватил его к себе на седло. На мгновение нахлынула слабость, но тут же

ушла, а Ревель захрипел, выплюнул сгусток крови и сказал с изумлением:

— Надо же... И без всяких амулетов?

— Вера — лучший амулет, — сообщил я строго. — Верь и ты... Ах, черт!

— Не богохульствуйте, ваша милость, — напомнил Ревель радостно.

— Да пошел ты...

Я собирался выдернуть стрелу, но ускоренный метаболизм вытолкал стрелу, еще две больно клюнули в спину, но вскоре и там боль ушла. Клотар и Альдер с братом Кадфаэлем ждали на той стороне долины вне досягаемости стрелков. Из нападающих, наконец сообразив, что их в чем-то провели, за нами погнались десятка два всадников, но на этот раз на башню прибежали новые лучники, и мы содрогнулись, видя, как скачущих воинов буквально секунд за десять изрешетили стрелами. Несколько коней выбежали из пыли, двое-трое вскоре остановились, но пятеро продолжали намеченный бег, пока не выполнили волю пославших их всадников: догнали нас.

— Ну вот, — сказал я Ревелю, — выбирай. Все твои.

Альдер прохрипел:

— Лучше бы меня сшибли...

— Жадничать нехорошо, — укорил я. Подъехав, дотянулся до его плеча. — Ого, тебя хорошо поклевали...

Пока заживлял раны Альдера, Клотар отшвырнул истыканый стрелами щит, подъехал к коням, деловито осматривая притороченные к седлам круглые щиты. Выбрал один, пофыркал, попробовал продеть руку под ремень, выругался, бросил в пыль. Наконец выбрал, пусть не самый красивый, но широкий, с металлическими полосами крест-накрест и по всему ободку.

Я посматривал на него икоса. Шел первым, в него стреляли в первую очередь, но ухитрился все стрелы принять на щит, не ранен. Во всяком случае, не жалуется, да и я не вижу ни царапины. Снова убеждаюсь, насколько был

прав Марквард, называя его сильнейшим во всем баронстве, а то и в королевстве.

Ревель выбирал коня долго, а потом еще вознамерился тащить остальную четверку в качестве заводных. Ему молча сочувствовали, но не спорили, когда я велел с остальных снять седла, уздечки и пожаловать, как донскому казачеству, вольную, пусть-де дадут начало породе мустангов или хотя бы лошадке Пржевальского. Эти простые кони только замедлят погоню, мы на своих скоростных скакунах вот-вот догоним Грубера, вернем леди Женевьеву, хочет того или не хочет, какой настоящий мужчина спрашивает женщины, чего хотят, это только слабые общечеловеки стараются быть приятными во всех отношениях, даже сами с готовностью — в женскую позу, но мы, настоящие мужчины, делаем то, что нужно, а не то, чего от нас хотят.

Теперь уже мы преследовали отряд Грубера, что вообще-то даже мне кажется дуростью, а Альдеру и Ревелю так и вовсе безумием. У Грубера не меньше чем сорок человек, из которых трое-четверо — рыцарей... или очень хорошо вооруженных и умелых воинов, а остальные — отпетые головорезы, что нашли своего вожака и служат ему верно и преданно.

Мы — это я, Клотар, Альдер и Ревель, а брат Кадфаэль снова безнадежно отстал на своем мule. Я молча злился, но задерживаться не стал, каждый мужчина сам отвечает за себя и свои поступки, а нам нужно в первую очередь натянуть Грубера.

По траве след оставался настолько четким, что даже я мог бы заметить проскакавший отряд, но и на каменистой земле Клотар находил отпечатки подков, по которым рассказывал нам, кто где и как проскакал, чья лошадь устала, чья скоро начнет хромать, у какой подкова разболталась и скоро слетит, чью лошадь из верховой передали под вьючную.

— У них хорошие кони, — сказал он одобрительно. — Но наши не хуже. Мы их почти догнали. Думаю, завтра уже надо думать, как бы не напороться на засаду.

— Значит, — сказал Альдер, — надо рассчитать, где они могут остановиться для ночлега. И там уже подкрадываться...

— Я знаю такое место, — сообщил Клотар скромно.

— Ты? — удивился Альдер.

— Я, — ответил Клотар уже горделиво. Он посмотрел на меня вопросительно и, дождавшись кивка, сказал живо: — Пока вы, дорогой Альдер, пьянистовали, я порасспрашивал на постоялом дворе насчет дороги к Каталауну, где будет турнир. Так что я могу вам долго рассказывать, где впереди опасные болота, где реки с хорошим бродом, где можно остановиться на ночь, а где и днем надо проскакивать, настегивая коней...

Он умолк, очень гордый, я сказал покровительственно:

— Молодец, Клотар. Ты умеешь работать даже за обеденным столом.

Альдер, более практичный, сразу спросил:

— Так где они останавливаются?

— Там впереди очень хороший водоем. Чистое такое озеро с удобным склоном. Правда, в нем какой-то зверь, хватает всех, кто подойдет к воде, но ему одной коровы хватает очень надолго. Так что потом можно еще неделю купаться хоть на середине озера.

Воздух стал свежим, я ощущал близость воды, Бобик все пытался вырваться вперед, я покрикивал строго, пообещал посадить на поводок, и он, как будто поняв, присмирел, послушно бежит слева от стремени, а вперед вырывался не больше чем на бросок дротика.

Клотар первым выскоцил на высокий берег. Мы пришпорили коней, Клотар выхватил меч, пустил коня вперед и пропал за обрывом. Альдер прокричал на скаку:

— Похоже, дрогнули...

— Пора, — ответил я, — пора...

Мы вылетели на берег, я ахнул. Через широкую и быструю реку перекинут узкий деревянный мост, и его быстро и умело разрушают с той стороны прямо на середине. Кло-

тар проскакал со вскинутым мечом, на середине конь вздыбился, отказываясь прыгать через все расширяющуюся трещину.

Я опередил Альдера и Ревеля, копыта прогрохотали по деревянному настилу. Клотар не посторонился, я заорал, но он не слышал, выкрикивал угрозы, а с той стороны смеялись победно и рубили, отступая, топорами доски.

Я крикнул:

— Где леди Женевьевы?

Один из тех, кто орудовал топором, разогнулся, прокричал насмешливо:

— С бароном. Ищут церковь, чтобы их обвенчали.

— Пусть не спешит, — сказал я зло.

— Почему?

— Лучше быть незамужней, чем вдовой.

Он засмеялся:

— Ошибаетесь!.. В девках засиживаться негоже.

Он отступил, другие уже вышли на берег, вскакивали в седла. Я прокричал вдогонку:

— Вам всем лучше оставить этого Грубера! Он слишком... зарвался.

Они ускакали, я оглядел своих, все как в воду опущенные. Клотар, которому мои неудачи явно в кайф, помрачнел, крутил головой, осматриваясь. Мост разрушен. Конечно, разрушена самая малость, восстановить не составит труда, но для этого нужны доски, а эти унесло водой, проем между уцелевшими частями как раз такой, чтобы не перескочили кони.

— Где-то близко село, — сказал он зло. — Чуть выше или ниже по течению!.. Земли здесь хорошие, надо только посмотреть.

Альдер кивнул:

— Да, я, когда несся через вот ту вершинку холма, видел за теми деревьями крыши.

— А в любой деревне есть доски, — решил Клотар. — Если заплатить, мужики сами набегут, как муравьи. Починят быстро!

— В селах свободных рук много, — согласился Альдер.

Я молча выудил горсть серебряных монет, Альдер кивнул, сказал, что за такую плату они построят пять мостов с перилами да еще и полотном устелят, тут же ускакал по направлению к замеченным хаткам, Ревель понесся вниз по течению искать другой мост, паром или брод, хотя брод на такой реке маловероятен, слишком широка, и течение быстрое, а Клотар ходил вдоль берега и зло сбивал сапогами кочки.

Альдер вернулся рассерженный, досок не нашлось, обещали только завтра утром привезти из другого села, да и то если найдутся. Ревель вернулся на взмыленном коне, сам измучен, явно соскачивал и бежал рядом с конем, давая ему отдохнуть, сообщил, что ни брода, ни моста, а есть паром, но он его не видел, к нему ехать еще около суток.

И хотя все приободрились, но я злился все больше: для них сутки ничего не значат, в таком мире живут, но для меня и час — потеря.

— Кто не успел, — пробормотал я, — тот опоздал...

— Как-как? — переспросил любознательный Альдер.

— Опоздавшему поросенку, — сообщил я, — сиська возле задницы.

— А-а-а, — понял Альдер. — Та, где больше всего молока?

Я не ответил, с востока в нашу сторону с большой скоростью двигается трепещущий свет, как будто катится огромный шар из огня. Затем все мы разглядели крохотную фигурку на мule, несется к нам быстро, слишком быстро, намного быстрее, чем только что мчались наши кони.

Через мгновение он остановился на берегу. Мы снизу смотрели на него в великом изумлении. Трепещущий свет погас, брат Кадфаэль снова стал худым бледным монашком, усталым, куда более усталым, чем в то время, когда мы его оставили.

— Я почувствовал, — сказал он слабым голосом, — почувствовал...

Я едва нашел убежавший голос:

— Брат Кадфаэль... ты нас чуть заиками не сделал!

Он неловко слез с мула, тот широко расставил копыта и очумело мотал головой, не понимая, как он сумел промчаться с такой скоростью. Брату Кадфаэлю, похоже, тоже досталось, вернее — это скоростное путешествие выдоило его чуть ли не досуха. Он спустился к самой воде, волоча мула за повод.

Мы, все еще ошеломленные, смотрели молча. Таким брата Кадфаэля еще не знали. Он вошел в воду по щиколотки, постоял, вскинул лицо к небу и развел руки ладонями вверху. Мы молчали, неожиданно он произнес тем же слабым голосом:

— Кажется, я смогу...

Он обернулся, бледный, сосредоточенный, глаза ввалились, а скулы, напротив, заострились и натянули кожу.

— Что? — спросил я.

— Садитесь на коней, — сказал он слабым, но твердым голосом. — Реку надо будет пересечь как можно быстрее.

Мы горячили коней у самой воды, брат Кадфаэль вошел до колен, быстрые струи огибали ему ноги, заворачиваясь глубокими воронками. Он вскинул руки, возвзвал слабым, но ясным и отчетливым голосом:

— Господи!.. Помоги нам, твоим верным слугам и воинам!.. Останови воды. Не ради тщеславия или богатства, но ради спасения невинной дщери...

Я подивился безумности затеи, тоже мне нью-Моисей доморошенный, пророк Мценского уезда, как вдруг в безоблачном небе сверкнули молнии, прогремел гром. Сразу же раздался измененный голос Кадфаэля:

— Быстро!..

Альдер, не раздумывая, пришпорил коня и погнал в реку, за ним направили коней Клотар и Ревель, лишь я сидел, как старый ворон на пне, смотрел, не веря глазам, а трое всадников двигались через реку, вода сперва до ко-

лен, потом по брюхо, затем снова до колен и опадает все больше и больше...

...зато слева с другой стороны как будто ударялась в прозрачную дамбу: бешено бурлила, вздымая песок, серебристые пузыри пронизывают ее сверху донизу. Уровень все поднимался, я вскрикнул, пустил коня в быстро мелеющую реку. Брат Кадфаэль все еще стоит, воздев руки к небу. Если останется здесь, когда заклятие кончится, вся накопившаяся масса воды унесет и разобьет его, как щепку.

— Держи! — прокричал я. — Держи воду!..

Остановив коня, я ухватил его за плечи и втащил к себе на седло. Зайчик все понял, пошел через обмелевшую реку галопом. Под копытами взлетает мокрый песок, бьются мелкие, а то и крупные рыбешки, застыли крупные ошалевшие раки, вяло двигаются, пытаясь погрузиться в ил, огромные сомы.

Сзади шлепает, это не отстает насмерть перепуганный мул брата Кадфаэля. Перепуганный пес бежит рядом, дрожит, уши прижаты, пригибается к земле, словно ползет. Слева уже стена воды высотой в двухэтажный дом и все прибывает, я похолодел от ужаса, это же тысячи и тысячи тонн воды за тонким стеклом, что вот-вот лопнет, из-под копыт вылетают грязь и песок, впереди нахлестывают коны Альдер, Клотар и Ревель. Все трое пригнулись к конским гривам, каждый чувствует то же самое, что и я...

Мы вылетели на берег, взметнулись по склону, брат Кадфаэль вскричал:

— Спасибо тебе, Господи!.. Да возблагодарим деяниями...

За нашими спинами дрогнула земля, послышался глухой тяжелый рев, словно зарычала гора. Незримая дамба исчезла, вода хлынула с мощью горной лавины, в мгновение ока углубила русло, понеслась девятым валом, как при цунами, нагоняя уходящие по мелководью волны.

Огромные волны ударились о берег, словно хотели захватить нас, мы ринулись прочь, неслись еще с четверть

мили, наконец брат Кадфаэль остановил меня и слез на землю. Под его строгим взором мы все покинули седла, даже я встал на колени, все дружно возблагодарили небо, я видел бледные лица, каждый вздрагивал, глядя на яростные воды, глаза у каждого как блюдца, даже кони всхрапывают, переживая перенесенный ужас, прижимают уши и стараются отступить подальше от страшной реки.

Я первым поднялся с колен.

— В седла!.. Господь дал нам возможность перейти реку не для того, чтобы проторчали здесь сутки!..

Брат Кадфаэль возразил:

— Сэр Ричард, мы не завершили молитву...

— Лучшая молитва, — прервал я, — молитва делом! Думашь, Господь будет доволен, если окажется, что он зря останавливал воды? Ты подумал, сколько дворов залила вода, что вышла из берегов?

Брат Кадфаэль побледнел, поднялся. Все заняли места в седлах, я сказал псу:

— Ищи след!

Клотар сказал быстро:

— Зачем искать, вот он! Они и не скрывались. Мы все видели, в какую сторону поскакали.

Я ощущал себя несколько в дураках, но сеньоры дураками не бывают, сказал высокомерно:

— Так поехали же!.. Господь зрит, как мы справимся. И спросит...

Мои слова прозвучали зловеще, тут же с готовностью застучали копыта. Пес снова бежит впереди, постепенно вперед выдвинулся и Клотар. Я даже по его спине видел, что он потрясен не меньше, чем я. Брат Кадфаэль обнаружил невероятную мощь, остановив реку. Вряд ли что-то умеет еще, как тот же Моисей, что не реку, а целое море вот так же оголил, чтобы беглецы ушли по обнажившемуся морскому дну, но не смог отыскать прямую дорогу в Палестину и сорок лет водил народ по арабскому миру, словно в самом деле искал место, где нет нефти.

Глава 4

После часовой скачки, когда следы становились все четче и четче, даже я увидел, как однажды прямо в отпечатке конского копыта медленно распрымляется притоптанный стебелек. Однако небо на западе начинает багроветь, тяжелые тучи выглядят как кровавая корка на ране, а само неимоверно разбухшее солнце медленно сползает к темнеющему краю земли.

— Я не сомневаюсь, — сказал я наконец, — что брат Кадфаэль может превратить ночь в день... но кони у нас не железные. Да и я отбил задницу за это время.

— Уже скоро, — заверил Клотар кровожадно. — Вон там вроде бы стены какого-то городка!.. Следы ведут прямо туда.

Альдер прокричал со злостью в голосе:

— Они уже пируют там и насмехаются, как ловко нас обставили!

Солнце опустилось за вершины далекого темного и сразу ставшего враждебным леса, кровавый закат на полнеба, когда впереди на развилке дорог начало вырастать массивное трехэтажное здание из красного камня, вокруг множество пристроек, все хозяйство огорожено прочным высоким забором, а на его заостренных бревнах через каждые пару шагов висят обереги от троллей, гоблинов и прочих тварей.

Ворота уже закрыты, пришлось войти через узенькую калитку и отыскать воротника, но когда въехали во двор, десятка два верховых коней у коновязи жадно пожирают зерно, и четыре деревенские лошадки смирно кушают траву, поглядывая на нас добрыми коричневыми глазами.

Дверь в гостиницу распахнута, из нижнего зала, где таверна, доносятся пьяные крики, песни, пахнет свежим хлебом и жареным мясом.

Клотар прислушался, выдохнул с веселой яростью:

— Они здесь!..

Не покидая седла, я быстро осмотрел здание. Альдер соскочил на землю, в руке блеснул меч, щит на сгибе дру-

гой руки. Лицо сосредоточенное, хотя понимает, что нас всего четверо против двадцати, брат Кадфаэль не в счет, его так обессилило это... не колдовство, а призыв святой моли, что едва держится в седле, глаза закрыты, лицо белее снега.

— Слишком беспечны, — пробормотал Ревель, — не выставили охранение, за что и поплатятся.

— Они рассчитывают, — заметил Альдер, — что мы все еще перед разрушенным мостом...

— Дверь закрыть и быстро подпереть, — распорядился я. — Альдер и Ревель, вы встаньте у окна с правой стороны дома, Клотар — слева.

Клотар кивнул, но тут же указал на двойное окно на втором этаже, под которым широченный добротный навес над крыльцом, защищающий от дождя входящих и просто вышедших подышать свежим воздухом.

— Они могут вылезать и там.

— Я на это надеюсь, — ответил я.

Он посмотрел внимательно, кивнул. Ревель отыскал подходящее толстое полено, взбежал на крыльцо, из таверны как раз вышел, пошатываясь, бородатый мужчина с двумя ножами на поясе, Ревель шарахнулся поленом в лоб, впихнул обратно. Дверь захлопнулась с грохотом, Ревель торопливо подставил полено под ручку, ногой вбил другой конец в зазор между бревнами крыльца.

— Готово!

Он ринулся к Альдеру, а Клотар поднял камень, швырнулся в окно и заорал дико:

— Мы поджигаем это чертово гнездо!.. Кто не выско-чит — сгорит!

Я оставался в седле, лук Арианта в руках, видел, как затряслась дверь, послышались тяжелые удары, словно после кулачков стучали ногами, а затем и лбами. Наконец из окна, куда Клотар бросил камень, высунулась голова, человек орал и банился. Клотар отступил и сказал приглашающе:

— Это я поджег. Слыши, дымом пахнет?..

— Ах ты, ублюдок!

Клотар отступил еще, сказал мирно:

— Ты что, обидеть меня хочешь?

— Да я тебя, гада...

Он выпрыгнул из окна, блеснули мечи, я не успел заметить момент удара, но обезглавленное тело осело Клотару под ноги, а он с мечом в руке шагнул вперед, там в окне замелькали разозленные и перепуганные лица.

На этот раз в таверне, посовещавшись, ринулись сразу из двух окон. Альдер и Ревель рубили почти так же умело и экономно, как Клотар, а когда первая атака склынула, под окнами лежало по три трупа и еще двое или трое раненых остались в помещении.

Я ожидал, что в конце концов поймут: мы постоянный двор еще не подожгли, у них есть время посовещаться, что-то придумать, но ведь мы в самом деле легко можем поджечь, так что наверняка подожгли, мы слышали внутри крики, а затем, как я и ожидал, наверху распахнулось окно, выбежали один за другим двое, а внизу окна ощерились мечами и остриями копий.

Клотар сделал выпад и, срубив наконечник копья, почти нырнул вовнутрь, кого-то достал, а я дал выбежавшим пробежать по навесу и даже соскочить вниз у крыльца. И тут обе моих стрелы настигли обоих, а наверху, ободренные, что соратники выскочили целыми, начали вылезать один за другим разъяренные и орущие.

На этот раз их оказалось многовато, я торопливо стрелял, поражая в первую очередь тех, кто прыгал на землю, и в конце концов поднял прицел до широко распахнутого окна. Последний, выбравшись, заколебался, увидев трупы прямо на самом навесе, еще больше внизу на дворе, попятился, и моя стрела ударила его в лоб, когда он уже скрывался в полутьме чердака.

Некоторое время мы прислушивались, затем я убрал лук и, взяв меч, соскочил с коня. Все трое с напряжением наблюдали, как я взбежал на крыльцо и сильным пинком

вышиб полено. Дверь скрипнула и слегка приоткрылась. Я распахнул ее свободной рукой, отпрыгнул.

— Есть кто живой?.. Выходи, война окончена.

Тишина, я вошел, осторожно поводя перед собой мечом, готовый в любой момент отпрыгнуть. В небольшом помещении три больших стола, у окон по два трупа в лужах крови. За дальним столом в углу трое крестьян, на столе глиняный кувшин и три глиняные чашки. Я свободной рукой достал золотую монету и бросил им на стол, подмигнув. Все смотрели с испугом, что не помешало всем трем сразу же протянуть руки к монете. Я прошел на кухню, там из-за большого чана поднялся трепещущий хозяин.

— Привет, — сказал я, — мы не разбойники. Наоборот, это были разбойники. Где спрятался высокий такой красавец, с ним черноволосая женщина? Очень красивая, молода...

Он пролепетал:

— А они... и не останавливались... Взяли только еды, велели остальным их догонять и...

Я сказал со злостью:

— Вот черт! Улизнул... Ребята, заходите. Грубера не нашли, так хоть поедим вволю. Хозяин, как у тебя насчет еды и питья?

Хозяин сказал плачущим голосом:

— Да что-то еще осталось, но так вообще ну ее, такую работу!.. Лучше бы землю пахал...

Я сказал утешающе:

— Опаснее работа, зато и прибыль выше.

Он возразил:

— Да где прибыль? Вот всю посуду побили!

— Зато тебе останутся все двадцать разбойничих коней, — сообщил я. — Разве не прибыль? За это только закопаешь убиенных, чтоб заразы не было.

Ревель сказал поспешно:

— Но сперва их осмотрю. Вроде простаки, но иногда такие амулеты попадаются на самых что ни есть голодранцах...

— А я прочту заупокойную, — сказал брат Кадфаэль печально. — Как грустно...

Хозяин смотрел на меня радостными глазами, в самом деле — сверхприбыль, почаще бы убивали в его заведении гостей, что за дурь пришла ему в голову — оставить такой бизнес, лезут же в голову всякие глупости...

Альдер крякнул, не одобряет такую щедрость, сказал хозяину:

— Ты нас за это кормишь-поишь, пятки чешешь, а утром еще сумки едой наполнишь.

— Конечно-конечно, — согласился хозяин поспешно, он прекрасно понимал Альдера, даже в чем-то сочувствовал. — Все будет сделано... господин!

Из кухни прибежали двое серых слуг с невыразительными лицами, быстро вынесли убитых, замывали кровь, Альдер все поглядывал на Ревеля, тот поспешно выворачивал карманы каждого, осматривал пальцы, иногда срывая кольца, выдирал из ушей серьги, срывал некоторые амулеты. Судя по лицу Альдера, он тоже не прочь помародерничать, но близость ко мне накладывает какие-то ограничения.

Вдруг он взглянул на меня, коротко усмехнулся. Я спросил подозрительно:

— Ты чего лыбишься?

— Ваша милость, а вы сами только что назвали леди Женевьеву очень красивой...

Я отмахнулся:

— Это так, для примет. На самом деле таких красивых продают кучками. Или пучками.

Клотар смолчал, только посмотрел неприязненно, Альдер же сказал с укором:

— Сэр Ричард, она в самом деле необыкновенно красива.

— Ax, еще и необыкновенно! — буркнул я. — Вижу, красота уже начала спасать мир от засилья интеллекта.

Они смотрели с недоумением, очень уж сложно выражаюсь, я пояснил:

— Красиво жить не запретишь. Но помешать можно.

— Да, — ответил Альдер, — если бы не Грубер, то кто-то другой бы... эта, помешал.

— Красивая женщина, как хорошая книга... — согласился я, посмотрел на Альдера и, вместо того, чтобы сказать «всегда потрепанная», сказал более подходящее для этого мира: — ...всегда переходит из рук в руки.

Альдер спросил чуть живее, чем следовало бы:

— Но вы же считаете ее все-таки красивой?

Не настолько, подумал я, чтобы она переходила дорогу не по пешеходному переходу, но ответил уклончиво:

— Женщины стараются выглядеть скорее красивыми, чем умными, потому что мы видим лучше, чем соображаем. Клотар, а ты чего молчишь?

Он пожал плечами.

— Кто хочет жениться на умной, красивой и богатой, тому придется жениться три раза.

Я окинул взглядом постоянный двор.

— Пока располагайтесь, а я загляну к кузнецу. Что-то сильно привык к молоту.

Альдер взглянул мне вслед с сомнением, но смолчал, а я быстро отыскал кузницу, осмотрел подковы, расспросил о работе, а когда вернулся, кони уже в конюшне, а мой седельный мешок отыскался в комнате на верхнем этаже. Я вытащил свой курганный молот, повесил на пояс, а мешок с доспехами аккуратно скатал и положил на прежнее место.

Когда я показался в дверях таверны, все четверо сразу же посмотрели на молот, а потом на меня. Когда я приблизился, Альдер поинтересовался:

— А этот молот... он в самом деле сможет возвращаться?

Клотар властным жестом подозвал хозяина, но, когда тот подошел, взглядом указал на меня. Я прочистил горло, сказал с высокомерным дружелюбием:

— Друг мой, если ты собрался наняться в проводники караванов, то поспеши, там еще есть место.

Хозяин переступил с ноги на ногу. Теперь смотрит на таких знатных господ с почтением и обожанием. Думаю, сейчас его слуги, свалив трупы за сараем, щупают подаренных коней, смотрят им в зубы, потому никто не спешит к нам с развернутым меню.

— Зачем мне туда?

— А там даже эстонских улиток обучают бегать. Что это у нас на столе все еще пусто?..

Он развел руками.

— Вы ничего не заказали.

Я удивился.

— Ах, еще и заказывать надо? Ты сам не догадываешься, что пятерым здоровым мужчинам надо пить и есть? Неси все лучшее! Вино не хуже того, что подал бы королю! Может быть, мы и есть короли, что путешествуют тайком?

Он посмотрел с великим сомнением на таких королей, я ухмыльнулся и выложил на стол пару золотых монет. Глаза хозяина стали круглые, как у филина, поспешно схватил обе, даже не стал проверять на зуб, это ж оскорбить «королей», поклонился.

— Щас все будет, ваши самые что ни есть королевские величества!

Он исчез, Альдер посмотрел с укором.

— Ваша милость, вы совсем народ испортите! И коней подарили, и еще платите так щедро... Он счастлив нас кормить и поить сколько угодно за этих коней...

— Не жадничай, — ответил я. — Деньги — зло.

— Так причините мне такого зла побольше!

— Нет, Альдер, я тебя слишком ценю...

Хозяин вернулся, на огромном подносе, что сам по себе занимает половину стола, несколько тарелок с горячей гречневой кашей, ломти жареного мяса, ломти сыра.

— Кушайте, сейчас принесу еще!

Я придвинул обеими руками тарелку с горячей гречневой кашей.

— Скоро узнаем, — ответил Альдеру запоздало, будто говорил сам с собой, — насчет молота узнаем. У нас дорога, боюсь, даже если окажется короткой, то все равно с помехами...

Брат Кадфаэль вздохнул:

— Еще с какими, прости их грехи, Господи! Ибо не ведают, что творят.

На этот раз я заметил, Альдер с Ревелем и Клотаром почти не пили, хотя хозяин услужливо подал на стол богатым клиентам большой кувшин хорошего вина. Известно, что подвыпившие платят щедрее, заказывают еще и еще, даже то, что и не нужно вовсе, а потом им можно будет сбагрить на ночь и веселых девиц, что появляются в таверне. Лишь бы монашек не мешал, хоть и молодой, но больно вид серьезный, бледный, а глаза горят, боец...

Я вяло сказал себе, что все красивые женщины похожи друг на друга, каждая некрасивая страшна по-своему и вообще у женщины всего три обязанности: первая — быть красивой, вторая — хорошо одеваться, третья — никогда не перечить, однако где-то в глубине за мной наблюдало другое «я», которое помнит и леди Лавинию, и вообще знает, что снаружи совсем не то, что внутри, это относится как к одежде, так и к словам, мыслям, жестам...

Готовят здесь неплохо, хотя обилие жирного, так избегаемого в том Срединном королевстве, из которого я пришел, где все на диетах, на обезжиренном, на низкокалорийном. К счастью, много специй, а с перцем и аддикой все сгорает в желудке быстро, превращаясь во взрывную энергию.

Когда мы сели ужинать, в таверне был занят всего один стол — теми тремя повеселевшими крестьянами, но народ с заходом солнца прибывал, с шумом и лязганьем мечей в ножнах явился очень богато одетый вельможа в легких доспехах, на нем только позолоченный панцирь с прекрасным барельефом, а так зеленый с желтым камзол, богато

расшитый золотом, штанины разного цвета и модные ботинки с сильно загнутыми кверху носками.

За ним вошли два огромных мордатых воина, по суровым лицам видно, что бывалые,битые,умёлые.Стальные доспехи у них на груди и на руках, на широких поясах тяжелые мечи. По виду чувствуется, что не развлекаться пришли, оба — слуги этого разодетого, к которому я инстинктивно ощущил классовую неприязнь.

Они сели за свободный стол в середине таверны, очень глупо, на мой взгляд, но если сам желаешь быть в центре внимания — тогда да, конечно, хотя это какое-то извращение для мужчины. Впрочем, здесь еще не скоро будут шок-шоу, а извращенцы уже есть, так что все путем, так и должно быть, в свободном обществе все находит свое место.

Вельможа громогласно велел подать еды и вина, конечно же лучшего, он-де граф де ля Ферт, тот самый, так что никаких проволочек, а то враз возьмет и повесит, а это забедение разнесет к чертям собачьим. Все слышали, переглядывались, по лицам пробегали хмурые улыбки. Гуляй, граф, но не слишком заносись, здесь тебе не твой замок. А захочешь разнести таверну, так тебя самого разнесем, не спасут и эти двое, что едят хорошо, но пьют совсем мало, на службе, дескать, охраняют его светлость.

Им подали быстро еду и питье, вельможа мигом утихомирился, принялся жрать в три горла, жадно запивая вином, потом заговорил с набитым ртом, его воины слушали с серьезными лицами, кивали, а вельможа разводил руками, словно показывал, какая рыба сорвалась с крючка.

Альдер посмотрел на них, посмотрел на меня, сказал с веселым удивлением:

— Это в первый раз!

— Что? — спросил Ревель.

Он кивнул в мою сторону.

— Впервые его милость ни с кем не дрались... из гостей.

Клотар сказал ехидно:

— Так это только третий постоянный двор. На следующем сэр Ричард наверстаet!

— Слюнь, — сердито сказал я. — Накаркаешь.

Дверь распахнулась, ввалились пропахшие знойной пылью коричневые от нещадного солнца скотоводы, вслед за ними явились трое купцов с кучей помощников. Пока хозяин интересовался, что изволят и смогут ли заплатить, пришли еще пятеро или шестеро пестро одетых мужчин, и хозяин, как толковый менеджер, оставил за собой общее руководство, а обслуживать гостей выпустил двух молодых и шустрых женщин, то ли поварих, то ли работниц по гостинице.

Я смутно удивился, откуда они взялись, потом сообразил, что при наплыве гостей привлекает и тех, кто в подсобных помещениях работает прачками или стряпухами.

С девушками дело пошло веселее, а то как в мужском монастыре, девок шлепали по задницам, придерживали за длинные юбки, делая вид, что вот прямо щас запустят под них лапы, то там, то здесь раздавался здоровый грубый смех, что породит потом комедии со швырянием тортами и поскользыванием на банановой кожуре.

Я заметил, что девушкам такие вольности не нравятся, но обе с приkleенными улыбками быстро и шустко разносили еду и вино, спеша разделаться с такой обязанностью и вернуться то ли к кастрюлям, то ли к стирке.

Брат Кадфаэль придинулся ко мне, шепнул:

— Вон тот в сером плаще... что у камина... колдун. Он кого-то ждет.

Я сделал безразличное лицо и медленным взором окинул весь зал, стараясь ни на ком не останавливать взгляд, но человека в сером плаще заметил сразу и некоторое время держал его взглядом. Странная внешность, как будто вижу через полупрозрачную занавеску или толщу воды.

— Он не знает, — шепнул Кадфаэль, — как будет выглядеть тот, кого ждет. Потому старается с помощью подлого колдовства...

Я всматривался и вдруг сам ощутил, как меня коснулось нечто легкое, как будто прошел вблизи фонтана сквозь облачко мельчайшей водяной пыли. Колдун по-

прежнему смотрит в свою тарелку, но руками двигает как-то механически, нож уже отрезал кусок мяса, но режет его снова, явно колдун видит перед собой не тарелку.

На миг передо мной возник экран радара, вот так, на-верное, колдун ищет нужное, тут же воспоминание исчезло, кровь возбужденно стучит в виски. Это же я сейчас сам ощутил, что меня прощупывают, пытаются залезть ко мне в черепную коробку! Раньше мне только говорили, что пытались, мол, но не смогли, а теперь я сам осенситивился настолько, что начинаю улавливать... Наверное, это те возможности, которые приходят вместе с паладинством?

Почему подлого, проползла вялая мысль. Для брата Кадфаэля — да, любое колдовство обязательно подлое, а если из рук христианского аскета, то уже не колдовство, а чудо, это можно, это хорошо, это доказательство благосклонности Господа. На самом же деле как уголовники, так и милиционеры похожи друг на друга даже внешне, не только по характеру и повадкам. Сними с милиционера форму — вылитый бандит, а бандита одень в милицейскую форму — типичный участковый или гаишник. То же самое и с этими колдунами и аскетами...

Мысль попыталась и дальше скользить по наезженной тропке, я же все-таки общечеловек, тоже думать не люблю, это дело передоверил хорошо одетым дядям в жвачнике, а сам выбираю свое мнение из привычного набора: «да», «нет», «затрудняюсь ответить», однако я ухватил ее за хвост, наступил каблуком на голову, прислушался, как смачно хрустнули тонкие кости.

Это для простеньких общечеловеков подсовывается подлецкая и такая приятная и удобная идея, что нет ни Добра, ни Зла, а все одинаковы, все подлые и грязные, так что не фиг стараться выбраться из деръма. Это, мол, и не деръмо вовсе, постарайтесь расслабиться и глотать с удовольствием. Но я смутно понимаю... нет, чувствую, что возникновение христианства — это реакция на то море деръма, в котором тонул тогдашний мир. Это как мои попытки с понедельника или хотя бы с Нового года оконча-

тельно бросить курить, начинать заниматься спортом, учить языки...

Да, меня хватает ненадолго, я не подвижник, но даже эти разрозненные попытки сделать себя лучше не дают мне опуститься еще ниже. Точно так же и христианство в этом мире вряд ли победит в той мере, в какой хотелось бы его ленинцам, но все-таки не дает освинеть окончательно, все-таки запретило человеческие жертвоприношения, заявило о равенстве всех людей и постоянно напоминает, что мы выше и лучше, чем животные, пусть даже разумные...

Вельможа продолжал пить, за девушками поглядывал наливающимися кровью глазами. Когда одна шла мимо с пустым подносом, он быстро вытянул длинную руку, обхватил ее за талию и рывком посадил на колени. Девушка ошалела на миг, затем изо всех сил треснула его подносом по голове. Тонкое дерево раскололось на две половинки, вельможа взревел оскорбленно, сжал ее так, что она вскрикнула.

В зале притихли, смотрят скорее заинтересованно, чем с осуждением. Вельможа, удерживая ее одной рукой, другой попытался запустить ладонь в глубокий вырез платья. Девушка вскрикнула, принялась отбиваться. Он захочатал пьяно, затрещала материя. Девушка закричала уже в страхе, обеими ладонями стараясь прикрыть оголившуюся грудь.

Мужчины хмурились, переглядывались, я чувствовал, что они дошли до кондиции, когда кто-то из них поднимется и потребует прекратить обижать бедную девушку, негоже знатному господину глумиться над беззащитными, но пока никто не поднялся, а я не мог смотреть, как этот скот ее лапает, поднялся и сказал жестяным голосом:

— Негоже благородному человеку, который должен по давать пример простому люду, глумиться над беззащитными!

Вельможа поглядел на меня, пьяно кивнул своим в мою сторону. Оба с мрачными лицами обнажили мечи и загородили дорогу. Не похоже, что одобряют забавы своего

господина, однако служба есть служба, никогда не бывает прекрасной во всем, но если платят хорошо, приходится какие-то мелочи не замечать.

Кровь ударила мне в голову. Уже не первый раз обнажаю меч, не первый раз стычка в таверне, но сейчас вдруг безумная ярость охватила меня, как будто прыгнул в огонь. Я не помнил, как меч оказался в моей руке, потом мне сказали, что он как будто сам очутился в моей длани. От полу-прозрачного лезвия пошел дивный холодный свет, и все в зале ощутили, что в моем лице пришла сама Смерть.

Зубы мои лязгали, как стальные траки, я прорычал:

— Прочь!.. Вы сейчас умрете. И будете вечно гореть в аду.

Обоих как ветром сдуло, я успел увидеть изумление и страх на их лицах, похоже, никогда еще ни перед кем не отступали, а я быстро шагнул к вельможе и приставил острие меча к его горлу. Меня трясло, меч дергался, кожа раздалась, потекла красная струйка.

Руки вельможи разжались, он застыл, глядя выпученными глазами, сразу трезвый, тихий, испуганный до потери сознания. Меня все еще трясло, я едва не послал руку вперед, чтобы лезвие просадило горло этой грязной твари и вышло с другой стороны, но за спиной раздался чистый голос Кадфаэля:

— Брат мой!.. Оставь этого грешника. Тебе зачтется твое смирение. А ему... ему дадим шанс исправить жизнь.

Я прорычал:

— Готов гореть в аду, но уберу эту мерзость...

— Сдержись, — повторил Кадфаэль настойчиво. — Не давай волю чувствам, ты не животное!

Вельможа что-то лепетал, его тряслось, острый кончик погрузился еще на пару миллиметров, кровь потекла гуще. В зале стояла мертвая тишина, но я чувствовал, что все остро желают, чтобы я послал меч вперед и покончил с этой мразью, что пытается присвоить общих женщин.

Делая неимоверное усилие, я опустил меч, вытер, глядя

вельможе в глаза, о его роскошный кафтан, пролязгал, как будто бил молотком по железному листу:

— Если... ты... тварь... посмеешь... тварь... еще раз... тварь... понял?

За моим столом молча и с некоторым испугом смотрели на меня, я вернулся на свое место, Клотар придинул чашу и кувшин, Альдер сказал шепотом:

— Что с вами, сэр Ричард? Конечно, гнусь, но так бросаться... Это же половину народу перебить надо!

Ревель сказал сокрушенно:

— На самом деле в каждом из нас такое сидит.

Клотар кивнул, смолчал, Кадфаэль сказал горячо:

— Ты прав, в каждом! Ведь мы все сотворены Господом из глины, из праха, как и все твари земные. Но мы еще и люди, в которых Господь вдохнул часть своей души! Так не дадим же... так не позволим же...

Он сбился, смотрит беспомощными серыми глазами, полными веры в человека, в то, что вознесется еще при жизни, что построит царство Божье здесь, на земле, ведь для этого создал Господь царство Божье на небе — это пенсионный дом для строителей, что не дожили до завершения строительства здесь.

— Не позволим, — прохрипел я. Отхлебнул вина, сказал все еще сипло: — Надо было не вмешиваться, не наше это дело, так правильнее, так говорит... дьявол. А верить в правоту и вот так лезть на рожон во имя какой-то справедливости, какую и сами не понимаем, это от Бога.

Кадфаэль смотрел на меня беспомощными глазами, не уверенный, что я его поддержал, а не притопил еще больше.

— Ладно, — сказал я, поднимаясь, — пируйте, наедайтесь и напивайтесь впрок. Завтра с утра поскакаем. Я пойду спать. До завтра!

Глава 5

Рынок есть рынок: когда есть, чем платить, находятся лучшие комнаты, а простыни оказываются действительно чистыми. Я с великим удовольствием потащил было через

голову перевязь с мечом, но сердце тревожно стукнуло, а на душе все еще осадок, как после любой ссоры.

Пес вздохнул и бухнулся всем тяжелым, как гранитная глыба, телом у моей постели. Чертов кабан, уже в который раз наступаю спросонья, а он хотя бы отодвинулся.

Здесь нет милиции, только право кулака и острого меча. Конечно, хозяин гостиницы отвечает за наше имущество, однако береженого Бог бережет. Я прикинул, где поставил меч, где положу молот, а сапоги поставлю на табуретку, которой подопру дверь. Если сумеет кто открыть, сапоги своим грохотом разбудят...

В этом мире, несмотря на опасности везде и повсюду, люди слишком беспечны. Возможно, потому, что слишком невелика ценность жизни вообще, люди гибнут на каждом шагу, мрут как мухи, и потому всякий, что начинает заботиться о собственной безопасности, выглядит трусом.

Здесь коммандос, что вымазывают рожи гуталином и ползут по грязи, дабы подобраться к противнику, были бы объявлены расподлейшими трусами и навсегда изгнаны не только из рядов рыцарей, но вообще из мужского сословия. Потому меры предосторожности только в моей комнатке, где их никто не видит и не объявит меня трусом, а во двор я вышел вовсе не затем, чтобы проверить, на месте ли наши кони и нет ли снизу лесенки к нашим окнам на второй этаж, а просто подышать свежим воздухом и присмотреть молоденькую служаночку для своей постели.

Во дворе уже тихо и пусто, только долговязый слуга вытаскивает из колодца ведро с водой да в углу тихонько пофыркивают и переступают с ноги на ногу две лошади бедных крестьян, которым не нашлось места в конюшне.

В просторной конюшне пахнет сеном, журчит вода в корытце, от нее тянет прохладой. Кони Альдера и Ревеля о чём-то беседуют шепотом, мой Зайчик в углу недвижим, как статуя из темного металла. Обычно в темноте глаза горят, как раскаленные угли, но сейчас прикрыты веками, а сон его таков, что и не дышит вовсе.

На всякий случай я набрал охапку душистого сена и

бросил ему под ноги, что вообще-то глупо: перед всеми тремя в кормушках неплохой овес, а мой может съесть и саму кормушку, но мне хочется сделать что-то для все еще таинственного коня.

Дверь в конюшню оставалась открытой, чтобы я мог видеть ясельные ряды, света немного, но когда и он на миг померк, я сразу развернулся лицом к входу. Светлый прямогольник в темноте снова чист, от меня до него шагов двадцать, все тихо, но осталось ощущение, что в конюшню проскользнул человек... даже двое, если учесть, что свет померк как-то прерывисто, словно дважды с очень коротким перерывом.

Затаившись, я нашупал опорный столб, он толщиной с бедро взрослого мужчины, этого достаточно, чтобы держать крышу, но мне за ним не спрятаться. В темноте слышно только пофыркивание коней, большинство спит, но некоторые среагировали на появление людей, беспокойно переступают копытами, совсем рядом со мной послышалось странное шуршание, не сразу сообразил, что это конь провел роскошным хвостом по доскам стойла.

Глаза мои вроде бы привыкли к полумраку, одновременно начали появляться картинки в тепловом излучении, но и глаза моих преследователей тоже быстро привыкают по крайней мере к полутьме. Однако пока что перед глазами серые пятна, отчетливо различаю только массивные багровые тела коней...

Справа почудился какой-то новый запах. Я застыл, ноздри начали ловить молекулы жареного лука, чеснока. Перед мысленным взором вырисовался приземистый человек, потный и разгоряченный жареным мясом с острыми специями. Так, наверное, видят мир собаки, у которых обоняние лучше зрения, я всматривался ноздрями, уже начал улавливать образ второго, тот шагах в пяти за первым, как вдруг этот приземистый насторожился, начал поводить головой из стороны в сторону. Я не видел, что у него в руках, но уж явно не букет цветов.

Пальцы бесшумно сняли с пояса молот. Я тоже ел та-

кое же мясо и тоже со специями, разжигающими кровь, и если меня не смогут увидеть в тепловом, то унюхать смогут без труда. Человек начал двигаться в мою сторону, я замахнулся для броска, сосредоточился, еще никогда не швырял в темноте, задержал дыхание и бросил, мысленно направляя молот прямо в лоб противнику.

В темноте раздался глухой стук. Я выставил руку с растопыренной пятерней, ударило рукоятью сильно, я прокрылся чуточку в сторону и метнул молот снова. Через мгновение второй стук, я поймал молот и поспешил к выходу. За спиной беспокойно переступали лошади, зачуявшие кровь, одна истошно заржала.

Я был у самых дверей, когда слева колыхнулся воздух. Я инстинктивно упал, над головой просвистело нечто убойное, я ударил ногами в том направлении, где находился затаившийся гад, подошва угодила в твердое. Хрустнуло, вскрикнул человек, я вскочил и ринулся во двор.

Я быстро промчался задами и, отряхнувшись на пороге от травинок сена, поднялся по лестнице, минуя таверну, на второй этаж, а оттуда очень неторопливо, делая вид, что вышел из своей комнаты, сошел в общий зал и презрительно осведомился со ступеней:

— Ну что тут снова за крики?

В зале на меня оглянулись все. Я увидел расширенные глаза Альдера, испуг на лице Кадфаэля, недовольство во всем облике Клотара. Вслед за мной по лестнице сбежал Ревель, он на ходу застегивал рубашку, а другой рукой пытался застегнуть пояс с оттягивающим его широким ножом. Увидев меня внизу, крикнул:

— Ваша милость, что случилось?

— Да вот заснуть не дают, — проворчал я громко. — То клопы, то крики какого-то дурака. Палец прищемил, видите ли! А если еще и петь начнут...

Всей толпой вышли во двор. Там уже сутились несколько человек с факелами в руках. Из конюшни вынесли одного за другим два тела, раздались испуганные вскрики, заговорили о драконах, троллях, а кто рядом — заговорил о

Каменном Перевертне. Я брезгливо морщился, не забывая всматриваться в лица графа де ля Ферта и его двух воинов.

Тела положили посреди двора, в свете факелов оба выглядели так, словно по каждому пришелся удар Тунгусского метеорита. Первому грудь попросту расплескало, превратив мясо и кости в желе, уцелевшие головы и руки висели на сухожилиях, как и нетронутые ноги. Второму повезло еще меньше: удар пришелся в плечо, размозжил голову и вообще превратил в кровавую кашу почти всего, словно молот встретил его в прыжке головой вперед.

— Это не человек, — сказал хозяин гостиницы плачущим голосом. — Это не человек!

— Тролль, — согласился кто-то из толпы.

— Каменный Перевертень!

— Какой Перевертень?.. О них уже забыли! А тролли бродят по дорогам.

— Тролль сперва набросился бы на коней!

— А если люди попались раньше?

— Как это?

— Ну сами бросились? Это могли быть смелые парни...

Взгляды обратились на графа де ля Ферта, оба убитые в одежде его фамильных расцветок, он нервно дернулся щекой, процедил:

— Да, это мои люди. Надежные, смелые, преданные мне. Один — шорник, другой — кузнец. Он же и походный оружейник. Но я не знаю, что заставило их пойти ночью во двор.

Ревель приблизился, шепнул:

— Что-то нервничает...

— У него двух убили, — ответил я, — это понятно.

— А раненых нет? — поинтересовался Альдер.

— Один, — ответил я.

Альдер не сразу сообразил, отстранился и смотрел выпученными глазами.

— Сэр... Вы-то откуда такое...

— Да вот знаю, — ответил я.

— Сильно ранен?

— Вряд ли. Но хромать будет долго.

Альдер пообещал:

— Мы с Ревелем будем присматриваться.

— Если успеем, — сказал я с неохотой. — Надо ехать, а не шпионов ловить. Антитерроризмом пусть занимаются соответствующие службы. Когда стану королем, обязательно заведу группы «Вымпел», «Каскад» и даже «Белое Единство».

Он вряд ли понял, что это, но посмотрел на меня с великим уважением. Мы все смотрим с большим уважением на того, чьи слова туманны и непонятны. А самого большого путаника делаем президентом.

Я подошел к графу и сказал, глядя в глаза:

— Я понимаю насчет презумпции, однако вам лучше дозваться, почему ваши люди ночью пошли в конюшню, хотя один, как вы сами сказали, был шорником, а другой — кузнецом.

Он побледнел, чуть отодвинулся:

— Не надо мне угрожать, сэр... сэр?

— Сэр Ричард де ля Амальфи, — сказал я.

— Сэр Ричард, — повторил он. — Повторяю, я не знаю, почему они туда пошли! Возможно, договорились с кем-то из служанок.

— Там не было женщин.

— Наверное, должны были прийти позже.

Он постепенно обретал самообладание, я сказал, глядя ему в глаза:

— Здесь не те женщины, что пойдут на сеновал с первыми же приезжими.

Он осторожно пожал плечами, взгляд его время от времени опасливо прыгал на длинную рукоять, что угрожающе ухмылялась ему из-за моего плеча.

— Мы не первые приезжие. Мы здесь бываем часто. Хозяин нас знает.

— А женщины? — спросил я.

Он ответил нехотя:

— Женщины у него сменились. Но они остаются недотрогами недолго.

— Резонно, — согласился я. — И все-таки... Кто из ваших людей хромает?

Его брови поползли вверх.

— Хромает? Нет таких. Я не беру на службу увечных.

— Уверены?

Он выпрямился.

— Абсолютно!

— Все ваши люди здесь, в гостинице?

Он усмехнулся.

— Хотите посмотреть на них? Гаспар, позови всех моих слуг!

Они выстроились, как уверял граф, все восьмеро, за исключением тех, кого я убил. Среди слуг, которых вельможа таскает с собой, даже повар с поваренком и двое слуг, что готовят ему постель. Лица испуганные, почти все уже успели заснуть, хлопают глазами, как совы, внезапно очнувшись на ярком солнечном свете.

Самых трусливых уже трясет, чуть не плачут, вельможа рычит, я прекрасно понимаю: оскорбительно, когда твоих слуг нанимают тайком от тебя, да еще когда приходится отвечать.

— Кто еще? — вельможа рычит от ярости.

Старший слуга взмолился:

— Никто, Господом Богом клянусь! Только Крагар и Ракшаль. Ракшаль сказал, что вдвоем вполне управятся. После этого увел их. С чем должны управиться, я уже не слышал. Клянусь, ваша милость, я сразу бы прибежал к вам и все рассказал!

Вельможа с силой хлестнул его по лицу.

— А почему, сволочь, ты не прибежал сразу?

Слуга с разбитой мордой только мотал головой, не смея даже вытереть кровь.

— Ваша милость, — возопил он, — да кто же знал, что

это не мелочь? А вдруг он просил их помочь приподнять повозку, чтобы надеть слетевшее колесо?

Я вмешался:

— Ты уверен, что все слуги здесь?.. Никто не остался в постели? Или с девкой на сеновале?

Он размашисто перекрестился.

— Клянусь!

— А кто из ваших слуг хромает?

Он снова перекрестился.

— У нас хромых нет. Это наверняка тот, который натравливал на вас.

Я кивнул, сам тоже так думаю, просто проверил реакцию.

— Ладно, — сказал я. — Я снимаю подозрения в ваш адрес, граф де ля Ферт. Хотя должен заметить, что у хорошего хозяина слуги не нанимаются подрабатывать у чужаков. Спокойной ночи!

В соседней комнате разговаривают Альдер и Ревель. Клотар взял маленькую комнатку поближе к лестнице на втором этаже, брат Кадфаэль скромно поселился в самой крохотной каморке. Не из-за бедности, плачу ведь я, а ради смирения чего-то в человеке.

Некоторое время я лежал, таращил глаза в темный потолок. Через пару минут зрение адаптировалось, в темноте проступили темно-багровые пятна, некоторые колыхались, сдвигались от окна к двери, деформировались под натиском свежих струй воздуха со стороны двора. Нагретый воздух не просто имеет красноватый цвет, но и оттенки, и чем больше я всматривался, тем отчетливее видел разницу в потоках теплого воздуха, что заползает под дверь со стороны кухни, с тем, который отслаивается от моего разогревшего тела. М-да, душевые кабины здесь пока не предусмотрены.

Грубер улепетывает на юг, что несколько странно, его владения расположены отсюда к востоку. Впрочем, улепетывает — не совсем точно, с ним сейчас большой отряд, он

просто увозит Женевьеву, язык не поворачивается назвать ее ледей, видал я таких лядей, в какое-то надежное укрытие. Это мы наравемся, когда догоним...

Конечно, может быть, он вот-вот свернет, а то уже и свернул, а раньше ехал в сторону юга только из-за прихотей дороги: вдруг да прямой путь перегораживают ущелья, болота или что-то еще хуже? Но пока что все на руку, мы приближаемся к Каталауну, где будет проходить рыцарский турнир.

Все ближе к Югу и ближе, мелькнула тревожно-ликующая мысль. Там, на Юге, — динамично развивающаяся сила. Как и на Севере. Что на Севере — понятно, даже знакомо. Что на Юге — пока что не знаю, а общее понятие «Зло» ничего не говорит. Как известно, Злом называется все, что «не наше». Я уже был свидетелем, как вчерашнее Зло объявилялось не только лучшим другом, но и самым что ни есть Добром, чистейшим и лучезарнейшим.

Зорр и прочие христианские страны строят цивилизацию с нуля. Отказавшись от всего прошлого как греховного! А на Юге пытаются использовать древние находки, достижения. И потому мне Юг... ближе и понятнее, хотя я уже знаю, что за болото ожидает тех, кто пойдет по такому пути. Мы там, в моем Срединном королевстве, как я называю для местных, пошли по этому пути, уже по горло в деръме... Но если по пути Севера, где предельная чистота и нравственность, не будет ли это жизнь в пустыне?

Я вздрогнул, по спине проползла огромная сосулька, оставляя ледяной след. На стене напротив проступили крупные знаки, выпуклые, четкие, выступающие наружу, как барельеф. Сперва темные, тут же вспыхнули золотом, засияли, начали плавиться, как от сильнейшего жара, потекли, словно надпись из воска оказалась на раскаленной железной стене.

— Что за... — пробормотал я холдеющими губами, спохватился, но не смог заставить себя сказать «ангел», кто знает, как у Господа Бога с юмором, — мне бы поразборчивей... Кириллицей...

Знаки оплывали, стирались, как на саморазрушающемся DVD, я пытался уловить хоть какие-то понятные пиктограммы, они наверняка есть, но, увы, смог бы понять мой дед, что означают на десктопе пиктограммы дисков, принтеров и еще сотни всяких разных, которые понимает любой школьник?

— Зараза, — прошептал я, — если бы фотоаппарат...

Машинально хлопнул ладонью, отыскивая ручку, записать хотя бы пару знаков, но откуда здесь письменные принадлежности, а знаки между тем потускнели, последние капли сползли к полу, а там растворились во тьме.

Долго лежал в темноте, злясь, сожалея, перебирая в памяти все, что случилось за последние дни. Наконец руки и ноги отяжелели, перед глазами поплыло, я начал погружаться в сон... как вдруг нечто холодное коснулось моего сознания. Я неслышно вздрогнул, глаза испуганно уставились в темноту. В комнате кто-то есть, шестое чувство предупредило, и даже сейчас, в полной темноте, я почти видел, как некто приближается к моей постели, ступая на цыпочках и задерживая дыхание. Он наткнулся на кровать, я ощутил легкий толчок, в темноте пропал красноватый силуэт, блеснуло длинное узкое лезвие.

Одной рукой я перехватил кисть, другой ухватил незнакомца за горло. Я свалился с ложа на пол, увлекая незнакомца за собой, мы покатились по комнате, нож выпал, звякнул, мы оказались под стеной, откуда через ветки дерева падает слабый свет звезд. Я подмял гада под себя и осторвениело бил кулаками в лицо. Незнакомец ухитрился вывернуться, но я успел перехватить его, когда он приподнялся на ноги, с силой швырнулся в окно.

Затрещала оконная рама, раздался слабый вскрик, затем снизу донесся глухой шмякающий удар, будто на асфальт сбросили большой ком сырой глины. Я постоял сбоку у окна, присматриваясь и вслушиваясь. Упавшего не видно в слабом свете звезд, ночь совершенно безлунная.

В коридоре затопало, ворвался голый до пояса Клотар, обнаженный меч в руке. Спустя секунду появился Альдер.

— Что стряслось? — потребовал Клотар.

Я поморщился, Клотар не может привыкнуть, что не он здесь командует, но ответил ему кротко:

— У меня был гость.

Они посмотрели на пустой проем, где раньше было окно, Клотар бросил Альдеру:

— Следи за коридором.

Он исчез, Альдер сказал мне коротко:

— В коридоре Ревель. Как прошел этот гад?.. Через окно?

Я покачал головой.

— Не стал бы закрывать окно. Да еще на щеколду.

— Сволочь, — ругнулся Альдер. — Значит, либо амулет Плаща, либо там, во дворе, колдун... Кто-то уж очень хочет вас убить, сэр Ричард! Амулет Плаща стоит целое состояние. Да и то им можно воспользоваться только один раз.

Через некоторое время вернулся Клотар, разочарованный, меч уже в ножнах. Лицо злое, Альдер сочувствующе хмыкнул. Был малый шанс, что Клотар успеет к расплаканному телу с переломанными ногами и успеет допросить либо наткнуться на сообщников, что будут забирать неудачника, однако когда амулет Плаща, то на случайности надеяться не стоит.

— Там труп, — сообщил Клотар хмуро. — Разбился не очень, но голову размозжили ударом сверху так, что мозги по всему двору. Не хотел бы я подставить под такой удар даже щит.

Помолчали, я зевнул и сказал как можно спокойнее:

— Уже скоро рассвет. Давайте поспим еще часок. Нам нужно не упустить Грубера, он где-то недалеко.

Глава 6

До восхода солнца встали, пошли в таверну, хозяин сообщил, что ранние пташки, сутился и все набивал нам мешки отборной едой, побаивается, что потащим весь конский табун с собой.

Вновь Клотар с псом впереди по следу, пес вынюхивает, докладывает уже не мне, а Клотару, а ко мне подбегает только получить почесывание за ушами. Клотар в самом деле лучший следопыт, подробно рассказывает, что и как здесь происходило, называет не только количество людей, но и сколько из них лучников, сколько пеших, сколько конников. Более того, перечислил молодых лучников и старых копейщиков, рассказал, кто из них голоден, кто сыт, кто в хорошем настроении, кто разозлен. Даже сказал, чем болеют двое из конников.

Я понимаю, что такое могут учゅять собаки, у них нюх в пятьдесят раз чувствительнее, чем у нас, но чтобы человек... гм... Да и то мне казалось, что он вообще не всматривается в следы и даже не ловит воздух верхним чтьем или нюхом, как лучшие из гончих, которые умеют получать информацию вот так, а просто... как-то чует. Непонятно как.

Впрочем, для них непонятно, как это я могу видеть в темноте в тепловом диапазоне, но это может понять только тот, кто знает, что такое инфракрасные лучи. А от такого понятия и понимания механизма один шаг до того, чтобы открыть в себе такую способность.

Иногда Клотар на полном скаку наклонялся к земле, на ходу задевал пальцами почву, срывал верхушки сухой желтой травы и всматривался в отпечатки копыт, нюхал, осматривался по сторонам, оценивая размеры истоптанной земли, наклонялся все реже, а потом и вовсе мчался выпрямленный, как лихой ковбой, смотрел только вперед холодными немигающими глазами на суровом, даже жестоком лице.

Дорога, что шла прямо и прямо, благо степь да степь кругом, без видимой причины начала поворачивать вправо. Я огляделся, любой предпочитает добираться до цели по прямой, а здесь плato похоже на бильярдный стол, прошагий мелкой травкой, крикнул Альдеру:

— Здесь что, когда-то овраг был?

Он с недоумением огляделся.

— Где? Какой овраг?

— А почему сворачиваем? — спросил я. — Или здесь тоже какое-нибудь проклятое место? Тогда почему флаги-ми не огородили?

Он посмотрел на меня, подумал над странным вопросом, потом решил не ломать голову, кивнул вперед.

— Сэр Ричард, впереди лес Вечной Луны.

Желтая бесконечность простирается во все стороны, но далеко впереди, не меньше чем в милю, вольный бег степи останавливает черная стена леса. Не просто останавливает, теперь, когда Альдер обратил мое внимание, я вижу, что степь обрублена, как исполинским ножом гильотины.

Я в беспокойстве оглянулся на отставшее облачко пыли, так скакет на мule странный монах, вбивший себе в голову, что должен быть духовным пастырем нашего отряда.

— Чем-то опасен?

— Очень, сэр Ричард.

— Какие-то эндемичные звери?

— Сэр?

— Говорю, звери что, водятся только в этом лесу?

— Нет, насчет зверей не знаю. Но сам лес... Он очень нехороший.

Дорога повела нас вдоль леса, не приближаясь к нему, я всматривался в огромные деревья, похожие на секвойи и на баобабы одновременно, все очень темные, почти черные, стоят плотной стеной, ветви начинаются достаточно высоко, как у всех, что растут в тесноте.

— Я не вижу, чтобы лес где-то заканчивался, — сказал я нетерпеливо.

— Всякий лес где-то заканчивается, — пробормотал он. — Сэр Ричард, даже не думайте идти напрямик!.. Никто и никогда еще не выходил из такого леса.

Я буркнул:

— И не собираюсь. И доспехи надо беречь, да и вообще... я не из тех дураков, что ради подвигов полезут дракону в пасть. Просто мы могли бы проехать ближе по опушке, рассмотреть. Или они хватают ветвями?

Он покачал головой.

— Нет, о таком я не слышал. Но всякий, кто проезжал между деревьями в этот лес, уже не возвращался. И те, кто отправлялся на их поиски, тоже не вернулись. Так что в лес просто перестали ходить, вот и все.

Подъехал Ревель, вдвоем с Альдером объясняли мне, тупому, что лес Вечной Луны состоит из людей, которые в очень древние времена стали деревьями. Это было еще до Шестой и даже до Пятой Войны Магов. Возможно, еще раньше. Деревья живут намного дольше людей, а некоторым людям настолько не хочется умирать рано, что в погоне за долгой жизнью согласились перевоплотиться в деревья. Раньше это умели делать все, хоть редко кто так делал, теперь секрет утерян.

Деревья, как я понял, живут не просто как самые долгоживущие деревья на земле, это где-то семь-десять тысяч лет, но намного-намного дольше. Наверное, что-то передвинули в генах, но ума не хватило, чтобы такое же сделать в генной карте человека. Но, возможно, ум ни при чем, мало ли какие могут быть запреты? Вот я застал запреты на клонирование, а ведь дурость, понятно. Не от ума, а от религиозного дурмана.

— Интересно бы с ними пообщаться, — пробормотал я.

— Сэр Ричард!

— Да это я так, на будущее.

— Ох, сэр Ричард! На будущее у нас столько дел!

— Это верно, — ответил я со вздохом и подумал о тех тайнах, что оставил нераскрытыми в своем замке.

Впрочем, если исходить из простейшей формулы «свой — чужой», деревья не могут быть опасными по самой простой причине: метаболизм у деревьев протекает настолько медленно, что только самые малые дети могут поверить в такую глупость, будто деревья могут хватать ветвями неосторожных путников, вытаскивать корни из земли и перебираться в другое место, вообще как-то реагировать на человека.

Хотя, конечно, на общую деятельность человека в лесу,

на пожар или вырубку деревья реагируют, а вот на одного или группу людей... Понадобится несколько часов, прежде чем такое вот разумное дерево заметит стоящего перед ним человека, а потом еще пара дней — пока сообразит, что с ним пытаются заговорить или как-то общаться.

Нет, этот лес уцелел только потому, что никому не нужен, опасности не представляет, а планета слишком велика и богата — есть чем заниматься. Это уже потом, когда все будет заселено, тогда займутся и лесом. Вряд ли к тому времени здесь разовьется наука на соответствующем уровне, чтобы лес начали изучать. Скорее всего, его попросту уничтожат, даже не заметив, что деревья... гм, тоже люди.

Хотя пусть даже заметят, ну и что? Как будто люди людей не уничтожают.

То ли день выдался на редкость жаркий, то ли сказывается растущая близость к Югу. Солнце, казалось, светит и жжет отовсюду: с неба, от песка под копытами, с листьев деревьев, что вроде бы должны укрывать нас от него. Я ошелел, одурел, ослеп и ехал, как пьяный, кривясь, морщась и пошатываясь в седле. Не представляю, как Клотар, да и все, кроме Кадфаэля, прут в этих доспехах. Я все-таки схитрил, мои доспехи в мешке за спиной. Но все равно я чувствовал себя звездолетом, что приблизился чересчур близко, и теперь солнце охватило меня со всех сторон, замкнуло, искривив время и пространство.

— Что за чертовы кони у Грубера? — вырвалось у меня. — Разве лучшие не у нас?

Клотар что-то проворчал под нос, Альдер сказал ненамного понятнее:

— Если им дают Снадобье Шамана... не жалко им коней, сволочи...

Впереди показалась роща, я погнал к ней Зайчика, но яростный свет пронизывает жидкые ветви, по земле колыхаются ажурные тени, заколыхалась вся земля, я покрепче вцепился в луку седла, ощутил, как поднимается дурнота.

Что за мир, подумал с отвращением, что не додумался

еще до солнцезащитных очков. С ума сойти можно. Наверное, слабые и сходят, так что до моего века дошли самые стойкие. А вот мой век в будущее отправит одно спидораковое дермо, на том и кончится такой странный биологический вид, как человечество.

К полудню, когда я в который раз намеревался догнать Грубера, мы уже все страдали от жажды, во рту пересохло. Я велел отпустить коней, мой равнодушно посмотрел по сторонам, отошел на пару шагов и застыл, превратившись в фигуру из эпоксидной смолы. Конь Клотара брел по пересохшей земле, в одном месте вяло стукнул пару раз копытом, пошел дальше. Альдер заметил, как я напряженно смотрю за конем.

— Что-то покажет?

— Да, — ответил я, — лошади и собаки чуют воду. Только собака никогда не ляжет там, где близко воды, а курица не только не станет там нестись, но будет обходить стороной. А вот гусь охотно несется над местом, где близко воды. Формика тоже строят кучи подальше от подземных ручьев и рек...

— Кто такие формика? Тролли?

— Рыжие муравьи, — ответил я. — Лесные. Зато если увидишь, как роятся комары, то вода к поверхности близко. Еще мать-и-мачеха всегда растет над водой, если увидишь одинокий дуб, то обязательно близко вода... он даже достает ее корнями, и вода по прорытому начинает выходить наверх родником... Крапива растет близко над водой...

Он покачал головой, в глазах величайшее уважение.

— Сколько же вы по странствовали, ваша милость, — проговорил с почтением, — что знаете столько?..

— Поживи с мое, — буркнул я с неловкостью. Голова у всякого, кто жил при включенном телевизоре, забита таким количеством мусора, что удивляешься, как там все помещается. — На ночь можно узнать, есть ли под нами вода, если положить клок шерсти на землю и накрыть шлемом. Если вода близко, то какой бы ни была земля сухой, а

шерсть намокнет. А если проц перегревается выше нормы — полетел кулер... Нет, это из другой оперы, забудь.

Кони сгрудились в одном месте и начали рыть копытами землю. Клотар первым бросился туда с кинжалом с руке, упал на колени и принялся рыхлить. Альдер и Ревель выбрасывали сухие комья руками, потом пошла мокрая земля. Я рассчитывал, что дороются до слоя, где в ямке вода станет накапливаться, сумеем понемногу напиться, да и коней напоим, однако они рылись, рылись, перемазались грязью, затем Клотар с проклятием отпрянул, слизу в лицо ударила струя воды, словно из поврежденного водопровода.

Сперва с водой взлетали комья земли и стебли травы, но через минуту струя очистилась, слегка опустилась, достигая Клотару до пояса, солнце играло в ней, и казалось, что вся струя состоит из множества мелких жемчужин.

Я напился первым, все терпеливо ждали очереди, вода оказалась восхитительной, разом сняла усталость, добавила сил, прошел жар в черепе. Я чувствовал себя готовым скакать дни и ночи, а если понадобится, то и бежать с комнем наперегонки.

Когда напились Клотар, Альдер и Ревель, они молчали и переглядывались, и только когда и брат Кадфаэль напился и с ним ничего не случилось, Клотар обронил осторожно:

— Так это вода Рорнега?

Альдер кивнул:

— Похоже.

— Но монах...

Альдер подумал, пожал плечами.

— Но ведь сэр Ричард и вовсе паладин!..

— Странно, — буркнул Клотар. — Или вода выдохлась.

Говорят, от старости теряет свойства.

— Дык не в кувшине же, — резонно возразил Альдер. — Под землей всегда молодая.

Кони тоже взыграли, даже мул брата Кадфаэля пошел вокруг, задрав хвост и прыгая на всех четырех, пробовал

гоняться за птицами, а потом начал бегать с псом наперегонки.

— Все, — сказал я, — в путь! Теперь наверняка догоним!

Оглянувшись, увидел, как фонтанчик уже едва поднимается над поверхностью земли.

Через час скачки галопом выметнулись в долину, где к небу тянулись... я бы сказал, сгоревшие спички, если бы кто-то придумал спички размером с Останкинскую башню. Черные, обугленные, они торчат в беспорядке, похоже на башни новостроек, но от этих башен остались даже не скелеты, как если бы их выжгло ядерным взрывом, а словно какой-то неведомый огонь пожирал сам камень, если это был камень, с такой же жадностью, будто сухое дерево.

Я всматривался жадно, воображение дорисовывало формы, а на их месте возникали окна, ставни... тьфу, какие-то защитные экраны, параболические антенны, чтобы принимать Интернет... нет, мой мозг везде сует свои образы, но, без сомнения, это гигантские здания, это сотворено руками людей, стоящих на технологической ступеньке намного выше, чем крестоносцы...

— И уничтожено ими же, — прошептали мои губы.

Я вздрогнул, на миг пришла мысль об ударе со звезд, но идея даже не зацепилась, дурь, нигде никаких разумных или неразумных рас нет, мир создан только для человека и развиваться, и расширяться он должен с этого крохотного уголочка Вселенной, но человек все никак не переболеет свинкой, корью, а то и коклюшем.

— Ни фига себе коклюш, — сказал я себе громче, чтобы звуками собственного голоса вернуть в реальность. — Каждый светильник разума коптил!

У двух домов сохранились в целости нижние этажи, огонь шел сверху, а физические законы одинаковы: горение устремлялось кверху, вниз огонь идет неохотно, вот и погас то ли от недостатка воздуха, то ли здесь помогли защитные пожарные средства. Однако свет был слаб, к тому

же этажи настолько погрузились в эту сухую выжженную землю, что виднелись только две-три плиты, если это плиты, чудился изысканный орнамент, но взгляд зацепился за фигуру, что двигалась, прихрамывая, между развалин.

Это шел человек, крупный мускулистый человек, в кожаной куртке без рукавов на голое тело, кожаных штанах и даже в сапогах, лицо смелое, энергичное, однако голые руки заросли длинной густой шерстью, а уши стали остроконечными, торчали настороженные, как у волка.

Я ощутил оторопь и в то же время ужасное понимание, как начинались все эти тролли, гоблины, эльфы, огры.

— Привет, — крикнул я и помахал рукой. — Мы друзья!.. Скажи, здесь не проезжал отряд, среди которых женщина...

— Молодая, — добавил Альдер. Взглянул на меня и уточнил твердым голосом: — Невиданной красы!

Житель странного города всматривался в нас блестящими, как слюда, глазами, радужная оболочка желтая, а когда раскрыл рот, сперва вырвался рык, а затем уже пошли слова:

— Отря... двадцать три... Один выстрелил в меня...

— Плохие люди, — сказал я. — А мы — хорошие. В какую сторону ушли?

— Идете... правильно, — ответил он рыкающим голосом. — Скоро догоните...

— Женщина с ними? — переспросил Альдер.

— С ними, — ответил мужчина. — Они... нехорошие...

Меня заинтересовало, как это он отличает хороших от нехороших, если это такие зыбкие понятия и не зависят от роста, цвета кожи или формы ушей. Он как будто прочел мой вопрос, взглянул на меня в упор с укором в нечеловеческих глазах и прорычал:

— С ними тот... кто поднимает мертвых... Кто... запретное...

Я кивнул, крикнул громко «спасибо», Зайчик понял мой приказ и пошел легким аллюром в сторону пса, что остановился вдали на вершине холмика и приглашающе ма-

хал хвостом. Мелькнула мысль, что вот если бы порыться в этом городе, пусть на эти раскопки наложено проклятие Церкви и всех великих магов, вдруг да отыскалось бы такое, в чем я сумел бы разобраться...

Глава 7

Все чаще попадались вооруженные люди, однажды я увидел крестьян, работающих в поле, у каждого при себе либо боевой топор, либо копье, либо лук со стрелами. Редкие путешественники рассказывали о стычках с нечистью, делились сведениями о новых гарпиях, которых раньше не встречали в этих краях.

Я проверял, на месте ли меч и молот, поглядывал по сторонам с настороженностью человека, привыкшего к безопасному миру. Альдер однажды указал на горизонт и сказал, что вон там горы, за ними, считай, земли Юга, настоящего Юга. Там и теплее, ибо ветры натыкаются на горный хребет и поворачивают вспять, и власть колдунов там крепка, христианскому воинству через горы перебраться очень не просто, если вообще возможно.

Там далеко на горизонте под кроваво-красным темным небом, покрытым как коростой, вспыхивали багровые зарницы, оттуда доносился едва слышный грохот. Небо время от времени озаряли вспышки. Я был уверен, что за горизонтом действующий вулкан, недаром же и небо там затянуто тучами из пепла и дыма, сквозь которые прорывается алое и пурпурное, но Альдер проворчал:

— Что Тимур-оглы затеял...

— Кто это? — спросил я.

Он подъехал ближе, чтобы не перекрикиваться, он кричать может, а вот моему достоинству урон, ответил с великим почтением:

— Поговаривают, там самый могущественный волшебник на Земле. Наше счастье, что ему не восхотелось завоевать мир. Он бы это сделал очень легко.

Клотар пустил коня с другой стороны от меня, сказал скептически:

— Бред. Если бы хотел, то уже сделал бы.

— Почему?

— А разве есть цель выше?

Альдер сдвинул плечами в затруднении, я смолчал, хотя, конечно, я знал цели выше. Много таких целей. И вообще, завоевать мир — это даже не цель, а глупость. Бессмысленно завоевывать мир, но этого пока не объяснишь.

— И что он делает? — спросил я.

— Неизвестно, — ответил Альдер. Добавил после паузы: — Кто может знать, что делает нечеловек?

— А он... нечеловек?

— Говорят, — ответил Альдер еще неохотнее. — Но он и не Тьма, это точно. Ему все равно, как серому ангелу.

— Он что, живет в жерле вулкана?

— Говорят, он может жить... везде. Даже там, где жить нельзя.

Строители прошлой империи свое дело знали: дорога идет прямая, ровная, рассекает холмы, оставляя их половинки по обе стороны, а над болотами и низинами поднимается высокими насыпями. Мы встретили пару ущелий, однако дорога шла напрямик, над мелкими оврагами просто нависала, не замечая их, а из ущелий ее подпирали массивные опоры. Мне почудилось, что на таких дорогах скорость ограничивали не максимальную, а минимальную, даже сейчас в прекрасном состоянии, разве что края уже раскрошились, осыпались, но кому сейчас требуется шестирядное шоссе?

Облака из оранжевых медленно перетекали в пурпурность, а затем съто багровели, застывали над горизонтом, отяжелевшие, сонные. Солнце опускалось в них тоже красное, распухшее, усталое. Время от времени то Альдер, то Ревель вспоминали недобрым словом Грубера, что губит коней, Клотар помалкивал. Я помалкивал тоже, ведь рассчитывал догнать Грубера уже к обеду.

По дороге подстрелил оленя, из него вырезали только

филейную часть, сшиб трех гусей, а ближе к вечеру моя стрела дognала зайца.

Кони устали, за исключением Зайчика, да еще Бобик готов нестись без отдыха, счастливый, что снова с людьми. Я посмотрел на лиловое небо, начал придерживать коня.

— Да, сегодня нам не повезло. Или у Грубера не кони, а какие-то кузнечики!

Клотар подъехал, проворчал:

— Кони у него простые. Но что-то дает им силы. Проклятый колдун!

— Загонят коней, — сказал Альдер сожалеюще. — После такой скачки падают замертво. Если колдун сильный, то могут без отдыха идти галопом трое суток! Но потом бз-з-зыны! Рассыпаются.

— Рассыпаются?

— Не остается ни мяса, ни жил с кожей. А на костях долго не поскакешь.

Хворост для костра собрал Ревель, огонь долго высекал Альдер, но щепочки все не желали возгораться. Я с трудом удержался от естественного желания зажечь огонек мановением дланi. Во-первых, нельзя людей отучать от работы, во-вторых, что гораздо важнее, лучше и эту свою способность придержу в тайне. Не все козыри стоит выкладывать даже перед друзьями. Это они сегодня друзья, к тому же друзья могут проболтаться недругам...

Наконец костер разгорелся, Клотар к этому времени умело разделал оленину, выпотрошил трех гусей. От коней пришел брат Кадфаэль, в руках длинные прутья, уже очищенные от коры, — готовые шампуры. Ревель принес еще хвороста, отобрал у Кадфаэля деревяшки и послал его строить защиту на ночь.

Кадфаэль безропотно отошел шагов на десять, помолился, воздел ладони к небу, блеснул луч, я зачарованно смотрел, как яркий свет, похожий на свет мощного фонарика, уходит вверх, но не рассеивается, только истончается, но это из-за расстояния, а сам луч, я уже знаю, уходит в такую высь, куда не залетит ни птица, ни дракон, ни какая

другая тварь... разве что рискнет маг, но и маг должен быть не простой, очень не простой.

Звездное небо вдруг показалось таким, каким наверняка видят эти люди: скопище призрачных дев, козерогов, медуз, пчелиных роев, утиных гнезд, овенов или овнов, что вообще-то бараны, а также всадников на конях, без коней, а также на рыбах, змеях, дельфинах, и везде блестят мечи, доспехи, щиты, шлемы — звездный блеск в первую очередь ассоциируется с блеском острого оружия, потом с алмазами, а затем уже с женскими глазами, хотя женщинам говорим в несколько ином порядке...

Я наслаждался сочным мясом, Ревель оказался гурманом, у него целый мешочек горьких трав, перца, чеснока, толченого лука, три вида соли, аджика, какие-то пряные корешки, и, когда обрабатывает жареное мясо по своему рецепту, даже самое жесткое становится нежным и тает во рту, а вот такое молодое и сочное вообще исчезает в наших здоровых желудках, как в адских пропастях.

Кадфаэль замкнул круг, свет в ладонях погас, теперь нашу стоянку окружает незримая стена, через которую не пройдет нечисть, а если наткнется тролль или гоблин, то поднимется тревога. Ревель подал Кадфаэлю самый большой кусок мяса, монах взглянул на него с укором, что-то шутки однообразные, вытащил из мешка корочку сухого хлеба и принял очень медленно отщипывать по кусочку. Клотар смотрел с плохо скрываемой презрительной жалостью, морщился, наконец полез в другой мешок, выудил треть головки сырного круга.

— Ешь, дурак!.. Это получено без крови. Ты в отряде, понял? Если ослабеешь, всех поставишь под удар..

Кадфаэль поколебался, но Альдер и Ревель тоже смотрят серьезно, он вздохнул и осторожно откусил и от сыра. Я вздохнул, вытянул ближе к огню натруженные ноги. Вроде бы и не носился сам, а все на коне, однако ноги почему-то ноют точно так же.

Спал недолго, еще во сне услышал голоса. Сперва едва слышные, шепот, а не голоса, затем начал разбирать слова,

целые фразы. Они звучали в ночи отовсюду, окружали нас, более того — я отчетливо слышал, что часть голосов доносится снизу, преодолевая толщу земли, словно и не земля для них, а такой же воздух.

Я открыл глаза, настороженно посмотрел по сторонам. Рядом во сне забормотал беспокойно Клотар, начал шарить ладонями по земле. Брат Кадфаэль поднял голову, прислушался. Серьезное лицо стало тревожным.

— Вы слышите, сэр Ричард?

— Да, — ответил я. — Что это?

— Демоны, — ответил он коротко. Взглянув в мое лицо, добавил: — Голоса мертвых.

Я всматривался в темноту, но увидел лишь темноту.

— И что же, они только здесь имеют право голоса?

Он кивнул:

— Похоже.

Его руки раскрыли перед ним книгу, а ночное пение мертвых стало таким мощным, что подавляло, словно звучал голос земной тверди. Кадфаэль начал читать молитву, сперва ничего не происходило, затем голоса начали не столько затихать, сколько из них ушла колдовская сила.

Я почувствовал, что перестаю обращать на них внимание, спросил:

— Брат Кадфаэль, а что за слухи насчет колдуна, что с Грубером? Если может поднимать мертвых... хоть на время, то зачем ему для этого живые?

Монах взглянул на меня поверх книги, поколебался, отложить ли хотя бы из вежливости, я с любопытством смотрел на борьбу долга с учтивостью, наконец, к его чести, долг победил, книга осталась в руках, он только вздохнул и объяснил коротко:

— К сожалению, сэр Ричард, человеческие жертвы не совсем бессмысленны. Увы, это так. Человек — высшая форма из всех, созданных во вселенной. В человеке собрано больше всего особой энергии, которую невозможно пока что не только понять, но даже назвать, и потому ее зовут просто магией, хотя мы прекрасно знаем, что это и есть

частица того особого, что вдохнул в мертвую глину Господь Бог. Возможно, древние смогли понять эту мощь и овладеть ею, что и привело к тому, что звезды встали на другие места, мир изменился. Но нельзя безнаказанно овладевать тем, что вложил в наши тела Господь Бог...

Он сделал паузу, взглядел вернулся к книге. Я кивнул, приподнялся и швырнул в огонь пару веток.

— Да, брат Кадфаэль, ты объяснил хорошо. Возможно, даже правильно, хотя это и... странно. Даже удивительно. Ладно, не буду мешать.

Альдер и Ревель тоже проснулись, тревожно оглядывались, а потом, чтобы хоть чем-то заняться, принялись жарить зайцев. Тремя подстреленными мною птицами пре-небрегли, не могли определить, что за птахи. Умирали бы с голоду, сожрали бы все, но зайцы оказались молодые, сочные, упитанные, с нежным нагулянным мясом. Клотар следил за костром неподвижными глазами, в них пляшут отблески, лицо тоже неподвижное, время от времени вообще застывает, словно выключенный агрегат, но явно слышит и замечает все, как бы глубоко ни погрузился в думы.

Из темноты вышли, словно призраки, пятеро мужчин. И только сейчас, когда возникли в круге света, под ногами затрещал гравий, я ощутил звериный запах. Все пятеро пугающе громадные, никто не уступит мне ростом да и размахом плеч, что уже само по себе неуютно. Все в хороших доспехах, хоть и не рыцарских. Зато видно, как прекрасно подогнана броня, зубочистку не просунешь в щель между сочленениями.

Не здороваясь, четверо сели у огня, пятый пошел хозяйски осматривать коней. Ничего не понимая, я косился на Альдера. Тот потемнел лицом, в глазах непривычный страх и унижение, но в то же время и напугавшая меня покорность.

Один из них, скаля зубы в недоброей усмешке, положил руку на спину Ревеля, похлопал, как будто мясник осматривал барана. Ревель напрягся, но не вскочил, хватаясь за нож, только сгорбился.

Мои пальцы сжались, кончики коснулись рукояти молота. Увы, молот рядом, а меч я, идиот, оставил там, у коней, где сейчас пятый осматривает наши мешки. Даже ножа нет, позор для мужчины, я чувствовал, как нарастает напряжение, поглядывал по сторонам, лица моих людей посерели. Пес поднял голову и смотрит с интересом то на меня, то на пришельцев. На что уж Клотар всегда выглядит бесстрашным, но сейчас сидит с самым обреченным видом, словно овца, которую ведут на убой и которая знает, что ее убют.

Один из прибывших словно только сейчас разглядел, что брат Кадфаэль — монах, с удовлетворением всхрюкнул, поднялся, громадный и налитой силой, медленно обогнул пламя и опустился на ошкуренный ствол рядом. Кадфаэль попробовал отодвинуться, прибывший неуловимо быстро обхватил его за плечи. Он не вскрикнул, словно чувствовал: я могу броситься на помощь, и произойдет нечто страшное.

В голове у меня вертелись планы, схемы, мозги едва не плавятся, но впервые чувствую себя таким растерянным, что просто не понимаю, что делать и как поступить.

Справа от меня бородатый гигант преспокойно снял с вертела зайца и принял смачно жрать, нагло глядя в глаза Клотару и ухмыляясь. Клотар побагровел, горд, но терпит.

Я упал на спину, кувыркнулся, надо мной что-то пролетело, вскочил и бросился в сторону коней. Вдогонку раздался крик, пятый, что рылся в наших мешках, присев на корточки, мгновенно вскочил и, оскалив зубы, ждал, меня, безоружного, бегущего навстречу.

Молот вылетел без особого размаха, чужак уже в двух шагах, его не отшвырнуло, но удар был такой, будто в мокрую глину ударило торцом бревна. Я перепрыгнул его оседающее тело, поймал молот, и почти в тот же миг мои пальцы ухватили рукоять моего меча.

Сзади раздался крик, я инстинктивно пригнулся, над головой хряснуло, и, когда я распрымлялся, голова упер-

лась в древко дротика, что погрузилось в плотную ткань дерева почти на треть.

Я ринулся обратно, в черноте яркое пламя костра выхватило, как на сцене, застывшие фигуры, только чужаки, все с оружием в руках стоят, всматриваются в темноту. На этот раз я швырнул с яростью, молот распорол воздух с ревом, чужаки напряглись, еще не понимая, их вожака снесло, как стебель подсолнуха, он исчез из круга света, и тут только все трое с топорами в руках ринулись в мою сторону.

Клотар вскочил первым, на миг позже оказались на ногах Альдер и Ревель. В отличие от меня, у них мечи всегда на расстоянии вытянутой руки, и не дали уйти, загремела сталь. Я швырнул третий раз, все еще оставаясь в темноте. Один из чужаков, что размахивал огромным топором, вздрогнул, его ударило в спину. Бросок не богатырский, я боялся задеть своих, чужак просто переломился в пояснице, на него обрушились мечи и топоры с трех сторон, но он и на коленях продолжал сражаться.

Его товарищ яростно размахивал мечом и крушил защиту Клотара. Я похододел, увидев, с какой легкостью чужак изрубил громадный щит Клотара, который остальным соратникам просто не поднять, Альдер и Ревель в бешенстве рубили пятого с боков, но тот обращал на них внимания не больше, чем на комаров, рубился только с Клотаром, тот зашатался, доспехи трещат, и кровь показалась на плече, сильный удар сбил шлем, со лба Клотара потекла темная струйка прямо в глаза.

Альдер закрывал Клотара со спины, я заорал и уже с мечом ринулся к чужаку. Тот звериным чутьем ощутил нового врага, опаснее этих, мгновенно развернулся ко мне.

— Займитесь последним! — прокричал я Альдеру и Ревелю.

Наши с чужаком мечи столкнулись в воздухе. Удар был страшен, я едва удержал рукоять в занемевших пальцах. Гигант рычал, лицо перекосилось, в уголке дрожащих губ показалась слюна. Я зарычал в ответ, меня тоже затрясло, нахлынула наконец ослепляющая ярость, что и труса дела-

ет героем, я рубил, отражал удары, тело налилось силой, вернее, стало как деревянным. Я не чувствовал ни рук, ни сотрясающих ударов чужого меча по лезвию моего, рычал, хрюпал, мы дрались грудь в грудь.

Лицо гиганта начало бледнеть, в глазах появился страх.

— Смерть... — прорычал я. — Убивать... убивать!

Он пошатнулся, я уклонился от неверного удара, а кончик моего меча с силой рубанул по плечу. Острое лезвие рассекло кольчугу и настолько глубоко вонзилось в плечо, что правая рука с мечом почти отвалилась от тела.

Я тут же отпрыгнул, бросился к последнему чужаку, что и на коленях, израненный, дрался как медведь среди окруживших его собак. Альдер и Ревель уже лежат у его ног, еще Клотар стонет, уже почти не отмахиваясь от гиганта, а тот заносит меч для последнего завершающего удара.

— Ложись!

Клотар рухнул, чужак мгновенно повернулся ко мне, глаза вспыхнули свирепой яростью, окровавленный меч наготове. Молот ударил его в грудь с такой силой, что сплющил, как картонную коробку.

Я бросился к окровавленным телам Альдера и Ревеля.

— Только не умирайте!

Мои растопыренные пальцы заскользили по залитым кровью лицам. Холод и жуткая слабость пронзили, как будто из меня выдирали внутренности. Я застонал, в глазах огненные мухи, прохрипел:

— Клотар...

Как из другой вселенной, послышался хрип:

— Я еще... подержусь...

— Не валяй... дурака... — проскрипел я, — ты сейчас издохнешь...

— Не думаю...

Перед глазами темно, я все-таки доковылял до Клотара, оперся о него, и тут совсем в ушах комариный звон, я сомлел, как красная девица при виде голого мужика. Затем послышались голоса, это Альдер и Ревель о чем-то спорят,

из меня потащили уже не внутренности, а как будто саму душу, а кости превратились в ледяные сосульки. Меня трясло, я чувствовал, как на плечи набросили теплое одеяло, костер трещит совсем рядом, пламя обжигает лицо, наконец я понял, что стучу зубами прямо перед костром, укутанный по самое нельзя, а Кадфаэль сует мне в рот куски горячего мяса.

Я глотал, почти не жуя, горячие комки проваливались по пищеводу, постепенно размораживая эту трубу, согревали желудок, а затем живительное тепло пошло по всему телу. Я ощутил себя здоровым, хоть и очень голодным, огляделся. Всех троих моих соратников изрубили так, что, если бы я не вмешался сразу, со мной у костра были бы три трупа.

Сейчас они уже пришли в себя, сбросили порубленные железки, доспехами уже не назовешь, переворачивали убитых и пробовали стаскивать панцири и кирасы. Брат Кадфаэль оставался со мной и заботливо совал в ладони куски мяса и хлеба. Мои пальцы все еще тряслись, я жадно пожирал кусок за куском, брат Кадфаэль совал новые и новые ломти, приговаривая, что я исхудал так, что кожа да кости. Я жадно ел, почти глотал, как утка, потом заставил себя жевать тщательнее, взгляд мой не отрывался от тел пятерых великанов.

— Кто это? — спросил я. — Почему никто не сказал, что могут вот так...

Клотар выглядел виноватым, ежился, тоже похудел, быстрое заживление ран и от него потребовало ускоренного метаболизма, глаза запали, а голос стал скрипучим, как у старой-престарой вороны.

— Да никто не думал, — ответил он, защищаясь, — что они еще существуют!.. Это верги, Лесные Стражи. Их создали в эпоху Пятой Войны Магов, но уже в Шестой их не было, больше никогда не упоминались. Они ходят бесшумно, убить их почти невозможно. Это все ваш молот, сэр Ричард.

Альдер сказал негромко:

— И меч.

Клотар подумал, кивнул.

— Да, и меч непростой. Хоть и принесет такая нехристианская штука еще немало забот, а то и бед, но сегодня этот меч всем нам спас шкуры.

Я посмотрел по сторонам.

— Тут только ямщикам помирать, такая степь да степь кругом. Откуда здесь Лесные Стражи?

— Дык был лес, — пояснил Альдер. — Потом после леса — пустыня. Затем, говорят, здесь было море. А сейчас вот снова степь. Чуть погодя снова лес нарастет... Стражи для него уже есть.

Брат Кадфаэль покачал головой.

— Это уже неприкаянные души. Они были сотворены только для того Леса.

— У них есть души? — удивился Альдер.

Брат Кадфаэль смутился, развел руками.

— Нет, конечно. Это я так, обмолвился. Они живут, как и звери, бездушные. Им спасения нет, как и места в Царстве Господнем... Брат паладин, ты прости, что они прошли так... Но святые молитвы держат за пределами круга только нечисть, что бродит по свету ныне. Я не могу отгородить нас святым заклятием от того, что существовало... очень давно. Хотя, конечно, если святые и подвижники...

Я отмахнулся.

— Все хорошо кончилось, чего тебе еще? Эти Стражи Леса не каждый день вылезают из ночи. Может быть, мы прикончили последних! Из Красной Книги не то что строчку теперь вымарывать, а целую страницу — на фиг! Лучше о таком вообще помалкивать, а то зеленые со свету сживут.

Глава 8

Альдер и Ревель закончили мародерничать, пять трупов лежат раздетые, я еще раз изумился чудовищным пропорциям, как будто прямо из-под Трои все эти аяксы, теламониды и прочие деомеды. Огромный рост, широчен-

ный фасад, руки толщиной с мои бедра, плоские животы с шестью, а у кого и с восемью кубиками. Ни капли жира, одни сухие мышцы.

Рядом горят жаром в свете углей костра доспехи, горки кольчуг, поножи, шлемы. В кучку сложены амулеты, найденные на трупах.

Я осмотрел внимательно, Стражи Леса хоть и не в рыцарских доспехах, но это нисколько не помешало им оказаться вооруженными намного лучше нас. Вместо стальных панцирей из двух половинок на всех кольчуги, так я полагал, хотя Клотар называл их тоже панцирями. На самом деле это оказались умело наложенные одна на другую внахлест, наподобие черепицы на крыше, стальные пластинки размером с лазерный мини-диск, только слетка выпуклые, из-за чего даже в багровом свете костра горят как жар.

Изнутри подкладка из мягких ремней, так что надевать можно хоть на голое тело, хотя на самом деле у всех пятерых оказались еще и кольчуги из удивительно мелких колец, почти неразличимых на глаз, из-за чего выглядели просто рубашками из блестящей ткани.

Я прокрутил в мозгу заново схватку, все-таки на нашей стороне и везение. Знай Лесные Стражи, что и мы не из Мухосранска, не были бы настолько беспечны. Такие панцири не прошибить нашими топорами, я даже не уверен, что и стрелы Арианта пробьют, чешуйки уложены хитро, стрелу сбросит в сторону.

— Что со всем... этим? — спросил Ревель, не выдержав молчания.

Я посмотрел в его блестящие, как у кота возле кувшина со сметаной, глаза, покосился на остальных, тоже задержали дыхание, только брат Кадфаэль хмурится и качает головой, но смотрит на меня с ожиданием, ведь я же свой, из Церкви, должен велеть все это если не сжечь, такое не сожжешь, то закопать и сверху навалить камень...

— Берите себе, — объявил я великолдушно. — Что не пойдет, лучше закопать, чтобы тот, кто найдет, не погубил

свою бессмертную христианскую душу. Ваши души? Не жалко, вы мне осточертели... И амулеты берите, если есть желание.

Глаза Клотара блеснули. Гордость не позволяла ему просить у меня хотя бы щепку, но даже на глаз видно, что только ему доспехи придутся впору, да и то поверх толстой шерстяной рубашки.

Альдер сказал наигранно бодро:

— Ладно, зимой буду носить поверх шубы.

Но лицо оставалось невеселым, зимой все сидят в занесенных снегом замках, сражений нет, надевать можно только для баxвальства.

Однако он и Ревель собрали все, что удалось увязать на коней. Я морщился, еще больше замедлим погоню, но с другой стороны, доспехи Стражей Леса — целое состояние. За один только шлем, который ничем не пробить, у богатого вельможи, мечтающего прослыть могучим рыцарем, можно выторговать целую деревушку.

— Ладно, — сказал я, — вы как хотите, но я, если не сплю, весь день буду как вареный.

И хотя я лег как можно ближе к костру, к тому же летние ночи вообще-то теплые, но на этот раз воздух оказался холодным, как зимой. Клотар сообщил, что в таких пустынных местах так везде, а брат Кадфаэль пояснил, что это потому, что Творец так изволил. Обилие съеденного жареного мяса сказалось сразу: едва заснул, появилась Саня, сразу же близко, слишком близко. Я ощутил горячую волну в теле, толчки, раскрыл объятия, Саня влетела в них, как облачко, прижалась горячим телом, стремясь доставить мне чувственную радость, я зарычал в досаде, это куда уж проще, нам бы радости общения побольше... но, увы, для трезвых голов у нас другие дела, мысли, заботы, даже женщины другие...

Потом я очнулся от короткого сна, и сразу же взглядел уперся в ту странную башню, теперь абсолютно черную, мрачную, зловещую. Небо уже синее, облака все такие же

веселые, чистенькие, белые барабашки, а башня — черная... Впрочем, солнце с той стороны, и все же я зябко передернулся плечами, снова заснул, но и сквозь сон слышал голоса Альдера и Ревеля, иногда вступал в разговор и Клотар, а когда перебрали все, что знали и слышали, а заснуть от возбуждения не могли, начали рассказывать вообще такую хрень, что у меня голова пошла кругом, наконец заснул уже крепче... и почти сразу, как мне показалось, услышал глухое предостерегающее рычание пса. Оттолкнув Санегерию, вынырнул из сладких объятий, сердце колотится как бешеное. Солнце уже поднялось над горизонтом, наши кони на прежнем месте под раскидистыми ветвями, все еще распряжены, тишина, и в этой тишине я услышал далекий стук копыт.

Я поднялся, протирая глаза, сообразил запоздало, что скачут чужие кони, а где кони, там и всадники. Брат Кадфаэль, что спал рядом со мной, проснулся на минуту позже меня, однако вскочил моментально, длинный посох в руках в оборонительной позе. «

— А в монастыре Шао-Линя не упражнялся? — проворчал я. — Жаль; пригодилось бы больше, чем...

Клотар, Альдер и Ревель взялись за рукояти мечей и чуть разошлись в стороны, чтобы не мешать друг другу и в то же время прикрывать спины.

В нашу сторону несутся на быстрых легких конях семеро. Все в хорошо подогнанных кожаных латах, только передний в стальном панцире, больше похожем на кирасу, в шлеме с длинными перьями. Я метнулся в кусты и принял торопливо надевать через голову перевязь с мечом, оглянулся на мешок, где лук Арианта, увы, не успеваю...

Всадники остановились, горяча коней, те ржали и вскидывали головы. Брат Кадфаэль сделал шаг навстречу.

— Приветствую вас, братья! Если вам нужен отдых...

Всадник в кирасе прервал грубо:

— Нам нужен Ричард.

— Зачем? — спросил Кадфаэль.

— Думаю, на этом дереве свободная найдется ветка.

Кадфаэль спросил наивно:

— Зачем?

Всадники захотели. Человек в кирасе гаркнул:

— Повесить, дурак!

— За что?

— Он оскорбил моего сюзерена, — высокомерно объяснил рыцарь. — Если бы нанес оскорблениe по-рыцарски, я бы зарубил вашего Ричарда в поединке. Но он оскорбил как простолюдин, так что мы его просто повесим.

Я стиснул кулаки, ну что делать с этим дурацким рыцарством, когда вот так преданный дурак несется сломя голову смывать позор с имени своего сюзерена? В таверне все окончилось довольно мирно, граф даже своих выводил показать, что у него никто не хромает, он еще бесился, что его людей кто-то нанял за его спиной, это оскорбительно, на этом фоне наша стычка как-то поблекла... вроде бы.

Клотар поинтересовался очень вежливо:

— Позвольте узнать, благородный рыцарь, как имя вашего благороднейшего господина?

— Граф де ля Ферт, — ответил рыцарь гордо, — славный продолжатель древнейшего рода Кинзбургов!.. А я его верный вассал, барон Сигурд де Фоссэ!

Кадфаэль сложил руки у груди.

— Христом Богом клянусь, сэр Ричард всего лишь защищал бедную девушку! Разве рыцари не должны защищать женщин?

Всадники хотели, барон Сигурд сказал зло:

— Рыцари защищают только дам, а не просто женщин!

Иначе придется и всех портовых шлюх защищать от пьяных моряков и прочей швали. Если я говорю — виновен, то виновен! Он где, в повозке прячется?.. Грег, Виллан, проверьте ее!

Двое соскочили на землю, я вышел из кустов, сказал громко:

— Так, этот граф де ля Ферт меня достал. Тогда я его пощадил, но на этот раз он получит... в лице своего холуя.

Барон быстро развернул коня в мою сторону.

— А, вот ты где! Теперь не уйдешь...

— А я никогда не уходил, — напомнил я. — Вот что, мне так не хочется начинать такой прекрасный день с убийства, хоть и дурака. Если хочешь на кулаках, у тебя есть шанс остаться живым, хоть и с побитой рожей. Слезай, посмотрим, в самом ли деле ты так крут, как распинаешься.

Он поколебался минуту, я уже думал, что вытащит меч и ринется на меня, а то и просто велит своей команде зарубить меня, ведь на кулаках только простолюдины, а рыцари предпочитают благородное оружие, но рыцарь выпрямился в седле и сказал люто:

— Я сперва измordю тебя, а потом повешу на этом же дереве!

Он легко соскочил на землю, поводья тут же подхватил ближайший всадник, а Сигурд медленно двинулся ко мне.

Я измерил его взглядом и понял, что он не зря стал во-жаком в эту эпоху, когда ими становятся самые сильные, решительные и жестокие. Ростом и шириной плеч превосходит любого из своей ватаги, фигурой напоминает вставшего на задние лапы медведя, и хотя в росте мне уступает, но весом, пожалуй, даже превосходит.

Я собирался начать первым, однако он ринулся, как тот чудовищный кабан, которого мы с Тудором едва-едва побороли. Я растерянно отступал, отвечая встречными ударами, уворачивался, пропуская его мимо. Огромные кулаки чаще всего месили воздух, но пару раз попал мне в локти, в плечо, а потом достал в скулу — в голове как будто взорвалась бомба.

Всадники весело орали, я все время отступал, а Сигурд де Фоссэ гонялся за мной, орал, ругался, а я все был и был навстречу, стараясь опережать его в любом движении. Здесь все дерутся по-английски: стараясь нанести как можно более тяжелые и сильные удары. Другого стиля просто не существует, но я знал о восточных, и хотя никогда не занимался, но усвоил главное: там все на скорости,

на опережении противника. Нет пользы от страшных убийственных ударов, если приходятся по воздуху, они хороши только в случае, когда два драчуна придерживаются той же боевой системы.

Сигурд де Фоссэ начал шататься, двигался все медленнее, я наконец рассмотрел, что лицо его распухло, из разбитого носа течет кровь, сочится из рассеченных бровей. Однако, не желая терять уважение соратников, Сигурд ринулся из последних сил, но я уже не отступал, бил и бил, вкладывая всю силу в удары. Он зашатался, я изо всех сил ударили в зубы, там чвакнуло, брызнула кровь из размозженных губ, а зубы провалились в глотку.

Закачавшись, он рухнул на колени. Воспользовавшись моментом, ведь лежачего бить уже нельзя, я с размаха ударили сапогом в лицо. Его швырнуло на спину, на землю грохнулся, подняв желтую пыль, и распластался там, как раздавленная жаба. Лицо превратилось в кровавую маску, в которой булькает, клокочет, струйки текут даже из ушей, вокруг головы начала образовываться лужа.

Я постоял минуту, переводя дыхание, всадники молчат, лица злые. Я сказал хрипло:

— Я не хотел его убивать, потому просто отдал... Но, видит Бог, если вы еще мечтаете, что меня можно вот так просто взять и повесить... что ж, попытайтесь!

То ли голос мой прозвучал очень уверенно и многозначительно, то ли еще что, но они помолчали, переглянувшись, один сказал наконец:

— Мы делаем то, что нам говорят. Когда очнется... и если скажет, чтобы мы вас догнали и порубили, мы это сделаем.

Я кивнул:

— Хорошо. А пока забирайте. Все же посоветуйте в следующий раз не искушать судьбу... в моем облагороженном облике. Я только с утра бываю такой добрейший, когда птички поют и рак на горе...

Быстро позавтракав остатками зайца — птиц тоже поджарили и съели, сейчас уже неважно, какой они породы, — повсакивали на коней, ни один за это время не захромал, только у Ревеля сбил копыто, пришлось пересесть на заводную, остальные же шли за нами весело, радуясь не слишком обременительным седельным мешкам.

Земля время от времени начинала бугриться пологими холмами, словно из глубин поднимались огромные пузыри, а когда громоздились друг на друга, получались горы, но такие же пологие, густо заросшие лесами до самых вершин.

Очень редко горы выглядели как горы, пусть и старые, вот сейчас гора, мимо которой едем, в былье времена, чувствуется, была одним монолитом, чем и гордилась, нынче же время и дожди исхлестали до трещин, мол, капля в самом деле любой камень точит. В эти щели вцепились корнями кривые, ужасно жилистые деревья, и корни у них тоже жилистые, толстые, похожие на удавов, заползающие в любую щель, не то разрушающие камни, не то скрепляющие всю эту массу глыб в единое целое, подобие рыцарского замка одинокого и очень гордого барона.

Налетел ветер, деревца тут же пригнулись, спрятались за камнями, привычные бояться и ветра, и снега, и зноя, и друг друга, хотя одно другое постоянно теснит, выталкивает, сбрасывает слабейшее с этой каменной горы вниз, в выжженное дно бездны, куда вот уже не одну тысячу лет отпускает в дивный полет семена с хитрыми хвостиками для долгого полета.

Места здесь крайне дикие, словно пробираемся по глухой сибирской тайге, где не ступала нога человека: дремучий лес, валежины, гниющие пни, нелепые среди леса громадные округлые камни, словно бы миллионы лет из угловатых глыб обтачиваемые морскими волнами до формы бильярдных шаров, но теперь покрытые толстым слоем зеленого мха... И дико и странно, как громкий крик в церкви, выглядели ярко сверкающие проплешины на таких шарах, где или птица сорвала когтями клок мха, или упавшее дерево оголило блестящую лысину камня.

— Да что же он за адиёт? — спросил я, не выдержав. — Сам прет в такие места — не жалко дурака! Но он ведь и женщину с собой тащит!

— Куда иголка, — сказал Ревель лицемерно и почему-то посмотрел на Альдера, — туда и нитка.

Альдер вспыхнул, сказал сердито:

— У леди Женевьевы нет выбора!

— Она могла бы теперь улизнуть и от Грубера, — предположил Ревель.

Клотар фыркнул над нелепым предложением, а я подумал, что какой-то смысл в этом есть, если красотка помешана именно на несокрушимости Грубера-героя, а сейчас, когда он постоянно удирает, как побитый пес, она может потихоньку и разочаровываться. А известно, что, когда женщина разочаровывается, она опускает тебя с высот намного ниже того места, где ты в реале.

Я, взяв на себя заботу о снабжении отряда свежим мясом, время от времени вытаскивал лук, если замечал стадо оленей или диких свиней, а моя команда, обнаглев, начала подсказывать, что вот того не стоит, да и этого не нужно, а лучше во-о-о-он того дальнего, молодой и жирный...

Кто бы спорил, но не я, сам избалован покупками в «Стокманне», там всегда свежайшее и нежнейшее мясо, так что вскоре у седла Альдера, Ревеля, а потом и Клотара уже появились подстреленные зайцы, молодые олени и сочные гуси. Когда сделали остановку в полдень, чтобы дать отдохнуть коням и перекусить самим, я сказал, чтобы разожгли костер и начали свежевать дичь, а я пока взгляну, что лежит впереди, больно лес какой-то странный, лучше бы его обойти...

Псу заданий давать не нужно, сразу же с готовностью пошел впереди Зайчика, но когда натыкался на мой строгий взгляд, виновато вилял хвостом и мчался рядом со стременем. Деревья высокие, стройные, тянувшиеся к небу изо всех сил, потому ветки собраны на верхушках, странно оранжевые, пурпурные, багровые, желтые, все цвета золотой осени, хотя окрестные леса покрыты зеленью, как пру-

ды ряской. И вот там среди ярко-красных вершинок проглянул остроконечный шпиль древнего здания, который показался очень знакомым.

Бездумно я пустил Зайчика в ту сторону, в этом лесу все деревья смотрят в небо, как сосны, под ногами ровная земля, похожа на утоптанную, ни травы, ни кустов, а вдали каменные стены. Конь бодро шел к строению, мне показалось, что если бы сейчас нас попытались сбить с пути, он все равно бы пришел к тому месту, которое зафиксировал в своем лошади мозгу как цель.

Удивительно знакомо, потому что это костел, обычновенный костел, только почему-то среди дремучего леса, где нет и следов жилья, а лес тянется... далековато. Костел же такой, что ему бы стоять в центре большого города. Понятно, разрушен и заброшен, трава проросла между каменными плитами, стены оплетает плющ, вгоняя в щели цепкие усики и расшатывая камни. Вход зияет точно таким же черным провалом, как храм давно позабытого бога. Или неведомых богов, если то не музей, конечно. Под ногами на каменных плитах ржавые пятна, видно, некогда ворота истлели и рухнули, а железные засовы на этих камнях непотревоженно превратились в ржавчину, которую развеял ветер и смыли дожди.

Уже и не понять теперь, был ли он прекрасен, как подсознательно хочется, ведь красота и безобразие одинаково исчезают под морщинами старости: красота деформируется, а безобразие прячется. Я попытался представить, сколько же потребовалось времени, чтобы вот так — даже металл в едва заметное ржавое пятно, но с математикой у меня всегда проблемы, оставил коня и пешком вошел внутрь. Странное ощущение безбожника, когда вот так входишь в святая святых для многих человеков и не можешь понять, в чем же дело, чего они тут расшибают лбы, как им не стыдно выпрашивать у Бога милости, как будто тому больше делать нечего, как чиновнику распределять льготы... И в то же время непривычное ощущение святости, величия, ведь они же верили, а вера, даже глупая, мо-

жет двигать горами. Как раз дураку, как мне кажется, проще двигать горами, чем умному, тот пуп надорвет, но не сдвинет даже щепку.

Ноги несли меня к аналою. Непонятное чувство зародилось в груди и крепло, незнакомое и щемящее, что-то вроде, как сказал величайший из поэтов: как будто к старой-старой бабушке я приехал в гости в Киев...

Тревога тукнула в груди, я насторожился раньше, чем понял, что здесь не так. Взгляд упал на распятие, где изображен, по-моему глубокому убеждению, человек, проявивший самую-самую великую, просто величайшую гордыню на земле, а это, кстати, первый смертный грех. С моей точки зрения, попытка искупить своей жизнью грехи всего человечества — такое сверхсамомнение, такая гордыня, что просто даже не знаю... это вне любого понимания, тем более — осуждения. Наверное, остается только принять.

Я подходил ближе, всматривался, наконец холодок прокатился по спине: распятие повешено вверх ногами. Я судорожно оглянулся, хватаясь за меч. По всем канонам христианства — совершено святотатство. Это намного хуже, чем расписать стены в подъезде и лифте матюгами, это что-то вроде топтания государственного флага, плевания на герб и распевания гимна, заменив высокие слова похабщиной.

Послышался тихий смешок. Слегка приоткрылась дверь исповедальни, я рассмотрел в щель темную фигуру. Спустя минуту дверь открылась, он вышел спокойный, насмешливый, с живым юмором в глазах.

— Не хотите ли исповедаться, сэр Ричард?

Я буркнул:

— Только не вам. Неужели это было обязательно?

Он проследил за моим взглядом, пожал плечами.

— Шалости местных придурков... Кто поклонялся не по вере, а по принуждению. Исчезла власть, вот и ломают. Хотя, конечно, признаю, это мне облегчает вхождение в новые земли... Как вы знаете, сэр Ричард, я не могу прихо-

дить к тем, кто меня не пускает. Если двери закрыты, то закрыты.

Я обвел взглядом разгромленную церковь, сказал горько:

— Да, сюда впустили... Уж точно впустили.

Он слегка усмехнулся:

— Я сам осуждаю эти эксцессы. Зачем мне тень на моей репутации? Понимаете, сэр Ричард, вовсе не нужно творить все эти непотребства, чтобы открыть мне дорогу! Я — дух сомнения, вы знаете. Как только человек начинает подвергать сомнению догматы веры, он... нет, еще не мой, но я уже могу говорить с ним, убеждать, склонять на свою сторону. Однажды мне удалось внедрить в среду умных, но недостаточно морально устойчивых людей такое кредо: подвергай все сомнению! Это звучит красиво, многозначительно, как бы подчеркивая высокий умственный уровень говорящего, который отбрасывает все подпорки как не нужную шелуху... Мне этого достаточно. Дух сомнения подтачивает любую твердыню.

Я обвел взглядом разгромленную церковь:

— И все-таки вы это одобряете.

Он поморщился:

— Сэр Ричард, зачем лицемерить? Труп врага хорошо пахнет. А церковь — враг. В любой армии, как вы знаете, есть рыцари, есть ландскнехты, есть набранное ополчение, а есть и просто примкнувшие пограбить. Все они приносят какую-то пользу... Уверяю вас, да вы и сами понимаете, что мои рыцари с этой церковью поступили бы куда гуманнее. А это вот безобразие сотворили любители пограбить, поглумиться, понасиловать. Повторяю, это не мой стиль. Я предпочитаю побеждать, а не убивать.

Я подумал, кивнул.

— Да, убить противника — это не значит победить.

— Я рад, что вы замечаете разницу, сэр Ричард. Это лишний раз говорит о вашей высокой организации. И тем приятнее иметь с вами дело.

Он остановился, всматриваясь пытливо, не скажу ли, что не желаю иметь с ним никакого дела, но я смолчал. Де-

ло не в том даже, что в моем даже самые что ни есть чистейшие голуби спокойно вступают в переговоры с террористами, убийцами, похитителями, я просто не могу ответить грубо человеку... ну, пусть даже и нечеловеку, если говорит вежливо, с искренним участием. А если принять во внимание, что его слова звучат куда более здраво, чем плакатные и насквозь фальшивые лозунги правозащитника, рвущегося в Думу, то мне совсем трудно нагрубить или оборвать разговор.

— Спасибо, — пробормотал я. — Мне тоже... интересно. Но все-таки, оглядываясь на общественное мнение, я предпочитаю с вами общаться вот так... без лишних глаз.

Он рассмеялся, показывая исключительно белые зубы, безукоризненно ровные, с острыми кромками, шикарные, как у эстрадного певца.

— Я все понимаю. И ни разу не заговорил с вами, когда вы были не один. Разве это не честно?

Я сказал с неловкостью:

— Не знаю. Честность, это когда думаешь сказать одно, а говоришь правду. Да что там говоришь — брякаешь! Ладно, это слишком сложный вопрос. Что-то типа вечного: как жить — по правде или по совести?

Он покачал головой, в глазах укоризна. На этот раз у него темно-карие глаза такого теплого оттенка, располагающие к задушевности, открытости, общению.

— Дорогой Ричард, вы же сами понимаете, что для нормального человека мешок денег предпочтительнее, чем два мешка совести. И вообще совесть — хорошая штука, когда она у других. Мы ведь реалисты, верно?

— Верно, — согласился я.

— А сами бы вы решились изменить мир?

— Конечно, — ответил я, не задумываясь. — Но Бог не дает мне исходники!

— А без разрешения Бога?

— В смысле мы наш, мы новый мир построим, кто был

ничем, тот станет всем?.. Хотелось бы, но слишком часто видел, как обламывались...

Он сказал с некоторой настойчивостью:

— Но кто не идет вперед, тот идет назад: стоячего положения нет.

— Верно, — согласился я, — но Церковь тоже идет. Только намного медленнее...

— Вот видите! А разве не лучше идти быстро?

— Не знаю, — ответил я в сомнении. — Я молод, а это значит, что должен стремиться все делать быстро. Но в моей стране молодые читают и старые книги... А там для доступности на пальцах доказано, что преобразовывать природу проще, чем человека. Если идти быстро, то атомная бомба и крылатые ракеты окажутся в руках обезьян... это такие очень-очень могучие мечи. А обезьяны — это...

— Я знаю, — прервал он, — это меня обвиняют, что я их создал, когда тоже пытался сотворить человека.

— Брехня? — спросил я сочувствуяще.

— Конечно, — ответил он с внутренним напором. — Он и обезьян сотворил, когда подбирался к человеку! Думаете, вот так сразу тяп-ляп и слепил из глины?

— Да нет, — ответил я несколько ошарашенно. — У меня несколько иное представление. Но насчет обезьян верю, Ему нужны были пробные варианты, черновики, рабочие копии...

Он смотрел с интересом, я то и дело отводил взгляд, не люблю чувствовать себя микробом, которого рассматривают в микроскоп, но здесь именно так, оглянулся на чернеющий вход, где конь с жутким скрежетом грыз камень.

— Торопитесь, сэр Ричард?

— Да, пока мои ребята заняты делом, спешу осмотреться.

— Похвальное занятие, а вот местные люди ленятся взгляд оторвать от земли, посмотреть на небо. Вы не такой, вам особенно интересно будет побывать на Юге. Настоятельно рекомендую принять участие в турнире!

Я спросил как можно небрежнее:

— Но Каталаун не на Юге?

— Южнее этих земель, это уже немало. К тому же приедут многие знатные особы с земель, что лежат отсюда к югу. Вы все еще хотите побывать на Юге?

— Да, конечно.

— На турнире вы получите эту возможность, — пообещал он.

Я вскарабкался на Зайчика и пустился обратно шагом. На языке почему-то вертелся вопрос насчет ведьмы из Беркли, но так и не задал. Теперь понимаю почему. Не могу представить, что этот утонченный господин, прекрасно разбирающийся в искусстве, философии, тонко чувствующий нюансы и оттенки чувств, ломился бы в церковь, чтобы утащить в ад нагревшую бабу. И если бы я задал такой вопрос, то не только оскорбил бы сатану, но и, что намного хуже, выставил бы себя полнейшим идиотом.

Но если это не он, то кто тогда тот краснокожий гигант, выломавший дверь и осквернивший церковь нечистым духом? Все в замке единодушно утверждают, что то и был сам дьявол, именно дьявол, не кто иной, как дьявол. И все признаки, собственно, дьявола, как то: серый дух, запах смолы, языки адского огня. Даже я не стал бы спорить. Но все-таки тот дьявол и этот... гм... две большие разницы.

Под стук копыт образ дьявола медленно трансформировался, обретал добавочные штрихи. Теперь это уже не единая особь, как вот я, царь природы и мелкий феодал, а некий организм, чем-то похожий на муравейник, ибо муравей — не отдельная особь, как думают некоторые, а часть единого организма муравейника. У муравьев даже желудок один на всех, в одиночестве муравей умирает от голода, он не в состоянии сам переваривать пищу. Так и дьявол существует во множестве тел, самых разных. Как у муравьев, где есть крупные и широкоголовые солдаты, мелкие суетливые няньки, крупнолапые строители, быстроногие фуражиры, смотрители за подземными гидро-

понными садами, никогда не видящие света, охотники и множество других классов, так и дьявол может появляться в образе хоть пьяного моряка, хоть принца, хоть пожилой или молодой женщины.

У муравьев один разум на всех, а сами по себе муравьи очень простенькие и глупые насекомые, но как муравейник — они превосходят даже умнейших млекопитающих. Во всяком случае, никто, кроме муравьев, не додумался до развитой системы земледелия, до селекционной работы с растениями и животными, до сложнейших гидропонных огородов с богатейшим содержанием белка, так и дьявол, обретаясь во множестве тел, приобретает их опыт и благодаря смене этих оболочек практически бессмертен — накапливает знания, опыт, умеет планировать и предвидеть события с потрясающей точностью.

Это страшновато, но, разложив все по полочкам, объяснив с позиций моих превосходящих знаний, сразу ощутил себя лучше, бодрее, увереннее. И только одно портило общую картину: я не в классическом Средневековье, в котором все знал бы наперед, а в Средневековье, что развилось на развалинах некогда могучей и даже сверхмогучей технологической цивилизации. И та сверхмощь, которой владели люди, в руках одичавших полузверей на дымящихся развалинах трансформировалась в магию и черт знает что еще, все знания потеряны, катастрофы и катаклизмы так часто перетряхивали мир, что уже и не угадать, каких высот тогда достигли, побывали на звездах или нет, раскрыли тайну бессмертия или не успели. Одно ясно: успели овладеть энергиями, перед которыми атомная бомба что спичка перед атомной бомбой, ибо человеку в первую очередь надо именно ощущение силы, монстра.

Если гоблинов, троллей и прочих эльфов могу объяснить последствиями радиации, то как появились призраки, Санегерийя, да и тот же дьявол? Или это в самом деле было изначально, а теперь вошло в наш мир?

Глава 9

Пес несся впереди громадными прыжками, веселый и беспечный, однако в какой-то момент прямо в прыжке превратился из беспечного щенка в то ли охотничьего зверя, то ли в сторожевого: грянулся на землю и застыл как изваяние, уставившись в плотную стену леса, мимо которой сейчас поедем.

Я насторожился и сам начал всматриваться, почти в тот же миг в мозгу что-то тенькнуло, смутно различился за толщей ветвей силуэт человека, затаившегося с арбалетом в руках. Зайчик с галопа перешел на осторожный шаг, а я с трудом заставил себя повернуть голову и смотреть на дорогу впереди. Странное ощущение, однако я все еще видел внутренним взором силуэт этого человека! Правда, в черно-белом варианте, словно во сне, цветных снов не бывает, у спящего цветные колбочки в глазу просто не включаются, так вот и сейчас вижу в черно-белом, вернее, сером, как человек привстает, поднимает к плечу арбалет...

Я кулем свалился с седла, едва успев выдернуть ноги из стремян. Над головой вжикнула тяжелая стрела. Я перекатился, вскочил и бросился в сторону кустов, где сидит этот гад, надеясь, что не успеет перезарядить арбалет.

Возможно, успел бы, но струсиł, видя, как я пру в его сторону, топча кусты, как траву. Держа взглядом даже через заросли, я видел, как он вскочил и, не выпуская арбалета, бросился в низину, это даже ближе в мою сторону. Там к дереву привязана лошадь, но я понял, что догнать не успеваю, этот гад добежит до лошади раньше, отцепит повод и вскочит в седло.

Молот вырвался из моей ладони, готовый сокрушать все, что угодно. Но засадник несется, петляя между деревьями, ныряя в кусты, так что я направил молот в дерево, к которому привязана лошадь. Ствол затрясся, лошадь от ужаса дернулась, встала на дыбы, потом резко села на круп и, оборвав повод, в дикой панике понеслась галопом прочь.

Зайчик догнал меня, услышав свист; я, поймав молот,

взобрался в седло и погнался за убегающей сволочью. Тот оглянулся, заслышав конский топот, лицо перекосилось ужасом, бросил арбалет и, быстро-быстро работая ногами, на ходу свернул, перестав гнаться за убегающим конем.

— Стой, сволочь! — прокричал я. — Тебе не уйти!

Он прибавил, бегун из него отличный, несется как заяц. Мой конь настигал длинными неторопливыми прыжками, рядом со мной бежит пес и смотрит на меня вопросительно: хочешь, мол, схвачу? Я заколебался, но струсил, что пес может понять по-своему: догонит и разорвет на части, а потом еще и сожрет, а я из него уже почти вегетарианца сделал.

— Стой, — прогремел я.

Стрелок наддал еще, что казалось невозможным, и тут я увидел, что совсем близко из-за кучки деревьев выдвигается угрюмая скала, вросшая в коричневый мох. На уровне почвы темнеет расщелина, беглец к ней уже близко.

Я торопливо сорвал молот, швырнулся. Беглец набежал на щель, слишком узкую, чтобы исчезнуть в ней с разбега, пришлось упасть и заползать, быстро-быстро двигая руками и ногами, как ящерица. Молот ударил, мне показалось, что бесполезно, но вроде бы донесся крик.

Зайчик остановился перед скалой, я поймал молот, рукоять в крови, спрыгнул. Из темного входа торчит сапог, я выволок тяжелое тело на свет. Человек выл, ухватившись обеими руками за размозженное колено. Нога от колена и ниже болтается на сухожилиях, кости мой молот превратил в мелкую крупку.

— Кто ты? — спросил я.

Он стонал, всхлипывал, лицо почти зеленое, поднял голову, в глазах ужас.

— Я... Теперь тебе не уйти!..

— Ушел же, — ответил я. — А вот ты — нет.

— Все равно...

— Кто ты у Грубера?

— Щас все расскажу, — процидил он, кровь обильно

струилась из раздробленной ноги, стекала по пальцам и капала на землю.

— Давай рассказывай.

— Чтоб ты сдох!

— Не желай другому то, — посоветовал я, — к чему ты так близок.

— Тебя найдут и убьют...

— Вот как? — спросил я с интересом. — Кто же? Те герои, что улепетывают от нас во всю прыть?

Он процидил сквозь зубы:

— Не улепетывают, а торопятся в замок доблестного барона Грубера, где будет бракосочетание с его невестой... Ой, больно!.. ты не знаешь, кого преследуешь! С ними великий волшебник, ему нет равных...

Я посмотрел на него сверху, подумал, за спиной фыркнул Зайчик, а пес сидел на толстой заднице и с интересом рассматривал жертву. Я положил обе ладони на седло, предложил:

— Ты мог бы рассказать все, что мне интересно, а я бы помог тебе.

Он повторил тупо и с ненавистью:

— Сдохни!.. Сдохни!

— Это у тебя что-то личное? — спросил я сомнением. — Что-то не помню твоей рожи. Ну да ладно.

Зайчик принял меня на спину, пес запрыгал вокруг, раздуясь игре. Арбалетчик поднял голову, в глазах проступило недоверие.

— Ты что же... так и бросишь меня здесь?

— А ты что ожидал?

— Но ведь ты...:

Он запнулся, не в состоянии выговорить трудное или слишком бранное слово, я спросил холодновато:

— Кто? Кроме обычного набора: гад, сволочь...

Он выдавил с неимоверным трудом:

— ...паладин?

Я протянул:

— Ах вот ты о чем! Полагаешь, что я должен вот щас

взяться тебя лечить, кормить, а потом еще и одежду с себя снять, чтобы тебе не дуло?

Он смолчал, но, судя по его озадаченной роже, похоже, так и думал. Я повернул коня, отъехал на пару шагов, пес ринулся вперед, а я повернулся в седле и сказал наставительно:

— Как уакнется, понял?.. Не думаю, чтобы ты меня лечил, кормил-поил, всадив стрелу в спину.

Он прокричал в отчаянии:

— Но я же погибну! Ты поступаешь не по-христиански!

— Много ты знаешь о христианстве, — ответил я. — Мой тебе совет: помолись. Молись яро, искренне, неистово! Раскаялся во всех грехах. Поклянись нерушимой клятвой, что отныне и вовеки будешь идти только праведной дорогой. И тогда... тогда у тебя появится шанс, что в последний миг на горизонте покажется карабан купцов или просто одинокий всадник, у которого и запас воды, и еда и который даже лечить умеет.

Он тупо смотрел мне вслед, я понял, что для него показаться, да еще искренне, что для Павки Карчагина поменять комсомольский билет на дисконтную карту для покупки товаров со скидкой в буржуйском «Стокманне».

Ладно, и без ёго рассказов гонятно, что их отряд рядом, если этот сидел в засаде. Я миновал холм, в полукилометре раскинулся небольшой городок, из тех странных средневековых городов, когда все горожане имеют огороды: кто за городской стеной, а кто и в центре города, эти огороды потом становятся центральными площадями, как, к примеру, пустырь на окраине столичного града Франции, где расположился лагерь русских казаков, был назван Елисейскими полями и стал центром Парижа.

Я безбоязненно подъехал к воротам; если Грубер и оставил кого из своих на стреме, то высматривают отряд, а не одиночек, достал серебряную монету. Стражи заметно оживились, смотрят с ожиданием.

— Ребята, — сказал я, — мне надо навестить одну... ну

вы понимаете... тайком. А у меня больно конь приметный. Да и пес за мной увяжется. Постерегите их, хорошо?

Старшой охотно принял монету, заверил радостно:

— Не сумлевайтесь, ваша милость!.. Вы его только привяжите покрепче, а то этот такой черт... Господи, прости грешного!.. что и ворота снесет.

— И собаку привяжу, — ответил я. — Они у меня послушные. А вернусь я быстро.

По улице я пошел, стараясь держаться как можно беспечнее, а спиной чуял их взгляды и почти слышал, как они гадают, к чьей жене это я хожу тайком. Если учесть, что мы продвинулись к Югу еще больше, то таких женщин должно быть немало, плата за цивилизованность.

На перекрестке улиц массивный дом с высоким крыльцом и распахнутой настежь дверью, еще издали я услышал пьяные песни, хриплый хохот, выкрики. К счастью, не постоянный двор, всего лишь таверна, я обошел здание и заглянул в окно. Зал заполнен, и каждый, кто попадал в поле зрения, наверняка из банды. Есть что-то общее в таких людях, что налагает общий отпечаток: все должны стараться выглядеть крутыми, страшными, все кривляются, говорят громко, скалят зубы, раздвигают плечи и выпячивают грудь, от этого зависит место в шайке. Не всех я видел раньше, но столы сдвинуты, пьют, хвастаются, ругаются, хлопают один другого по плечам. Есть общее в членах сплоченной шайки, есть. Их здесь одиннадцать... нет, двенадцать, считая и хозяина, он так и не снял фартука, сидит с ними, и, похоже, не последний там человек, а мирных скотоводов там ни одного.

Сколько я ни присматривался, не видел ни Грубера, ни леди Женевьевы. Предположить, что они ушли в покой, — глупо, здесь не постоянный двор.

Сзади послышались шаги, подбежал молодой слуга.

— Простите, ваша милость, что не успел сразу... вашу лошадь в конюшню или оставить у коновязи?.. Или вы без коня?

В его волосах застряли соломинки, в глазах виноватость.

— Штаны застегни, — посоветовал я. — Вот что, парень, быстро бери любого коня и скаки во весь дух отсюда. Завтра вернешься. Если сделаешь это — останешься жить.

Он вздрогнул, побледнел.

— Что... Что вы хотите?

Я сказал зловеще:

— Значит, и ты хочешь умереть, что смеешь задавать вопросы великому магу Аксолотлю?

Он отступил, лицо у меня сейчас еще то лицо, не лицо, а волчья морда в человечьей личине, бросился к коновязи, там шестеро лошадей, схватил за повод крупного рыжего жеребца, вскочил в седло. Я услышал за спиной дробный стук копыт, но не смотрел, как он вихрем вынесся за ворота, бегом взбежал на крыльце, сердце от возбуждения едва не выпрыгивает из груди, и сразу же швырнул молот прямо в зал.

Они успели только повернуть головы, как туманная молния, в которую превратился молот, ударила хозяина таверны в грудь, я все время помнил, где он сидит, разметал еще троих, вернулся, и я бросил еще раз. Оставшиеся вскочили и, надо отдать должное, сразу же обнажили оружие и бросились на меня.

Я поспешил отступить к дверям, успел швырнуть еще, молот отбросил несколько человек, а оставшихся я встретил уже мечом. Сразу двое отступили, шатаясь и зажимая глубокие раны. В помещении слышались крики, шум, яростная брань, на меня лезли осторвлено, я выхватил меч и рубил, рубил, звенела сталь, вспыхивали злые искры. Внутри запахло гарью, послышался грохот, удары топора по дереву. Я срубил еще одного, в меня метнули табуретку, я встретил ее ударом меча, рассек, однако ножкой саданула в щеку, на губах ощущалось теплое и соленое.

Вдруг сзади послышались торопливые шаги. Я не успел обернуться, напирают последние двое из оставшихся, спину пронзило острой болью. Я ахнул, развернулся, успел

увидеть человека с ножом в руке, он замахивался для второго удара. Я снес ему голову, и тут же второй удар, снова в спину: саданул кто-то из напиравших из таверны.

— Гады... — прорычал я. — В спину...

Торопливо отступил по ступенькам, они выбежали, размахивая оружием, однако только один бросился на меня, размахивая коротким мечом, похожим на поварской нож для разделки рыбы, второй попятился к коновязи.

Голова начала кружиться, я собрался с силами, с трудом отразил удар сверху, быстро чиркнул справа налево на уровне пояса, и бандит вскрикнул, лишившись руки с мечом, а мое лезвие застряло на металлической пряжке пояса.

Из конюшни выскоцил еще один, соломинки в волосах, на ходу застегивает штаны. Я с мечом в руке повернулся к тому, что спешно отвязывает коня у коновязи, не догнать, я повернулся к дверному проему, требовательно раскрыл ладонь и мысленно велел молоту быть здесь: Он на пороге сиротливо смотрел рукоятью вверх, и тут подпрыгнул, серой молнией метнулся ко мне, я ощутил удар по ладони, тут же повернулся и швырнул в убегающего гада. Молот снес с седла, как будто тряпичную куклу. Я выставил ладонь, рукоятка хлестнула с такой силой, что едва не внесло вовнутрь.

Тот, что с расстегнутыми штанами, вспрыгнул на уже отвязанного коня и галопом направил к воротам. Я из последних сил бросил молот, если этот убежит, сообщит и про второй летающий молот, и вообще приведет подмогу, в воздухе пролопотало деревянным пропеллером рукояти, я ничего не слышал из-за грохота в ушах, только вроде бы ржанула испуганно лошадь, начал проваливаться в небытие, ноги подкосились, я сделал шаг и сел на деревянную колоду, из которой поят коней.

Перед глазами начала смыкаться тьма, замелькали огненные мухи, я прошептал холодеющими губами:

— Я снова здоров... все раны затянулись, зажили...

В ушах зазвенело, писк стал громче, отвратительнее,

ввинтился в уши, как бурав. Очнулся я почти сразу же, во всяком случае, не успел даже свалиться с колоды, только вздрогнул, как пассажир в вагоне метро, что задремал нечаянно и теперь ошалело хлопает глазами: не проехал ли свою остановку?

Перед глазами расплывалось, но от таверны пахнуло знакомым и очень надежным теплом кухни, где много еды. Я кое-как заставил себя собраться, встал. Голова закружилась снова, а когда темнота ушла, а желтые мухи исчезли, я оглянулся, в ушах все еще звенят комары.

Вся колода залита кровью, струйки стекали на землю и образовали лужицу, сейчас коричневую, быстро собирающуюся в комочки. В голове туман, а во всем теле жуткая слабость. Я прошептал:

— Ни фига... Я здоров, силен, а насчет пожрать... тоже здоров... еще как здоров...

В зале таверны стол заставлен едой и питьем, но, хотя терзает голод, я побрезговал брать из чужих тарелок, зашел на кухню, никого, ухватил поджаренный кусок мяса, с жадностью впился зубами.

Набив брюхо, я отыскал мешок и набросал мяса, сыра, хлеба. Мелькнула мысль свистнуть Зайчика, но вдруг не веревку порвет, а ворота развалит?

Стражи на воротах смотрели на мое приближение сперва с любопытством, затем почти с жалостью.

— Ваша милость, вы не у вампирши побывали?

— Да они все вампирши, — ответил я вяло.

— Так-то оно так, — протянул один стражник, — и все бабы ведьмы, но одни просто ведьмы, а другие... другие ведьмее... Из вас ну прямо всю кровь выпили!

— Значит, надо больше вина выпить, — сообщил я бодро. — Счастливой службы!

Я отвязал Зайчика, бросил им еще одну серебряную монету, сеньор должен быть щедрым, сказал Зайчику:

— Все, лапочка, иши дорогу обратно...

Обиженный Бобик посмотрел с таким укором, что я немедленно извинился. Пес повеселел и понесся впереди,

а Зайчик ринулся следом, стараясь догнать и наступить на хвост. Я покачивался в седле, но, когда впереди показался огонек костра, резко замедлил конский бег до нормально-го галопа.

Глава 10

Слезая с коня, еще издали услышал неприятное вжиканье металла по точильному камню. Ревель следит за мясом, чтобы не подгорело, а Клотар и Альдер точат ножи. Брат Кадфаэль, как обычно, сидит в сторонке, погруженный в чтение.

— Все чисто, — сообщил я с горечью. — Впрочем, возможно, я пробежался не в ту сторону. Следы я читать не умею.

— Ничего, — утешил Альдер. — Вот поедим, кони чуть отдохнут, и тогда догоним. У них женщина, она не может столько держаться на коне, сколько могут мужчины!

Я соскочил наземь, присел пару раз, разминая ноги. Голова закружилась, только тут Альдер заметил, что я не такой, каким уезжал, придержал меня под руку, усадил, а Ревель сунул мне большой кусок мяса. Я мгновенно проглотил и посмотрел на него с вопросом. Он подал второй, я проглотил и его. Он начал подавать еще и еще, я сперва глотал, потом пожирал, затем ел, наконец принял сма-ковать, выедать самое нежное, а жилы и твердое мясо бро-сать псу.

Клотар взглянул холодно немигающими глазами, затем взор неожиданно смягчился.

— Раны паладин заживляет, — сказал он неожидан-но, — это в хозяйстве пригаживается, да. А вот рубашки за-лечивать не удается пока?

Я опустил взгляд, брюки в пятнах крови, а рубашка моя, если честно, выглядит так, будто под ней взорвалась граната. Альдер и Ревель помалкивали, я буркнул с нелов-костью:

— Это к брату Кадфаэлю... зашивать рубашки — это уже чудеса. Для мужчины, конечно.

— Мне что-то кажется, — проговорил Клотар, глаза его

не отрывались от моего лица, — кого-то встретить все же удалось...

— Но не Грубера, — ответил я с досадой. — И этой леди там не было. Как и колдуна.

Альтер проговорил медленно:

— Думаю, это к лучшему.

— Теперь я тоже думаю так, — согласился я. — Встретился всего лишь его основной отряд. Человек двадцать...

Альдер ахнул:

— И... что?

Я отмахнулся:

— Все там. Но Грубер где-то в другом месте.

Клотар помалкивал, Альдер вскочил, глаза как блюдца.

— Двадцать? Так их же и было двадцать в отряде!.. Это что же... у Грубера больше не осталось людей?

Клотар буркнул:

— Это сейчас не осталось. А завтра их будет вдвое больше. Пока у него есть деньги, он сможет набирать разное отребье. Кстати, Грубер был с ними весь этот день. Следы не врут! И леди Женевьевы с ними.

Ревель впервые подал голос:

— Отребье тоже не очень пойдет, если узнает, что предыдущих истребил всего один человек.

Я запил съеденное целым кувшином чистой воды из родника, поднялся; в пока что слабое тело толчкамиозвращается сила; я чувствую, как начинают вздуваться мускулы, кровь быстрее двигается по венам, а жилы вздрагивают, требуя нагрузки.

— Тогда по коням! — сказал я. — Пока Грубер не успел набрать большой отряд, нужно догнать гада и обезвредить.

— Что-что? — переспросил Альдер с недоумением.

— Срубить башку, — объяснил более опытный Клотар.

— И насадить на кол, — добавил Ревель, — чтобы другим неповадно было умыкать девственниц.

Брат Кадфаэль только вздохнул и тихо помолился за бедных грешников, ибо жестоки по неведению, ведь и дети обрывают стрекозкам крылышки, чтобы те не летали по

воздуху, откуда можно упасть, а бегали по земле, так много лучше...

— Догнать и обезвредить, — повторил Альдер понравившуюся формулу. — Что ж, догоним и... обезвредим! Хорошо обезвредим.

Солнце перешло на западную половину неба, но лучи обжигают лицо с прежней мощью. От разогретого конского тела поднимается животный жар, я наконец согрелся, выпрямился, вбираю мир раскрытыми очами и посматриваю за вырвавшимся вперед Клотаром и псом. Вообще-то Клотар понимает, что в своей страсти постоянно доказывать всем, что он лучший следопыт, рискует первым получить стрелу из засады, но все-таки не может отказаться от жажды быть первым, доказывать свое превосходство. С другой стороны, как иначе стал бы первым воином Маркварда?

Конечно, умный стрелок пропустит его и дождется, когда на расстоянии вытянутой руки проеду я, но где эти умные, мы сами умные только временами, а что уж говорить про других, сплошные идиоты, я бы таких догонял и обезвреживал еще в утробе.

После получаса скачки кони заметно устали, пришлось перевести на шаг, теперь все ехали тесной кучкой. И все одновременно увидели, что по дороге нам наперерез несутся четверо всадников, во главе рыцарь в полных доспехах, на кончике длинного копья трепещет флагшток, а за ним на легких конях двое слуг и оруженосец. Рыцарь мчится на огромном белом жеребце, красивый и сверкающий в дорогих доспехах, с пышным плумажем на шлеме, копье выставлено острием вперед. Я поспешил остановил коня, взялся за молот. Рыцарь шагах в десяти от меня резко натянул повод. Конь заржал и остановился, поднявшись на дыбы.

Мои соратники оружия не достают, в этом мире рыцарь сражается с рыцарем, поглядывают на меня, щас я себя покажу, я стиснул челюсти: что за мир, где шагу не сту-

пить, чтобы не податься, мне бы на диване с книжкой, а приходится то и дело выдвигать нижнюю челюсть, скоро вывихну, постоянно смотреть барабанным взглядом турнирного бойца и картино хвататься за рукоять меча, да еще и лютно скрежетать зубами, изображая безумную ярость.

Всадник злобно смотрел на меня сквозь прорезь шлема, глаза сверкают, как слюда. Я повесил молот, обнажил меч и молча ждал.

— Барон фон Геккерен, — провозгласил всадник громогласно, — победитель турнира в Лозанне, обвиняет так называемого сэра Ричарда в трусости и низком коварстве и вызывает его на смертный бой!

— Ого, — сказал я. — И в трусости, и в низком коварстве... Понятно, что такого гада только на смертный бой. Однако позвольте осведомиться, вы кем мне доводитесь? Что-то я не припомню никакого барона Геккерена... впрочем, что-то вертится, виноват... У вас нет приемного сына по имени Дантес?.. Впрочем, это неважно. Напомните, где наши дорожки пересеклись?

Всадник вскинул мощную длань и угрожающе потряс копьем над головой. Копье выглядит как мачта линейного крейсера, а рука толщиной с мое бедро.

— Вы грязно и подло оскорбили моего сюзерена, — объявил он с жаром, — графа де ля Ферта! А вот я, его вассал...

— Понятно, — прервал я. — Уже один придурок являлся с тем же самым, но ушел... битым. Если уцелеете, передайте графу, что больше я не буду лупить его лакеев, а приду прямо за его шкурой.

Всадник проревел оскорбленно:

— Меня никто не посыпал! Я сам, это долг вассала...

Я прервал снова:

— Пусть граф позаботится, чтобы вассалы остыли. Иначе придется отвечать не вассалам, кто знает, сколько вас, а лично графу. И тогда я его вобью в землю по ноздри. И не выпущу. А теперь даю тебе возможность, храбрый рыцарь, вернуться обратно. И передать все графу.

Он прокричал звучно, похоже, вообще не умеет говорить ровным голосом:

— Нет, сражайся, трус!

Я вздохнул:

— Хорошо. Можешь с копьем, с мечом. Булавой или любым другим оружием. Начинай, а то мы торопимся.

Он наклонил голову, я думал, что сейчас пришпорит коня, однако он проревел в прорезь шлема:

— У тебя зачарованный меч!

— А ты против? — спросил я.

— Ты трус! — прокричал он бешено. — Ты трус, спрятавшийся за могуществом волшебного оружия!.. Это не ты силен, это твое оружие делает тебя непобедимым бойцом!

Я пошевелил мечом.

— Это волшебный меч?

— Да! — прокричал он во весь голос. — Ты не воин, ты не мужчина!.. Ты никогда не смог бы побить меня в честном бою!

Я оглянулся. Клотар, Альдер и Ревель слушают с не-проницаемыми лицами, брат Кадфаэль сложил ладони ковшком и молится.

— Вообще-то одного я уже побил и голыми руками, — напомнил я, — ты что, тоже хочешь на кулаках?

Он гордо выпрямился.

— На кулаках дерутся простолюдины, монахи боятся дубинами, а благородные рыцари выбирают копья и мечи!

— Копья у меня нет, — указал я. — Короче, ты утверждаешь, что, будь в моих руках простой меч, я бы тебя не побил?

— Да! — крикнул он. — Я сильнее всех!

Я снова покосился на окружавших нас мужчин. Рука Альдера уже легла на рукоять своего меча, словно собирается выдернуть и бросить мне рукоятью вперед. Я повернулся к барону фон Геккерену.

— Сильнее?.. Впрочем, вполне возможно. Я же не спорю, что бык или слон сильнее даже сильнейшего из рыцарей... Наверное, ждешь, что сейчас брошу на землю свой

волшебный меч, отстегну пояс с молотом и сойдемся в рубке на простых мечах?

Он крикнул во весь голос, приподнимаясь и выпячивая грудь, как петух перед утренним «кукаре��у»:

— Да! Если ты не трус, конечно.

— Я не трус, — согласился я. — Но и не дурак.

Молот вылетел из моей ладони, как вырвавшийся на свободу воробей. Пара хлопков рукоятью по воздуху, страшный звон железа: барона выбросило из седла на десяток шагов, сплющило грудь так, что передняя и задняя пластины панциря соприкоснулись.

Я поймал летящий обратно молот и, не глядя, повесил на пояс.

— Поехали, — распорядился я. — Если будем останавливаться для каждого поединка и показывать чудеса владения холодным оружием, то никогда в этом драчливом мире не доедем до места. К тому же здесь баб нет, чтобы восторгались и бросали в воздух чепчики. Или хотя бы связанной красотки, что будет смотреть на схватку выпущенными глазами и мычать завязанным ртом.

Альдер наклонился к расплесканному трупу, сорвал с груди амулет и подал мне.

— Это его родовой знак. Можете отдать при желании его родне.

Ревель сказал с сожалением:

— Но граф де ля Ферт так и не узнает...

Клотар неожиданно расхохотался громко и раскатисто. Я никогда еще не видел, чтобы он смеялся вот так освобожденно, без привычной угрюмой зажатости.

— Узнает! Мы расскажем всем встречным. Граф сам будет бегать по вассалам и уговаривать, чтобы ради всего святого не становились вам поперек дороги.

Пес с рычанием бросался в кусты, я строго прикрикнул, хватит дурью маяться, пора заканчивать одно неприятное дело. Навстречу задул свежий взбадривающий ветерок, на песке ясно и четко отпечатываются следы трех ко-

ней. Я уже и без Клотара видел, какой конь принадлежит Груберу, какой одному из его банды, а на каком скакет леди Женевьевы.

Зайчик идет ровным скоком, пес бежит рядом и посматривает на меня с обидой, разок даже гавкнул, я наклонился и на скаку провел рукой по его спине.

— Все хорошо, Бобик, я тебя люблю... Вот закончим одну ерунду, вот тогда и поваляем дурака...

Клотар, несмотря на мои предостережения, вырвался далеко вперед, рассматривал следы. Дождался нас, вид не просто обескураженный, а растерянный, впервые вижу его виноватым.

— Ложный след, — сказал он потрясенно. — Как это я не заметил сразу?.. Пес же недаром хотел, чтобы мы свернули! К Груберу, выходит, присоединился колдун. Теперь они втроем: Грубер, колдун и леди Женевьевы.

Альдер спросил с тревогой в голосе:

— Леди Женевьевы точно с ними?

Клотар огрызнулся:

— Я что, не могу отличить копыта коня Грубера, что оставляют отпечатки размером с тарелки, от крохотных следов ее лошадки?.. Они почти не оставляют оттисков, сразу видно, что в седле ребенок или женщина без всяких железных доспехов, мечей, булав... Но моя оплошность в том, что колдун сумел пустить в прежнем направлении фантомов, а сами тайком свернули. Я поздно разобрал, что следы идут слишком уж ровно, все-таки кони выбирают дорогу, а здесь прямо через кусты, ямы и кочки... Думаю, они ушли в сторону всего две-три мили тому. Там удобное песчаное место, следы видно отчетливо, вот мы и помчались, а они свои тихонько замели ветками... Или ветер пустил, чтобы все скрыть...

Он не смотрел мне в глаза, вообще непривычно его видеть не в своей тарелке, мне тоже неловко что-то сказать, у нас с Клотаром особые отношения, как говорят в таких случаях, оба предельно вежливы, как всякие смертельные враги. Разрядил обстановку Альдер, он хлопнул себя по

колену и разразился громкой бранью. Но потом сказал трезво:

— Колдун любого мог обмануть, не терзайся. Только почему мы пса не послушались, ума не приложу? Точно, колдун виноват.

— Мы все время шли по следам, — сказал Ревель, — которые находил ты. И всегда находил сразу.

Все смотрели на меня, я взглянул на небо. Солнце склоняется к закату, уже распухшее, багровое.

— Если успеем вернуться к развилке, — решил я, — то успеем. А завтра с утра постараемся настигнуть гадов!

Клотар, как будто замаливая невольный промах, снова впереди, изображая живую мишень, свешивается с седла на полном скаку до самой земли, срывает верхушки трав,нюхает, чуть ли не жует. Прошли около трех миль обратно, пока не пошел тот же песок, Клотар присмотрелся, велел нам оставаться, а сам унесся зигзагами.

Мы терпеливо ждали, солнце опускается за край, хрю что увидит, но тут он заорал и приглашающе замахал руками. Мы пустили коней в галоп, вскоре увидели отчетливые следы трех коней, что появились на песке как будто ниоткуда.

— Ветками замели, — объяснил Клотар с презрением в голосе и кивнул в сторону. Там зеленеет груда недавно срубленных веток с уже увядирующими листьями. — Простой трюк, я бы никогда не попался, если бы те следы не вели так отчетливо в прежнем направлении...

— Да и торопились мы, — согласился я. — Никто никого не винит. Это хорошо, что так быстро все утряслось. Да-вайте здесь переждем ночь, а завтра попробуем достать мерзавца.

— И покажем, как умыкать честных девушек, — про-рычал Альдер.

— А колдун у них не так уж и силен, — предположил Ревель.

— Почему так думаешь?

— Мог бы след замести колдовством!

Альдер фыркнул:

— Как раз могучие до такой ерунды не опускаются.

Я промолчал, но, похоже, Альдер прав. Короли не подметают даже в своей спальне.

Брат Кадфаэль подъехал как всегда последним, мул его держится молодцом: уступает в скорости, но превосходит по выносливости. Клотар указал на одинокую древнюю скалу поблизости, что вырастает прямо из песка, по ту сторону скалы вольно раскинулся ветви старый добрый дуб, а опыт подсказывает, что в таких местах обычно к поверхности пробиваются подземные воды.

Пока мы спешно собирали вокруг дуба сухие сучья для костра, Кадфаэль так же торопливо, пока не настала кромешная темень, ставил защитное кольцо, через которое не пролезет нечисть и нежить, но, к сожалению, без помех пройдут реальные гады, начиная от стаи волков и заканчивая великим множеством измененного мутациями народа, которых мы по признакам делим на троллей, гоблинов, гномов и прочих нелюдей. Хорошо бы в этот класс занести еще общечеловеков, гомосексов и прочих демократов.

Я смотрел, как наш небольшой отряд расседливает коней, Ревель сразу спутывал передние ноги, чтобы конь мог только чуть передвигаться, прыгая обеими ногами, Альдер вытирал мокрые бока и брюхо пучками листьев. Ревель, быстрый, как муравей, тут же разжег огонь из тех сухих былинок, что нашел на поляне, Альдер и Клотар торопливо вывалили рядом великанские охапки. Костер развели так, по настоянию брата Кадфаэля, чтобы высоким пламенем не повредить ветви. Дуб дает нам защиту, нужно и ему отвечать благодарностью. Поскреби христианина, мелькнуло у меня, увидишь язычника.

Клотар, подражая настоящим рыцарям, разделал оленя по всем правилам, сложная наука, зато сразу видно, какую часть жрут знатные люди, какую — менее знатные, какую — простолюдины, а что нужно бросить собакам. В данном случае — Бобику, что так и смотрит, кто бы ему бросил

хотя бы кость. Не потому что голоден, это повышение статуса: питаться из одной миски с богами.

Я сел у костра, наслаждаясь теплом, от огня хорошо пахнет жареным мясом, древесной смолой. Между деревьями сгущаются тени, начинают выползать на поляну, но верхушки деревьев еще забрызганы кровью заката, что становится темно-багровым, а в сгущающихся сумерках костер выглядит все ярче и ярче.

Альдер и Ревель сняли шлемы, перчатки, а Клотар стащил и нагрудный панцирь, освободившись от него, как молодой рак от старой скорлупы. Красное обветренное лицо задумчиво. Кадфаэль сел рядом, сказал довольно:

— Ночь будет теплой.

— Откуда знаешь?

— Лес, — ответил Кадфаэль лаконично.

Клотар фыркнул, вскинул голову, и, словно в подтверждение его несогласия, по верхушкам деревьев пронесся ветерок. Там зашумело, треснуло, вниз понеслось что-то большое, стукаясь о ветки, сшибая листья. Рухнуло в темноте, я оглянулся, по спине пробежали мурашки. Так же точно уютная комната в моем детстве с наступлением вечера превращалась в огромную таинственную пещеру, опасную и враждебную, заполненную странными вещами, которых днем не было.

Так и этот лес, что просматривался на сотни шагов, сейчас стоит сплошной стеной тьмы за чертой желтого круга света от пламени костра.

— Это вроде бы нормальный лес, — произнес я, — так, Альдер?

Он кивнул, сказал мужественным голосом:

— Да, Тьма его еще не захватила. Однако, сэр Ричард, этот лес на грани.

Я насторожился.

— Что это значит?

— Днем, когда солнце светит, лес принадлежит Свету. А ночью, увы, Тьме.

Я помолчал, преодолевая тягостное чувство, мне нельзя выказывать панику, ответил как можно более небрежно:

— Но пока мы из Света, лес этот принадлежит нам.

Альдер, закончив ужин, деловито натянул на голое тело свитер, надел кольчугу, влез в панцирь. Я думал, что хотя бы не станет нацеплять стальные пластинки на руки и ноги, но Альдер себя не пожалел, облачился с головы до ног, даже шлем нахлобучил на голову, только что забрало не опустил.

— Два часа, — предупредил он. — Потом ты, Ревель.

— Ладно, — ответил Ревель вяло. — Если ты такой безжалостный, что станешь будить старого измученного человека, что не может оторвать отяжелевший живот от земли...

— Стану, — ответил Альдер злорадно. — С великим удовольствием.

— Ну да, я знал, что милосердия в твоем сердце ни капли... Только пинай меня, как ты обычно делаешь, крепче. Ведь я, и замученный дорогой и погрузившись в молитвы, могу и не услышать...

— Я от тебя еще ни разу не слышал молитв, — буркнул Альдер.

— А я шепчу их сердцем, — возразил Ревель. — Все мои молитвы — в сердце. Его просто распирает от благочестия.

— Но вырваться ты ему не даешь, — сказал Альдер. — Очень благоразумно для тебя.

Он отступил в темноту, прислонился спиной к толстому дереву, чтобы никто не подкрался сзади, и, воткнув длинный меч в землю, опер на него обе руки и подготовился бдить.

Мы укладывались на ночь, однако Ревель и Клотар все оглядывались по сторонам и пугливо жались к огню. Я сам чувствовал некую напряженность в воздухе. Возможно, кто-то к нам приближается, мои человеческие чувства еще ничего не уловили, в отличие от дочеловеческих, что-то доставшееся от обезьян, ящеров или амеб, что за неделю чуют зарождение грозы.

Я лег, попытался успокоиться, но чувство тревоги росло, крепло. Альдер уже склонил голову, опираясь на меч, вот-вот заснет. Я поднялся на ноги, поколебался, но тоже начал надевать доспехи. Альдер быстро вскинул голову, в глазах полная ясность.

— Тревога, сеньор?

— Что-то приближается, — ответил я нехотя. — Может быть, ерунда какая...

Ревель вскочил, ухватился за доспехи.

— Кто знает. Вы паладин, а это значит, что вас Господь предостерегает в первую очередь.

— Господь может и пощутить, — пробормотал я.

Через несколько минут мы все уже были в доспехах, с мечами в руками. Разбудили даже Кадфаэля, он в самом деле крепко спал, прислушивались, затем наши уши уловили шорох множества подкрадывающихся лап. Но еще раньше в ноздри ударил запах множества крупных зверей с грязной свалявшейся шерстью. Я почти увидел их черные тела, подбирающиеся все ближе и ближе, в страхе провелил оружие, вытащил меч, потом спохватился и снял с пояса молот.

Глава 11

Альдер смотрел непонимающе, я метнул в темноту, через несколько секунд молот звучно шлепнулся рукоятью по ладони. Я метнул снова, на этот раз там, в темноте, послышались возня, рычание, частое дыхание множества зверей. Третий раз я метнул в ту сторону, почти увидел, как молот разметал темные тела, и тут раздался страшный вой со всех сторон.

— Сражайтесь! — прокричал я. Пес стоит рядом; шерсть на загривке встала дыбом, рычит, обнажая клыки. Я крикнул ему: — От меня не уходить!.. За добычей не гоняться... А теперь — можно!!!

Я поймал молот и успел повесить на пояс, из-за деревьев на освещенное пространство выметнулись крупные звери, размером с овчарок, с блестящей чешуей на спине.

Мой меч рассек одного зверя, другого, третьего, по всей поляне сверкало железо, слышался лязг, удары, пыхтение, Альдер ругался, Кадфаэль призывал Деву Марию, а Бобик и Клотар сражались молча.

Костер горел за нашими спинами. Мы стояли кольцом, не давая ни одной твари заскочить сбоку, пусть лезут через пламя, если решатся. Рядом со мной бешено взмахивал мечом Клотар, он умело прикрывался щитом от одних зверей, в то время как рубил других, так же точно рубили и все остальные, только я пренебрег щитом, потому что легкий и безумно острый меч Арианта рассекает любую тушу, как будто те из мокрого картона. Да и вместо щита слева мой Бобик, яростно отражает нападения зверей, одновременно защищая Кадфаэля, этот все громче и громче читает молитвенник.

Раненые звери отползали с жалобным воем, убитые еще долго дергались, мы их отшвыривали пинками, чтобы не пробрались в корчах к костру и не загасили телами.

Теперь я видел в темноте множество красных глаз, исполненных дикой злобы. И сколько мы ни рубили, этих красных глаз не становилось меньше, словно мы нечаянно оказались на пути миграции этих чудовищных леммингов.

Упал, поскользнувшись, Ревель и долго ворочался, прежде чем сумел подняться. На нем повисло не меньше пяти тварей, он с ревом срывал их, выронив меч, голыми руками отшвыривал, Клотар сделал торопливый шаг в его сторону и острием меча срубил зверя, запрыгнувшего Ревелю на спину, однако в это время на него самого бросились сразу четверо, один повис на руке со щитом, пригibaя его к земле, остальные вцепились в грудь, в живот.

Альдер ухитрился, размахивая мечом, пинком отпра- вить в костер вязанку хвороста, пламя поднялось выше и осветило ближайшие деревья, однако твари не испугались огня, их на поляне уже сотни. Более того, все видели нас отчетливо и все стремились в нашу сторону.

Упал Альдер и дрался с ними, перскатываясь с бок, давил их тяжелым, закованым в панцирь телом, од-

нако поножи уже сорваны, острые зубы сумели прорвать даже кольчугу, в двух-трех местах течет кровь.

Я рубил мечом во все стороны, всякий раз рассекая плотные тела, как пустые коробки из-под обуви, острые зубы то и дело впивались в ноги, руки, но я рубил, а раны тем временем заживали, однако меч становился все тяжелее, а в голове шумело от слабости и потери крови.

На ногах помимо меня оставался только Клотар. Он посмотрел в мою сторону, в прорезе шлема блеснули залитые потом глаза, я услышал хриплый вскрик:

— Прощайте, сэр Ричард! Не довелось...

Я ответить не успел, на меня бросились сразу с десяток тварей, я широко размахнулся и успел встретить их в воздухе. Рядом дерется пес, изредка взвигивает, морда в крови, шерсть блестит и слиплась, кажется залитой маслом. Мои руки одеревенели и налились свинцом, однако лезвие прорезает воздух и темные тела почти с одинаковой легкостью. Ревель сражается, весь облепленный зверем, похожий на кучу гнилого сена, ревет и рычит, бьет кулаками в стальных рукавицах. Я задыхался, хрипел, ноги подгибаются...

Со стороны поля показался свет. Он нарастил, будто некто скачет к нам, держа в руках факел... Нет, свет слишком белый, это не факел, а звери, словно почувяв неладное, завыли громче, кто-то бросался на копошащиеся фигуры с новой яростью, спеша добить врага, другие же поджимали хвосты и вскидывали морды к темному небу.

Свет стал ярче, я услышал топот копыт. На поляну ворвался скачущий на мule человек в темной монашеской робе, во вскинутой руке сыпет огнем толстая книга.

Звери завыли, попятились, но мало кто успел выскользнуть из нового круга света, а остальные на моих глазах припадали к земле, расплывались темными лужами и начинали впитываться в землю. С мула слез священник, сказал громко:

— Ad gloriam!

— Да, — прохрипел я с чувством, — во славу... Лаудетор Езус Кристос! Патер, как вы вовремя...

— *Audaces fortuna juvat*, — ответил он, что значит «смелым и судьба помогает», склонился над ближайшей рас-простертой фигурой, это оказался Клотар, а я торопливо возложил руки на Альдера. Голова закружилась, я ощутил тошноту и слабость. Пошатываясь, поднялся и двинулся к Ревелю. Священник вскинул голову и сказал деловито:

— Паладин?.. Не нужно, вам силы пригодятся.

— Но он ранен, — прохрипел я.

— Сейчас я его осмотрю, — ответил он и, подняв голову, оглядел побоище. — Вы правильно поспешили к самому раненному, остальные уже вне опасности. — Он возложил руки на Ревеля, даже я с пяти метров увидел, как бледное, залитое кровью лицо сразу порозовело, кровь засохла исыпалась коричневой пылью.

Он перешел к Кадфаэлю, дивный радостный свет охватил всю поляну. Я видел все-все до мельчайших подробностей, мог разглядеть узор на крыльях ночной бабочки, что сидит от меня на краю видимости на ветке дерева. Постанывая, Кадфаэль, Альдер, Ревель приподнимались, принимали сидячее положение, а Клотар ухитрился встать и осматривался ошалело.

Я осмотрел Бобика, цел, но весь в чужой крови. Пес лизнул меня в щеку и тут же побежал валяться в траве, очищая шерсть. Увидев незнакомца в монашеской рясе, Клотар вскрикнул:

— Святой отец! Это вы их... в кучу дерьма?

Священник сказал строго:

— Сын мой, не богохульствуй.

— Но как вы вовремя!

— Мне было видение, — ответил монах кратко. — Я поспешил оставить постоянный двор и поспешить в ночь.

Альдер с сочувствием покачал головой.

— Да, это подвиг... С мягкой постели, от лакомых служанок, отказавшись от завтрака...

Он осекся, ощущив, что такие шуточки сейчас чересчур,

развел руками и присел возле Ревеля. Тот смотрел по сторонам непонимающе. Потом поймал взглядом меня.

— Ваша милость?.. Мы отбились?

Я указал на священника:

— Только благодаря святому отцу. Простите, падре, мы вам обязаны жизнью. И, возможно, душами, я чувствовал, как эти твари стараются завладеть мною целиком...

Он со вздохом убрал руки от Ревеля. Взгляд его был ясен, хотя лицо оставалось изможденным, худым до крайности.

— Да, — ответил он ровным голосом. — Во взглядах на этих тварей пока что нет единства, но большинство отцов Церкви полагают, что это не просто звери. Они созданы дьяволом, что доказывает, как они... исчезли.

Клотар кивнул.

— Да, простые волки попросту бы убежали. На них святость не действует. Спасибо вам, отче!

Он покачал головой:

— Благодарите Господа. Ничто не делается вне Его воли. Я побуду с вами до утра. А потом я отправлюсь дальше, а вы — по своим делам.

Ревель нерешительно поворошил угли в костре, оглянулся в сторону выручных мешков.

— Это надо отпраздновать! Да и поесть после такого не мешало бы. Как вы насчет глотка вина, отче?

Я не успел вмешаться, священник покачал головой, ничуть не гневаясь на неразумное дитятко.

— Ложитесь спать. Все. Я сам побуду на страже.

— Но... — засомневался я. — Вы скакали всю ночь.

— Господь дает мне силы, — ответил он просто. — А вам завтра они понадобятся все без остатка.

Глаза его смотрели прямо и строго. Я ощутил невольный трепет, это в самом деле человек, который видит намного дальше, к тому же зрит лучше, помялся и сказал с чувством вины:

— Если только... это не особенно вас напрягает... Ну, вы понимаете...

Он не усмехнулся, как я ожидал, ответил кротко:

— Так угодно Господу. Отдыхайте.

Я развел руками.

— Не буду настаивать, отче... хотя очень хочется. Я привык сам определять, кому что делать, но так, оказывается, приятно, когда кто-то берет на себя ответственность!

Он лишь наклонил голову, соглашаясь. Ревель провел лошадей, к нашему удивлению их не тронули. Еще одно доказательство, что нападали не простые звери, а твари Нечистого, направляемые единой волей.

Без споров и протестов мы все улеглись вокруг костра, что горит ровно и жарко, белый плазменный свет чуть померк, но по-прежнему охватывал огромную площадь. Кадфаэль захрапел первым, я попытался прощупать мысленно таинственного священника, но глаза от усталости слипались, я провалился в дрему сразу же после того, как услышал дружный храп моих соратников.

Я еще слышал храп, но уже ощутил близкую опасность, поднял веки и застыл в ужасе. В двух шагах от моего лица огромная жилистая лапа не то гигантского пресмыкающегося, не то исполинской птицы. Ухватилась за край каменного уступа, сухие мышцы напряжены, чешуйки потемнели от зноя и ветров, пальцы держат крепко, цепко.

Стараясь не дышать, я медленно протянул руку к поясу, отцепил молот. Колени трясутся, во рту пересохло, язык царапает нёбо. С трудом поднялся на ватных ногах, сделал шаг в сторону, чтобы увидеть обладателя перевитой сухожилиями длинной лапы и сразу же метнуть в голову или в торс, куда получится.

Пальцы едва не разжались, я всхлипнул от пережитого страха. По ту сторону одинокой скалы прежний, прокаленный ветрами и зноем дуб, ветви все так же раскинуты в стороны, ствол в наплывах и наростах, корни всучиваются на поверхность, одни добывают пищу, другие цепляются за все, что может служить опорой.

Вроде бы и недолго спал, но успела выпасть густая ро-

са, я вздрагивал от сырости. Протер глаза, туман рассеялся, воздух чист и прозрачен настолько, что могу различить бегающих по самому дальнему камню муравьев, но самое удивительное... всего в сотне шагов высится каменная башня! Я вытаращил глаза, вечером никакой башни не было, не мираж ли, сердце забилось чаще, ощутил сразу, что башня обитаема, слишком жилой вид, камни как новенькие, даже виноградные плети, что поднимаются почти до середины, цепляясь за выступы, совсем молоденькие, свежие...

Ревель, что вызвался бдить на рассвете, спит стоя, опершись на копье. Время от времени вздрагивает, просыпаясь, но тяжелый сон не отпускает, голова снова клонится, а тело слегка обвисает, тут же вздрагивает... но от сна освободиться не удается.

Чувствуя неладное, в таком положении просто невозможно спать, да еще вот так, не просыпаясь, я нацепил через плечо широкую перевязь с мечом, тяжесть оружия придала бодрости, хотя против чар, а здесь явно чары, что такой самый острый меч?

Стараясь никого не разбудить, я переступил через спящих и зашагал по сверкающим жемчужинам, что, скатываясь с листьев, сразу намочили сапоги и брюки до колен.

Вблизи башня показалась вырезанной из слоновой кости, хотя я никогда не видел слоновой кости, а только слонов, да еще бивни, обычно серые и неопрятные, но раз уж говорят о слоновой кости с придуханием, то и я с придуханием: не из мрамора, от того должно веять могильным холодом, тем более после такой холодной ночи, а именно из слонячей кости, все-таки кость должна быть теплее...

Обошел вокруг, двери нет, за спиной шелестнуло. Резко обернулся, хватаясь за рукоять меча. В стене появилась щель, повеяло теплом. Я сунул в трещину пальцы, каменная кладка с легкостью сдвинулась, открывая ступени.

— Спасибо, — произнес я. — Еще бы лифт... Ладно, и за то спасибо!

Вдвинулся боком, ступеньки новенькие, идут вверх по

кругу, в стене небольшие окошки, проникает свет, а я, поднимаясь, вижу воочию, насколько же башня все-таки высоченная: сперва я мерз от утренней свежести и сырых до колен от росы штанов, потом согрелся, разогрелся, скоро начну исходить паром и отдуваться...

Ступеньки вывели в единственную комнату на самом верху. Завороженный, рассматривал окна из цветного стекла, как в католическом костеле, строгие лики святых, вместо привычного очага — старинного вида камин, огонь полыхает так, словно там сгорают вековые дубы, но я заметил только пару березовых поленьев.

За спиной раздался тихий звук, я резко повернулся. У стены в резном кресле с высокой спинкой сидит человек в величавой позе императора: откинувшись всем телом, руки на широких подлокотниках, взгляд отеческий. Сам крупный, и хотя седые волосы до плеч, а коричневое от солнца лицо изборождено глубокими морщинами, чувствуется в хозяине башни немалая сила. В том числе и физическая.

Опомнившись, я поклонился.

— Простите великодушно за вторжение. Просто не мог пройти мимо такой дивной красоты и не сказать хозяину о своем восхищении...

— Добро пожаловать, сэр Ричард, — ответил хозяин рокочущим голосом. — Я — Мейнард Землелюб, не часто пускаю к себе людей. Хотите согреться?

Я потряс головой.

— Уже согрелся, пока поднимался.

— Тогда вина?

— Если очень слабого, — ответил я и добавил, извиняясь за непьющесть: — Мой путь еще не закончен.

Между нами мгновенно появился стол и кресло с моей стороны. А на столешнице возник кувшин и два золотых кубка. Я налил из кувшина, отпил, оказалась чистейшая вода, приятная на вкус, очень мягкая и нежная, выпил с удовольствием, взглянул на хозяина за разрешением и налил еще.

Он кивнул, глаза смеялись.

— Я так и думал, вода вам понравится, странный рыцарь.

Я поинтересовался осторожно:

— Откуда вы знаете, что меня зовут Ричардом?

Он развел руками, я понял, что этот титан все еще сможет порвать цепи или вывернуть из стены железный крюк.

— Я маг, как вы уже поняли. А шепнул мне о вас один старинный знакомый... вы его хорошо знаете...

Улыбнулся, взглядом предложил мне высказать догадку, но я, как ни перебирал всех сведущих в магии, никого не смог вспомнить, разве что мою соседку волшебницу...

— Леди Клаудия?.. Рихтер?.. Или Логирд фон Темрунг?

Он засмеялся, показывая желтоватые, но крепкие крупные зубы.

— Нет, это не мой ранг. Берите выше... Тертуллиан.

Я изумился, едва не выронил чашу.

— Тертуллиан? Но он же... христианский святой! А вы...

Он хохотнул с немалым удовольствием.

— А я — маг. Почти что нечистая сила. Для абсолютно большинства церковников я враг уже потому, что занимаюсь магией. Ваша инквизиция сразу же бы меня на костер... Ладно, не сразу, был бы суд, но доказательств, что я маг, слишком много, да я не стал бы отказываться. А вот Тертуллиан — единственный, кто поддерживает со мной связь... и даже, если это не очень сильно сказано, старую дружбу.

Я смотрел расширенными глазами.

— Вы с ним знакомы... с тех лет? Когда он был еще... жив?

Улыбка просто не покидала его лицо, глаза смеялись. Он явно наслаждался моим смятением.

— Не просто с тех пор! А с тех пор, когда он еще не интересовался христианством, а сам был магом. Ну не то чтобы уж в самом деле магом, но кое-что умел. Ведь мы были молоды, боянили, дрались, ходили к непотребным женщинам... Потом наши пути разошлись. Я продолжал совер-

шествовать в магии, а он, увлекаясь всем новым, ухватился за идею создания новой религии.

Я отпил еще, маг приподнял одну бровь, на столе появились блюда с жареным мясом, печеной птицей, рыбой, всевозможными фруктами.

— Да, — признал я, — впечатляюще.

Он кивнул, улыбка покинула его лицо, я только сейчас понял, что глаза у него усталые, и не просто усталые, а как у человека, который устал колотиться в стену, вот-вот признает поражение.

— Сэр Ричард, — спросил он вдруг, — что ведет вас?

Я откинулся на спинку, взглянул в упор. Он рассматривал меня не просто с жадным интересом, а с некой глубоко, очень глубоко упрятанной мольбой.

— Что ведет? — переспросил я. — Не знаю. Звездное небо и нравственный закон, что внутри нас... А чем вызван вопрос, могу спросить? Извините, коли неделикатно, но... если буду знать, чем вызван вопрос, то, возможно, смогу точнее сформулировать...

Он опустил взор, морщины стали резче, а в звучном голосе появились нотки некоторого смущения:

— Тертуллиан связался со мной... посоветовал присмотреться к вам. Нет, о помочи не просил, да я и не стал бы помогать его любимцам, у нас это не принято, просто он сказал, что вы меня заинтересуете... Я спросил чем, а он сказал, что вы, сэр Ричард, еще дальше от Царства Небесного, чем я!

Я смотрел спокойно, он впился в меня горящим взором, я наконец чуть пожал плечами.

— Если вам кажется, что я должен упасть на колени и раскаяться в грехах, то сильно ошибаетесь. К тому же я из страны, где все сплошь атеисты. Это люди, объясняю на пальцах, кто вообще отвергает Бога. И ничего, никто не рыдает.

Он все еще не отрывал от меня испытующего взора.

— Не в этом ли дело?

— В чем? — спросил я.

— Что вы не верите в Бога, однако ему служите?

— Служат собачки, — ответил я.

Он усмехнулся:

— Хороший ответ.

— Какой есть, извините.

— Не за что. Так вот, Тертуллиан обратил мое внимание на то, что вы, отрицая Бога и его Божественный План, тем не менее идете тем же путем.

Я прервал:

— Извините, но мне пришлось спешно удирать из Зорра, когда туда прибыл с инспекцией глава святейшей инквизиции. Так что я не совсем... и не всегда. Скорее, наоборот.

Он ударил кулаком по подлокотнику, глаза засверкали, как два крупных рубина.

— Да! — сказал он громовым голосом. — Да, об этом мы когда-то с Тертуллианом спорили!.. Ведь пути Творца непостижимы. Непостижимы всем, а это значит, что и самим церковникам. Просто однажды собрались отважные и благородные ребята, создали организацию, чтобы вести не отдельные роды, племена или даже народы, а все человечество — к добру, справедливости, праведности: написали устав, придумали правила, все это называли Церковью... и пошло-поехало! А так ли Творец собирался вести человечество... вернее, ведет, этого никто не знает.

Я слушал внимательно, голова кружится от бездн, разверзшихся прямо под ногами.

— Но что-то же делать надо? Церковь права уже потому, что делает хоть что-то. Пусть не совсем правильно, но она... она в самом деле выполняет волю Творца: она ведет!..

Он криво усмехнулся:

— А то, что вас самого чуть ли не бросили в костер?

— Церковь — не Бог, — возразил я. — Как бы ни пыжились, ни уверяли, что они — наместники Бога на земле, — все брехня. Хотя брехня понятная, надо же придать себе вес. Лишь бы сами в это не поверили...

— Но ведь верят!

— Только не Тертуллиан, — сказал я. — Он по-прежнему смотрит так, как смотрел тогда. Разве не доказательство, что поддерживает связь с вами, общается со мной?

Он задумался, по лицу пробежала гримаса недовольства.

— Иногда я думаю, что он хотел бы привести меня в лоно Церкви, чтобы похвастать добычей!

— Вам не стыдно? — спросил я. — Вы же знаете, это был бы уже не Тертуллиан...

Из его мощной груди вырвался тяжелый вздох.

— Знаю. Мне было бы проще, будь его мотивы не такие чистые. Но он в самом деле хочет мне помочь... как умеет.

Я покачал головой.

— Знаете ли... Тертуллиан, а теперь и вы, считает, что я следую путем, указанным Богом, а вот Сатана уверен, что я следую его путем. И, знаете ли, я готов скорее поверить Сатане.

Он умолк на мгновение, взгляд стал острым, буквально буравил меня, словно электрической дрелью.

— Вы... общались?

— Да.

Он помедлил, спросил глухо:

— А какова эта... иная реальность? Простите, сэр Ричард, но категориями, которыми оперирует христианство, вне... как вы понимаете...

Я кивнул:

— Да, конечно, не продолжайте. Я все понимаю. Это как алгебра, ее трудно объяснить тем, кто остановился на арифметике. Категории греха в магии вообще нет, а это едва ли не главное... а может быть, и главное в христианстве. Но даже в простой арифметике, не прибегая к алгебре, есть более высокие уровни, когда оперируют дробными или отрицательными числами... Я не берусь объяснять ни математику, ни основы христианства, я знаю... нет, не просто знаю, я понимаю, что христианство в сравнении с магией — это как высшая математика рядом с арифметикой. Хотя, конечно, как любому человеку, мне тоже нравится

жизнь более легкая и халаявная. Потому жаждется, чтобы магия была, а христианство сгинуло на фиг...

Он смотрел с таким напряжением, что мне стало неловко, ведь я с такой легкостью объясняю сложные вещи, придуманные и сформулированные не мною, а тысячелетней работой лучших умов, начиная от того же Тертуллиана, Фомы Аквинского и заканчивая современными умниками, а ему приходится понимать все это вот так с ходу, да еще выраженное косноязычным языком...

— И почему же вы, — спросил он, — не пошлете, как вы сказали, это христианство...

— Потому что есть радость слаже, — огрызнулся я, — чем жрать и трахаться! Эту радость дает христианство. Правда, оно дает и горечь, и потери, но это потери императоров, а не простолюдинов.

Он подумал, не двигая ни единым мускулом, затем произнес одно-единственное слово, со стола исчезла вся посуда, взамен опустилась очень толстая книга, заняла половину стола, толщиной не меньше, чем чемодан работы Менделеева.

— Здесь, — произнес он другим тоном, — собраны все пророчества... ну... из числа тех, которые удалось собрать в этом королевстве... и как-то привести в порядок.

Я спросил осторожно:

— В каком смысле?

— Соединить куски, — объяснил он, — ведь от многих оставались только обгоревшие клочки... Понятно, что есть знатоки, у которых собрано больше, но надо довольствоватьсь тем, что есть.

Я посмотрел внимательно:

— Довольствоватьсь? Или доверять?

Он хмыкнул:

— Как вам сказать... гениальность от безумия отделяет всего лишь крохотный шаг, это знают все. Так вот в пророчествах как раз и не удается отделить, где гениальность, а где откровенный бред юродивого. И то и другое — запутанно, иносказательно, туманно, все выражается в странных

терминах... И вся гениальность обычно открывается лишь тогда, когда все свершается. Но были случаи, когда интерпретировали верно, и тогда совершались великие деяния. Так, например, благодаря пророчеству Ордуя удалось предотвратить нашествие нежити на восточный берег, отыскать древний храм Сциентистов, где хранилось лекарство против черной чумы, что пришла точно в предсказанный срок... и ушла, не взяв ни одной жертвы! Или случай с Йдаго, когда точно определили, из какого рода избрать короля, чтобы страну не покидало благополучие...

Я смотрел на огромный том в великим сомнении:

— Как я понял, нет верного средства, чтобы отличить подлинное пророчество от ложного?

Он вздохнул:

— Если уж не удается отличить наяву пророка от безумца, то что говорить про их речи? Так как, рискнете простишь о себе?

Я подумал, сдвинул плечами:

— Если бы предсказание было точным, я многое дал бы, чтобы прочесть. Но вот так... нет, не стоит. Я человек слабый, могу пойти по более легкому пути.

Вся его фигура на миг потемнела, даже белоснежные одежды стали темными, почти черными, затем так же быстро заблистиали прежней снежной белизной.

— Это вы слабый? Я даже не увидел, кто вы, благородный сэр... по имени Ричард. Это ваше настоящее имя?

Я ответил вопросом на вопрос:

— Не уходим ли мы в сторону?

Он ответил после тяжелой паузы:

— Я просто не знаю, что сказать... Весь мир казался более или менее понятным, кроме закрытого для нас Юга, где, по слухам, империя Тьмы. Но теперь вижу, что есть еще... Вы не с Юга, сэр Ричард, определенно, но вы и не с Севера, я хорошо знаю людей Севера, неистово преданных Церкви, служению Свету... Вы совсем другой. Я даже не могу сказать какой... Как если бы мы с кем-то долго говорили о рыbach, сравнивали размеры, вес, хвосты, плавники,

считали зубы, спорили о чешуе, а тут передо мной положили бы птицу... Одно могу сказать, сэр Ричард...

Он замялся, поглядывая на меня испытующе.

— Ну, — подтолкнул я, — что именно?

— Вы оказались в этом неспокойном месте неслучайно. Я не знаю, повторяю, кто вы и как здесь очутились, но вам нечего предстоит. То ли совершить, то ли сделать выбор, то ли сказать свое слово. Я чувствую страшную опасность... и скажу честно, вы не тот человек, которому я доверил бы решать что-то серьезное.

— Спасибо, — ответил я угрюмо.

— Не за что, уж простите...

— Да нет, в самом деле спасибо, — заверил я. — Честно говоря, я сам предпочел бы ничего не решать, не совершать, не делать выбор. Но беда нашей жизни в том, что если сам не сделаешь выбор, его сделают за тебя.

Он выслушал, кивнул. Лицо оставалось строгим, несколько печальным, но глаза как будто ввалились в глубину черепа еще дальше, поблескивают в глазницах уже и не глаза, а мелкие драгоценные камешки. А может, простые стекляшки, я в них не разбираюсь, не мужское это дело.

— Спасибо, — сказал он. — В самом деле спасибо за беседу.

— Не за что, — ответил я несколько смущенно. — Увы, я ничего умного не сказал.

— Думаете?

— Чувствую, — ответил я. — А вот глупостей наговорил.

Он засмеялся.

— Нет, вы говорили не глупости. А теперь не двигайтесь... с моей стороны неучтиво будет позволить вамозвращаться тем же путем.

Мир дрогнул, на мгновение все предметы сдвинулись, и тут же я ощущал под ногами рыхлый песок, огляделся: все спят, даже Ревель, который вроде бы на страже, спят брат Кадфаэль и священник, за спиной у меня полуразвалив-

шаяся скала и вздыбленные корни дуба, горизонт во все стороны чист под звездным небом, никакой башни нет и в помине.

Глава 12

Остаток ночи промелькнул с такой быстротой, что даже Санегерий не успела побывать в моих объятиях, я услышал голоса, открыл глаза, снова просыпаюсь последним, а все уже у костра, потрескивают сучья и шипят угольки, когда срываются капли с уже багровеющей тушки на вертеле.

Впрочем, я же феодал, белая кость, мне можно. Хотя, с другой стороны, я должен вроде бы личным примером... Или не должен?

Священник встретил меня ясным взором необыкновенно синих глаз, лицо серьезное, худое, с высокими скулами, лицо мыслителя, а те, как известно, в Средневековье находили приют и убежище для мыслительных экспериментов именно в монастырях. А некоторые, вроде Менделея, и не только для мыслительных.

— Я отец Бернардо, — сказал монах кратко. — Мне велено отправиться в земли тибелунгов и возглавить там церковь, оставшуюся от пастыря.

Я поинтересовался:

— А что случилось с тем пастором?

— Умер, — ответил отец Бернардо. Взглянул на меня и добавил: — С него заживо сняли кожу, а потом несколько дней умерщвляли, отнимая кости ног, рук. Наконец сварили в большом котле.

Я содрогнулся:

— Жуткая смерть.

— Мученическая, — ответил священник гордо и, как мне почудилось, с завистью. — Он умер, продолжая воздавать хвалу Господу нашему! И теперь он удостоен вечной жизни...

Я вздохнул, развел руками.

— Надеюсь, отец Бернардо, вы окажетесь покрепче. И дикари разбегутся перед вашим светом, как растаяли эти создания мрака...

Он ответил смиленно:

— Все в руке Господа. Те земли, сэр Ричард, намного опаснее, чем дорога, по которой вы проезжаете. Однако и вам надо быть настороже. Лично вас ждет беда от женщины с зелеными глазами, и еще постараитесь избежнуть, если удастся, соблазна быстрых побед. Это все, что мне открыто. Но это не значит, что в остальном ваш путь чист. Увы, мне открыт лишь самый краешек мироздания...

— Знания открывают мироздание краешек за краешком, — утешил я и, видя как посуворело лицо священника, поспешил добавить: — А любые знания идут от Господа нашего, хотя его Враг и старается доказать, что это он ведет человечество к знаниям, а Церковь всего лишь к слепой вере.

Священник поколебался, глаза его смотрели на меня исподлобья.

— Сэр Ричард, эти вопросы... слишком сложны. Я должен возглавить церковный приход и очистить округ от нечисти, а у вас дело тоже намного проще, чем ломать голову над очень спорным и опасным для христианина утверждением. Давайте же отправимся каждый своим путем, и пусть каждый из нас выполнит то, что ему предназначено, и пройдет через то, что ему уготовано!

Я склонил голову, он осенил ее крестом, затем благословил остальных. В молчании мы смотрели, как он сел на мula и потрусили на Юг.

Набив желудки поплотнее, мы вскочили в седла и двинулись дальше уже по прямой, как ворона летит, но когда впереди показался Гомельск, прекрасный город, я по совету Клотара взял левее, мы обехали этот рассадник развраты, как называл его отец Бернардо. Возможно, он и не ввел бы всех нас в грех, но явно задержал бы на пару дней, а мы и так уже запаздываем.

Правда, пришлось миновать еще Плянск и Горзиц, хотя Альдер и Ревель принялись роптать, однако здесь и я понимал правоту отца Бернарда: эти чистые души, никогда не покидавшие свои патриархальные округа, могут впасть в серьезное искушение. А дьяволу только дай сунуть в щелочку хотя бы пальчик...

Мы ехали еще несколько часов, за это время повеселевший Клотар дважды показал свое искусство во владении копьем, поражая особо крупных монстров, раз десять отгоняли остриями мечей и копий бродячих троллей и небольшие стаи гоблинов, один раз встретили настоящего великана.

На этот раз Альдер возжелал показать свое мастерство — ему почудилось, что Клотар его чуточку затмил, — обнажил меч и выехал навстречу.

Я рассчитывал, что великан уйдет в сторону, добычи от нас никакой, но справиться с нами непросто, но попался очень уж злобный и раздражительный, взревел, вырвал с корнем дерево и попер на нас, размахивая стволом стогней сосны, как дубиной.

— Тихо! — прикрикнул я. — Мы никогда не догоним Грубера, если будем ввязываться во все мелкие драки!

— Но, сэр Ричард, — обиженно запротестовал Ревель. — Не удирать же нам...

— Это называется тактическое отступление, — прервал я, — перегруппировка сил, военная хитрость... да мало ли еще сколько терминов! Но я не это имел в виду.

Ревель заметил с тревогой:

— Но он загораживает единственный проход. Если в объезд, то долго. Да и то придется немного проехать по землям сэра Иордана, а он очень ревниво относится к нарушениям его границ.

От рева великана содрогалась земля. Он занес жуткую дубину и уже был в десятке шагов от нас, когда молот ударили его в середину груди.

Великан содрогнулся, как огромное дерево. Постоял и, не сгибая коленей, обрушился навзничь. Земля вздрогну-

ла, великан остался лежать, раскинув огромные узловатые руки. Дубина выкатилась из раскрытой ладони.

Клотар расплылся в довольной улыбке, а Альдер сказал обиженно:

- Но, сэр Ричард, а честно ли это...
- Отнял у тебя возможность пофанфаронить?
- Нет, вот таким оружием.
- Ну да, — ответил я саркастически, — надо и великану дать такой же, да?

Он подумал, ответил нерешительно:

- Ну, вообще-то это было бы достойно...

Мы окружили великана, рассматривали огромное тело, я сказал Альдеру убеждающе:

- Мы побеждаем честно. Было бы нечестно, я перестал бы быть паладином.

Он подумал, спросил с сомнением:

- А вы уверены, что и сейчас им остается?

- После этого броска?

- Ну да...

- Думаю, скоро будет возможность проверить, — пообещал я.

Кони идут споро, а мул брата Кадфаэля то ли накачал мышцы, то ли брат Кадфаэль добавляет ему сил святой молитвой, но почти не отстает от нас. Разве что когда идем галопом, но, едва переводим коней на рысь или шаг, мул неумолимо сокращает расстояние.

Далеко впереди белеет облачко редкого тумана, стелется над самой землей, но не касается травы, в то же время и не поднимается выше чем до середины высокого дерева.

По-настоящему густой туман я видел всего пару раз в жизни: так здорово смотреть с балкона и смутно различать очертания автомобилей. А соседние дома так и вовсе тонут, исчезают, на их месте только таинственное марево, но вот сейчас, когда струйки тумана впереди поднимаются от земли, сливаются, превращаются в стену, это вовсе не кажется так уж клево. Наверное, и автомобилистам на доро-

гах во время густого тумана тоже не так весело, как мне на балконе верхнего этажа.

Альдер пустил коня рядом, лицо суровое, взгляд устремлен вперед, как у строителя коммунизма.

— А туман-то непростой, — заметил он многозначительно.

— А какой?

— Колдовство, ваша милость!

— Ах так, — сказал яsarкастически, — ну тогда все проще.

Раздражает манера все объяснять колдовством, это снимает с человека обязанность до всего допытываться, а так сказал «колдовство», и все понятно. Как на все вопросы, из которых потом выросла наука, существовали неизменные ответы: «Неисповедимы пути Господа» и «Так Господь задумал».

В одном месте туман стал особенно густым, уплотнился. Почудилось некое движение, а затем оттуда, словно из парной бани, выехали на огромных серых конях три исполнинских рыцаря. Доспехи влажно блестят, длинные копья, что угрожали остриями небу, медленно приняли горизонтальное положение, острия смотрят в нашу сторону, наконечники длинные и острые, как лезвия мечей.

— Стражи Тумана! — вскрикнул Альдер. — Господи, откуда?

Я торопливо нащупал молот. Альдер выхватил меч, за нашими спинами слышатся испуганные проклятия. Я оглянулся, Клотар и Ревель поспешно хватаются за рукояти мечей, лица хмурые, но вроде бы никто не собирается бежать... вот прямо сейчас.

Я приподнялся в стременах и замахал рукой:

— Эй-эй!.. Мы с миром!.. Мы не хотим драться!

Альдер вскричал:

— Ваша милость, это же Стражи...

— И что? — рыкнул я. — Худой мир лучше добродушных... как говорят общечеловеки.

Всадники пустили коней рысью, потом в галоп, на ска-

ку все больше склонялись к конским гривам. Земля загремела под ударами тяжелых копыт. Я стиснул челюсти, молот в ладони беспокойно дергается, глаза наконец выбрали среднего всадника, самый здоровенный, замах, бросок, сердце екнуло в нехорошем предчувствии...

Удар, звон и скрежет, всадника охватило белое пламя, взметнулось к небу с сухим треском и пропало. Я едва успел растопырить пятерню, рукоять впечаталась с силой, швырнул снова, держа взглядом второго. Молот понесся с привычным фырканьем, снова удар, лязг, такое же магниевое пламя, всадник вспыхнул вместе с конем, а в нашу сторону несся последний всадник, ничуть не обескураженный судьбой соратников.

Галоп его был настолько стремителен, я боялся не успеть, едва рукоять шлепнула в ладонь, я швырнул молот почти без размаха. Страж Тумана уже в пяти шагах, другой рукой я вскинул щит и приготовился принять удар ужающего копья.

Молот ударили склонившегося всадника почти в темечко, я напрягся в ожидании столкновения с такой тушей, впереди вспыхнул яркий огонь, почти ослепительный свет, нахлынула короткая волна жара, и тут же все исчезло.

Сквозь меня пронеслось как будто нечто исчезающее, призрачное. Впереди на сырой земле явственно чернеют три широких выжженных пятна. Клотар торопливо обхваил их все, осмотрел, в глазах страх с великим облегчением.

— Я только слышал о них, — признался он. — Да из наших никто не видел, правда! Вот уж не думал, что вот так ни с того ни с сего...

— Как они сгорели? — удивился Альдер. — В такой сырости.

Я смолчал, магний, к примеру, горит и в воде, но все равно это не ответ.

— Ладно, — произнес наконец Клотар, — сгорели, так сгорели. Все равно их доспехи были бы слишком велики для нас.

Но в голосе я уловил сильнейшее сожаление. В конце

концов, доспехи можно привезти и как доказательство победы, потом долго хвастаться, а если и умолчать скромно, то такие трофеи сами за себя скажут все.

Кадфаэль подъехал, бледный и вздрагивающий, ежится от ужасной влажности, можно сказать сырости, под толстой мантией с длинным ворсом из шкуры крупного зверя.

— Брат паладин, — сказал он, — Альдер прав. Никогда еще Всадники Тумана не появлялись в этих краях! И еще кто-то сказал, что вы видели целые стаи драконов... Это правда? Не к добру это! Что-то очень страшное впереди. Когда произойдет, не знаю, но, брат паладин...

В воздухе чувствовался запах гари. Ветер сменил направление, ароматы сменились, но через полчаса мои ноздри снова уловили характерный запах горелого. Вокруг дикая природа, но чувствую близость огромного города, он просто должен быть вот там, за этими холмами, вот сейчас откроется...

Мой конь миновал холм, открылась ровная долина, лежит в углублении, похожем на карьер, где добывали красивый гранит открытым способом. Остатки старинной дороги ведут к этому карьеру, однако новая дорога, которой пользуются сейчас, опасливо свернула и пошла широкой дугой, по краю бывшего котлована.

— Что за город был? — прошептал я.

Альдер взглянул на меня внимательно.

— Откуда ваша милость знает про город?

— Чувствую, — ответил я. — Здесь бы расположил, будь я королем...

Он кивнул.

— Да, место довольно удачное. Но... теперь здесь уже никогда не будет города.

Запах гари остался, хотя непонятно, что может гореть, здешний город исчез тысячи лет тому. Оплавленный камень блестит, когда-то тек даже не как воск под горячим солнцем, а бежал ручьями, легкий, как спирт, лишь вдалеке замедлял бег, из белого превращался в оранжевый, в

красный, багровый, тек медленно, застывая наплывами, как выступившая поверх льда вода.

— Легенда говорит, что чужие маги создали над этим городом второе солнце. Горело недолго, но сожгло не только город, но даже землю, на которой стоял. Сожгли в глубину на длину хорошего броска копья... Не представляю, что здесь было...

Я увидел мысленным взором огромную чашу, раз в сорок больше чаши Лужников, до середины заполненную красной кипящей жидкостью. Нет, даже оранжевой, как кипящее золото. Половина этой расплавленной земли по-просту выгорела, унеслась в атмосферу, остальное постепенно остыло, успокоилось, превратилось в ровную стеклянную гладь, на которую нанесло земли, можно бы снова расти траве, кустарнику, да песчинкам никак не удается зацепиться за абсолютно ровное стекло, ветром уносит снова.

Альдер сказал тяжело:

— Когда Тьма вторглась под бой барабанов, люди как-то сумели дать отпор. Но сейчас все уверены, что Тьма отступила, что у нее свои дела, а на самом деле это у нас проблемы! Это мы враждуем, деремся, строим интриги, подсаживаем друг друга... даже здесь, где Тьма вот рядом, мы думаем больше о том, как подгадить соседу, чем выстроить защиту от Тьмы!

— Защиту, — повторил я многозначительно.

Он хорошо понял, кивнул:

— Да, мы давно уже в глухой обороне. Более того, Тьма применила новую тактику. Раньше двигались войска монстров, затем отдельные группы, что просачивались через бреши, а теперь чаще всего проходят колдуны... хотя не могу даже назвать их колдунами, это все-таки не люди...

Я насторожился:

— Как это?

— Возможно, были когда-то людьми, — поправился Альдер. — Но, возможно, и не были.

Клотар взразил веско:

— Брехня.

— Почему? — спросил Альдер.

— А вот брехня, и все, — объяснил Клотар. — Разве мало моего рыцарского слова?.. Право, я удивлен даже. И оскорблен! Если бы ты, Альдер, был рыцарем, я бы вызвал тебя на поединок. А так ладно, объясню тебе, простому человеку: люди не могут делать то, что делают эти... проникатели. Даже колдуны. Какой бы колдун ни был мерзостью, но он все же человек, не на все пойдет...

Альдер усмехнулся, смолчал, а Ревель, тоже простолюдин, но более близкий к Клотару из-за своего роста и огромной силы, заметил осторожно:

— Знаете, Клотар, вы очень хорошо думаете о людях. Понимаю, это рыцарский взгляд, но люди не все — рыцари.

Клотар сказал с надменностью:

— Вы оба хотите сказать, что все эти черные мессы и прочие сатанинские оргии люди могут придумать сами? И пить кровь младенцев?

Альдер явно чувствовал себя не в своей тарелке, проговорив уже нерешительно:

— Не думаю, что дьяволу пришлось слишком уж много подсказывать...

— Нет, — отрезал Клотар. — На всех сатанинских игрищах и черных мессах дьявол сам руководит всем действом! Без его влияния люди бы опомнились, возмутились, что делают. Потому хватает явиться на сатанинскую мессу хоть одному с чистым сердцем и Господом в душе... ну вон как наш Кадфаэль! Да-да, мы над ним смеемся, он даже не поднимет моего меча, но Кадфаэль может посрамить и прогнать дьявола, а вот мы — нет. Перед такими чистыми душами дьявол отступает, ярясь и богохульствуя в бесилии! А все, устыдившись, падают на колени и просят Господа о прощении.

Они то и дело посматривали в мою сторону, но я сделал вид, что углублен в мысли, достойные только сюзерена... нет, сюзеренов они навидались, а вот паладины для этих

краев — редчайшие птицы, так что лучше мне паладинить, любой промах сойдет.

Я слышал, как Ревель покашлял и сказал осторожно:

— Беда в том, что некоторая правда в этом есть...

Я снова смолчал, а Клотар спросил с искренним негодованием:

— В человеческих жертвоприношениях?

— Увы, да, — ответил он невесело. — Я не маг, это вам бы лучше рассказал Кадфаэль, но я слышал, что адепты некоторых сект научились запасать магические силы в... себе. Запасать, накапливать. А когда поняли, что их можно извлекать с выпускаемой кровью, то некоторые соблазнились...

Я снова смолчал, не зная, что сказать, а когда открыл рот, земля с такой силой задвигалась под ногами, что прикусил язык. Понесся грозный подземный гул. Альдер вскинулся, быстро посмотрел по сторонам. Я видел, как он задержал взгляд на замершей на пригорке ящерице, на суетливых муравьях.

В синем небе страшно полыхнули белые ветвистые молнии. На границе с лесом земля с треском лопнула, обнажив, как спелый арбуз, красные внутренности. Взметнулись струи багрового дыма. Над головой грохнуло, покатилось в разные стороны, но я понял, что эпицентр непонятной бури милях в двух отсюда.

Альдер прокричал:

— Это дело рук могучего мага!

— Муравьи? — крикнул я.

— Да!

Муравьи метались ошалело, не понимая, что случилось, ведь о любом землетрясении они узнают заранее и успевают подготовиться, даже ящерицы, шакалы и собаки чуют наступление подвижек земной коры и бегут из домов, что развалятся, а сейчас все так внезапно...

Мы вскакивали, сжимали в руках оружие. Лес внезапно полег, как высокая трава под порывом сильного ветра, а дальние холмы просели, словно незримая рука гиганта на-

давила на их вершины. Издали катилась полоса огня шириной в сотню шагов, за нею оставалось выжженное пространство. Пламя сперва было белым, затем постепенно сменилось оранжевым, перешло в желтый, а когда прокатилось от нашего костра в десятке шагов, опалив наши лица, огонь стал красным, я заметил в выемках красную кипящую лаву.

Звери, что не успевали убегать или не понимали, вспыхивали яркими факелами и тут же рассыпались невесомым пеплом.

— Это маг, — повторил Альдер потрясенно.

— Зачем? — спросил я.

Он пожал плечами:

— Кто знает. Может быть, палец прищемил.

— У него какое-то горе, — суворо поправил Ревель. — Вот он и вне себя. Большое горе.

Я промолчал. Хорошо, если это какой-нибудь посторонний маг, а если тот, что едет с Грубером?

Глава 13

Сухой стук подков стал неестественно звонким, будто мы галопом несемся по брускатке. Я ощутил, что нервно оглядываюсь. Создалось впечатление, будто нас внимательно рассматривают. Земля под копытами проносится серая, покрытая сухой пылью, над головой такое же серое и чересчур низкое небо, так и хочется пригнуться, чтобы не зацепить раздутые тяжелые тучи.

— Слишком тихо, — крикнул я, голос мой прозвучал оглушающе громко. Я сам сжался, быстро посмотрел по сторонам. — Даже птицы не поют.

— Птицы? — удивился Альдер.

Я снова бросил по сторонам быстрый взгляд. Какие птицы, даже ящериц или жаб нет, вообще пусто и голо. Как будто здесь прошел незримый пожар, истребил, онущий, к тому же вселил ужас на века вперед.

— И муравьев уже нет, — сказал Ревель.

— Ну муравьи, может быть, и есть...

— Нет, — отрезал Ревель уверенно.

Я ощутил раздражение такой уверенностью, спросил ядовито:

— Вы их рассмотрите?

— Здешних всякий рассмотрит, — буркнул он. — Они мышей в одиночку утаскивают, а когда кучей, то и зайца, бывает, в нору тащат.

Я зябко повел плечами, не хотел бы встретиться с такими хищниками, если даже крохотные могут загрызть привязанную корову, начал настороженно оглядываться в поисках муравьиной кучи, чтобы объехать заблаговременно, сказал натянуто бодро:

— Вы хоть не забыли, куда и зачем мы скачем?

— Догнать и обезвредить, — заявил Альдер браво. — По самые ноздри!..

— И освободить девственницу, — добавил Ревель сладенько-ехидным голосом.

Альдер нахмурился и строго посмотрел на своего протеже. Тот глядел поверх его плеча, глаза округлились. Мы все повернули головы так быстро, что моя едва не оторвалась, в груди дыхание сперло, а рука торопливо заметалась между рукоятью молота и выглядывающим из-за плеча набдашником меча.

В нашу сторону летят, медленно взмахивая огромными крыльями, странные птицы зеленого цвета. И не простого зеленого, а, как я рассмотрел с великим изумлением, покрытые зеленой чешуйей. Однако крылья — просто крылья, не птеродактильи, а птички, хотя с нехорошим металлическим блеском. Сразу вспомнилось нечто смутно знакомое с детства. Я придержал коня и посмотрел в сторону ближайшего леска.

Альдер охнул:

— Это все проклятый колдун!

— Добраться до него, — проскрежетал Клотар неприятным голосом. — Грубер без колдуна ничего не стоит...

Я смолчал, Грубер и без колдуна воин на редкость, но когда еще и колдун...

Ревель сказал тревожно:

— Знаете, если колдун послал их прямо к нам, то я даже не знаю... надо прятаться.

— Опасны? — спросил я.

Альдер посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

— Это же рексоиды!

— Ах да, — сказал я, — ну раз это они самые...

Руки торопливо, будто сами по себе, набросили петельку тетивы на выступ, натянули тетиву на противоположный, пальцы выхватили стрелу. Альдер оглядывался, куда бы отступить, я кивнул, и мы разом понеслись к лесу. Птицы как будто только сейчас заметили или же не спешили, уверенные, что никуда не денемся, закричали хриплыми голосами, крылья пошли работать чаще...

— Быстрее! — орал Альдер. — К лесу!

Кони неслись под защиту деревьев, я все еще оторопело оглядывался на птиц, стараясь понять, что же так встревожило всех четверых. Пес носился кругами вокруг Зайчика. Подпрыгивал, что-то объяснял ему. Три птицы понеслись за убегающими, одна же внезапно пошла в пике, нацелившись на меня. Страх прошел по всему телу, хотя птица не выглядит такой уж страшной, я поспешил схватил щит, прикрылся, а другой рукой сжал рукоять меча.

Под ногами напряглись конские мышцы, я не отрывал взгляда от стремительно приближающейся птицы, сейчас я ее приму на щит и рубану...

Конь внезапно сделал рывок в сторону. Я едва удержался в седле, охнул, вся моя защита рухнула, если бы птица вздумала вцепиться мне в шею, ничто бы ей не помешало, однако над головой захлопали крылья, пахнуло нечистым теплом.

Вскинув голову, я проводил ее ошелелым взглядом: выйдя из крутого пика, она набирает высоту... а в земле холодно блестит, вонзившись, как узкий кинжал, длинное

зеленоватое перо! Как раз в том месте, где стоял Зайчик, а в седле сидел я.

От леса донесся призывный крик. Я пустил Зайчика вслед за своими, те уже вломились в кусты и пропали между деревьями. Зайчик прогремел копытами, в мгновение ока оказался перед зеленою стеной, я едва успел зарыться лицом в гриву, над головой просвистели, как лопасти гигантских пропеллеров, сучковатые ветки.

Впереди треск, стук копыт, Зайчик вынес на поляну, которую как многослойным шатром накрывают ветки гигантского дуба. Все четверо сгрудились вокруг ствола, у каждого в руке щит, только брат Кадфаэль с беспокойством смотрит в мою сторону.

— Они что же, — прокричал я, — в самом деле перьями швыряются?

— Ваше счастье, — ответил Альдер, — что птица промахнулась...

Клотар добавил глухо:

— Обычно они бьют точно. По бегущей дичи — с упреждением.

Я потрепал Зайчика по шее.

— Вот он спас. Наверное, ему Бобик рассказал, что надо делать.

Клотар посмотрел на коня оценивающе.

— Похоже, он уже знает их повадки. Или его обучил прежний хозяин.

— Наверное, — согласился я. — Что будем делать?

— Эти сволочи не отвяжутся, — сообщил Альдер. — Они тут всю дичь распугали! А мы для них — горы свежего мяса.

Я осторожно посмотрел вверх, но ветви плотным слоем укрывают на сотню шагов в диаметре. В лесу мертвая тишина.

— Не будут же они нас сторожить?

— А почему нет? — спросил Клотар.

— Ну... в воздухе держаться труднее, чем нам на земле.

— Здесь хорошие восходящие потоки. Будут просто парить.

Я подготовил лук и стрелу, Зайчик уловил движение колена и начал тихонько, хоть и очень неохотно, выдвигаться боком. Мне показалось, что мой всегда неустрашимый конь трусит. Возможно, эти перья-стрелы когда-то уже рассекали его кожу, хотя для этого они должны быть острее меча...

Клотар смотрел хмуро, молчал, Альдер сказал просительно:

— Не рискуйте зря.

— Да я не рисковый, — ответил я. — Как только пойдет в пике... Они как насчет перьев, пока парят?

— Не бросают, — заверил Альдер. — Для этого им надо сильно взмахнуть крыльями.

И еще напрячь какие-то мышцы, добавил я молча, чтобы перо оторвалось и пошло в цель. Ящерица отбрасывает хвост, кузнечик или паук — лапу, так и эти наловчились бросать в цель тяжелые маховые перья из крыльев.

Зеленая шапка закрывает небо, только на краю поляны, где выстроились деревья попроще, голубеет небо, и почти сразу его пересекла черная, если смотреть прямо снизу, растопыренная тень. Еще я успел рассмотреть поджатые к брюху голенастые лапы, похожие на толстые трубы из бамбука, с такими же вздутыми сочленениями, а когти как крюки, чтобы хватать автомобили и бросать под пресс.

Птица сразу же устремилась в мою сторону, я увидел себя как в перекрестье прицела, вернее — бомбометания, невольно тронул коленом Зайчика, и тот с готовностью отпрыгнул. За мной наблюдали встревоженно, я отъехал на другую сторону поляны под плотным покровом ветвей, лук уже наготове, с силой натянул стрелу и, толчком направив Зайчика на открытое место, вскинул лук.

Две птицы, растопырили крылья, кружили на высоте, еще одна промелькнула над вершиной дуба, но так быстро, что я не успел отпустить тетиву.

— Осторожнее! — крикнул Альдер.

Одна из птиц начала снижаться, но очень осторожно, чтобы меня не спугнуть, вообще делает вид, что меня не видит, опускается по широкой спирали, время от времени исчезая то за лесом, то за кроной нашего дуба.

Я задержал дыхание, выждал, пока гадина опустится на расстояние выстрела, мои стрелы бьют точно, но вот дальности я бы добавил... пальцы заныли от усилия, я оттянул тетиву до предела, ощущал сильный и чувствительный хлопок даже через перчатку, стрела исчезла в синем небе. Птица на мгновение скрылась за кроной, я затаил дыхание, но летающая тварь уже завершала поворот, тут же появилась вновь, и в это мгновение стрела ударила ей в грудь.

Крылья вздрогнули, птица продолжала полет, немигающие глаза наконец уставились на меня с интенсивностью боевого лазера. Я ощутил, что сейчас последует мощный взмах обоими крыльями, оттуда вырвутся по тяжелому перу со стальными лезвиями, Зайчик по движению моего колена прыгнул в сторону, уходя под защиту веток.

Через пару секунд в землю вонзились, чуть ли не скрывшись из вида, два пера. Мои соратники что-то говорили одобрительно, мол, уцелел, уже хорошо, этих птичек дразнить — себе дороже, как вдруг над головами послышался легкий шум, треск, ветви закачались, и, как с пружинящего трамплина, соскользнуло крупное тело, размечром с теленка, тяжело бухнулось в щель между лесом и пространством, захваченным нашим дубом.

Мы все четверо в оцепенении смотрели на эту жуть, что подпрыгивала, билась в агонии, мы видели то оскаленную пасть, совсем не птичью, то блестящий металл перьев на спине, то хлещущий во все стороны отвратительный змеиный хвост с шипами на конце.

— Осторожнее! — крикнул Клотар. — Эта тварь ядовита!

Он спрыгнул с коня, подбежал и сильным ударом отsek прямо на лету хвост: Птица развернулась к нему, мелькнула неимоверно широко распахнутая пасть, Клотар одним

движением вонзил туда меч и навалился всем телом, пригвоздив гадину к земле. Тут же отступил, отодвинулся под защиту ветвей.

Сквозь ветви ударили сразу две стрелы-лезвия, вонзились в то место, где он только что стоял. Клотар довольно улыбнулся, рука его нащупала рукоять кинжала. Я быстро послал Зайчика на другую сторону поляны, все так же прячась под кроной дуба, стрела наготове, и, едва увидел черный силуэт, мгновенно отпустил тетиву, на этот раз держал в прицеле взгляда голову жуткой твари.

Чуть погодя вроде бы послышался еще треск ветвей, но дальше за деревьями. Впрочем, мог пробежать дикий кабан или коза.

Клотар прислушался, осторожно выглянул, постоял, выдвинулся еще. Альдер спросил с надеждой:

— Ну что?

— Пока не видно, — ответил Клотар.

Он постоял на залитой солнцем полоске, нырнул в зеленые заросли. Слышно было, как с шумом ломится через кусты напрямик.

Я выглянул, в небе кружит одна-единственная птица, но очень высоко, не достать. Но и она с такой высоты, похоже, не в состоянии заниматься прицельным бомбометанием.

— Ничья, — пробормотал я.

Альдер и брат Кадфаэль подошли к странной птице, а Ревель сбежал к воткнувшимся в землю перьям и принялся, чертыхаясь, окапывать со всех сторон. Я приблизился к птице, уже зеленой под лучами солнца, темно-зеленой, как молодой крокодил, покрытой крупными не то чешуйками, не то уже перьями, чем-то средним, как доказательство, что все птицы произошли от ящериц, а те — от рыб.

Альдер одел булатные рукавицы, одной рукой придерживал крыло, другой пытался выдернуть перо из крыла. Подбежал торжествующий Ревель и протянул мне измазанное в земле нечто, похожее на десантный кинжал. Я раскрыл ладонь, Ревель очень осторожно опустил на нее

это чудо с бритвенно острыми краями, тяжелое, как метательный нож.

— Не пораньтесь, — предупредил он. — Там такие чешуйки, что отламываются в ране.

— Ядовитые?

— Нет, но потом не дают заживать.

Я вытащил меч; Альдер со скрежетом и хрустом выламывает из жуткой пасти зубы, сопит, чертыхается, добывшие зубы аккуратно складывает на тряпочку. Я не стал спрашивать: от живота или как приворотное зелье — у местного народа все идет в ход. Тем более что действительно часто бывает кстати.

В кустах затрещало, Клотар выдвинулся задом, волок, согнувшись, вторую птицу. Альдер, оглянувшись, ахнул: эта почти вдвое крупнее. Оба тут же оставили первую и принялись потрошить эту. Первым делом выдрали все метательные перья, их оказалось семь, одно перо где-то торчит в земле. Ревель едва не ринулся отыскивать, но брат Кадфаэль продолжал следить за небом и сказал предостерегающе:

— Осторожно, опускается.

Все трое отпрыгнули под защиту ветвей. Я изготовил лук, однако птица то ли наделена долей разума, то ли очень быстро умеет делать выводы, моментально связала в одно целое вид моего лука и гибель подруг, раздраженно каркнула и поспешно вильнула в сторону.

Когда снова появилась из-за верхушек деревьев, уже была крыльями вдвое выше от земли, словно за эти полминуты сделала «свечку». Брат Кадфаэль проговорил буднично:

— Летят еще две.

Альдер выругался, Клотар пожал плечами и молча указал глазами на мой лук. Я сказал раздраженно:

— Мы за Грубером гонимся или как?

— Грубер успевает ставить ловушки, — пояснил Альдер.

— Так что у нас скачки...

— ...с препятствиями, — согласился я. — Но давайте поскорее войдем в соприкосновение с противником. Какие идеи насчет того, чтобы первым убрать колдуна?

— Куда убрать? — переспросил Альдер.

— Из употребления, — ответил я раздраженно. — Из обращения. Из плана бытия, непонятно?

— А-а-а, — протянул Альдер. — В смысле... ну, понятно. Вы не у королевы-матери были советником, сэр Ричард? Говорят, она никогда ничего прямо не говорит. Чтобы, значит, можно было потом отпереться. Убрать колдуна, боюсь, очень непросто. Грубер его бережет как зеницу ока. Колдун стоит всего отряда!

Я наложил стрелу, осторожно выглянула. Над деревом носились уже три птицы, громко и злобно каркали, но это не крики угрозы, а, скорее, переговариваются. Все три держатся на приличной высоте. Я некоторое время маячил на видном месте, готовый в любой момент броситься под защиту дуба, однако птицы все так же кружат, словно на незримой карусели.

Поколебавшись, я натянул тетиву до отказа, до треска суставов, ухватил взглядом одну тварь и разжал пальцы. Они явно видели мой выстрел, но ни одна не дернулась в сторону, что значит уже знают, на какую высоту бьют луки.

Я следил за стрелой с замиранием сердца. С тетивы она просто исчезла, появилась уже на середине расстояния до птицы, замедлила полет еще больше и... все-таки ударила крылатую гадину в брюхо. Все три закаркали в панике, захлопали крыльями и тут же взлетели на такую высоту, что не всяkim зенитным снарядом достать.

— Прекрасно, — сказал я. — Поехали!.. Если погоняется, я буду присматривать за небом.

Ревель воскликнул:

— Все будем присматривать!

— Под ноги тоже смотреть надо, — напомнил я трезво.

Из-под дуба мы погнали галопом, даже мул несся так, что брат Кадфаэль прижался к шее животного, чтобы не сбросило встречным ветром. Я на этот раз держался сзади,

птицы моментально увязались за нами, начали снижаться, я тут же наложил стрелу и вскинул лук.

Умные твари немедля остановили спуск, идут на той же высоте. Я опустил наконец лук, они вновь пошли в атаку, но, едва поднял лук для стрельбы, сразу поспешил подняться на недосягаемую высоту. Зайчик послушно несся за отрядом, за дорогой следить не нужно, я все внимание сосредоточил на проклятых птицах. Они еще трижды пробовали застать меня врасплох, но им опуститься для прицельного метания нужно чуть ниже, чем мне для стрельбы, все три уже знали, хитрили, пробовали атаковать и тесной кучкой и расходились в стороны, однако я всякий раз поднимал лук со стрелой на тетиве, и они тут же поспешили поднимались выше.

Клотар оглянулся, прокричал:

— Уже скоро!

— Что скоро? — спросил я зло.

— Они далеко не летают от своих гнезд. Больно тяжелые.

Однако птицы преследовали нас еще с полчаса, пока наконец пришла пора возвращаться, одна все-таки рискнула войти в крутое пике. Если бы так поступили все три, меня наверняка бы поразило этими смертоносными перьями-ножами, однако одна видела смерть подруг, вторая оказалась больно осторожная, так что я дождался, когда окажется почти на расстоянии выстрела, выпустил стрелу и сразу же толкнул коленом Зайчика.

Умный конь прыгнул в сторону, выждал миг и снова прыгнул. Двигался короткими рывками, сбивая прицел, а я следил за стрелой, направляя взглядом. Птица успела с силой взмахнуть обоими крыльями, мощный удар о воздух бросил ее вверх, одновременно с кончиков крыльев выскользнуло по блеснувшему металлом перу.

И в тот же миг моя стрела ударила птицу в выпуклую, как металлический щит, грудь. Зайчик быстро сдвинулся, рядом в землю с сухим треском вонзились металлические

перья. Альдер оглянулся, начал притормаживать коня, я замахал руками.

— Не останавливаться!.. Не останавливаться!

Зайчик через пару минут догнал отряд, Альдер с жалостью в глазах оглянулся.

— Эх... Пожалуй, это была самая крупная...

— Ты знаешь, — спросил я, — какая самая крупная рыба на свете?.. То-то. Убьем колдуна, тогда и потроши на здоровье.

Клотар бросил в нашу сторону взгляд, полный неприязни. Я сказал громко:

— Убьем колдуна, все его имущество — ваше. У нас нет другой цели, как догнать Грубера и вбить его в землю по ноздри.

— И освободить леди Женевьеву, — добавил Альдер.

— Ах да, — согласился я, — и еще освободить эту... да, эту.

Альдер посмотрел с укоризной.

Глава 14

Налитые багровым огнем, словно на закате, тучи стремительно неслись над затихшей в тревожном ожидании равниной. Копыта стучали сухо и отрывисто, на земле отражались багровые сполохи. Когда в тучах вспыхивало особенно, лица Альдера и Ревеля становились на короткий миг красными, будто выкованными из сарминской меди.

Под копытами гремела сухая земля, травы хлестали по конским ногам, справа и слева проносились неглубокие овраги, заросшие непроходимым кустарником, дважды я видел балки с огромными оранжевыми цветами, вокруг которых не растет даже трава, затем влетели в редкий лес, насквозь пронизанный косыми лучами заходящего солнца.

Дорожка петляла, коней приходилось чуть придерживать, а то в лесном полумраке расшиблись бы о деревья, я пригибался, мне хуже всех: сам рослый, конь рослый, суч-

коватые ветви проносятся над головой, хватая волосы, за воротник сыплется древесная труха и чешуйки.

Небо потемнело, зажглись первые звезды, мы вынужденно перевели коней на шаг, впереди открылось обширное лесное кладбище, тут только я заметил, что дорожка трусливо свернула, страшась пробираться среди могил. Вообще их и могилами не назвать, земляные холмики давно сровняло с землей, но среди жухлой травы часто торчат каменные кресты, массивные, до половины вросшие в землю. Ни единого дерева, что странно, обычно заброшенные кладбища зарастают сразу же...

Я остановил коня, по спине ползет нехороший холодок, вздрогнул, а кто-то длинно выругался: в трех шагах из могильного холмика поднялся полупрозрачный человек в длинной одежде, лица не рассмотреть, смазано, зато все отчетливо услышали замогильный голос:

— Не останавливайся! Иди.

— Идти своим путем лучше, — заметил я дрогнувшим голосом, никак не привыкну общаться с призраками, — опираясь на чужое плечо. А что там впереди?

Призрак повторил:

— Иди... и получишь.

— Вот спасибо, — пробормотал я, — это можно понять двояко. А то и трояко.

Остальные молчали, далеко послышался стук копыт мула, брат Кадфаэль сразу разгонит призраков, я хотел было пустить Зайчика дальше, как вдруг с другой стороны дороги поднялся такой же точно призрак, только еще и в широкополой шляпе, закрывающей лицо, сразу же сказал гробовым голосом:

— Не... ходи...

Все молчали, решение должен принимать я, это, конечно, хорошо, но хреново, что я же за них и отвечаю. Нет чтобы как наше правительство, что никогда не бывает виноватым.

— Иди... — произнесло первое привидение с натугой.

— Не ходи, — предостерегло хрипло второе.

Я старался не вертеть головой, как дурак, подумал с тоской, что говорят, будто все привидения одинаковы, это женщины одинаковы, а вот привидения... если они мужские привидения — эти каждое — личность, неповторимость, у каждого свое «я», амбиции, незатухшие страсти.

Стук копыт затих, за спиной прозвучало разгневанно:

— Почему не спят усопшие?.. Именем Господа Бога нашего...

Призраки опустились в землю, словно на их ногах повисли все умершие раньше. Я с укором оглянулся на рассерженного брата Кадфаэля.

— Ну вот, пришел... брат Кадфаэль и все испортил. Я только-только у них хотел узнать... что-нить полезное. Ну, где Иван Грозный библиотеку спрятал, правда ли, что Шекспиру и Шолохову писали негры... Ладно, слезайте, здесь придется шагом.

Клотар спрыгнул первым, но неожиданно вскинул руку. Все замерли, я соскочил на землю и подошел, настороженный, Клотар зря не каркнет, хотя и злит, что распоряжается без меня, отвечать-то все равно мне.

— Что случилось?

Клотар рывком сорвал с шеи амулет, пошептал, вскинул над головой в кулаке. Альдер охнул, Ревель ругнулся. На земле, поросшей травой, проступили четкие следы, подсвеченные красным. Большинство ведет напрямик по краю кладбища и уходит дальше, но два следа резко сворачивают в глубину кладбища, где эти серые холмики, почти сровнявшиеся с землей, как будто уходят в бесконечность.

— Засада, — прошептал Альдер. — Слушай, что за амулет у тебя?

— Заклятие Егеря, — ответил Клотар вроде бы равнодушно, но я уловил тщательно упрятанную гордость.

— А-а, — сказал Альдер, — я думал, Зов Незримой Гончей.

— Если бы Гончей, — буркнул Клотар, — мы бы сели и ждали, пока сами придут с петлями на шеях. Но Зов Гончей уже вроде бы и не попадается.

— Есть, есть, — заверил Альдер. — Только счастливцы, откопавшие его, помалкивают. Ладно, сэр Ричард, что будем делать?

— Коней оставить, — велел я. — Брат Кадфаэль устремляет их... может быть. А мы пойдем брать колдуна.

Ревель оглянулся на брата Кадфаэля, зябко передернул плечами.

— Может быть... Кадфаэль пусть с нами? Вон как мертвяков обратно загнал!

— То не мертвяки были, — поправил Альдер, — а призидения.

— Все равно, мы разве с ними справились бы?

Кадфаэль посмотрел на меня с надеждой, я покачал головой.

— У меня есть меч и молот. К тому же, скажу по секрету, не думаю, что магия колдуна на меня подействует.

Это было сказано твердо и вместе с тем загадочно, Кадфаэль покорно остался с конями и мулом, а мы на цыпочках двинулись по кладбищу.

Медленно поднялась луна, настоящая, полная, изъеденная падающими метеоритами, удары которых не смягчает атмосфера, свет от нее идет хоть и призрачно-невесомый, но какой-то нехороший, тревожный, мертвецкий. Редкие звезды выглядывают в разрывы туч, гаснут, только луна плывет вольно и нагло, словно ближе к земле, чем тучи.

Я тщательно всматривался, сперва увидел красноватое свечение в темноте, но человек вышел на освещенное место, и краснота исчезла, мои глаза перешли на привычный диапазон. Лица я не рассмотрел, а так человек высок, худ, весь в черном, капюшон надвинут на глаза. На веревочном поясе куча оберегов, на шее тоже то ли обереги, то ли амулеты. А может быть, и вовсе талисманы.

На широком камне блестел старой медью сосуд с широким горлом. Оттуда шел пар, сворачивался в странные фигуры. Я почти различил изгибы женских бедер, ну это мы все видим в первую очередь, тряхнул головой.

— Не высовываться, — прошептал отчетливо. — Я попробую снять его стрелами...

— Снять? — переспросил Альдер.

— Снять, — буркнул я. Вообще-то у этого слова много значений, есть совсем непристойные, но я выбрал из военного сленга, известного каждому ребенку. — Снять, убить, ликвидировать, отправить к праотцам, замочить, прихлопнуть, решить проблему, склеить ласти...

Альдер прошептал с уважением:

— Ну и драчливый народ в королевстве, откуда вы родом! Столько слов для простого убийства. Знать, обожаете это дело.

Не ожидая, я прополз чуть вперед, выбрал позицию, натянул лук, выбрал стрелу и наложил на тетиву. Колдун двигал руками над чашей, глухой голос становился то тише, то громче, пар из белесого стал оранжевым, багровым, полиловел и стал почти неразличим в полутьме.

Стрела сорвалась беззвучно, только негромкий хлопок тетивы по рукавичке. Колдун вздрогнул, вскинул голову. Я не видел, куда вонзилась стрела и вонзилась ли; однако колдун после короткой паузы снова принял произносить заклятие, бледные ладони показались мне широкими, как деревянные лопаты.

Мне стало очень не по себе, промахнуться я не мог, это же лук Арианта, что за чертовщина, снова наложил стрелу, тщательно прицелился. Снова коротко хлопнуло по рукавичке, на этот раз показалось, что колдун вздрогнул и коротко взглянул в темноту, где прячусь я, однако заклинания не прекратил. Напротив, голос стал даже громче, и еще показалось, что колдун слегка заторопился.

Что за черт, мелькнуло в голове. Я же только что зеленых птиц, да не простых, а с металлической чешуй и перьями, сбивал этими стрелами. Ладно, попробуем тяжелую артиллерию...

Лежа, я осторожно снял с пояса молот. Холодный металл охег пальцы, я взялся за рукоять, привстал на колени

и, широко размахнувшись, послал убийственный снаряд в темную фигуру.

Молот унесся с характерным хлопаньем рукоятью по воздуху. Голос колдуна чуть дрогнул, но заклинания не прекратились, я вроде бы услышал звук удара о нечто мягко-плотное, как будто о туго набитую боксерскую грушу, однако колдун даже не качнулся. Зато голос окреп настолько, что я различил слова:

— ...Великий Фламэйл... жертву... дай силы... я превращу... будешь доволен...

Озnob прошиб меня с головы до ног. Если колдуна не берут ни стрелы, ни мой всесокрушающий молот, то через минуту вовсе станет вроде Зигфрида или Батарадза!

Я вскочил на ноги, бросился со всех ног, на ходу вытаскивая из ножен меч Арианта. Колдун чуть повернул голову в мою сторону, между широких ладоней заблистало голубая молния, послышался шипящий треск, посыпались искры. Пар уже превратился в бьющий из чаши кроваво-красный столб огня, земля задрожала, я ощутил, как к поверхности поднимается нечто огромное, чудовищноющее, неуязвимое.

— Стой, сволочь!

Колдун заговорил быстрее, я набежал и с размаха рубанул по голове. Руки тряхнуло, будто ударил по тугой резине. Не веря себе и не желая признаваться в неудаче, ударил снова, потом еще и еще. Под ногами стыдливо блестит мой молот, земля трясется сильнее, а столб огня из чаши начал раскрываться над головой в стороны, как ядерный зонтик.

Мысли мои прыгали, как блохи, я ударил еще трижды, и всякий раз лезвие меча отпрыгивало от незримой защиты. А тут я в отчаянии ухватился за то, о чем даже не вспоминал: сорвал с шеи серебряный крестик и, прижав его к Эфесу меча, рубанул изо всех сил с хриплым криком:

— Во имя Господа!.. Умри, сволочь!

Под лезвием сверкнуло, словно я ударил по оголенному проводу под высоким напряжением. Искры рассыпались длинные, шипящие, целые снопы полетели во все

стороны. Ночь на мгновение превратилась в день, я успел увидеть, как колдун дернулся, капюшон взлетел на середину лба, открывая худое изможденное лицо с острыми скулами и запавшими глазами.

В следующее мгновение лезвие рассекло череп и застряло в нижней челюсти. Я рванул на себя меч, колдун повалился на меня, я уперся ногой и с трудом высвободил стальную полосу. В темноте послышался топот бегущих людей, вынырнули бледные Альдер, Ревель, Клотар.

Клотар крикнул сразу:

— Огонь!.. Огонь поскорее!.. Надо поскорее сжечь... иначе...

Альдер упал на колени и принялся собирать сухие веточки, Ревель выругался и с ужасом смотрел на колдуна, у того жуткая рана стягивается, исчезает прямо на глазах, а кровь осыпается сухими комочками. Я успел нанести и второй удар мечом, едва колдун шевельнулся и начал поднимать веки.

На этот раз лезвие легко разделило голову и тело, я крикнул:

— Хватайте этот хэллуин!.. Не дайте прикоснуться к туловищу!

Клотар сразу цапнул голову, однако зашевелилось туловище и, поднявшись, двинулось к Клотару. Он заорал и ударил ногой, целя в живот, но промахнулся. Колдун продолжал надвигаться, Клотар отступал, не выпускал голову, что начала щелкать зубами и впилась ему в руку. Ревель побежал сзади и, как регбист, сбил туловище на землю.

В это время под моими руками вспыхнул огонек, мы с Альдером быстро развели костер, Клотар пробежался вокруг могил, уходя от вновь поднявшегося туловища, побежал к костру. Я поймал момент, когда он бросил голову на землю, сильным ударом расколол пополам, оба принялись жечь половинки в огне, а я кинулся к туловищу, рубил и рубил, Ревель и Клотар уносили куски и жгли в огне.

Луна обошла половину неба, когда мы закончили с тру-

пом, а Клотар пособирал даже землю, куда падала кровь колдуна, ее тоже бросили в огонь, который, как известно, очищает от любой нечисти.

Внезапно зашелестела трава, из темноты выметнулось огромное, страшное, сбило меня с ног, я не успел опомниться; как огромный горячий язык облизал мне лицо. Я отпихнул огромную морду, торопливо вскочил.

— Ты чего прибежал?.. Я же велел оставаться с Кадфаэлем!

— Неспроста, — буркнул Альдер, в голосе звучала тревога.

— Все, — сказал я тревожно, — возвращаемся. Не нравится мне это кладбище. И не нравится, что пес прибежал.

— Мы здесь очистили, — сообщил Клотар. — Магии больше нет.

— Мне вообще кладбища не нравятся, — буркнул я. — А там брат Кадфаэль всех привидений поразгоняет! Или каяться заставит.

— Он такой, — согласился Альдер.

Клотар снова пошел впереди, всматриваясь в следы, по которым явились сюда. По всему кладбищу мертвая тишина, даже совы и летучие мыши не летают, никто еще не понял, к добру или к худу, что завалили такого могучего колдуна, выждают, премудрые пескари, а ведь тот, кто первый сообразит, что такая область осталась без хозяина, тот и станет президентом.

Чем ближе мы подходили к зарослям, где оставили Кадфаэля с конями, тем тревожнее я себя чувствовал, а мурашки так и бегали по всему телу. В животе как будто подвесили пудовую гирю, вытащенную из морозильника. Альдер поглядывал на меня тревожно, буркнул, что я даже исхудал что-то, устремился вперед.

Клотар и Ревель шли за мной, в этом темном мире, где и луна ушла с затянутого неба, я ориентировался по тепловым следам. Мир выглядит причудливо, как будто смотрю сквозь мощнейшие светофильтры на поверхность засты-

вающего вулкана: то здесь, то там багровые изломанные полосы, пятна, отчетливо вижу остывающие следы, что оставил Альдер. Брехня, что ящерицы — холоднокровные, тогда бы я их не видел вовсе, а так уже трижды видел слабые розоватые или алые силуэты выбежавших на охоту рептилий. Конечно, их не сравнить с мышами, те катаются как огненные шарики, сами вырабатывают тепло, но и пресмыкающиеся, оказывается, то ли запасают тепло на ночь, то ли немножечко вырабатывают сами...

Впереди раздавался тревожный голос Альдера:

— Кадфаэль... Кадфаэль!.. Да где же ты, чтоб тебя... ангелы взяли!

Я чувствовал, как Ревель и Клотар обнажили мечи и молча разошлись в стороны. Я взял в одну руку молот, в другую меч, двигался уже медленнее, время от времени останавливаясь и прислушиваясь. Чувство опасности ушло, но теперь оно трансформировалось в странное чувство потери.

Альдер крикнул:

— Коней на месте нет!..

Ревель прокричал далеко слева:

— А Кадфаэль?

— Тоже... Э, тут кровь!

Я услышал топот ног, сам ринулся к месту, где оставили Кадфаэля. Поляна вся усеяна красными следами, я видел багровые пятна даже на деревьях, которых касались руки или плечи, что значит чужаки были здесь совсем недавно, на земле красные отпечатки копыт и сапог и... россыпь горящих жемчужин...

Бросившись по следу, я почти сразу наткнулся на Кадфаэля, его тело пламенеет в кустах, то ли сам заполз, то ли туда бросили изрубившие его бандиты. Я упал, ломая ветви, обхватил руками, прижался всем телом.

— Живи, Кадфаэль!.. Живи!.. Не умирай!..

Несколько мгновений мне казалось, что Кадфаэль уже мертв, уже не вернуть, затем жуткая слабость пронзила ме-

ня от макушки до пят. Я упал бы, если бы уже не лежал на Кадфаэле. В ушах раздался звон, перешел в комариный писк. Сердце стучит так, что едва не выпрыгнет, кислорода недостает, горло высохло, там свистит, как в дырявой водосточной трубе.

Над нами звучали встревоженные голоса, я слышал, как меня тормошат, сильные руки подняли и усадили у костра, откуда он только взялся, в дрожащие руки всунули краюху хлеба, которую я проглотил, как волк, не разжевывая, и, чуть оживая, посмотрел по сторонам голыми глазами.

— Что с Кадфаэлем?

— Да вот он сидит... его тоже трясет.

В ярком пламени костра я уже не вижу в тепловом излучении, зато разгорающийся костер бросает яркие блики на встревоженные лица соратников, круг света ширится, отодвигая тьму и те страхи, что таятся во тьме.

— Их было трое, — сообщил Клотар. — Сам Грубер и двое из самых близких подручных. Они всегда с ним. Кажется, скоро буду знать их привычки, даже имена. Подкрались, наш монах и пикнуть не успел, как его оглушили. Нет, не дорезали, сперва поспрашивали, хоть и быстро...

— Это Кадфаэль сказал? — спросил Альдер недоверчиво.

Он оглянулся на монаха, тот сидит по ту сторону костра, придвигаясь все ближе к пламени, его трясет, слышно, как стучат зубы. Клотар отмахнулся.

— Это следы сказали. Спросите Кадфаэля, подтвердит. А потом его дорезали. Но, видно, в темноте промазали... Крови натекло много, но монашек все еще жил, дождался...

Кадфаэль наконец проговорил, сильно лязгая зубами:

— Да... все так... Грубер... Это был сам Грубер...

Я сказал слабо:

— Доберемся и до Грубера. Только теперь у них к своим коням еще и наши. Правда, мой Зайчик...

Я сложил непослушные губы, свистнул. Получилось плохо, свистнул еще, потом еще и еще. На меня смотрели с

сочувствием, но вскоре в ночи послышался конский топот. Он приближался с угрожающей быстротой, Клотар и Альдер метнулись в стороны, и перед костром возник прекрасный черный конь, весь блестящий в багровом свете костра, с выпуклыми мышцами, длинной гривой и роскошным хвостом.

Он подошел, кося огненным глазом на Альдера и Клотара, ткнулся мягкими замшевыми губами мне в шею. Дыхание горячее, успел разогреться в коротком пути, да и вообще он горячий, словно печка внутри. Я поднялся, обнял его за шею, расцеловал, прижался к горячему телу.

Клотар кашлянул нетерпеливо, сказал сухо:

— Можно считать, что Грубер потерпел серьезное поражение.

Альдер сказал быстро, с подъемом:

— Самое главное, что леди Женевьевы так и не сказала Груберу про умение сэра Ричарда исцелять раны!

— Чего так решил? — буркнул Клотар, сам сообразил, что сморозил глупость, махнул рукой. — Ну да, иначе монаха не оставили бы помирать. Добили бы, чтоб наверняка... Возможно, рассмотрела наконец, что Грубер не такой уж и герой...

— Да вор он, — сказал Альдер. — Настоящий рыцарь никогда не похитит женщину!

— Она ушла к нему сама, — напомнил я.

Альдер на минуту заткнулся, но подбросил веточек в огонь, спросил:

— Что будем делать?.. Мы без коней далеко не уйдем.

— А барон Траумель? — спросил Клотар.

Альдер зябко сдвинул плечами.

— О нем разные слухи... Одни говорят, что на нем Богъя благодать, другие — дьяволу душу продал... В любом случае, осторожные люди от него держатся подальше. С другой стороны, в его землях жить — горя не знать...

Я взглянул на небо, на востоке уже светлеет полоска рассвета, скоро там окрасится алым.

— Рассказывайте!

Глава 15

О бароне Траумеле в самом деле ходят разные слухи, но все рассказчики сходились в одном: барон владеет удивительным даром распространять вокруг себя изобилие и богатство. На его землях крестьяне неизменно собирают высокие урожаи, саранча и нашествия полевых мышей обходят его поля стороной, падеж скота нередко гуляет по стране, но не касается его земель, коровы приносят по два теленка, свиньи, овцы, козы плодятся непрестанно, а гуси, утки, куры — эти как будто из-под земли вылезают: сами находят корм, яйца несут и в отведенном месте, и в кустах и бурьяне, так что новое поголовье появляется постоянно.

Кроме того, стены его замка крепки, хотя стоят в неизменном виде сотни лет, а некоторые поговаривают, что именно на этом месте до последней Великой Войны была легендарная земля Лесного Духа, что на самом деле не дух, а очень древний бог, растерявший свою божественность и привыкший жить среди людей.

Даже люди, что живут в замке барона, отличаются здоровьем и долголетием. Сам барон живет весело и беспечно, проводит время в пирах и на охоте, обладает дружелюбным нравом, ни с кем никогда не ссорится, любит принимать гостей, угождает и задаривает без меры, похваляясь богатством и радушием.

Я слушал-слушал, наконец принял решение:

— Идем к нему. Пусть похваляется, это простительная слабость, лишь бы по голове не бил. Может быть, от щедрот продаст нам коней?..

— Подарит! — сказал Альдер с убеждением.

Клотар скептически хмыкнул, Ревель смолчал, а брат Кадфаэль посмотрел на меня с укором, мол, людям надо верить, все мы — Божьи создания. Просто у некоторых бывают временные выпадения памяти, забывают о своем высоком происхождении, но если их стукнуть по голове, могут вспомнить. А тех, к кому ну никак память не возвращается даже на дыбе, тех очистит от греховной плоти чистый

огонь, и освобожденная душа ринется прямиком к Господу, всеблагому и всепрощающему.

Я восседал на Зайчике, остальные пешком, я старался далеко не отрываться вперед, чтобы не оставить их без защиты, кто знает, что задумал Грубер и сколько у него людей сейчас. Ведь может набрать еще, это его земли. Далекие холмы раздвинулись, вдали показались высокие стены огромного замка, поставленного на вершине пологого холма, сам замок красиво и торжественно возвышается над окрестностями, в нем соблюдено соотношение силы, монументальности и величавой красоты, в которой нет угрозы, а заметно просто достоинство сильного.

Еще подъезжая к замку, я убедился, что жизнь во владениях барона кипит. Кругобедрые женщины по обе стороны дороги умело срезают серпами колосья пшеницы, колосья огромные, зерна блестят, как янтарь, крупные, словно морская галька. Женщины хихикают, перешучиваются, каждая — кровь с молоком, свежие румяные лица и блестящие глаза, в садах под всеми ветвями толстые распорки, слышится стук падающих яблок, а спелые груши разбиваются со сладким шмяком, теперь их только свиньям...

Свиньи тут как тут, ходят под деревьями, похрюкивая, подбирают сладкие плоды, от недозрелых презрительно воротят рыла. У самых ворот нам перегородило дорогу стадо овец, я никогда не видел таких ухоженных, откормленных, с блестящей плотной и очень длинной шерстью.

Пережидать такое несметное стадо немыслимо, я махнул своим, мы начали протискиваться, добрались до ворот едва живые, оглохшие от возмущенного гортанныго беканья. Стражники смотрят весело, никто не потребовал плату, не спросил даже, кто и по какому делу.

Старший охранник сообщил, что в нижнем зале идет пир, просто так пир, без всякого повода, мы вправе присоединиться. А когда пир по какому-то случаю, тогда гостей собирают в верхнем зале, но когда мы направились к главному зданию, на пороге вырос крепкий мужик с черной разбойничьей бородой, начинавшейся от самых глаз,

таким я представлял Емельяна Пугачева, брюшко перетянуто широчайшим поясом, что уже почти корсет, а за ним вышел высокий и очень немолодой рыцарь в дорогом кафтане и малиновом берете с пером. Золотые шпоры мело-дично позвякивают на сапогах из тонко выделанной кожи, загорелое лицо с длинными, белыми как снег усами расплылось в улыбке, а довольные глаза смотрят из-под удивительно черных широких бровей.

У пожилых людей, что не тайна, брови к старости начинают расти бурно, превращаются в кусты, а у этого и черные как смоль, в отличие от усов, и даже юношеские ровные.

— Гости, — сказал он с удовольствием. — Хорошо! Да-же прекрасно!.. Дорогие друзья, вы правильно сделали, что заглянули ко мне! Здесь вы найдете все, что душе угодно! Майорк!.. Проследи, чтобы гости помылись, переоделись, и тут же давай их к столу, к столу!

Он потирал ладони, а последние слова почти пропел, жмурясь и улыбаясь во весь рот, заранее счастливый, как будет угождать нас диковинками со своего сада и огорода, как мы будем пожирать блюда его искуснейших поваров.

Я поклонился:

— Мы счастливы воспользоваться вашим гостеприимством. Но нам только...

Он протестующе выставил ладони:

— Никаких «только»! За столом и поговорим. За кувшинчиком доброго старого вина.

Чернобородый разбойник, которого он назвал Майорком, поклонился нам, одновременно указывая рукой в сторону распахнутых дверей.

— Прошу, господа! Вы не будете разочарованы.

Нас усадили в широкие ванны, мыли, терли, сполоскивали, я наслаждался горячей водой, а рядом Альдер спрашивал у Клотара:

— Он велел нас подать к столу... Это как?

Клотар подумал, отмахнулся.

— Он же не сказал «на стол»?

— На стол ставят, — возразил Альдер, — а к столу подают! Чего-то мне как-то не очень...

Клотар, по горло в кружевной пене, проворчал расслабленно:

— Да кто нас жрать будет, таких худых и жилистых?

— Ну, знаешь, дичь всегда интереснее, чем домашние куры...

Даже вытереться не дали: девичьи руки растерли нас, приводя в смущение, те же девушки помогли одеться и, хихикая и напоминая, где их можно найти ночью, выпроводили в другую комнату, где мы попали в руки двух важных слуг, что тут же вознамерились одеть нас с ног до головы в новое и дорогое платье. Альдер и Ревель тут же согласились, Клотар поворчал и согласился, только брат Кадфаэль отказался наотрез расстаться с монашеской рясой, а я пошел на компромисс: разрешил сменить мой потертый ремень на новенький, удивительно легкий, хотя и усеянный металлическими пластинками, что служат дополнительной броней. Никто из нас, понятно, не решился даже на миг расстаться с оружием.

Нас провели через анфиладу залов, а когда последняя дверь распахнулись, я отшатнулся, ослепленный, рядомахнули мои спутники. Огромный зал освещен так ярко, словно вдоль стен установлены мощные юпитеры. Яркий солнечный свет заливает празднично одетых юдей, что стоят или медленно бродят группами, беседуют, везде чувствуется довольство, сытость и спокойное наслаждение жизнью, ее красками, возможностью вот так чувствовать себя здоровыми, довольными, что сейчас перейдут в соседний зал и усядутся за празднично накрытые столы...

— Хорошо живет барон, — сказал с завистью Альдер.

— Бароном вообще жить хорошо, — буркнул Клотар.

Альдер скосил на него глаза.

— Все еще мечтаешь о своем баронстве? —

— А кто не мечтает, — ответил Клотар желчно. — Нель-

зя всю жизнь шататься по дорогам с мечом в руке. Когда-то любой меч становится тяжелым...

Альдер кивнул, мне почудилось в его черных глазах понимание и даже сочувствие. Наш проводник, роскошно одетый слуга с настолько улыбающимся лицом, словно прочел всего Карнеги, с поклоном приговаривал:

— Сюда, пожалуйста... сюда... а теперь сюда...

Лавирия между балдеющими гостями, мы приближались к распахнутым дверям, где виден зал размером со стадион, длинные столы, накрытые цветными скатертями, и огромное количество дорогой посуды. Альдер восторгался, Клотар помалкивал, в глазах бессильная зависть, брат Кадфаэль бормочет за спинами насчет греха чревоугодия и чрезмерной роскоши, из-за которой не разглядеть быстро мельчающую душу, я смотрел в распахивающийся зал, как вдруг предчувствие неприятностей заставило остановиться и повернуть голову.

Со стороны двора высокие двери распахнулись, словно в них ударили тараном. По залу пронесся ветер, на улице свежо, на пороге появился рослый и массивный, даже грузный человек с чуточку выпирающим животом, в богатой ливрее. Он смотрел прямо перед собой ничего не выражаящим взором, так смотрел бы робот, и так же, не меняя выражения лица, мясистого и широкого, как у мастифа, провозгласил могучим голосом в пространство:

— Его высочество герцог Клондерг, гранд Кастилии, великий и сиятельный князь Нордляндии...

Рядом с ним появился высокий поджарый мужчина, вскинул руку в небрежном жесте, мажордом мгновенно оборвал речь, словно его выключили. Двигался поджарый уверенно, властно, нисколько не сомневаясь, что каждый его жест будет замечен, а каждое оброненное слово — услышано. И принято, понятно, к исполнению.

Я хмуро смотрел, как он легко несет крупное жилистое тело через зал, неторопливо и с грацией бойца, что часами оттачивает умение двигаться в тренировочном зале. В поясе не то чтобы узок, но и нет валиков жира, на ремне сбоку

короткий узкий меч, почти шпага, явно ритуальное оружие, приличествующее рангу, эфес блещет золотом и каменьями.

Следом вдвинулась орда придворных. Вообще-то их не больше десятка. Даже семь человек, если быть точным, но мне сперва показались огромной толпой из-за пышных расстопыренных одежд, ярких и многоцветных, огромных шляп с длинными перьями, широченных ботфортов. У всех мечи, кинжалы, словно массовка вывалила на сцену «Псковитянки» или «Хованщины».

Лишь одного я воспринял всерьез: двигается следом за принцем, на голову выше, настоящий гигант, широк в плечах, и даже роскошная одежда и богатая шляпа с перьями не в состоянии скрыть мрачного, даже жестокого выражения на суровом, будто высеченном из камня лице. Два шрама пересекают правую щеку и скулу, а складки у толстых стиснутых губ настолько глубокие, что тоже кажутся шрамами. Да и раздвоенный подбородок то ли раздвоился по воле родителей, то ли в молодости под ударом боевого топора.

Остальные слишком уж похожи на гуляк, хотя не думаю, что все ими являются: умные люди умеют прикинуться гуляками, чтобы оттеснить натуральных гуляк и составить окружение влиятельной особе.

В свите принца почти все держались подражая принцу, самоуверенно и вызывающе, отсвет его власти падает и на них, оглядывали всех бесцеремонно, то и дело опускали ладони на рукояти мечей. Рядом со мной ахнул Альдер, я быстро посмотрел в сторону, куда он вперил взор.

Грубер неторопливо двигается в свите, в сверкающей кирасе, стальные наплечники блестят в оранжевом свете, короткий синий плащ красиво ниспадает с плеч, едва достигая поясницы. На ремне меч, два кинжала, правая рука в боевой перчатке на ходу поглаживает эфес меча. Он выглядит самым крупным и крепким в свите герцога, это ему следовало бы идти по правую руку...

Я быстро взглянул на подобравшегося Клотара, пер-

вый меч Маркварда даже голову наклонил, будто сейчас бросится с ревом и поднимет врага на рога. Возможно, Грубер в самом деле скоро станет правой рукой герцога. И тогда его уже не достать...

С Грубером, похоже, еще двое из его отряда, хотя, возможно, я и ошибаюсь, однако только двое отличаются и загорелыми лицами, и более пестрой одеждой, и той смесью вольницы и в то же время почтением перед именитыми вельможами. Остальные в свите герцога похожи на самого герцога бледностью, изнеженностью, порочными испитыми лицами.

Брат Кадфаэль с недоумением, а затем растущим не-приятием смотрел на сопровождающего свиту епископа: толстого, обрюзглого, с багровым лицом пропойцы. На лице епископа явственно отпечатались все существующие пороки, начиная с простого чревоугодия и заканчивая чем-то вообще невообразимо грязным, за что душа вечно гореть в геенне огненной.

Герцог произнес громко:

— Дорогой Траумель, до турнира в Каталауне, куда мы направляемся, осталось каких-нибудь полсотни миль, так что мы изволим остановиться в вашем замке на несколько дней. Надеюсь, вы примете нас со всем своим добросердечием, радушием... и мои друзья никогда и ни по какому поводу не услышат отказа!

Траумель побледнел, через силу выпрямился. Я видел, как он замедленно поклонился, старый барон понимает, что в первые же часы гости изгадят весь замок, перепьются, начнут калечить слуг, насиливать не только служанок, но и всех женщин, которые им приглянутся, а герцог уже наслышан о его трех дочерях...

— Да, — произнес он мертвым голосом, — мой замок к вашим услугам, мой лорд.

Герцог окинул его насмешливым взглядом.

— Что-то вы плохо выглядите, барон. Идите в свои покой, отдыхайте. Не беспокойтесь, я сам позабочусь о себе и своих друзьях.

Барон снова замедленно поклонился:

— Как скажете, ваша светлость.

Он повернулся, сделал несколько шагов к двери, а когда дворецкий распахнул перед ним дверь, герцог окликнул, словно только что вспомнил:

— Ах да... у меня есть вопросы, но я не стану вас утомлять. Лучше пришлите ко мне вашу старшую дочь. Я займу апартаменты в здании для гостей.

Барон повернулся, лицо совсем белое, прошептал потерянно:

— Но, мой лорд... Она не сможет...

— Почему?

— Она... она...

— Что с нею?

— Она больна...

Герцог нахмурился.

— Больна? Именно в день моего приезда?.. Жаль, тогда пришлите среднюю дочь. Я, правда, собирался пообщаться с нею после старшей, но что ж, пойду вам навстречу...

На барона тяжко было смотреть, его шатало, по лбу потекли крупные капли пота, одной рукой ухватился за сердце.

— Но... мой лорд...

— Что, — сказал герцог, — и она больна?.. Тогда начнем знакомство с младшей!.. И на этот раз никаких болезней. Идите!

Он как выстрелил приказом, и мощь голоса оказалась такой, что барон покорно вышел, а дворецкий с непроницаемым лицом закрыл за ним дверь. Герцог повернулся к нам. Слева подошел Грубер и что-то зашептал, указывая глазами на меня и моих спутников.

Герцог спросил резко:

— А это еще кто такие?

Брат Кадфаэль выступил вперед, смиренно поклонился и произнес сладким ангельским голосом:

— Мы — смиренные слуги Господа. Все мы служим Ему, Великому, в чьей деснице все наши судьбы. Кто-то из нас служит Божиим Словом, как я, смиренный монах, кто-

то — мечом, как мои благородные спутники, такие же смиренные воины Господа нашего.

Герцог поморщился, я видел, что ему больше всего хочется велеть нам выметаться в ночь, чтоб и духу нашего здесь не было, но Грубер настойчиво нашептывал, указывая взглядом, герцог наконец нахмурился, лицо стало злым, взгляд заострился и стал похож на луч лазера, который фокусируется до гиперболоидной линии.

Рядом тревожно дышит Альдер, ведь герцогу стоит сказать слово, и нас сомнут, а он вот-вот скажет, я торопливо сделал шаг вперед, привлекая к себе внимание, сказал громко:

— Именем рыцарства обвиняю герцога Клондерга в попрании основ рыцарства!.. И требую немедленно изгнать его из рыцарского сословия как запятнавшего честь оного...

Всеобщее молчание было ответом, первым опомнился и взвизгнул епископ:

— Как ты смеешь?

— Не я, — ответил я громко, — я всего лишь просто странствующий рыцарь. А смеет Устав Рыцарства! В нем сказано, напоминаю тем, кто подзабыл: «...кто обложил свои земли новым налогом, отчего простой народ терпит лишения, торговля замирает, — да будет наказан публично... Пьяницы и сварливые к турнирам не допускаются, а из турнирного общества изгоняются вовсе... Кто ведет не достойную рыцаря жизнь, существуя ленными доходами, вредит соседям и дурными поступками порочит благородное сословие — да будет побит и изгнан...»

Снова страшное молчание, что вот-вот разразится такой грозой, что рухнут небеса, епископ возопил:

— Да как ты... Ты сам кто?

— Рыцарь, — повторил я. — И еще: «Кто подделает печать свою или чужую, злоупотребит, нарушит, даст ложную клятву, похитит что-то, притеснит бедного, вдову или сироту, отнимет у них собственность, вместо того чтобы им помочь, поддержать их и поберечь, — да будет побит и

изгнан...» Все наслышаны, что герцог Клондерг облагает земли новыми налогами, что пьянствует, ведет не достойную рыцаря жизнь, вредит соседям... А разве сейчас он дурным обращением с хозяином замка не порочит наше благородное сословие? Я приговариваю его от имени рыцарства к побитию и изгнанию...

Все онемели от такой наглости, лицо герцога налилось дурной кровью, он задыхался, хватал себя пальцами за ворот, в глазах безумная ярость и жажда немедленно убить меня боролась со страстным желанием долго и мучительно сдирать с живого кожу, заливать в глотку кипящее олово, вытягивать жилы, посадить на кол, распороть живот и неспешно вытаскивать кишку...

Глава 16

Гигант, который двигался по правую руку от герцога, тяжело, как гора, шагнул вперед, массивный и чудовищный. Два шрама, что проходили по правой щеке, начали подергиваться. Перья на шляпе грозно раскачивались. Каменные плиты подрагивали под его весом, он шел на меня, как танк, намеревающийся раздавить зайца.

— Кто ты? — крикнул я быстро.

— Граф Отарк, — прорычал он, — тот, кто убьет тебя!

Я сорвал с пояса молот и быстро швырнулся, нацелив в грудь.

— Именем Господа!

Я произнес этот громко и отчетливо, тут же лязгнуло, раздался металлический грохот. Могучего Отарка отшвырнуло, словно в него ударили стенобитным тараном. Или попал камень из катапульты, нацеленный разбить ворота. Десяток раздетых придворных повалились, как трава под ударом ветра. Раздались испуганные крики, вопли, поспешно выползали из-под обрушившегося на них железного тела.

Молот смахнуло в подставленную ладонь, я вперил холодный взгляд в герцога.

— Именем Господа!.. В смысле Лаудетор Езус Кристос. Вам, который все еще герцог по недосмотру людей и по-предательству Божьему, я советую встать на колени, покаяться как можно искреннее... а также раскаяться, посыпать голову пеплом и удалиться в монастырь замаливать грехи...

Герцог, не слушая меня, ошелошло смотрел на распростертого Отарка. Стальной панцирь на груди вмят, как будто в большой ком сырой глины с высоты ударили валун и промял до самой земли. Умело подогнанные доспехи при страшном ударе не рассыпались, а кровь выбрызнулась в сочленения тончайшими струйками, оросив красными каплями окружающих и даже удаленные стены. Под огромным телом с неестественно вогнутым панцирем растекается красная лужа.

Придворные пятались, оставив гиганта в центре красной лужи, вскрикивали, стряхивали капли крови, пытались убрать, размазывая, попавшие на них красные капли. В страшной тишине неожиданно резко, срываясь на визг, прозвучал голос толстого епископа:

— Да как ты... смеешь? Да кто же ты?..

Герцог и его свита с надеждой взглянули на епископа, а тот выступил вперед, поднял в руке огромный золотой крест и сказал еще напористее:

— Только я имею право судить и отпускать грехи! Только я определяю, кто грешен, а кто свят. И вот я утверждаю...

Я сказал резко, спеша перехватить инициативу, иначе сомнут:

— Первый грех, в котором обвиняю тебя, кто бы ни таился под этой рясой, — чревоугодие!..

Тут не нужны доказательства, такое видно сразу, епископ выкатил в гневе глаза, жирные щеки затряслись, а я сказал торопливо, спеша закрепить позицию:

— Второй смертный грех — сластолюбие!

Честно говоря, не знаю, какие из них смертные и даже сколько их вообще, но нас четверо, не считая брата Кадфа-

Эля, а с герцогом и без Отарка десятка два, среди них не все сластолюбивые щеголи, вижу и умелых фехтовальщиков, чтоолжизни проводят в учебных боях с лучшими мастерами королевства.

Епископ стал выше ростом и еще шире, раздуваясь от гнева, я его понимал: вызов бросил не другой епископ или умник из монастыря, а безродный бродячий рыцарь, да как посмел лезть не в свое дело, иди гоняйся за драконами, невежа, дурак, глотай дорожную пыль и спи в лесу под деревом, наслаждаться жизнью оставь тем, кто поумнее...

— Отлучаю! — взвизгнул он. Поперхнулся, сорвавшись вовсе на ультразвук, но вновь грянул чуть ли не басом: — Именем Церкви отлучаю и налагаю отныне и вовеки...

Брат Кадфаэль, что дотоле молчал и потерянно прятался за нашими спинами, ступил вперед. Лицо было бледно, глаза сверкали, как звезды.

— Да как ты смеешь?! — перебил он звонким юношеским голосом, и мгновенно в зале все смолкло. — Ты не слуга Господа нашего!.. Ты давно уже слуга Врага Рода Человеческого!

Епископ грузно повернулся в его сторону всем телом. Огромное мясистое лицо из багрового стало лиловым, тяжелые веки медленно поднялись, как у Вия. Глаза налились кровью, взор был страшен.

— Кто смеет говорить такие речи?

— Я смею, — ответил Кадфаэль и бесстрашно шагнул вперед. — Я обвиняю тебя именем Церкви!

Епископ уставился на него в немом изумлении, так смотрел бы огромный бык на бросившего ему вызов двухнедельного теленка. Мохнатые брови поднимались все выше, глаза стали огромными, как блюдца.

— А это... что за существо? Если с ними, то и тебя в генду огненную...

Брат Кадфаэль вытянул руку, с кончиков напряженных пальцев сорвалась белая шипящая молния.

— Изыди, Сатана!

Епископ вздрогнул, будто дерево, в которое ударили

скатившийся с горы валун. Веки поднялись еще шире, он раскрыл рот, мы видели, как шевелятся толстые мясистые губы.

— Проклинаю...

— Изыди, — повторил брат Кадфаэль с напряжением. — Изыди!

Мясистое лицо епископа исказилось, верхняя губа приподнялась, как у рычащей собаки, блеснул верхний клык. Епископ приподнял обе руки, выставив локти в сторону, толстые пальцы скрючил, словно в ладонях держит невидимые яблоки, я отчетливо увидел, как пальцы удлинились, а затем вытянулись и ногти, отчетливо превращаясь в когти.

— Да будь проклят...

— Изыди, — сказал снова брат Кадфаэль, — и будешь прощен...

— Анафема!

— С любовью к Господу, — произнес брат Кадфаэль. — Да будет нам заступницей святая Дева Мария.

— Держись, Кадфаэль, — сказал рядом со мной Клотор. — Держись, в тебе есть силы, парень!

Епископ вытянул в сторону брата Кадфаэля скрюченные руки, между пальцами засверкало, появились лиловые молнии, пока что вокруг кончиков пальцев, затем начали расширяться. В воздухе затрещало, запахло озоном.

Брат Кадфаэль выпрямлялся так, что сейчас затылок, лопатки и пятки коснулись бы стены, взор ясен и чист, ни следа гнева в лице, а только безмерная скорбь о заблудшей душе, что вообще-то не рядовая душа, могла бы стать украшением и в стане воинства Божьего, но предпочла жизнь полегче и попроще.

— Да превратишься в прах, — отчетливо сказал епископ. — Именем Церкви!

— Отныне, — сказал брат Кадфаэль, — ты не будешь пятнать имя Церкви своими неправедными заклинаниями... с которыми Святая Церковь не имеет ничего общего.

Именем Святой Церкви отнимаю у тебя это право. И пусть Господь нас рассудит!

Сутана епископа почернела, от нее пошел смрад, приподнялась, как будто снизу надувает ветер, вздулась сперва колоколом, а затем на груди как будто расстегнулась невидимая «молния»: распалась на две части, обнажив заросшую черными волосами грудь, а за спиной поднялся по ветру черный плащ, похожий на грозный смерч, что сметает с лица земли людей, дома, скот и опустошает города.

По залу пронесся гудящий ветер, к своду взметнулось несколько шляп, взлетели платочки и шарфы, испуганные люди вскрикивали, приседали, женщины прижимали поднимающиеся подолы платьев, мужчины закрывали их своими спинами.

Брата Кадфаэля окутал легкий трепетный свет, таким бывает раннее утро, когда темно на земле и даже на небе, лишь над горизонтом ширится светлая полоска.

От епископа с сухим треском полетели синие и лиловые молнии. Брат Кадфаэль, закусив губу, стоял тощий, смертельно бледный, с решительным и вместе с тем скорбным лицом. От него шел все усилившийся свет, чистый, ясный, и, куда он достигал, там пропадали нечистые запахи, испарялись капли гнили и плесени.

В зале все превратились в застывшие статуи, я видел только бледные лица и расширенные в ужасе глаза, никто не смел и помыслить вмешаться в схватку, только Альдер, Ревель и даже Клотар с оружие наготове продвинулись вперед вдоль стен, готовые если не прийти на помощь к Кадфаэлю, то хотя бы броситься на герцога.

Епископ вздрагивал под натиском силовых полей, лицо его постоянно менялось, наконец он вскинул лицо к темноте под сводами зала и вскричал голосом раненого великанов:

— Господин мой! Приди, помоги!.. Я ведь служил тебе!

Брат Кадфаэль сказал ясным голосом:

— Этот мир создал Господь. И только Он в нем Господин и Верховный Сюзерен. Пади на колени перед Ним и

покайся... Если твое покаяние будет искренним, Господь простит тебя, Его доброта безгранична...

Епископ в ярости выкатил глаза, совершенно багровые шары со зверино-желтыми радужными оболочками, нос укоротился, зато ноздри расширились, лицо быстро превращалось в звериную морду.

— Никогда!.. Я раздавлю тебя!

— Покайся, — ответил Кадфаэль тем же ясным голосом. — И ты будешь прощен...

Лиловые молнии все яростнее долбили белый плазменный свет, но, проникнув туда на ладонь, истончались и пропадали, а свет все ширился, ширился, наконец достиг епископа. Тот, уже почти нечеловек, пошатнулся, упал на колени.

— Хорошо, хорошо, — прорычал он неразборчиво, в голосе слышались рев, клекот, хрипы, — я готов покаяться!.. Я каюсь... Оставь мне жизнь, я еще смогу стать добрым... христианином.

Брат Кадфаэль сделал шаг, простер к нему руку.

— Я счастлив, брат, что ты искренне осознал пагубность своего пути...

— Осознал, — повторил епископ.

Он наклонил голову, шерсть заменила волосы и опускалась под плащ, что бессильно опал на каменные плиты. Епископ стоял на коленях, массивный и могучий, я прочистил горло и проговорил:

— Брат Кадфаэль... он должен покаяться... искренне! Проследи.

Слова давались мне с трудом, язык поворачивался, будто весит с двухпудовую гирю. Брат Кадфаэль простер уже обе руки.

— Брат, — сказал он, — прими благословение ничтожного монаха, смиренного служителя Господа...

— Да... — сказал епископ.

Свет пал на его сгорбленную фигуру. Здание неслышно, но заметно тряхнуло. По залу пронесся ощутимый порыв ветра, однако ничто не колыхнулось, ветер астраль-

ный, мне почудилось, будто весь замок выдохнул из могучей груди, как лесоруб, когда наносит удар колуном в сучковатое полено.

Епископ вскрикнул, но вопль мгновенно оборвался, словно горло перехватили огромным ножом. Вся фигура осела, словно из нее выдернули кости, а мясо превратили в серо-зеленую слизь. Все это растеклось по каменному полу, тут же испарилось, на плитах остались металлические пряжки и крючки.

Ревель первым понял, что с Кадфаэлем, подбежал. Монах без чувств свалился ему на руки. С обнаженным мечом в руке я шагнул к Клондергу.

— Обвиняю, — сказал я отчетливо, — что вы, Клондерг, продали свою душу дьяволу. Если не хотите оправдываться перед инквизицией, постарайтесь доказать с мечом в руке, что я не прав.

Герцог стоял бледный, открыл и закрыл рот, на меня смотрит с ненавистью и ужасом, только что рухнули две надежнейшие опоры, но тут поспешно заговорил человек в роскошной купеческой мантии:

— Погодите, благородный, даже благороднейший рыцарь!.. Да, этот епископ, оказывается, продал душу дьяволу, но откуда мы об этом знали? Он обманывал и нас, мы его с этой стороны совсем не знали. Теперь мы убедились, что вы правы. Спасибо вам, вашему монаху, что выявил, вывел на чистую воду, указал и даже сам принял меры... Но это вовсе не значит, что благородные Клондерг и Отарк тоже запятнаны сношениями с дьяволом!

Я смотрел ему в глаза прямо и твердо, так должен смотреть абсолютно уверенный в своей правоте, сказал громко, ориентируясь на весь зал:

— Мы уже убедились, что Клондерг продал душу дьяволу, когда бесчестил юных девушек и облагал крестьян новыми налогами. Это противоречит Кодексу Рыцаря, и я, как рыцарь, намерен убрать это позорное пятно, пятнающее всех рыцарей. Обнажите меч, сеньор Клондерг! Не

прячтесь за спину купца, человека вообще-то подлого со словия...

Клондерг смотрел на меня, наклонив голову. Лицо дергается от бешенства, глаза мечут молнии, но, когда заговорил, я со злым разочарованием увидел, что герцог уже ориентировался в случившемся, ухитряется сохранять контроль как над собой, так и над ситуацией.

— Нет, — ответил он, — не стану.

— Почему?

— Поединок ничего не докажет, — ответил он сдавленным голосом.

Я повысил голос, глядя на него, но обращаясь к залу:

— Как это не докажет? Вы отрицаете действенность Божьего суда?

Он стиснул челюсти, дыхание вырывается со свистом, грудная клетка, как у милосского быка, проговорил злобно:

— В таких боях побеждает тот, у кого оружие лучше.

— Что? — спросил я, возвысив голос. — Вы смеете утверждать, что не Господь дарует победу?

В зале наконец негодующе зашумели. Клондерг затравленно оглянулся, его люди придвигнулись настолько близко, что не отступить ни на шаг, он смотрел мне в лицо глазами умной, все понимающей сволочи.

— Я не стану с вами сражаться.

— Тогда, — сказал я веско, — стань на колени, я отрублю тебе голову, как надлежит поступать с запятнавшим себя дворянином. Если и этого не сделаешь, тебя повесят, как подлого вора.

Он выпрямился, ладонь наконец-то опустилась на рукоять меча. От него сразу же отхлынули, народ прижался к стенам, а мы остались чуть ли не в пустом зале. Я следил за ним внимательно, не люблю сволочей, что умеют держать себя в руках, они втрое опаснее простых свиней, что угнетают более слабых бездумно, просто потому, что свиньи...

Его меч сверкнул, я уклонился и тут же нанес сам удар, особенно не целясь, лишь бы достать хотя бы кончиком, проверить доспехи. Удар, звон, взметнулись искры, слов-

но кусочек магния попал в воду. Я отпрыгнул, на плече Клондерга образовалась глубокая борозда. Он даже не пошел в ее сторону глазом, ринулся в атаку, раз уж я не применяю магического молота, есть шанс победить заносчивого ублюдка. Я отступал, принаршивался к ритму одинаковых ударов, наконец выбрал миг, мой меч сверкнул в желтом свете, звон, по залу пронесся вздох, исторгнутый из десятков грудных клеток, лезвие рассекло доспехи у самой шеи, углубилось до середины грудной клетки.

Я поспешил выдернуть меч, лезвие вышло со скрежетом. Клондерг еще несколько мгновений стоял, пожирая меня пылающими глазами, кровь хлещет, как из рассеченного винного бурдюка, затем колени подогнулись, он повалился лицом вперед.

Альдер сказал громко:

— Господь показал нам, кто прав. Не так ли?

Купец вздрогнул, растерянно огляделся. Громко скрипнула дверь, в проеме стоит Траумель, хозяин замка. Заметив, что все взоры обратились к нему, он перекрестился и сказал дрожащим голосом:

— Да, Господь явил... Господь показал, что лишь с Его помощью можно одержать... Победу дал Господь... Господь показал этим поединком, кто прав!

Я перевел дыхание, окинул взглядом зал, отыскивая Грубера. Люди отодвигались от стен, всеобщее мельтешение, сторонники Клондерга не решаются приблизиться к поверженному исполину, настоящие демократы, каждый прежде всего думает о своей безопасности, а те, кому не должно быть дела, протискиваются поближе, чтобы рассмотреть ужасную рану, а потом рассказывать, как вот стояли в двух шагах, присутствовали...

Ревель все еще приводил в чувство брата Кадфаэля. Альдер держится возле меня, весь сгусток нервов, только Клотар исчез, как, впрочем, и Грубер. Лишь Бобик вылез из-под стола и посмотрел с недоумением: ну когда же начнем жрать?

Мечи в ножнах, но ладони все время вблизи рукоятей, так мы вдвоем с Альдером и выбежали из зала. Внизу на выходе из здания чуть не сшибли возвращающегося со двора Клотара. Он вдвинулся раздосадованный, злой, на плечах и груди доспехов свежие царапины, с раздражением швырнул на пол щит. Альдер вскинул брови, щит не сказать что измочален, но разбит почти вдребезги двумя-тремя мощными ударами. Деревянные пластины болтаются на скрепляющих металлических полосках.

— Не нашел? — спросил Альдер.

— Если бы, — прорычал Клотар. Он снял шлем, поморщился, я заметил на шлеме вмятину, а на голове с той стороны слипшиеся от крови волосы. — Не так было бы пакостно.

— А что?

— Догнал, он как раз со своей ватагой седлал коней. Шустрая сволочь, быстрее всех сообразил, что пахнет жареным... Тоже мне — рыцарь!

Альдер помог ему снять доспехи, с правой стороны груди на вязаной рубашке небольшой надрез, края окрашены кровью. Клотар на вопросительный взгляд Альдера отмахнулся:

— Царапина... Но панцирь он прорубил, сволочь. К какой был панцирь, на двух коней выменял!

Я вспомнил про оставленного с зале с Ревелем брата Кадфаэля, но монах, увы, способностью залечивать раны не одарен, а если и одарен, то еще не нашупал в себе эту способность.

Клотар посмотрел на меня без выражения, голос егоозвучал ровно, без теплоты:

— Я же сказал, что это царапина. Сама заживет.

— Нам каждый человек нужен здоровым сейчас, — ответил я точно тем же тоном, без теплоты, приязни, чисто по-деловому. — Ну-ка...

Лицо Клотара почти сразу порозовело, глаза прояснились, из груди вырвался невольный вздох облегчения. Пожалуй, ранен был сильнее, чем выказал, не хочет призна-

ваться, что Грубер ему все-таки вломил, у меня в ушах звеноно почти с минуту.

— Ну, спасибо, — произнес он, — вообще-то.

— Да пошел ты, — ответил я, — на всякий случай.

Альдер взял его под локоть, повернул и повел во двор, расспрашивая, как и что. Похоже, между мной и Клотаром вроде бы протянулась некая ниточка доверия... или не доверия, но уже что-то зыбкое установилось.

— Человек десять их было, — слышал я голос Клотара. — Троих найдешь в конюшне, двух я оставил у ворот, еще двое сумели взобраться в седла, но далеко не ускакут. Но Грубер, будь он проклят, дерется, как продавший душу дьяволу! На нем ни царапины, если не считать, что панцирь я изрубил, как хозяйка разделочную доску! С ним унеслось пятеро, но я же сказал, двое сражаться не будут...

Во дворе уже носится пес, поглядывает в нашу сторону с ожиданием. Мы остановились неподалеку от входа, Альдер сказал задумчиво:

— Тогда далеко не ускакут.

— Почему?

— Раненые будут затруднять передвижение, — объяснил Альдер очевидную истину.

— Груберу? — спросил я с изумлением.

Клотар взглянул на меня с долей уважения.

— Верно, — сказал он, — кому-то затрудняло бы, но не Груберу. Он их бросит сразу же. Еще и сам дорежет, чтобы не мучились.

— И нам не рассказали, — пробормотал Клотар, — куда те направились.

Они смотрели на меня в ожидании приказов, я развел руками.

— Пир отменяется. Надо просить у хозяина коней, думаю, теперь уж точно не откажется. Если Грубер был здесь, то его сообщница где-то рядом. Вряд ли он рискнет отпустить ее надолго.

Альдер взглянул с укором.

— Сэр Ричард, она не сообщница! Разве не видно, что пленница?

— Откуда видно?

— А почему он не позволил ей показаться вместе с гостями? Боится, что она закричит, попросит помощи!

Он смотрел победно, но, хотя у меня у самого мелькнула такая мысль, я все же скривил губы и ответил грубо:

— Пока не доказано, что ее увозят силой, будем предполагать худшее. Зато никто не ударит в спину.

Из здания выскочил, размахивая руками, мажордом Майорк.

— Господин просит, — прокричал он, — пожаловать в зал!.. В вашу честь будет пир!

— Снова пир, — буркнул Клотар с отвращением, — сколько можно?

Альдер взглянул с интересом, впервые узрел человека, что готов отказаться от пира, повернулся ко мне.

— Примем или сразу в погоню?

— На чем? — спросил я. — Вы не угонитесь за моим Зайчиком. Майорк, спроси у благородного Траумеля, не одолжит ли он нам трех коней?

Появился Ревель, с ходу подсказал:

— И одного мула!

Я оглянулся на здание.

— Да-да, и одного мула... Хотя брата Кадфаэля, вероятно, лучше оставить. Пусть отлежится, наберется сил.

Майорк исчез. Не успели оглянуться — он уже снова здесь, подбежал, начал заталкивать в распахнутые двери.

— Все там! Вы спасли нас, мой господин отдаст вам не только всех коней, он... он все отдаст!

— Ну разве что на минутку, — ответил я, сдаваясь.

Глава 17

В большом зале слуги сбивались с ног. Все суетятся, как муравьи, но получается ловко и слаженно, чувствуется, что благородный Траумель на устройстве пиров и уве-

селений собаку съел. Множество столов как по мановению волшебства уставлены посудой работы искусных мастеров, к моему удивлению, в изящных вазах появились букеты цветов, явно влияние прекрасных дочерей.

Гости рассаживались уже веселые, довольные, беспечные, не то чтобы забыв, что только что убиты герцог Клондерг, его правая рука Отарк и даже епископ, но это уже осталось в том времени, что до пира, а после пира будут вспоминать о столкновении как гордые очевидцы, пересказывать, приукрашивать, ведь каждый из них стоял прямо вот на расстоянии протянутой руки, даже кровью забрызгало, помнит все. Других не слушайте. Соврут. Я один знаю всю правду, словом, зал заполнился гостями, нас буквально внесли и усадили по правую руку от Траумеля.

Перед нами поставили не золотые чаши или кубки, а нечто дивное из тончайшего стекла, нет, хрустяля или даже из цельных алмазов, если такое возможно. Оправа из чистейшего золота, украшенного драгоценными камнями сказочной красоты и подобранных с таким изяществом, что даже я, которому медведь наступил на чувство прекрасного и еще потоптался на нем для верности, и то залюбовался дивной красотой и совершенством.

Я увидел, что все взоры обращены на меня, не сразу догадался, чего ждут, наконец взял кубок с вином и поднялся во весь рост.

— Выпьем за здравие нашего гостеприимного хозяина!

Я не успел поднести кубок ко рту, как барон Траумель, воздев себя из кресла, крикнул могучим голосом:

— В этом зале никто не выпьет ни капли, пока... все мы не воздадим славу нашему герою, нашему славному и доблестному рыцарю Ричарду Длинные Руки! Первую чару — за него!

Стены задрожали от громовой здравицы. Все стояли со вскинутыми над головами чашами, чарами и кубками. Я с неловкостью поклонился, тоже поднял кубок и, стоя, поднес его к губам. Все в молчании ждали, пока осушу до дна,

таков обычай, затем, как жаждущие кони, припали к своим сосудам.

Вино вносили в зал в больших кувшинах с запечатанными горлышками, сразу поставили на столы, потом мы видели, как вкатили на изящной тележке огромную бочку из сверкающего серебра. Два юных виночерпия, чистеньких и румяных, быстро двигались вокруг столов, наполняя стремительно пустеющие чаши.

Я поднялся, стараясь привлекать к себе как можно меньше внимания. Траумель поднял на меня удивленный взор, я наклонился к его уху, пусть да не слышат соседи, прошептал:

— Нам нужно срочно покинуть пир... и ваш замок.

Его глаза стали обиженными.

— Вам не нравится вино?

— Вино превосходное, — заверил я. — И все великолепно. Однако из свиты герцога улизнула одна очень большая сволочь. Это барон Грубер, вы его видели, он стоял слева от герцога. Умная сволочь, быстро сообразил, чем все пахнет! Скрылся, как только ощущил, что затея не удалась... Хуже всего, что он увозит против воли дочь герцога Нурменга, очень благородного и могущественного сеньора.

Траумель сразу посерезнел, у самого три дочери, сразу проникся, спросил другим голосом...

— Я хоть чем-то могу помочь?

— Да, — ответил я. — Еще как можете.

Он лично отправился с нами отбирать коней, оставил гостей, к нему подбежали конюхи, он что-то сказал коротко, те ринулись в конюшню и вывели одного за другим пять скакунов. Альдер ахнул и схватился за сердце, Клотар выругался и тут же пробурчал что-то вроде *Ave Maria*. Даже я, далеко не знаток, сразу понял, что кони барона Маркварда рядом с этими выглядят деревенскими лошадками.

Высокие, рослые, дивно сложенные, они выглядели выплавленными из темной меди произведениями искусства. Клотар подошел, стараясь соблюдать достоинство, но

пальцы подрагивали, когда коснулся конской шеи. Конь покосился на него огненным глазом, тряхнул роскошной гривой.

— Одни мускулы, — пробормотал Клотар. — Ни капли жира, ни капли мяса... Что за кони...

— Они ваши, — сказал Траумель. — Любые. На выбор! Но если захотите взять всех — берите! Я ведь понимаю, что вы сделали для меня. Эти сволочи обесчестили бы моих дочерей, разграбили бы все в моей сокровищнице...

Альдер, более практичный, поинтересовался:

— А верно говорят, что они могут идти галопом с утра до вечера, а ночи им хватает, чтобы утром снова быть свеженькими?

Траумель засмеялся:

— Хороший вопрос. Вы слышали правду. Эти кони не знают устали, однако после недельной скачки им все-таки надо два-три дня отдохнуть. Потом они снова готовы скакать с утра до ночи.

Я кивнул:

— Думаю, нам понадобятся сутки... от силы — двое. Мы нагоним Грубера! Он растерял всех людей, теперь сам прячется от нас.

— Он увозит девушку в свои владения?

Клотар ответил за меня:

— Его владения обширны, но крепость так и не выстроил. Потому даже в его владениях будем гонять как зайца. К тому же могу послать весточку моему господину барону Маркварду, он бросит на поиски леди Женевьевы все войска... Так что Грубер направляет свой бег все дальше к Югу.

Траумель посмотрел на меня, я пожал плечами:

— Вообще-то нас это устраивает. Во всяком случае, меня. Я еду на турнир, а это в том направлении. Бобик... не приставай!

Пес прыгал вокруг коней, приглашая играть. Они фыркали, дрожали и пытались вырваться из рук дюжих конюхов.

Мы осматривали коней, гладили их и давали к нам привыкнуть, когда по ступенькам спустилась бледная и покачивающаяся фигура в длинном сером балахоне. Ревель бросился навстречу и помог брату Кадфаэлю сойти со ступеней. Клотар буркнул:

— Он что... увяжется с нами?

— Брат Кадфаэль, — сказал я, — ты чего все еще в сером?

Кадфаэль вскинулся на меня чистый невинный взгляд.

— А... что не так?

— Ты теперь Кадфаэль Белый, — сказал я. — Как черного мага развалил! По всему залу брызги... ты с нами?

Он кивнул:

— Да, конечно.

— Здесь только кони!

Он покачал головой:

— Не поверю, чтобы у такого богатого и могущественного человека, как барон Траумель, не оказалось молов. Брат паладин, ты ведь не спрашивал!

— Не спрашивал, — признался я. — В голову не приходило. Вообще-то мажордому сказали, но ты был такой бледный, как Пьеро после брачной ночи. Ревель, узнай насчет мула.

Уже через десять минут мы впятером выметнулись за ворота. Мул оказался на редкость быстрым и, похоже, будет не менее выносливым, чем тот, которого с лошадьми увел Грубер. Более того, хотя мы для пробы погнали коней во весь опор, мул припустился так на своих коротких ногах, что тут же догнал и чуть было не ушел вперед.

Я поглядывал на свою команду, все повеселились. Колдун уничтожен, отряд Грубера рассеян, а сам Грубер как бы ни был силен, но против наших мечей не устоит. Вообще против нашего натиска уже никто не устоит.

Клотар на скаку посматривал с высоты рослого скакуна на все еще бледного Кадфаэля, потом метнул взгляд в мою сторону.

— А все-таки, скажу вам, удар святого благословения оказался посильнее молота с укороченной рукоятью.

Альдер хохотнул:

— Да уж... Епископа расплескало, как медузу!

— Отарка тоже расплескало, — вступил за меня Ревель. — Только доспехи не дали... разбрьзнутся.

Клотар покачал головой.

— От того Отарка осталась куча деръма. От епископа не осталось даже запаха.

— Брат Кадфаэль бьет посильнее, — согласился Альдер очень серьезно.

Ревель все еще не сообразил, что над ним посмеиваются, с пеной у рта начал доказывать, что зато монах после этого сомлел, а вот сеньор Ричард может бросать молот сколько угодно, ему на полном серьезе указывали, что сеньор Ричард выше ростом, у него руки длиннее, я тоже ухмылялся, но на брата Кадфаэля поглядывал с возрастающим почтением. Не зря монах повисел вверх ластами на кресте, не зря. После такого испытания его сила духа подобна разящему мечу, а то и тарану, что способен вышибать ворота.

Дорога пошла по каменистой местности, слева лес, справа небольшая речка, кони идут споро, я чувствовал, что в самом деле вот-вот настигнем Грубера, но дальновзоркий Клотар заворчал, выдвинулся вперед. В нашу сторону бегут несколько крестьян, одного вообще несут на плечах.

— Что случилось? — заорал Клотар.

Я смолчал, что вопросы должен задавать я, ладно уж, сделаем вид, что я генерал, а он — старый служака в звании старшины или боцмана. Спрашивает, оберегая мой покой.

Один из крестьян прокричал в ужасе:

— Чудовище!.. Никогда там не было, мы всегда возим здесь лес, да и вообще это единственная дорога!..

Альдер спросил быстро:

— Какое оно?

— Похоже на огромную змею, только целиком из желе-

за!.. А может, из камня. Когда оно высунулось прямо из земли и схватило Ярека, мы начали рубить его топорами, так оно даже не заметило!.. Схватило двоих и утащило в нору!

Клотар кивнул на раненого.

— А этот?

— Задело чуть. Он упал и разбил голову.

Они перешли на шаг, чуть успокоившись, теперь мы отделяем их от чудовища, Альдер и Клотар переглянулись, подъехал Кадфаэль, очень серьезный. Ревель сказал сумрачно:

— Калиносский Червь, да?.. Я слышал, Господь насыпал его сорок лет тому на Кадунью, где жители были уличены в смертном грехе гордыни. Там Червь поселился у единственного источника и хватал всех, кто пытался пройти к воде. Город зачах, а люди... кто повымер, кто ушел в другие края...

— И разнесли грех, — проворчал Альтер. — Да, это Калиносский Червь. Значит, хоть и нет больше колдуна, но у Грубера оставался неиспользованный амулет... Только не говорите, что этих амулетов уже не осталось!

Кони шли шагом, мы со страхом осматривали дорогу, развороченную дыру в земле заметили издали. Судя по размерам дыры, что походит больше на шахту межконтинентальной ракеты, этот червь — явно родственник мидгардского, которому предстоит драться с Тором, а люди и кони ему на один зуб.

Мы остановились в отдалении, я сказал в замешательстве:

— Если червяк, несмотря на размеры, еще и неуязвим... или почти неуязвим, то что можем сделать? Грубер вызвал его из неведомых глубин, чтобы он нас то ли пожрал, то ли задержал. Если бы не крестьяне, то, возможно... гм... Во всяком случае, на месте крестьян оказались бы мы, а об этом даже подумать страшно.

Альдер зябко передернул плечами:

— Да уж...

Клотар привстал на стременах, всмотрелся, взгляд со- средоточенный, проговорил замедленно:

— Ближе не подойти... Он почуяет нас по трепету почвы издали, а шея у него длинная... Сэр Ричард, вы отсюда сможете попасть в нору?

— Странный вопрос, — ответил я. — А что нужно?

— Если привязать к стреле вот такой амулетик... совсем небольшой... жаль с ним расставаться... то стрела долетит?

Не отрывая взгляда от норы, он нащупал ожерелье с оберегами. Пальцы быстро перебирали амулеты и талисманы, прошлись до конца, вернулись, щелкнуло, одна из каменных фигурок оказалась в ладони. Я взял этот камешек с полустертymi runami, взвесил на ладони, обычная галька, только слишком теплая, руки человеческие не могут нагреть до такой температуры.

— Смогу.

— Тогда сделайте!

Я привязал амулет к стреле, все затаили дыхание, Альдер смотрит изумленно, вид у него таков, что уже знает силу камешка. Я натянул тетиву, прицелился, оттянул еще. Все перевели взгляды на черный туннель, послышался сухой щелчок тетивы, стрела на миг исчезла в синем небе, затем у самой норы возникла крохотной темной черточкой. Я старательно держал ее взглядом, направляя именно в глубину, чтобы она ушла туда по крутой дуге, начала падать вертикально...

Даже не успел понять, попал ли туда вообще, однако земля дрогнула, качнулась, под нами прокатился глухой грохот. Из туннеля выплеснулась ревущая струя огня, широкая и стремительная, напор таков, что достигнет облаков. Мы пригнулись, затылки ожгло раскаленным воздухом, словно над нами пронесся реактивный самолет. В десятке шагов слева, а затем и в сотне шагов за гребнем в небо прямо из земли взметнулись ревущие столбы огня.

— Запасные норы, — прошептал Клотар.

Я понял его только по движению губ, огонь расшвыривает комья земли с таким надсадным воем, что мурашки по

всему телу, все трястется перед глазами, а когда фонтан огня, как гейзер, выметнулся чуть ли не за четверть мили отсюда, я понял, что амулет Клотара в самом деле сумел разить чудовищную температуру, словно взорвавшийся в туннеле метрополитена бензовоз.

— Да, — протянул Альдер с глубоким уважением, — это мощь... Я слыхивал о таких Плевках Дракона, но видеть не доводилось. Говорят, их находят только в королевстве Шумеш.

— Я купил в другом месте, — ответил Клотар коротко. — Ну, можем идти?

Я кивнул.

— Надеюсь, там, под землей, вообще вулкан.

Мы сдвинулись на три шага, и тут россыпь камней за спиной взлетела в воздух, словно там взорвался фугас. Во весь рост поднялась исполинская фигура человека... во всяком случае, похож на человека, разве что пригнулся, набычился, на голове горят, но не сгорают волосы, на одежде, сапогах трепещут жаркие языки пламени, однако стоит неподвижно, только поводит по сторонам круглой, как у кошки, головой.

Мы вжались в камни, я судорожно хватался то за лук, то за молот, Клотар что-то шипел, как змея, а человек повернул голову в нашу сторону, я услышал хриплый рев, грузная фигура, окруженная огнем, качнулась и двинулась к нам.

— Чтоб ты сдох, — выкрикнул Клотар.

Я вскочил, молот уже в ладони, швырнул, за молотом протянулся мерцающий след, донесяся глухой удар, человека отшвырнуло, я выставил руку, рукоять хлопнула по ладони, но на пояс я не успел повесить, человек поднялся снова. Его шатало, огонь по-прежнему горит на одежде, на волосатых руках и голове, однако через пару мгновений он отыскал нас взглядом, сделал шаг, другой...

Молот снова вырвался из моей руки. Послышались хлопки, затем знакомый глухой звук удара, который ломает даже самые толстые кости, человека отшвырнуло шагов

на пять, некоторое время он барахтался, заживляя раны, затем так же медленно поднялся на ноги.

— Он залечивает себя! — вскрикнул Клотар. — Потому и не сгорел!

Всезнающий Альдер объяснил быстрым шепотом:

— Калиносский Червь может принимать формы разных зверей, но почти никогда этого не делает, ибо все мельче его, а каждый стремится быть крупнее и страшнее.

Вперед бесстрашно выдвинулся брат Кадфаэль, но его от слабости все еще качало, Альдер ухватил за плечо и дернул назад. Конечно, хорошо бы не простым огнем, что хоть и развивает температуру мартеновской печи, но все же простой огонь, но брат Кадфаэль умеет, оказывается, насыпать святой огонь, в котором очищают души ведьм, вампиров и прочей нечисти...

В третий раз я метнул молот, когда человекообразное чудовище приблизилось совсем близко. Молот отбросил его шагов на пять, я отчетливо видел размозженную грудь, вылезшие кости, что сразу же стали укорачиваться, грудь быстро обретала прежнюю форму... но не успела: Клотар подскочил в три прыжка и с ходу обрушил меч.

Огромная голова откатилась в сторону. Альдер подбежал с распахнутым мешком, вдвоем с Ревелем поспешило затолкать ее вовнутрь.

— Так он ничего не увидит! — крикнул Альдер.

— А толовище? — спросил я

— Проживет до заката. Но теперь уже не страшно, пусть трепыхается.

Мы повскакивали на коней, отъехали на четверть мили, спешно разожгли костер и спалили голову человека-змея.

— Надо было в оленя, — сказал Клотар. — Или в птицу. Больше шансов ускользнуть.

— Мои стрелы догонят, — напомнил я самоуверенно.

— Он же не знал. А в Человека Лавы превратился, потому что тому огонь не страшен. Эх, не догадался! На него если плеснуть воды хоть кружку, он сразу бы рассыпался.

Я выждал, от черепа остался пепел, поднялся.

— В дорогу! Найти и...

— ...обезвредить, — закончил Альдер. Посмотрел на меня сердито и добавил с вызовом: — И спаси похищенную леди Женевьеву!

Навстречу задул сильный ветер. Возможно, просто ветер, надо же где-то дуть, но теперь я подозреваю всех и каждого, у Грубера вполне мог отыскаться еще амулет, что направленно меняет воздушные потоки, как это древние да не поиграли с управлением погодой, если уже наши грандональчики по каждому поводу поднимают самолеты и посыпают тучи серебром?

Ветер дул свирепо, люто, взревывал и выл в ушах, пытался выдрать волосы. Над холмом темной массой стояла черная грозовая туча. Из нее непрестанно били молнии: прямые, изогнутые, ветвистые, похожие на изломанные пружины. Все упирались в вершину и склоны холма, трепетали, исчезали, давая место другим.

Альдер прокричал через ветер:

— Надо обогнуть!.. Что-то буря чересчур...

— Ничего, — крикнул в ответ Клотар, — мы и так проедем в полумиле.

— Ветер слишком уж...

— Но не делать же крюк, обходя еще и болото?

Альдер вздохнул так, что перекрыл рев ветра.

— Ладно, едем Старой Дорогой.

Я подозвал Ревеля:

— Странная туча, верно?

Он отмахнулся:

— Не знаю. Я уже привык.

— Привык?

— Ну да. Как-то раз двадцать проехал мимо, а потом почти перестал обращать внимание. Правда, сегодня буря вроде бы слишком... Обычно все тише, хотя молнии бьют все так же.

Я всмотрелся в вершину холма. На моих глазах ударила

молния, целый плазменный столб, что не просто вошел в холм, а некоторое время дрожал, рассыпая огромные искры, похожий на огненное дерево, чьи корни глубоко в земле, а крона прячется в туче.

— И давно так?

Ветер ревел и свистел в ушах, Ревель прокричал:

— Да кто его знает?.. Дед мой говорит, что всегда так было. А ему дед рассказывал, что и в его детстве туча стояла все так же. И молнии постоянно долбили, изгоняя какого-то демона. Наверное, очень сильного, если все еще не изгнали.

Холм с нависающей тучей постепенно сдвигался направо, ветер сменил направление, с ревом и свистом пытаясь нас утащить вместе с потоками воздуха к эпицентру схватки.

Ревель сказал угрюмо:

— Хуже другое. Мы все ближе к Убежищу Темного Ангела. А я не люблю таких мест.

— Чепуха, — тотчас возразил Альдер. — Там всего раз в году что-то бывает... Да и то наверняка байки.

Ревель сказал хмуро:

— Я слыхивал, что в Темном Пятне раз в пять лет появлялся лиловый водоворот из неизвестного. И сквозь этот водоворот можно попасть прямо в ад, где сам дьявол даст тебе великую силу, богатства и вообще все, что захочешь! Если туда бросить девственницу, то... словом, вообще у дьявола станешь любимцем, он будет тебе помогать во всем.

Я хмыкнулsarкастически. Брат Кадфаэль перекрестился.

— Суеверия, поклонения дьяволу... До чего же жалок род людской!

Ревель сказал обидчиво:

— Знаете, за девственницу из лилового омута давали нечто такое, что иной туда готов загнать всех девственниц на свет!.. Кончилось тем, что последний из колдунов, получив желаемое, построил на том месте замок и с тех пор

сам приносит жертвы. С каждым разом он становится все сильнее и сильнее.

Я посерезнел.

— И давно построил?

— Лет двести. Или больше, никто не знает. Здесь народ простой, никто летописей не ведет, а колдун нигде не бывает, кроме Темного Пятна.

— Силу копит, — предположил Альдер.

— Да уж... — ответил Ревель.

Мне стало неуютно, плечи сами по себе передернулись, словно по голой спине пробежала поземка. Клотар скосил глаза, надменно выпятил подбородок. Только он не вмешался в разговор про этого колдуна и его замок, словно считал ниже своего достоинства говорить о вещах, которые нельзя проверить на острие меча.

Альдер поглядывал на Клотара недружелюбно, в последнее время все чаще возражает ему, справедливо полагая, что тот слишком уж усиливает позиции в нашей иерархии.

Часть 3

Глава 1

Брат Кадфаэль сильно отстал, я время от времени оглядывался, готовый в любую минуту ринуться на помошь, монах беззащитен, но все-таки глупо разбойникам или кому там пропускать нас и нападать на бедного и худого монаха, явно нищего. А ту опасность, что впереди, мы сметем сами. Ревель едет сосредоточенный, настороженный, я пустил коня рядом и сказал:

— Ну что, молчун? Что еще знаешь об этом Убежище Ангела?

Он торопливо перекрестился, на лице испуг.

— Ваша милость, неужели едем туда?

— Ни за что, — сказал я успокаивающе. — Просто надо знать обо всем, что поблизости. Как думаешь?

— Думаю, правильно мыслите, ваша милость, — ответил он степенно, надуваясь от гордости, что лорд спрашивает совета именно у него. — Убежище... да не просто Ангела, а Темного — нехорошее место! Даже совсем плохое, если не сказать крепче.

— Чем?

— Оно в Темном Пятне, — объяснил он со значением.

— Ого, — протянул я. — Еще и Темное Пятно. А чем оно... нехорошее? Я понимаю, уже тем, что темное, но... чем-то еще?

Он напыжился еще больше, проговорил таинственным голосом:

— Вообще-то долина как долина, но там иногда, только иногда, творятся чудные... а значит, нехорошие вещи, ибо Господь Бог право творить чудеса оставляет только за собой. Ночью иногда светят другие звезды, дважды за последние сто лет видели две луны. Одна большая, впятеро больше нашей!.. Да и днем иногда бывает так, что люди видят на месте развалин целые замки, крепости, а на месте выжженных песков — цветущие сады.

Я буркнул:

— Миражи.

— Нет, — возразил Ревель. — Миражи — это... видения, насылаемые нечистой силой. А в тех садах удавалось срывать спелые яблоки, кое-кто успевал сожрать. Если кто ловил и душил гуся или другого, как вы говорите, миражного зверя, тот оставался и потом, когда мираж пропадал... какой же это мираж?

— Да, — согласился я озадаченно, — это не совсем мираж. Или совсем не мираж.

Клотар далеко впереди остановился, свесился с седла. Я видел, как хватает верхушки трав, подносит к лицу. Пес прыгает вокруг, что-то объясняет на собачьем языке. Когда мы подъехали, Клотар поднял голову, лицо озабоченное.

— Ничего не пойму... Они разделились. Один поехал прямо, второй налево, а третий направо.

— А Грубер куда? — спросил я.

— А леди Женевьеве? — одновременно со мной спросил Альдер.

Клотар продолжал хмуриться, сказал озадаченно:

— Похоже, ее лошадка совсем охромела... Ее отпустили, она убрела вон к тем кустам, а Грубер взял леди к себе на седло. Это заметно, следы стали чуть глубже.

Альдер взглянул на следы, фыркнул:

— Ну уж и глубже! Так, чуть-чуть.

Клотар взглянул на меня в упор.

— Что делать будем? Если ринуться прямо за Грубером,

то эти двое могут всадить в нас по паре стрел, а нам этого хватит. А если еще и успеют отребья навербовать...

Я подумал, ничего в голову не лезет умное или правильное, но решать мне, потому сделал суровое лицо и велел:

— Мы тоже рассыплемся в широкую цепь, чтобы не стать легкой мишенью. Даже сделаем проще: ты, Клотар, иди по следу левого, Альдер — за правым, Ревель, дождись и охраняй брата Кадфаэля. Встречаемся... ладно, вон видите холм с лысой макушкой? Все соберемся у его подножия.

Они даже не спросили, какой след выбрал себе я, это понятно, тут хоть и нет придорожного камня с надписью, мол, направо поедешь, налево поедешь, только прямо не езжай — навернешься о камень, но я герой и вожак, мне только прямо. Ревель крякнул горестно и стал дожидаться монаха на бегущем рысью муле, а мы все галопом ринулись вперед, расходясь в очень жидкую цепь.

Похоже, я все-таки сбился с пути. Ехал около часа, сперва по конским следам. Потом обнаружил, что уже давно следую за лосем, а то и кабаном, у него тоже копыта, а все следы подков испарились. Одна надежда, что на следы Грубера наткнется кто-то из наших, а мне бы только найти дорогу обратно или соединиться со своими. Сейчас даже вершина лысого холма скрылась из виду за высокими деревьями. Дурак, почему не выбрал для привязки к местности что-нить повыше. Облачко в небе, к примеру.

Вообще-то идиотский приказ насчет рассыпаться и двигаться каждому за своей целью, но я всегда умный по-тому, на лестнице, а то и на улице, у меня спинной мозг намного мощнее головного, что, конечно же, хорошо, ведь головному меньше миллиона лет, совсем сопляк, а спинному — сотни миллионов, даже больше, он уже принимал решения, когда был хордовым...

Пес надолго исчезал в лесу, возвращался довольный, длинный язык облизывает нос и губы, вымазанные не то в птичьих яйцах, не то в остатках пчелиных сот.

— Все, — признался я, — сдаюсь... Не мое это дело зарничничать в нехоженом лесу. Да если честно, я и с указателями на каждом шагу заблужусь, ибо я — человек, который звучит... несмотря ни на что, гордо! Ибо так сказал сам о себе... Бобик!

Пес примчался, бухнулся толстым задом оземь, показывая высшую степень выучки и одновременно половину всего, что умеет.

— Бобик, — сказал я строго, — мы сейчас идем к Альдеру... Нет, тот мог еще не успеть... лучше к Клотару. Этот жук наверняка уже у лысой горы.

Бобик выслушал внимательно, тут же сорвался с места, я прикрикнул, он виновато прижал уши и побежал ленивой трусцой, постоянно оглядываясь и проверяя, сильно ли отстали, не сбросило ли меня веткой с дерева.

Всего через четверть часа между деревьями мелькнула избушка. От радости я едва не ринулся через кусты напролом, лишь в последний момент сдержался, слез с коня, осторожно выглянув из-за веток. Пес тоже, подражая мне, выглядывал из-под ветки ниже, сопел, дышал шумно, колыхая траву и распугивая муравьев, но глаза его настороженно наблюдали за домиком.

— Оставайтесь здесь, — велел я. — Ждите!.. Дальше я пойду один.

У домика привязаны четверо коней, сердце тукнуло чаще, крайний слева — конь Клотара. Я обогнул домик, пригибаясь и прячась за пнями и упавшими деревьями, подобрался с глухой стены, а оттуда потихоньку перебежал к стене с окном, присел, прислушиваясь к голосам. Кто-то грубый и крупный, судя по голосу, говорил резко и властно:

— Тебе лучше рассказать подробно, с кем они приехали. И какие у них трюки в запасе. Тогда, обещаю, умрешь быстро.

Второй голос, мелкий и смешливый, добавил злорадно:

— Заупрямишься, мы с тобой поработаем. И все равно расскажешь.

Я вытащил меч из ножен, сердце начинает колотиться, как у труса, быстро перебежал к двери, дернул с силой. Подалась без скрипа, хорошие здесь хозяева, быстро шагнул вовнутрь. За столом сидит связанный Клотар, волосы справа торчком, словно выпачканные красной краской, алая струйка лениво сползает по виску.

Тroe оборванных мужчин в потертых кожаных доспехах рассматривают его, как коршуны цыпленка, один держит Клотара сзади за шею. На воинов Грубера совсем не похожи, те одеты получше, да и вид у этих больно шакалистый.

На звук шагов обернулись, я выставил перед собой меч. Узкое длинное лезвие холодно заблестело, бросая слабые отблески, словно полоска льда под лучами заходящего солнца.

— Никто здесь не умрет... — сказал я громко, — если не сделает ошибку. Клотар, кто эти люди?

Он смерил меня крайне недружелюбным взглядом, что и понятно, никто не любит, когда застают в таком положении, буркнул:

— Обычные бродяги, ворье... Грубер объявил везде, что кто задержит нас или убьет, тот получит сто золотых монет!.. Да за эти деньги сюда слетится дряни...

Все трое уже пришли в себя, осторожно посматривали на меня и мой меч, а он такой, что внушает почтение, у простых воинов таких мечей не бывает, да и я выгляжу достаточно крупным и рослым, чтобы даже за глаза считать меня героем.

— Вот что, — сказал один хмуро, — кто бы ты ни был, но нас трое.

— Сейчас будет двое, — пообещал я. — А если кто движется или шелохнется, останусь я один.

Один побагровел, рука потянулась к рукояти меча. Я сделал быстрый шаг вперед, полуопрозрачное острье коснулось повыше локтя и погрузилось на два пальца, как показалось мне вначале, но кончик тут же высунулся со стороны трицепса. Он вскрикнул, вздернул руку и захватил

пальцами другой руки раненое место. Красные струйки свободно потекли между пальцами.

— Своловь!

— Заживет, — пообещал я. — А вот если голову...

Он поспешил отступить на шаг. Я огляделся, остальные двое попятались к стене с бледными лицами, смотрят на меня выпученными глазами. Никто из них не видел, чтобы меч вошел в плоть с такой легкостью, словно ткань рубашки облекает не руку, а пустоту.

— Я могу порубить всех, — сообщил я. — Но я добер, очень добер! Сам не знаю почему. Наверное, съел что-нибудь. Так что убирайтесь, пока целы, и сообщите своим, что со мной целая армия совсем не таких белых и пушистых, как я... лапочка. Уж они умеют вытаскивать кишку из живых и сажать на колья так, чтобы до-о-о-олго могли стоять на цыпочках!

Они, испуганно глядя на мой меч, униженно бормоча благодарности благородному лорду, проскользнули под стеной к двери. Я смотрел в окно, как они огляделись, но моего коня не видать, а это только значит, что рядом в самом деле может быть армия, не пришел же я пешком, похватали своих коней и унеслись, страшась к коню Клотара даже приблизиться.

Я разрезал веревки, он сообщил зло:

— Их не было, я же читаю следы!.. Но только заглянул в эту комнату, как сзади дубиной по голове...

— Со всеми бывает, — оборвал я. — Сам попадался. Ничего, ты бы выбрался и без меня, знаю. Я только ускорил чуть...

Он посмотрел недоверчиво, в самом ли деле так думаю или просто утешаю, но в любом случае спасибо, хотя я не очень-то и кривил душой: разбойники в самом деле выглядели жалко, Клотара захватили только по случайности, а он достаточно крут, чтобы как-то освободиться и их перебить.

С порога я свистнул, из леса наперегонки ко мне метнулись две горячие черные молнии: побольше и поменьше

ше. Зайчик, подражая псу, чуть было тоже не бросился мне на грудь, я уклонился, потрепал по шее, поцеловал в умную морду. Пес запрыгал, требуя, чтобы и его в умную морду, да еще погладил, почесал.

Клотар вздохнул завистливо, его конь покорно подставил спину, Клотар сказал уже с высоты седла:

— Но кое-что узнал. Эти вороны болтают почем зря...

— Что? — спросил я торопливо.

— Грубер совсем рядом, — сообщил Клотар с некоторым чувством удовлетворения. — Вон там, за лесом, его временное убежище. Туда велел загодя доставить даже повозку для женщины.

Сердце мое забилось чаще, я сказал горячо:

— Только ради этого стоило попасть к этим воронам в руки. Или ты нарочно?

Он скрупульзно усмехнулся, но на крючок не попался, покачал головой.

— Теперь к логову?

— Нет, — сказал я решительно. — Отыщи Альдера и Ревеля с монахом, а я пока подъеду поближе. Вдруг да снова ускользнут? Лучше пострему ворота.

— Я приведу наших, — пообещал Клотар.

Некоторое время мы скакали рядом, лесок повернулся боком, открылась старинная, наполовину разрушенная крепость. Я вздрогнул, крепость что-то смутно напомнила. Как и высокая стена, окружающая странный ее периметр, высокие башни... Не будь обе башни из тяжелых каменных блоков, издали принял бы за огромную межконтинентальную ракету, нацеленную в зенит. Вот даже вспомогательные дюзы по бокам...

— А зачем эти... — спросил я, — ну, вот это?

Клотар бросил беглый взгляд, пожал плечами.

— Каравулки? В старину, говорят, использовали как сторожки на входе. Потом решили, что неудобно. Однако еще долго строили, так принято. Говорят, в этом какой-то высокий смысл, ныне потерянный. Но теперь там одни

руины. Грубер там не останется, сейчас логово у него там потому, что место пользуется дурной славой...

Он повернул коня и понесся прямо через заросли. Я застывливо вздохнул, мне бы так ориентироваться в чужой местности, тронул поводья. Зайчик пошел тихой рысью, пес несколько раз пытался выдвинуться вперед, но я грозно цыкал, и он послушно отступал, все-таки в нашей стае вожак — я.

Крепость старая, немыслимо старая. Еще от тех древних времен, когда, возможно, создавались легенды или сказания о таких вот рукотворных чудесах, с ревом взывающих в потоках огня в небо. И колдуны на обломках старой цивилизации пытались строить из камня подобные здания, в тщетной надежде, что в такой форме заключен великий смысл, таинственная мощь, что даст силы, власть, богатство, много женщины...

Я снова оставил Зайчика и пса в лесу, строго велел дожидаться, а сам прокрался к руинам, с легкостью взобрался по выщербленной стене, это почти то же самое, что подниматься по крутым, хоть и повыщербленным, ступенькам, осторожненько выглянув с гребня.

Во дворе огромный костер, вокруг люди, только двух можно зачислить с натяжкой в настоящие воины, остальные — отребье, но все с оружием. Под противоположной стеной крытая повозка, двое мужчин с руганью запрягают упирающихся лошадей. Я понаблюдал за повозкой, но не похоже, что кто-то в ней есть.

Сами по себе руины настолько ветхие и грозят вот-вот рассыпаться, что вряд ли Грубер станет держать леди Женевьеву долго в этих сырых и мрачных стенах, где давно уже не живут и наверняка не убрали даже кости прежних владельцев. Еще один костер, поменьше, под огромным каменным навесом, что укрывает почти третью двора от дождя и града. Там на вертеле жарят целого быка, ветерок донос аромат печеного мяса.

Проклятый камень рассыпался подо мной, как будто я

навалился на глыбу песка. Я ощущал, что сползаю, дернулся, пытаясь попятиться или зацепиться, но опоздал, падение ускорилось, еще несколько мелких камешков сорвались вниз, там услышали шум, посмотрели вверх, начали разбегаться, выхватывая оружие.

Я уже почти летел, дважды перевернуло, небо и земля поменялись местами, ощущал, что падаю, ухватиться не за что, через несколько долгих мгновений земля ударила снизу с такой силой, что из груди вырвался всхлип вместе с кровавым пузырем из рта. Боль, слабость, тошнота, звон в ушах, но все проходит быстро, я с трудом поднялся, все качается, рассмотрел десятка два оборванцев, все с ножами, мечами, дубинками и палицами, окружили меня, сзади стена, с которой так неудачно понаблюдал, рейнджер хренов...

— Здоровый, бугай, — сказал один.

— Живучий, — поправил второй. — С какой высоты ляпнулся!.. Другой бы все кости переломал!

— А может; он и переломал, — сказал третий знающе. — Видишь, глазами лупает, ничего не понимает.

— Это и есть тот самый, за голову которого сто монет?

— Похоже... Вон какой здоровый.

Они начали приближаться, на лицах страх и жадность, это же сто золотых монет в их руках, но кому-то придется умереть, не увидев богатства, золотом за так просто не плачтят...

— За бароном послали?

— Да... вон их милость!

Из темного входа донжона торопливо выбежал Грубер. Обнаженный до пояса, с мечом в руке, он был не просто прекрасен, он выглядел как античный бог. Мускулы тугими узлами выделяются на разнесенной в стороны груди, на плечах бугрятся чугунные шары мышц, крепкая шея, широченная спина, живот в квадратах, узкие бедра в тугих кожаных брюках и длинные ноги в высоких сапогах с золотыми шпорами.

Он всмотрелся, на красивом лице расплылась широкая улыбка.

— Жени! — позвал он. — Взгляни, кто к нам пожаловал!

Из-за его спины вышла Женевьеве, сильно похудевшая, еще более смуглая, волосы в беспорядке, платье обтрепано, как у бродячей цыганки. Она бросила на меня хмурый взгляд, тут же отвернула в сторону. Из донжона вышли двое слуг, один взял Женевьеву за руку и свел по ступенькам во двор.

Она еще раз оглянулась, а второй слуга забежал вперед, распахнул дверцу в повозке. Женевьеве поставила ногу на ступеньку, оглянулась в третий раз, на этот раз пересилила гордость и крикнула:

— Да, да, да!.. Я ошиблась, я была не права! Вы это, сэр Ричард, хотели услышать?

Она вдвинулась в повозку и с силой захлопнула за собой дверцу. Со ступеней медленно спускался Грубер, в руке уже меч, на лице нехорошая улыбка.

— Вы уже поняли, да?.. А священника отыщем как-нибудь... потом.

— Не думаю, — ответил я настороженно, — что ваш брак признают в свете.

Он отмахнулся.

— Признают. Но пусть вас это не волнует. Это такие пустяки по сравнению с тем, что сейчас мы с вами решим: содрать кожу с живого или на медленном огне?.. Может быть, неторопливое расчленение будет интереснее?..

Я уголками глаз следил за остальными. Они взяли меня в широкое кольцо, выставив перед собой острия копий, мечей, угрожая кинжалами, дубинками. Уже не двадцать, а все тридцать. В моем состоянии не справиться. Да еще человек десять высыпало на каменный выступ, что укрывает часть двора, у многих в руках луки. Очень предусмотрительно, до них не добраться, а они успеют перестрелять туеву кучу народа.

Грубер сказал насмешливо:

— Говорят, ты — рыцарь, но что у тебя на поясе за молот простолюдина?.. Надеешься, что возьму тебя в кузнецы?

Копейщики загоготали. Я медленно нащупал рукоять молота, покачал головой, словно бы медленно приходя в себя после сильного удара темечком о камни и сам удивляясь:

— А в самом деле. Я его лучше выброшу, можно?

Грубер сказал, смеясь:

— Выброси. Только не зашиби ногу кому-нибудь из моих людей. Иначе умрешь очень медленно. Хотя... гм... может быть, и так умрешь медленно. А после молота отстегни и медленно положи меч...

Я швырнул молот, держа взглядом нависающий балкон с лучниками. Грубер посмотрел на меня непонимающе, не сразу насторожился, но уж слишком резко и решительно я бросил, почему-то по косой вверх, поднял взгляд вслед за молотом, тут же раздался страшный треск.

Земля вздрогнула, раздались душераздирающие крики. Массивный каменный выступ рушился целиком, разваливаясь в воздухе, а от стены отделился огромный кусок и падал следом за площадкой лучников. В воздухе трепетали одежды, разлетались луки, шляпы.

Внизу во дворе еще стояли, глупо задрав головы, в их тупые мозги никак не могло уложиться, что такая непомерная масса камня падает им на головы, я прыгнул, упал и, покатившись, сбил двоих с ног, что все еще смотрели в небо. В растопыренную пятерню смачно шлепнуло рукостью, я бросился через двор, прыгнул через костер и влетел в повозку.

Леди Женевьеве испуганно вскрикнула, я зарычал, оскалив зубы, возница с ужаею соскочил с козел. Дрожащий слуга пытался сопротивляться, но так трясся, что я смахнул его с повозки, как пыль. Ухватив одной рукой вожжи, я заорал, кони ринулись вскачь, я судорожно направлял их бег вдоль стены в сторону ворот.

— Закрывайте! — заорал далеко позади Грубер. — Рубите...

Двое далеко впереди ринулись к воротам, а коням еще надо обогнуть второй костер с быком на вертеле, через костер не пойдут, я стиснул зубы, оглянулся. Земля все еще вздрогивает и гудит, на том месте, где башня, поднимается облако пыли, похожее на ядерный гриб.

Глава 2

Открытая арка ворот приближалась стремительно, и в этот момент один из оборванцев, видя, что не успевает освободить канат, выхватил острый нож и перехватил в два быстрых удара. Решетчатая стена рухнула со скрипом, лязгом, острия впились в землю с таким звуком, будто десяток копий вошли в тушу слона.

— Умойтесь! — крикнул я.

Молот вылетел из моей руки, как гигантский камень из требушета. Ворота с металлическим лязгом разлетелись на десятки блестящих полос стали. Кони даже не замедлили бег, мы вылетели на огромной скорости. Я оглянулся, далеко в пыльном облаке уцелевшие ловили испуганных коней и пытались вскочить в седла.

Женевьеву тряслось, она смотрела дикими глазами:

— Я... я...

— Слышал, — оборвал я. — Вы сожалеете. Я ваши извинения принял.

Она умолкла на миг, затем сказала тем же потерянным голосом:

— Я не только поступила очень глупо, сознаюсь... Увы, я поступила еще и очень подло.

— Надеюсь, — ответил я, направляя вожжами коней к дороге, — ваш батюшка подберет вам достойного мужа, который закроет глаза на ваши грешки... по молодости и дурости. И не даст поступать, как вы поступили, в будущем.

Она взглянула искоса:

— Вы ведь знаете, о чем я?

— О молоте, — сообщил я злорадно. — Но вы, дорогая

леди, не знали, что в чужих руках это простой молот. А вот любой деревенский молот в моих благородных дланях паладина обретает святую мощь и способность порхать, аки воробышек.

Она подавленно молчала, я даже не наорал за предательство, настолько презираю, это все равно, что орать на лягушку, вздумавшую сесть отдыхать на сапог существа, которое звучит гордо.

Я громко свистнул, в стороне затрещали кусты. Зайчик и огромный черный пес выметнулись из зеленых зарослей, понеслись наперерез. Пес на ходу подпрыгивал, стараясь заглянуть в окошко, я крикнул строго:

— Не балуй!.. Она может укусить, а зубы у нее ядовитые.

Женевьеве подавленно смолчала. Коляска выехала на более-менее просторную дорогу, я осмотрелся с козел, крикнул:

— Бобик!.. Бобик!.. Ищи Клотара, ищи Альдера, Ревеля, монаха!.. Понял? Ищи и веди сюда.

Он посмотрел на меня внимательно, мне показалось даже, что кивнул, в следующее мгновение только пыль взлетела под бешено работающими лапами. Он понесся стрелой, я тупо смотрел вслед, даже не бегает кругами, не ищет след или учゅял где-то спрятавшуюся в кустах птицу...

— Вперед! — сказал я коням. — Вперед, дохлыя!.. Оказывается, собачка их почуяла еще отсюда...

Через полчаса показались скачущие навстречу всадники. Клотар впереди, Альдер и Ревель охраняют брата Кадфаэля на мule, в руках блестит обнаженное оружие.

Я с удовольствием смотрел, как раскрылись глаза и отвисли нижние челюсти, когда я остановил повозку, спрыгнул и распахнул дверцу. Женевьеве показалась в проеме, на обычно надменном лице не свойственное ранее смущенное выражение. Мне показалось, что она старается ни с кем не встречаться взглядом.

Альдер опомнился первым, скатился с коня, подбежал и подал руку.

— Прошу вас, леди Женевьеве!.. Как мы счастливы, что удалось вырвать вас из рук похитителя!

Она взглянула недоверчиво, но Альдер сама искренность, и в ее глазах простило нечто вроде благодарности. Опираясь на руку ветерана, царственно сошла на землю. Честно говоря, даже в этом потрепанном и уже замызганном платье красива, даже еще больше красива, чем тогда в роскошном и с высокой прической.

Клотар и Ревель смотрели на нее молча, в глазах медленно тает враждебность, все-таки красота — страшная сила, обезоруживает с легкостью даже самых стойких, на этом погорели Самсон, Кощей, Навуходоносор и товарищ Нагульнов.

Разожгли костер, расседлали коней, пусть отдохнут, а нам после короткого обеда можно тоже в обратный путь. Хотя особенно обратным не назовешь, везти придется не к Маркварду, а к герцогу Нурменгу, отцу леди Женевьевы, но Грубер, к счастью, увозил Женевьеву на юго-восток, так что придется сделать совсем небольшую поправку.

Клотар и Альдер с энтузиазмом разделяли дичь, Ревель вытащил все запасы с пряностями, Женевьеву с великой неохотой, понуждаемая братом Кадфаэлем, рассказывала, как она убежала к Груберу, как он обещал вызвать на рыцарский поединок этого заносчивого Ричарда и разделаться с ним, а сам тайком засыпал к нему убийц, что, конечно же, совсем не по-рыцарски. Она как-то высказала ему свое отношение, он накричал, заявил, что в Диком Поле другие правила, здесь главное выжить и победить любой ценой, тогда она совсем возмутилась: как это «любой ценой»? А если ценой подлости? На что он ответил, что нет ни подлости, ни благородства, а есть только трезвый расчет и прямая выгода. Может, даже косвенная, но чтобы обязательно выгода.

Вот тогда, закончила она, пришло понимание, что она совершила громадную ошибку. Была бы возможность, убежала бы снова, все только и говорили, что их по пятам пре-

следуют страшные воины Рачарда, которых никакое оружие не берет... Увы, Грубер что-то заподозрил, не спускал с нее глаз.

Клотар спросил меня в который раз:

— Так уцелел Грубер или нет?

— Скорее всего, нет, — ответил я честно. — Он был там прямо под падающими камнями... Однако про такого я не скажу наверняка. Мелочь подавило сразу, но он не зря стал из разбойников бароном. У него есть и сила, и ловкость, и звериная сообразительность. Он выдающийся самец, не зря наша леди купилась.

Женевьеве поморщилась, а брат Кадфаэль спросил осторожно:

— Если Грубер уцелел... будем предполагать, что Господь дал ему время, чтобы пересмотреть свою жизнь и раскаяться... то что он будет делать?

Альдер ответил за меня, хоть это и невежливо, но в нашем тесном отряде чуточку стерлись различия между моей милостью и простолюдинством остальных:

— Ему остается только скрыться... как можно дальше. В те края, где не знают о его позоре.

Ревель спросил:

— А почему не набрать новую шайку?

Альдер фыркнул:

— А кто к нему пойдет после такого разгрома? Сэр Ричард, можно сказать, был у него в руках! Кто пойдет к неудачнику, который так позорно упускает попавшего в его логово, да тот еще уводит драгоценную женщину?

Женевьеве заметила, что я поморщился при слове «драгоценная», виновато опустила голову, ну прям овечка Долли, Ревель подумал, кивнул.

— Да, убежит в дальние земли. А там начнет все сначала.

Клотар слушал с непроницаемым лицом, но на последнем слове фыркнул. Альдер спросил с неприязнью:

— Ты не согласен?

— Нет.

— Почему?

— Грубер, — ответил Клотар, — все-таки рыцарь. Пусть и разбойник. Пусть и.. Словом, он может...

— Что? Что он может?

Клотар ответил медленно:

— Он может вспомнить, что когда-то он получил рыцарские шпоры не за разбой и разгульную жизнь.

Мы ели медленно, можно сказать — пировали, наконец-то наслаждаясь окончанием нелегкого квеста. За нашими спинами по-домашнему хрустел ветками Зайчик, он подошел совсем близко и рассматривал нас багровыми глазами, а Бобик усился у костра вместе с нами и всячески показывал, что жареное мясо он еще как обожает, а если с перчиком и горчицей — то еще лучше!

Вдруг послышался далекий стук копыт. Клотар оглянулся, встал. Мы смотрели, как он приложил ладонь козырьком к глазам, всматривался недолго, нехорошая улыбка скользнула по губам.

— На сколько мы с тобой заспорили, Альдер?

— Мы не спорили! — быстро сказал Альдер.

— Жаль. Вот и Грубер собственной персоной.

Со стороны великолепного кровавого заката на полнеба по такой же красно-багровой земле едет в нашу сторону огромный всадник на красном, как запекшаяся кровь, коне. Конь покрыт голубой попоной в крупную клетку, всадник в великолепных доспехах, шлем приторочен к седлу, открывая красивое мужественное лицо, светлые волосы красиво блестят в красных лучах, как червонное золото.

Я поднялся, сердце начинает колотиться учащенно, нагнетая чего-то там в кровь, я чувствую, как вздуваются мои мышцы, что здесь вовсе не выглядят средними. Грубер, высокий стройный красавец, доспехи сидят ладно, словно от Версаче, широкая перевязь расшита узорами, но без золота, сапоги с золотыми шпорами рыцаря, а сам Грубер выглядит хищным и опасным, что-то вроде облагороженного пирата. Меч не длинный, не короткий, а именно такой, каким легко не только рубить, но и фехтовать, наносить быстрые смертельные удары. В рукояти скupo по-

блескивают всего два синих камня, на коричневом от солнца лице горят ярко-синие, как камни в рукояти меча, глаза.

Он неторопливо слез с коня, снял с крюка и второй меч, огромный, двуручный. Конь повернул к нему голову с умными печальными глазами, Грубер забросил поводья на седло и шлепнулся по крупу, отпуская. Затем повернулся ко мне.

— Я не знаю, — сказал он мужественным голосом, — кто ты и откуда пришел. Но я, барон Грубер, властелин Дикого Поля и всех этих мест, намерен тебя вернуть в ад!

— Я, Ричард Длинные Руки, — ответил я, — паладин Церкви, прошу Господа успеть отпустить тебе грехи до того, как мой меч освободит твою мятежную душу из смертного тела!

Он усмехнулся.

— Мятежную... это хорошо, спасибо.

Он не смотрел в сторону леди Женевьевы, хотя все мы понимаем: весь этот спектакль для нее. Последняя попытка реабилитации, шанс доказать, что он — рыцарь, что приехал сам в логово противников, не убоявшись их оружия, и вот сам вызывает их вожака. Вообще-то не дурак, мелькнуло у меня. При всей безумности разом может вернуть все, что потерял, если сумеет меня завалить. Альдер и Ревель служат мне, но если паду, автоматически освобождаются от служения и могут быть наняты Грубером. Правда, остается Клотар...

Я медленно потащил из ножен меч. Доспехи Грубера блестят красиво, уже не только волосы, но и все железо на нем в лучах закатного солнца выглядит выкованным из дорогого червонного золота. Снял с луки седла шлем, тряхнул гривой золотых волос, они красиво метнулись блестящей волной и рухнули на плечи, кумир оруженосцев и мечта женщин... попроще. Синие глаза смотрят насмешливо, в правой руке рукоять эспадона, а лезвие длинного меча покойится на плече.

Он остановился шагах в семи от меня, требовательный

взгляд упал на Альдера и Ревеля. Альдер заворчал, завозился, не поднимаясь, словно зацепил анусом корешок женьшена и старается выдернуть втихаря, но не встал, а Ревель вскочил, побежал и помог надеть и закрепить глухой шлем с мелкой решеткой.

Глядя на Ревеля, крепкого воина, я оценил, насколько Грубер превосходит его в росте, насколько шире в плечах и насколько больше на нем железа, которое носит с той легкостью, словно это его родная кожа.

Сам я старался не показать, как у меня начинают подрагивать ноги. Меч обнажил, опустил острием на камень и оперся рукой на рукоять, но старался не нажимать, а то расколет или, что хуже, войдет, как в сырую глину. Еще в первую встречу я рассмотрел, что Грубер выглядит атлетом: высок, литые плечи, разнесенные в стороны, выпуклая грудь, толстая шея, а сейчас вся эта мощь закована в первоклассные доспехи, вооружена мечом, что не короче моего, и, кажется, его меч отковали тоже не в деревенской кузнице.

— На смерть, — сказал он и отсалютовал мне мечом.

— На смерть, — ответил я так же, но получилось криво.

Он сразу ринулся, закрывшись щитом, меч в коротком замахе для удара. Я подставил свой щит, но не сумел сбросить удар по касательной, и рука онемела по плечо. Сцепив зубы, я начал наносить удары сам, пока в левую пойдет кровь, мечи зазвенели, сталкиваясь. Грубер принимал мои удары на щит, легко и небрежно сбрасывая их, как падающие с дерева мелкие сучья.

Альдер и Ревель подбадривали его криками. Я отступил на шаг, потом еще, по нервам пробежал электрический ток. Грубер превосходит меня в умении владеть мечом, надо выставить что-то такое, чего не встречали в Средневековые даже опытные бойцы.

Клинки звенели, мой волшебный меч встретил доспехи, которые так просто не разрубить, а когда мечи столкнулись в воздухе, раздавался такой звон, словно десяток кузнецов с размаху опускали молоты на листы железа.

Внезапно острая боль стегнула по плечу, я отскочил, избежал второго удара, но Грубер страшно ударил по щиту, с треском отлетел кусок.

Шлем с опущенным забралом закрывает ему лицо, но я был уверен, что победно скажут зубы. Боль быстро затихла, я даже не знаю, хорошо ли. Быстрое заживление оставляет слабость, я не был уверен, что смогу выдержать напор, и отступал, лишь слегка раскачивая корпусом из стороны в сторону, необычный прием, что заставило насторожиться Грубера, ожидая какого-то необычного удара.

Однако я не атаковал, Грубер осмелел, двинулся вперед, но и я пришел в себя, сам атаковал, стремясь двигаться как можно быстрее, опережать, наносить удары из разных позиций, и Грубер в конце концов все чаще вскидывал щит, принимая удары. Впрочем, это я начал медленно выдыхаться, ему проще: подставляй щит под углом, чтобы удары скользили, если «провалюсь» вслед за своим мечом, то короткий и жесткий удар закончит схватку в одно мгновение.

Но я не проваливался, а он отражал удары то щитом, то парировал мечом, этой полосой из высококлассной стали размахивал с такой легкостью, словно в руках бамбуковый шест. Я ускорил движения, качался из стороны в сторону, как боксер, выбирающий позицию для таранного удара, Грубер мгновенно ушел в глухую оборону, отдав мне инициативу, бережет силы, опытный боец, ждет, когда устану.

Я не считаю себя бойцом опытным, у меня только одно преимущество, как я уже говорил: умные книги читал, под умными понимая вообще все то, что в нас вколачивается с детства, а это неизмеримо много, и сейчас я просто обязан реализовать преимущество более знающего. Превозмогая боль в мышцах, я наносил и наносил неожиданные удары, Грубер защищался умело, но очень однообразно, что понятно, здесь все такие бойцы, я начал готовить комбинацию, нанес три одинаковых удара, он защитился уже привычно, и тут я, занеся меч для четвертого, неожиданно ударил с другой стороны, прыжком оказался рядом, отбил

своим щитом его щит в сторону, а моя рука вонзила меч, как шпагу, в едва заметную щель между шлемом и нагрудником.

Меч вошел всего на ладонь и тут же застрял, но я и сам поспешил выдернуть и отступил. Из щели ударила тугая струя красной дымящейся крови. Грубер пошатнулся, кровь залита грудь, потекла по железу на землю. В прорезь шлема блеснули глаза, я слышал тяжелое сиплое дыхание.

Он ничего не сказал, лишь с трудом вскинул руку, отсалютовал мечом. В молчании мы смотрели, как громадная железная фигура с грохотом обрушилась на землю.

Пот заливал мне глаза, я с трудом воткнул меч в землю. Сказал хриплым голосом:

— Он мог бы стать великим основателем... Через века забыли бы, что он не всегда был рыцарем... И что грабил... имя его окружили бы легендами, от него повели бы род многие славные герои, полководцы... может быть, даже учёные... им тоже нужна жизненная сила и страсть к авантюрам...

Все смотрели на распростертого рыцаря, брат Кадфаэль сказал с печалью:

— Я не успел отпустить ему грехи. Но хоть похороним по-христиански.

— Это сделаем, — согласился я. — И закопаем поглубже.

— Чтобы не вылез? — спросил Альдер.

— Дурень, — возразил Клотар, — чтобы какой бродячий некромант не вздумал поднять.

Вообще-то я предложил закопать поглубже, чтобы лесные звери не разрыли плохо засыпанное тело и не устроили пир, но здесь, оказывается, существуют и более серьезные причины.

Глава 3

Леди Женевьеве неожиданно попросила похоронить его вблизи ручья, это совсем близко, пусть всякий, кто захочет напиться, посмотрит на простой березовый крест и

скажет, может быть, несколько добрых слов в защиту похороненного здесь рыцаря.

Пришлось отнести, даже я не нашел в себе сил перечить, а когда забросали землей, брат Кадфаэль остался на могилке читать заупокойную. Нам не хотелось находиться близко к свежей могиле, вернулись к своему костру, где на вертеле туша молодого оленя, а на очищенных от коры прутьях — ломтики молодой зайчатины.

Над головами уже сияют звезды, Бобика я оставил возле Кадфаэля, пусть охраняет, Зайчик тоже бродил рядом, с хрустом выдирая из земли траву с корнями, пес попробовал напрыгивать на Кадфаэля, потом решил, что Зайчик все-таки лучше для игры.

Мы снова расположились у костра, последние горящие веточки выбросили, оставив только красные уголья, но все равно ровный багровый свет вырывает из темноты круг диаметром метров пять, а дальше чернота, сплошная чернота, ибо низкие тучи скрывают звезды, даже луну не угадать, в какой она стороне.

Ревель посыпал самый нежный кусок мяса травами и солью, с поклоном протянул Женевьеве.

— Теперь, — сказал он тожественно, — когда вы эта... теперь... наконец-то...

— Свободна, — подсказал Альдер.

— Ни фига, — устало возразил я. — Теперь я свяжу ее, как не связывают даже берсерка. И в таком виде доставлю к герцогу.

Женевьева смотрела на меня то с гневом, то умоляюще, то вообще с каким-то странным испугом и ожиданием. Я чувствовал себя безмерно усталым, вытянул ноги.

— Вообще-то пора спать, — объявил я. — Ночи короткие, я уже забыл, когда спал вволю. Так, чтобы без задних ног. У леди Женевьевы спальное место в повозке, а мы привычно устроимся у костра. Альдер, ты сторожишь первым. Ревель — ты следующий, Клотару — самое трудное время под утро...

Альдер кивнул, в глазах немой вопрос, я понял без

слов: я их с Ревелем нанимал для охраны леди Женевьевы от Грубера и его банды, но теперь, когда Грубера больше нет, я в их услугах вроде бы не нуждаюсь. Клотар тоже посмотрел на обоих, пожал плечами, поднялся.

— Что-то монах наш слишком долго читает заупокойную. Пойду приведу. А то неспокойно что-то.

— Теперь все в порядке, — заверил я. — Не отрывай будущего кардинала от молитвы!

— Я подожду, пока закончит, — буркнул он.

Он скрылся в темноте, мы некоторое время вяло чесали языками. Леди Женевьева наконец исчезла в повозке, красный свет углей освещает ее с этой стороны только чуть-чуть, мы видели, как смуглая женская рука задернула занавеску на окне. Я лег, подогнув ноги, блаженное тепло начало подниматься от конечностей, рядом покряхтывает Альдер, устраиваясь...

...вдруг он выругался, вскочил на ноги. Я сделал было движение подняться, но тут же сел: вокруг нас бесшумно появились, словно выросли из земли, вооруженные люди. Не меньше двадцати человек разом нацелились в нас из луков, остальные с мечами и боевыми топорами молча смотрят сквозь прорези в шлемах.

После короткой паузы, когда стало ясно, что мы не двигаемся, понимая ситуацию, из темноты вышел высокий человек в легком плаще поверх блестящих металлом доспехов. Я стиснул челюсти, обычно молот у меня на пояссе, но сейчас я и его снял, отдоыхаю от уже привычной тяжести, лук и стрелы за моей спиной, меч в ножнах, правда, рядом, но не успеваю даже схватиться за рукоять, а если и успею, то не вытащу: трое с той стороны костра целятся мне в грудь.

Барон Марквард легонько коснулся кончиками пальцев левой руки ладони правой, обозначая бурные и продолжительные аплодисменты.

— Браво, — сказал он и сделал шаг вперед. Красный огонь костра подсвечивал его лицо снизу и придавал вид необычайной жестокости. В ниспадающем до земли плаще

он выглядел не то чабаном в их знаменитых бурках, не то был похож на гигантскую летучую мышь, а то и на самого Бэтмена. — Браво. Я не зря положился на вас, доблестный сэр Ричард.

Один из его людей с треском распахнул дверцу в повозке, грубо вытащил за руку Женевьеву. Она жалобно вскрикнула. Ее лицо стало белым, она метнула быстрый взгляд на меня, но я застыл, лихорадочно соображая, что же делать, вроде бы машинально взял охапку хвороста, подбросил в огонь, все делал медленно, чтобы ни у кого не дрогнули пальцы на тетиве. Женевьеву с отвращением бросила барону:

— Я им уже сказала, чего ты добиваешься!

— Ну и что? — ответил он невозмутимо. — Кстати, сэр Ричард... скажите своим людям, чтобы не поглядывали на оружие... какая небрежность полагать, что противников уже не осталось!.. Их мечи далеко, а мои лучники близко.

Я сказал, стараясь не двигаться:

— Альдер, Ревель — никакого сопротивления. Думаю, все можно решить мирно.

— Похвально, — сказал Марквард. — Очень разумные речи для столь юного рыцаря! Все нужно стараться уладить миром. А мне, кстати, всегда нужны такие сильные и удачливые воины, что сумели Стражей Леса победить, пересечь область Вечной Ночи, одолеть Калиносского Червя и даже Грубера, такого неуловимого!

— Не понимаю, — произнес я, хотя что уж тут не понимать, — разве мы враги? Разве не вы, сэр Марквард, поручили мне отвезти леди Женевьеву к герцогу Нурменгу? Разве не ваше поручение выполняю?

Он впился в мое лицо глазами, на лице промелькнуло некоторое колебание, затем жестокая улыбка коснулась губ.

— Не думаю, что вы по-прежнему лояльны... настолько же.

— Почему?

— Вы и тогда не очень-то горели жаждой выполнить

мою просьбу, а сейчас... когда вас наверняка очаровала Женевьеве...

Он и насмехался надо мной, и в то же время, деловой человек, ясно намекает Альдеру и Ревелю, что им пора поменять хозяина, перейти к нему, победителю, на службу.

Мой взгляд упал на край его плаща. Сейчас видно, что в него граф и заворачивался, когда спал у костра, ел в нем, вон жирные пятна, и как бы этот плащ всыхнул... если бы барон оказался на расстоянии двух шагов!

— Вы очень расчетливый и предусмотрительный человек, — ответил я.

Ему это понравилось, кто из нас не покупается на лесть, укажите, я плону на того и назову брехлом, сказал довольно:

— Опыт! Я все рассчитал!

— До мельчайших деталей? — спросил я.

— До самых мелких, — сообщил он.

Я напрягся, всю силу воли вложил в страстное желание разжечь огонек на краешке плаща. Из меня, я чувствовал, изошло нечто, я на миг ощутил слабость, даже в ушах зазвенело. Огонек быстро начал подниматься по плащу барона, но пока что Марквард не сводит с меня глаз, все лучники тоже смотрят на меня, ведь самый опасный — я, вообще я — босс, и огонек поднялся почти до задницы барона.

Он ощущал неладное, рука в булатной перчатке пошла к спине, намереваясь ладонью проверить, почему в анусе жарко, в это время один из лучников испуганно вскрикнул:

— Ваша милость, у вас плащ горит!

Я вскочил, в одно движение подхватил меч и лук со стрелами и, пригнувшись, ринулся через освещенное место в темноту. Охапка хвороста, которую я подбросил на угли, разгорелась, те лучники, что стояли напротив, выстрелили наобум, одна из стрел вонзилась в плечо, я сбил с ног попытавшегося загородить мне дорогу, крикнул:

— Молот, ко мне!

Вломился в темноту, над головой свистнули стрелы, за спиной крики, ругань, зазвенело железо. В раскрытую ладонь смачно шлепнуло рукоятью молота, в тот же миг еще одна стрела ударила в спину, а когда уже мчался между деревьями, что-то с силой бронебойного снаряда ударило в ногу повыше колена. В спине как будто огненный крот раздирает внутренности, я заспотыкался, тут же в уже раненое плечо как будто раскаленный шампур вогнали. Я вскрикнул, скакнул в сторону, вломился в кусты, сучья рвали одежду и полосовали руки, царапали лицо. Я прикрывался локтями, ладонями прижимал к груди все свое богатство, справа и слева пролетели еще стрелы, одна со злым щелчком вонзилась в дерево.

Ноги подламывались, по спине стекают горячие струйки, при каждом движении острая боль рвет внутренности. Сейчас бы мчаться, подобно зайцу, убегающему от волка, однако ноги быстро наливаются свинцовой тяжестью, дыхание разламывает грудь, а горло высохло и раскалилось от частого дыхания.

Глаза быстро привыкли к темноте, я отчетливо видел вдали преследующие меня призрачно-красные тела, некоторые вообще двигаются по лесу, держа в одной руке меч, в другой — факел. Я прислонился к шероховатому стволу, явно молодое деревцо, завел руку за спину, нашупал стрелу и попробовал вытащить. Боль хлестнула по всему телу такая неожиданная и острыя, что я едва не завопил, почти теряя сознание.

Ноги подломились, я опустился на мягкий мох, и тут слабость нахлынула с новой силой. Однако боль неожиданно ушла. Еще не веря себе, я снова завернул руку и нашупал то место, где была стрела. Кончики пальцев ощутили лохмотья мокрой от крови рубашки. Плечо тоже перестало отзываться болью.

Я поднялся, сделал шаг, под ногой хрустнуло, я узнал характерный звук переламываемой стрелы. Дико захотелось есть. Я начал потихоньку отступать в глубину леса, стараясь не выпускать из поля зрения бредущие фигуры.

Тяжелый молот трепыхается на поясе, угрожая отбить причинное место, но я даже не коснулся рукояти, наконец-то перебросил лук и колчан со стрелами через правое плечо, а перевязь с мечом — через левое.

Выходит, сгупил я на редкость. Марквард шел за нами, присматривался. Для него неважно, кто победил бы: я или Грубер, со своим бронированным отрядом он с легкостью раздавит победителей, ведь их останется горсточка. Мы, правда, уцелели все, но сколько раз я лечил Альдера и Ревеля, Марквард не знает еще, что я могу затягивать раны. И сейчас он уверен, что я, пронзенный стрелами, заполз где-нибудь под корягу, готовясь умереть...

Я тихонько отступал, наблюдая за пробирающимися между деревьями размытыми красными силуэтами. От слабости и острого чувства голода не сразу заметил, как совсем рядом появилось еще одно багровое пятно. Блеснуло, острые боли резанула живот. Я охнул, пытался ухватиться за рану, остро полоснуло и по пальцам.

— Умри! — прорычал злой голос.

Ноги подломились, я упал, а человек замахнулся над моей головой коротким мечом. Я пытался откатиться в сторону, однако и тело занемело, да еще я попал в ямку между выступающими из земли корнями. Меч блеснул, человек захрипел и повалился на меня. Я попытался спихнуть, однако он, тяжелый как слон, хрюпел и дергался на мне, как Цезарь в падучей.

Быстро появилась еще одна фигура, сбросила с меня тяжелое тело. Знакомый голос сказал быстро:

— Надо уходить!.. Быстрее!

Он схватил за руку, я охнул, а он, подставив мне плечо, потащил в глубину леса. В нашу сторону, привлеченные голосами и шумом, бросились сразу трое.

— Погоди, — прохрипел я. — Надо бы...

Он отстранился, я снял молот, чудовищно тяжелый, изо всех сил размахнулся и швырнул в ближайшего. Тот бежал, почти не разбиная дороги. Молот ударил в середину груди. Раздался звон, тело отшвырнуло. Я поймал молот,

он чуть не вывихнул мне руку из плеча. Стон протиснулся сквозь сжатые зубы, но я собрался с силами и швырнул еще раз.

Второй упал с таким же металлическим грохотом. Остальные замерли, а затем медленно двинулись в нашу сторону, переговариваясь, окликая друг друга.

— Пусть кричат, — сказал Клотар с облегчением. — Чем громче, тем лучше.

Мне с каждым шагом становилось легче, я спросил наконец:

— А где брат Кадфаэль?

— Я велел ему оставаться там, затаиться. И пес с вашим конем там. Я их заметил слишком поздно, уже ничего не успевал... К счастью, вы, сэр Ричард, бегаете, как лось весной.

— Спасибо, — сказал я. — Ты вовремя. Очень даже. Честно говоря, если бы не ты...

Он буркнул:

— Да ерунда. Что дальше будем делать?

Я сказал, не задумываясь:

— Надо вырвать Женевьеву из его рук. Особенно теперь, когда я знаю, зачем она ему нужна.

— Хорошо, — ответил он. — Но... как?.. Кстати, спасибо.

— За что?

— Да один меня полоснул по плечу... Теперь все зажило.

— Надо над этим поработать, — буркнул я. — Что это я, как иисусик, все задурно? Надо будет деньгами брать.

Он ухмыльнулся в темноте, но я отчетливо видел, как это багровое привидение с размытыми краями жестикулирует, даже двигает губами.

Меня разыскивали почти час, мы нарочито уводили погоню в сторону, чтобы те не наткнулись на брата Кадфаэля, затем я услышал зов рога. Все с явным облегчением повернули обратно. Клотар показал знаками, чтобы я не шумел, мы пошли за ними следом. Один отбился от ос-

тальных достаточно далеко, я выбрал взглядом середину спины, где нет металла, даже не зазвенит, метнул молот.

Несчастный умер без звука, Клотар торопливо сорвал с него пояс с коротким грубым мечом, снял шлем. Остальные уходили, я видел их почти всех, кого не заслоняли деревья, да и то слабое красноватое свечение нагретого воздуха указывает на каждого. Еще одного удачно шарахнулся в спину, с этого сняли флягу с вином и добротный кинжал.

Перебегая от дерева к дереву, мы приблизились к костру на безопасное расстояние. О чем говорят, не слышно, но лицо Маркварда вытянулось, он беспокойно оглянулся, быстро посмотрел по сторонам. Я подполз еще ближе, услышал его раздраженный голос:

— Ладно, убежал так убежал...

— Двоих наших уложил, — напомнил один из воинов.

Я припомнил его суровое грубое лицо, он был с Клотаром в тот день, когда Клотар приходил за мной в таверну. Клотар посмотрел на него, на меня, криво улыбнулся.

— Значит, слишком близко подошли... Ладно, уходим!

Марквард оглянулся, мне показалось, что смотрит мне прямо в глаза.

— Ваша милость, — спросил воин, — а как насчет... Клотара?

Марквард сказал раздраженно:

— Не понимаю, что с ним. Он должен был сдать нам Женевьеву намного раньше. Конечно, хорошо, что избавились от этого мерзавца Грубера, но Женевьеву я должен был получить давно!..

— Где он сейчас?

— Если бы я знал. Ничего, придет, я с него спрошу!

Я чувствовал, как Клотар улыбнулся рядом. Воины ходили вокруг костра, доедали мясо, оставшееся на прутьях. Воин указал мечом на Альдера и Ревеля.

— А что делать с этими?

Оба лежали у костра, связанные так туго, что выглядело египетскими мумиями. Марквард остановился перед пленниками.

— Вообще-то я должен вас убить, — сообщил он холодно. — Даже вот так, пленных. Хотя, как любой хороший хозяин, я ненавижу портить хороший товар. А вы показали себя куда лучше, чем я ожидал. Подумать только: втроем разгромить все воинство Грубера! Честно говоря, я очень хотел бы таких людей иметь у себя на службе. Готовы поклясться на Библии, что будете служить мне?

Ревель вопросительно посмотрел на Альдера, тот оглядел Маркварда, у меня стиснулось сердце, чуть не крикнул, чтобы не геройствовал, живым псым быть лучше, чем мертвым львом, Альдер все еще медлил, раздумывал, наконец сказал со вздохом:

— Мы принесли присягу сэру Ричарду... и нехорошо вот так сразу менять хозяина. Другое дело, если бы он пал от вашей руки или от рук ваших людей...

Он сделал паузу, Ревель продолжил быстро:

— Или вообще увидели бы его мертвым!

Марквард потемнел лицом, а Альдер закончил:

— Или если бы мы оказались, скажем, в ваших владениях, где можно забыть о нашем прежнем хозяине.

Я затаил дыхание, Марквард несколько мгновений изучал обоих, нахмурился, кивнул.

— Правильный ответ. Если бы согласились сразу, вам бы перерезали глотки. Хорошо, я дам вам шанс. Я стараюсь всех сильных людей привлекать на службу, а не отталкивать. Кирнег, погрузи их на коней! Мы выступаем прямо сейчас!

Я оглянулся, за спиной над темным краем земли появилась светлая полоска рассвета.

Один из его людей поинтересовался:

— В руины заходить не будем?

Марквард спросил с раздражением:

— Как это не будем? Я там оставил восемь коней!.. Там две повозки, походная кузница...

Воин сказал с тоской:

— Да они нас заметят, когда пойдем мимо. Не стоит в те руины заходить, ваша милость.

— Боишься?

— Боюсь, — ответил воин. — Никого из людей не боюсь, а вот нечисти страшусь, как огня.

— Брось, — сказал Марквард пренебрежительно. — Там руины, просто руины. Ты же видел их!.. Мы там соберем все свое, переведем дух, а на рассвете выступим обратно в наши земли.

Женевьевы выскочила из повозки, похоже, попыталась бежать. Ее потащили обратно, она отчаянно отбивалась, но ей заломили руки, один грубо схватил за волосы, а Марквард наотмашь хлестнул ее по лицу.

— Ничего, — сказал он зловеще, — я тебя обломаю...

Она вскрикнула:

— Тварь!.. Грязная тварь!.. Да никогда и ни за что...

Он искривил губы в злобной усмешке:

— Тебя свяжут, дурочка. С кляпом в твоем хорошенчиком ротике сможешь только мычать. Я и не таких обламывал в свое время... Колышки в землю, руки-ноги крепкими ремешками... А тебя сперва растяну на ложе... И не спеша, не спеша...

Мы молча наблюдали, как они забрали наших коней, оружие, один сел на козлы и взял вожжи в руки. Марквард, уже на коне, махнул рукой:

— Трогай!..

Когда стук копыт и скрип колес утих, я выждал немногого, тихонько свистнул. Раздался нарастающий топот, из темноты выметнулось еще более черное, но с пылающе-красными глазами. Я обнял его за голову и погладил по носу, сбоку налетел приревновавший пес, ударил лапой. Я погладил его, почесал, сказал строго:

— А почему брата Кадфаэля не привел?.. Иди ищи!

— Сам прибежит, — вступил Клотар.

И правда, брат Кадфаэль ненамного отстал от пса, растерянный и дрожащий, чуть было не оставили с покойником, пусть даже закопанным. Мы коротко объяснили, что

стряслось, он удивлялся и ахал, начал расспрашивать, мне надоело, все-таки монах, а не старая бабка, сказал резко:

— Мы сейчас идем за Марквардом. У него Женевьевы. Я обещал ее доставить отцу? Я должен это сделать.

Глава 4

Сложность в том, что только у меня сохранился конь, и хотя он таков, что и троих увезет, но что-то во мне противилось, чтобы на нем ехали три мужика, прижимаясь друг к другу. Другое дело — женщины. Этих я возил, и коню все равно, и я не против, совсем не против. Даже очень не против.

Клотар все понял без слов, предложил:

— Я побегу вперед, надо смотреть следы. Не думаю, что уехали далеко, проще было переждать остаток ночи здесь.

Кадфаэль сказал потерянно:

— Но в окрестностях нигде и ничего...

— А Пятно Дьявола? — спросил Клотар раздраженно. — Или как вы его зовете?

— Но там...

Кадфаэль умолк, совсем сконфуженный, Клотар закончил желчно:

— Там развалины крепости, к которой все страшатся приближаться. Но Марквард не боится ни Бога, ни дьявола. Зато там не дует, никто туда не приблизится. Да и вообще... Это не в открытом поле.

— Здесь я ставил защиту от нечисти, — напомнил Кадфаэль. — А там может оказаться гнездо!

Я прервал:

— Кадфаэль, ты останешься. С тобой будет Бобик. Если что, он потом нас отыщет. Мы с Клотаром идем по следам. Посмотрим, куда они приведут. Клотар, ты уверен, что и в темноте найдешь следы? Может, лучше отложить до утра?

Он отмахнулся и быстро пошел, почти побежал в темноту, оттуда донесся удаляющийся голос:

— Какая темнота?

Тучи поредели, кое-где проступает двигающийся желтый диск, что тут же прячется за темными сгустками. Если так пойдет дальше, то скоро увидим и звезды. Зайчик двинулся шагом, потом сам перешел на рысь. Клотар бежит ровным экономным шагом, так бегают марафонцы и наши рейнджеры в полном боевом комплекте.

Двигались мы меньше получаса, Зайчик фыркнул и остановился, из темноты вынырнул Клотар. Лицо чуть похудело, глаза ввалились, зыркают злобно, но с удовлетворением.

— Они там, — сообщил он, — в крепости Темного Ангела. Вот, видите?

Я слез, мы чуть прошли, от Зайчика во тьме только горящие багровым глаза, а когда на миг прикрыл их, то полностью растворился в ночи. Тучи наполовину рассеялись, на фоне великолепного звездного неба с половинкой луны вырисовываются черные, поблескивающие в лунном свете стены. С каждым шагом они приподнимаются, я запоздало понял, что замок в самом деле великолепен, хотя в нем чувствуются некие... мавританские мотивы, что ли. Словно это кусочек Испании, где после пятисотлетнего владычества арабов, застроивших все дворцами в своем стиле, европейцы взяли реванш и теперь перестраивают по-своему.

Я издали начал высматривать, как подкрасться поближе. Увы, замок выглядит если и древним, то все-таки... все-таки не понимаю, почему Клотар назвал это развалинами. Я повернулся к нему спросить, Клотар с выпученными глазами смотрит на замок, даже нижняя челюсть отвисла.

— Что-то не так? — спросил я язвительно.

Он сказал хриплым голосом:

— Еще бы... Здесь всегда были руины!

— Всегда?

— Ну, пока люди помнят. Говорят, развалины были даже до последней Войны Магов.

Я пробормотал:

— Тогда я молчу. Сказать нечего. Кроме того, что замок абсолютно цел. Правда, абсолютно новехоньким тоже не выглядит.

— Но как могло получиться? Неужели сегодня именно тот день, когда замок становится вновь молодым... Колдовство!

— Или что-то еще, — согласился я. — Но лучше старое доброе колдовство, чем какие-то петли времени или капсулы из прошлого. Давай вон на ту скалу, чем-то она мне приглянулась...

Одиночно торчащую скалу раньше тоже можно было бы принять за часть развалин, но сейчас, когда крепость чудесным образом обновилась, видно, что скала была когда-то горой, постепенно рассыпалась, камни у подножия превращались в песок, его уносило ветром, а сама гора разрушалась, пока не остался этот причудливый огрызок.

Клотар пошел следом, я вытащил из мешка веревку — наконец-то пригодилась, молодец этот запасливый хомяк Ревель, уложил аккуратной бухтой, — один конец тщательно привязал за выступ валуна. Клотар смотрел непонимающе, а когда я объяснил, он помотал головой.

— Не очень я верю в такое. Никогда рыцари так не попадали в чужие замки.

— На свете не только рыцари, — заметил я.

— Вы о чем?

— Когда-нибудь расскажу про борьбу ниндзюк с самураями...

Затаившись на вершине, мы высматривали часовых, Марквард их выставит обязательно, наконец обнаружили двух, ходят по стене, останавливаясь, чтобы переброситься парой слов. Я выждал, пока пошли в разные стороны, достал лук, тщательно прицелился.

— Ой, — сказал Клотар, — поднимут крик...

— Смотря куда попадешь, — ответил я.

Он посмотрел с изумлением.

— Вы сможете?

Не отвечая, я натянул тетиву так, что коснулась уха, прицелился. Легкий щелчок, стрела исчезла, я впился глазами в голову часового. Через пару мгновений он вздрогнул и осел, как будто снежная баба в горящей печи, а я уже отпустил тетиву снова. Второй часовой вздрогнул всем телом, я застыл, показалось, что заорет, однако и он рухнул без крика, разве что в отличие от первого завалился во весь рост.

Клотар прошептал изумленно:

— Я видел, как вы бьете зайцев на бегу... но чтоб вот так... в темноте... точно в голову!

— Белку бьют в глаз, — объяснил я, — одной дробинкой.

— Зачем?

— Чтобы шкуру не попортить.

Клотар с непониманием смотрел, пока я привязывал к третьей стреле веревку, руки дрожат, хреновый из меня ниндзя. Впрочем, и самурай не лучше. Я снова натянул тетиву до отказа, мышцы напряглись, отпустил, стрела бесшумно исчезла в ночи, следом быстро-быстро пошли разматываться кольца веревки.

— Только бы никто не вышел к стражам, — пробормотал я.

— Да кто, сэр Ричард?

— Собутыльники, картежники... бабы придут, там у них демократия. А ночь теплая.

Я порвал мешок на две части, одну отдал Клотару:

— Смотри, как это делается.

Набросил свою половинку на веревку, ухватился за оба конца и, оттолкнувшись ногами, быстро заскользил над бездной. Веревка провисла, я не совсем бабочка, едва не врезался в стену, в последнем усилии подтянул ноги и вообще постарался залезть на веревку, но все равно спину рвануло камнем, а по всему хребту как будто быстро-быстро простучали молотом.

Из двери башни вышли двое, а я, на беду, плюхнулся им под ноги. Оба остолбенели, один наклонился надо мной, не узнавая в темноте, свет от факела ему в лицо, а второй начал всматриваться вдоль стены, где должны ходить стражи. Лежа, я поспешно выхватил меч, гаагские конвенции тут еще не в ходу, ударил одного по ногам, он ахнул и рухнул, цепляясь за второго, а я вскочил и как можно быстрее всадил острие меча в горло второму. Веревка затряслась, по ней скользит нелепо дрыгающая ногами фигура. Я хотел было предупредить, чтобы подобрал ноги, но не кричать же, донесся смачный удар, сдавленный крик, и на площадку, разжав руки, рухнул Клотар.

Я вонзил острие меча в грудь безногому, в разведке боем пленных не берут, повернулся к распластанному, как большая рыба на столе домохозяйки, Клотару.

— Я буду внизу. А ты пока приходи в себя.

Он слабо шевельнулся, тихо простонал сквозь зубы. Я наклонился, похлопал его по плечу, чувствуя, как частица энергии ушла из пальцев и сразу же захотелось есть.

Оставив убитых на Клотара, пусть сам прячет из полосы лунного света в тень, быстро скользнул в распахнутую дверь башни. Ступеньки все-таки пошатываются, камень старый, по краям даже порос мхом, если это не причуда возлюбившего старину хозяина, я бежал наверх, стараясь слишком не топать, вдруг там выше кто-то есть, насторожится: когда все хорошо, никто не бегает.

Винтовая лестница вывела на площадку, на диво просторную, можно усадить небольшой оркестр, каменный барьер до пояса, отсюда удобно вести огонь, а самому прятаться за бортиком.

Голова едва не закружилась, залитый лунным светом простор распахнулся неожиданно, далеко внизу лес, речка, несколько домиков под соломенными крышами, светлыми ниточками вытоптанные участки дороги, а с другой стороны как на ладони весь двор, три костра, повозка с распахнутой настежь дверцей, несколько человек у костра. Ночь теплая, вряд ли все забились в полуразрушенные...

или пусть даже магически восстановленные помещения, у каждого нормального человека в крови недоверие к магии и желание держаться от нее подальше.

Разве что сам Марквард демонстрирует полнейшее пренебрежение ко всем силам, показал превосходство и над Грубером, и надо мной, лучшее из доказательств — женщина, что теперь в его руках, их надо искать в центральных или самых роскошных апартаментах.

Хотя башня круглая, как и площадка, но по краям четыре столбика, как бы отмечая четыре стороны света, на каждом удивительно мастерски сделанные скульптуры из темного металла. Мой замок уступает по изяществу и красоте, уже вижу, здесь поработали дольше, старательнее, из поколения в поколение трудились, выгравировали, как дорогой алмаз, что и сам по себе ценен, но особую красоту и величие обретает, когда ограничивают, превращая в бриллиант.

Одна скульптура изображает диковинную птицу с длинным, хищно загнутым клювом, мастер гениально сумел передать напряжение ее могучих когтистых лап, уцепившихся за камень, полуприподнятые крылья, то ли устраивается поудобнее, то ли только что опустилась из поднебесья, на остальных трех сидят металлические драконы, здесь творец оторвался вовсю, изображая крылатых рептилий с любовью, мастерством и умением: на последнем поместил сразу трех, они едва-едва помещаются на вершине столбика, рассержены, крохотные пасти раскрыты, перепончатые крылья пробуют растопыриваться, упираются друг в друга, глазенки зло блестят...

На втором столбике, где один дракончик, под его когтями человеческие черепа, выполненные с изумительным мастерством, тщательно, и только благодаря тщательной отделке я уловил, что черепа не совсем человеческие. Да, у животных таких нет, это человеческие, в том смысле, что принадлежат разумному... но все же не совсем человеку.

За спиной послышались шаги, я не стал оглядываться, Клотара узнаю по походке, сжал дракончика в ладонях,

потянул на себя. Он подался с неохотой, я потянул сильнее, упираясь ногами. Плиты внизу раздвинулись, открывая темный проход. Оттуда пахнуло нечистым теплом, словно далеко внизу гигантская прачечная стирает солдатское белье.

За спиной ахнуло:

— Откуда вы узнали?
— Все Церетели, — ответил я, — как и женщины... эта... одинаковы.

— И что?

— Везде одинаковые штуки, — ответил я. — Стандартное мышление. Видать, оболванивание началось раньше, чем считается.

Он смотрел с огромным уважением, а я не стал объяснять, где и в каких замках открывал потайные двери подобным образом, рассмотрел в полумраке вбитые в стену колодца толстые металлические скобы, начал без колебаний спускаться. Клотар заворчал, но, когда я опустился уже метров на двадцать, вверху послышался мощный вздох и загремели по скобам подкованные подошвы.

Колодец опустился, как мне показалось, даже ниже уровня. Не океана, конечно, хотя кто знает, что это за уровень, но точно ниже первого этажа. В помещении, где я оказался, темно и сыро, я сотворил небольшой огонек, света дает мало, но все-таки разобрался, что нахожусь в одном из многочисленных подвалов, без которых ни один замок немыслим. Пахнет непривычно, справа и слева тянутся сложенные друг на друга туго набитые мешки, будто готовятся остановить половодье или наступление танков на Багдад.

Принюхавшись, я так и не понял, что в мешках, пока не увидел несколько просыпанных зерен. Ну еще бы, я ведь зерна пшеницы только в кино видел, я даже не понимаю, почему цена хлеба растет, если идет повышение цен только на пшеницу...

Проход вывел к ступенькам, а там на высоте моей груди

металлическая дверь. Я поднялся, проверил, заперто. Если попробовать выломать, с молотом это удалось бы, но металлическим звоном и грохотом перебужу всех на милю в округе и на полмили в глубь земли, пугая до смерти подземных зверушек.

За спиной Клотар сказал тихонько:

— Давайте попробую я.

— Ты умеешь открывать двери?

Он оскорбился:

— Кем не был, тем не был.

Я уступил ему место, он припал к двери и заскулил тихонько, жалобно. Долгое время ничего не происходило, я начал терять терпение, но с той стороны послышались шаги, недовольный голос прорычал:

— Рэкс, ты?.. Какого дьявола ты залез в склад с зерном, когда рядом...

Донеслось пыхтение, приглушенный лязг отодвигаемого засова. Дверь начала раскрываться. Клотар мгновенно выбросил вперед руку, в одно движение вдернул во внутрь человечка, а я пробежал наверх и выскоцил под звездное небо.

Отсюда виден только один угол двора, остальное загораживает донжон. Перед самым донжоном у небольшого костра сидят двое, переговариваются негромко. Появился третий, рослый и в блестящих доспехах, прорычал что-то злое. Оба вскочили, начали прохаживаться у двери, выпятив грудь и держа ладони на рукоятях мечей. Старший понаблюдал, рыкнул еще, ушел. Стражи то ли по его приказу, то ли сами так решили, разделились, один пошел вправо, другой влево.

Оба дважды пересекали глубокие тени, я выждал момент, пробрался поближе. Когда страж вновь оказался в тени, я прыгнул, одновременно с силой ударил руками по шлему. Он свалился под моей тяжестью, оглушенный. Я быстро выдернул его меч из ножен, короткий и слишком легкий, вогнал в щель под шлемом, быстро сдернул шлем и напялил себе на голову.

Когда второй страж дошел до края и повернул назад, я уже в плаще первого шел навстречу. Движение замедлил, чтобы оказаться в очередной тени перед встречей, шел как бы скучая, второй был на свету, когда я вошел в тень, там всего три шага, я постарался это время растянуть как можно дольше, первый уже одолел освещенное пространство и приблизился к тени, и на этой грани я выдвинул из-за спины обнаженный меч.

Второй только сейчас заметил, что ножны на моем поясе болтаются пустыми, глаза расширились, он начал набирать воздух для вопля, я поспешил ударил, как копьем, в горло. Брызнула темная тугая струя, послышалось шипение, грудь опала, как сдутий пузырь. За спиной снова пот, я прошипел, не оборачиваясь:

- Затащи в тень, пока не увидели!
- Все равно всполошатся.
- Нам выиграть хотя бы минуту...

Я прокрался в холл, на цыпочках пробежал к широкой лестнице, ведущей на хозяйские этажи. Уже набрал воздуха для рывка по ступеням, как вдруг за спиной послышался неприятный голос:

- А ты что здесь делаешь?

Я замер, медленно обернулся. Шагах в пяти стоит мордастый стражник, глаза смотрят с подозрением, вот-вот засорет.

Я приложил палец к губам, изобразил на морде крайнюю заинтересованность и знаками показал ему, что вот там, куда я смотрю, прямо под лестницей, происходит что-то очень веселое и непристойное, кто-то кого-то сгреб, да не просто кто-то кого-то, а некое очень важное лицо, не дай бог узнает, но зато подсмотреть вот так издали...

Он, все еще с крайним недоверием на лице, приблизился, наклонился, заглядывая под лестницу. Я с силой схватил его за шею и задницу, ударил головой о ступени, затем шарахнулся еще и по шее, а когда он кулем опустился у моих ног, прошептал:

- Подглядывать нехорошо!

За спиной шаги Клотара, он с отвращением посмотрел на убитого.

— Никуда не потащу! Пусть валяется.

— Пусть, — согласился я. — Время такое...

— Какое?

Я сказал таинственным шепотом:

— Стояла тихая Варфоломеевская ночь...

Он не понял, переспросил:

— Вальпульгиева?

— Той далеко до Варфаломеевской, — сказал я. — Пойдем, только тихонько. Бесшумно взорвав склад со снарядами, партизаны пошли дальше...

В самом деле, хорошая мелькнула мысль. Католики решили разом вырезать всех протестантов, и почти преуспели, лишь горстка уцелевших убежала за океан в неведомые земли, там отвоевали у диких индейцев территорию для поселения, создали Америку, с тех пор президентами избирают только протестантов, а когда по ошибке посадили в кресло католика, единственного за всю историю США, спохватились и тут же застрелили, чтобы помнили гады: Варфоломеевскую ночь им еще не простили... Так что если уж резать, то чтоб на корешки не осталось. На семя, как говорила моя бабушка. Хватит нам и одной Америки.

На втором этаже коридор пошел вправо и влево, там и там по две двери. Я кивнул Клотару направо, а сам пошел чисто по-мужски налево, это у нас в крови, хоть я и паладин, ноги ступают по мягкому, я присмотрелся, по спине пробежал нехороший озноб: ковер! Новенький ковер с длинным неистертым ворсом. Это в развалинах...

Сделал еще несколько шагов, по всему телу прокатилась дрожь: замок как будто почуял приближение колдовской полночи и начинает прихорашиваться, меняться, по коридору на моих глазах вспыхнули светильники, я успел увидеть привычно одинаковые медные чаши грубой работы, где горящий фитиль плавает в бараньем, а то и в жутко воняющем рыбьем жире, но почти моментально они преобразились в прекрасные подсвечники тонкой работы с

толстыми свечами, те дают ровный оранжевый свет. По всему коридору эти подсвечники рядами вырастают вдоль стен из пола, кое-где — из самих стен, в каждом не меньше, чем по три свечи..

Дальше вон настоящая перевернутая люстра с дюжиной, если не больше, свечей...

Я двигался, как замерзающая улитка, мимо меня медленно проплывает фреска со странными бородатыми людьми, а я просто не могу не смотреть. Не врубился с ходу, что в них странного, лишь когда миновал, как вспышка молнии блеснуло воспоминание, что там без доспехов, это вообще-то неудивительно: не спим же в них, но эти, во-первых, одеты, словно на парадном приеме, куда можно только в черных костюмах и с тщательно подобранными галстуками, что значит — в доспехах, а во вторых, чересчур элегантные рукояти странных мечей, очень уж тонкие, изящные и затейливые...

И лишь когда опустил ладонь на дверную рукоять, вспомнил и то, что ножны этих мечей чересчур узкие, словно лезвия мечей истончились до размеров прутьев арматуры... или шпаг! Даже рапир.

Дверь не закрыта, подалась без скрипа, там темно, узкий луч света упал из коридора на пол и высветил у противоположной стены спинку высокой кровати. Я осторожно вошел вовнутрь, дверь прикрыл, оставшись в темноте, услышал сзади запах жареного лука, не успел повернуться, как горло сильно сдавило удавкой. Я захрипел, упал на колени, что лишь облегчило нападавшему работу. Он навалился коленями на спину и потянул удавку с такой силой, что в глазах потемнело, я вслепую пошарил по стулу, где стоит массивная медная чаша, ухватил ее и с силой ударил наугад поверх головы.

Звякнуло, неизвестный захрипел, давление чуть ослалило, я подсунул пальцы под тонкую веревку, больше похожую на рыболовецкую леску на акулу, давление тут же возобновилось, я ударил еще пару раз, уже хуже, неизвестный уклонялся, тогда я из этой молитвенной позы накло-

нился и перебросил гада через себя, сам тоже перевернулся с ним, но и лежа оставался таким же, если не больше, беспомощным, а он давил сильнее, хрипел вместе со мной, обдавая запахом жареного лука.

— Да чтоб ты сдох... — прохрипел я.

Оставил чашу, я наконец выхватил нож и ударил наугад, несколько раз, всякий раз погружая лезвие в тугую плоть. Захрипело сильнее, пальцы разжались. Я кое-как освободился от удавки, сунул нож в ножны, вместо него вытащил меч и, проверив пустую постель в полупустой комнате, выскользнул в коридор. На том конце мелькнула фигура Клотара. Он сделал знак, что в одной чисто, идет во вторую, я кивнул и сам потянул на себя оставшуюся дверь еще раньше, чем услышал там шум борьбы и сдавленные проклятия.

Богатая комната ярко освещена, стены в коврах и gobelенах, роскошнейшее ложе с балдахином, а на ложе Марквард борется с леди Женевьевой. Она под ним уже раздета, проще говоря — голая, как лягушка, на нежной, хоть и смуглой, коже отпечатались кровоподтеки, но отбивается отчаянно, а он, тоже голый, старается распластать ее на ложе, прижимает руки, а ногами пытается раздвинуть плотно сомкнутые колени.

— Это уже harassment, — сказал я громко.

Марквард оглянулся, на красном разгоряченном лице изумление сменилось страхом. Перекатившись через ложе, он ухватил оставленный предусмотрительно у изголовья меч, с леденящим душу звоном выдернул из ножен. Женевьеву вскрикнула и начала спешно прикрываться разорванной простыней. На щеке царапина, под глазом багровый кровоподтек, завтра победно засверкает всеми цветами радуги. Марквард торопливо ухватил шлем и напялил одной рукой на голову.

— Не смеши, — посоветовал я. — Без штанов, в шлеме... Еще сапоги надень, кот из Бремена. Сдавайся, Марквард!

Он покраснел, надулся, все еще крепенький толстяк,

но с отвисающим брюхом и массивными французскими ручками на боках, прорычал:

— С какой стати? Ты сам, дурак, явился. Сейчас здесь будут все мои люди. Я привяжу тебя вот здесь, а сам буду насиловать эту... эту красотку. Кстати, она все еще девственница! Как это Грубер не сумел...

Женевьеве крикнула:

— Сволочь!.. Грубер был рыцарем!

Я сказал, косясь на дверь:

— Но стоит ли так уж расшибать лбы из-за бабы? Не Ромео, поди!.. В таком возрасте пора понимать, что все одинаковы. Зачем брать с кровью, когда можно просто поманить пальцем?

Он крикнул насмешливо:

— Ты дурак, да?

— Похоже, — ответил я, — раз не понимаю таких вещей.

Он выкрикнул:

— Так я тебе объясню. Не потому, что люблю просвещать дураков, а чтобы ты понял, что я не отступлюсь. А ты, дурак, не в ту игру полез, понял?

— Так объясни!

В коридоре послышался шум, крики, топот, звон клинков, множество грубых голосов. Марквард победно расхочатся:

— Женевьеве — единственная наследница герцога Нурменга. У него замки, города, сотни сел и деревень, а земли столько, что хватило бы на целое королевство. Сам понимаешь, что за это стоит побороться!.. Кстати, за это и Грубер дрался!

Я смолк, для делового человека это серьезно. За такое многие мужчины будут сражаться до конца, Марквард не зря выложил все карты. Теперь я знаю, что не посчитается с потерями, значит, я сейчас, как он полагает, должен метнуться к окну и постараться удрать, унести шкуру и больше никогда-никогда не показываться на глаза, здесь игра по-

крупному, игра магнатов, простому мелкому рыцарю лучше не соваться между жерновами...

Я снял с пояса молот. Марквард смотрел непонимающе, еще не видел его в действии. Женевьеве все поняла и, вместо того чтобы зажмуриться или отвернуться, повернулась к Маркварду и уставилась на него во все глаза, стараясь ничего не пропустить.

Молот вырвался из моей ладони. Блеснуло, глухой удар, хруст костей, я выставил ладонь, поймал и повесил на пояс, а тело с расплощенной грудью еще стояло у стены, словно обломки костей вонзились в камень. Затем сползло на пол, оставив огромное красное пятно, будто на стену с размаха выплеснули ведро краски, а леди Женевьеве все еще с упоением смотрит то на труп врага, то на красное пятно.

— Может быть, оденешься? — сказал я с презрением и процелил: — Девственница...

Она вспыхнула, как маков цвет, а я с мечом в руке выскочил в коридор. На лестнице жаркий бой: Клотар рубится в обе стороны, на него напирают снизу и сверху, он не стоит на месте — делает прыжок вниз, наносит пару смертельных ударов, затем такой же прыжок на ступеньку выше, бьет не ожидающего нападения неповоротливого дурака. В этом бою доказал, что в самом деле лучший из лучших воинов Маркварда, а то и во всем их королевстве.

— Всем стоять! — прогремел я и вскинул меч. — Марквард в ад!.. Леди Женевьеве в безопасности и все еще девственница... как идут слухи. Сражаться больше не за что.

Схватка медленно затихала, снизу отхлынули не так охотно, как эти трое, у которых за спиной оказался я. Они сразу бросили оружие на пол и подняли руки.

— Можете взять мечи, — разрешил я, — но держите в ножнах. Вы не враги, к вам претензий нет, каждый выполнял свою работу. Теперь ваша хозяйка — дочь Маркварда, леди Женевьеве. Вы ее хорошо знаете... надеюсь.

На меня смотрели с недоверием, очень уж хорошие ус-

ловия, искаженные злобой лица начали проясняться. Похоже, Женевьеве готовы подчиняться с большей охотой, чем Маркварду.

Клотар повернулся, доспехи кое-где посечены, но, похоже, ни одной раны, крикнул:

— А где Альдер и Ревель? Я их не обнаружил!

Снизу раздался шум, в зал вбежали Альдер и Ревель с мечами в руках, следом за ними брат Кадфаэль. Все трое ошеломленными глазами смотрели на только что завершившееся сражение, на убитых и раненых.

Альдер крикнул горестно:

— Всегда вы, сэр Ричард, жадничаете!

— Нехорошо, — укорил и Ревель. Пожаловался: — Это брат Кадфаэль слишком долго возился с нашим засовом. Не тому в монастырях учат.

Я сказал громко:

— Все, сражение окончено. Полная амнистия. Гитлер капут, а солдаты не виноваты. Всем людям Маркварда... теперь леди Женевьевы — разойтись и ждать во дворе. Утром отправитесь обратно. А лучше сразу идите, идите, идите. Прямо до Плиссе. А вас, Клотар, Альдер, Ревель и брат Кадфаэль, приглашаю наверх в покой леди Женевьевы на совещание.

Глава 5

Леди Женевьеве прикладывала к глазу мокрый платок, Ревель с ходу посоветовал завернуть в чистую тряпицу лечебные травы, вот у него как раз подходящие, она с жадностью ухватила пучок зелени. Ревель деловито подсказывал, как и что лучше. Мелькнула мысля убрать кровоподтек мне самому, но пусть взбалмошная красавица походит с ним хоть неделю, какой-то урок будет на какое-то время.

Труп Маркварда вынесли, мы сели за стол, пока еще пустой, Ревель подсел последним и спросил с ходу:

— Теперь леди Женевьеве — владелица замка Маркварда и всех подвластных ему земель?

Я спросил с враждебным удивлением:

— С какой стати?

Ревель объяснил знающее:

— Но ведь официально признана дочерью?.. И во всех бумагах числилась... или нет?

На этот раз посмотрели на брата Кадфаэля, единственного, кто знает законы людские и Божественные, он ощущал на себе взгляды и сказал мирно:

— Да, леди Женевьеве — наследница. Но не единственная. Как вы все слышали, у графа еще два сына. Один ушел в торговлю, сейчас на шести кораблях возит шерсть за моря, а оттуда — на острова, а второй отправился на Юг еще дальше, возглавил магистрат в небольшом плебейском городе. Замок Маркварда и его земли для обоих — лакомый кусок! Могут сцепиться за раздел, но вряд ли останутся в замке, чтобы продолжать дело отца.

Ревель сдвинул плечами.

— Ну если один — богатый купец, а второй правит целим городом, то у них жизнь интереснее, чем пасти скот в окрестностях замка! А я вот никогда на море не плавал.

— Не плавал! — буркнул Альдер. — Я моря вовсе не видел.

— Я тоже не видел, — вздохнул Ревель. — Только слышу с детства о морских девах, диковинных рыbach, подводных городах и затонувших кораблях, полных сокровищ...

Я хлопнул по столу, разговоры смолкли.

— Не забывайте, — напомнил я, — что мы сейчас в том самом замке или крепости, которая известна как уроцище Темного Ангела. Мы в середине Темного Пятна, где происходят всякие нехорошие вещи! Ликуем, но могут обрушиться стены или еще что-то случиться недобroe. Не заметили, что творится с замком?

Они начали оглядываться, брат Кадфаэль первый вскрикнул испуганно и перекрестился, Альдер призвал Деву Марию, а Ревель, напротив, помянул черта. Только Клотар смолчал, смотрел на меня пристальным взором. Леди Же-

невьеева начала промакивать кровоподтек торопливее, по лицу потекли капли, похожие на слезы.

На стенах, укрытых гобеленами, коврами, незаметно появились светильники из чистого золота дивной работы, окно украсилось цветными стеклами, возникла мебель, сундуки, еще один стол, заваленный старинными книгами. В воздухе поплыл сладковатый аромат диковинных трав и благовоний.

За окном тоже что-то изменилось, я быстро подбежал, выглянул, двор внизу стал меньше, как будто нас приподняло на пару этажей. Клотар встал, прошелся вдоль стены, осторожно притрагиваясь к светильникам, к разного рода выступам, похожим на раструбы для гигантских факелов.

Ощущение давящей тревоги стало сильнее, я обернулся, сказал настойчиво:

— Все, ребята, грабить не успеваем. Можете захватить то, что прямо у вас под руками, и... бежим отсюда!

Ревель с готовностью вскочил, спросил на всякий случай:

— И по дороге ничего не захватим?

— Можем не успеть удрать, — ответил я быстро. — Не знаю, но у меня такое ощущение, что приближается что-то нехорошее. Как будто большая гроза, но не гроза... Мой седалищный нерв не может сказать точнее, он университетов не кончал.

Клотар посмотрел на меня несколько странно, отошел к распахнутой настежь двери, вышел в коридор. Я не заметил, как он удалился и что там сделал, но раздался металлический грохот, пол ощутимо вздрогнул. Альдер и Ревель ухватились за оружие. Металлическая решетка из толстых прутьев обрушилась в дверном проеме, перегородив выход.

Холод пробежал по телу. С обнаженным мечом в руке я бросился к выходу, с той стороны от решетки отодвинулся Клотар. Красные блики факелов прыгают по нашим лицам, я не сразу уловил выражение сурового торжества в глазах материого воина.

— Это... — вырвалось у меня, — сделал ты?

— Верно, — согласился он.

— Зачем?

— Сейчас придет Хозяин, — ответил он.

— Хозяин? Разве не Марквард...

Я осекся. Торжество в его глазах разгоралось все ярче.

— Марквард — ничтожество, — объявил он почти дружески. — А Хозяин — это... это Хозяин! Он может одарить своих вассалов так, что они станут богаче королей. Для жертвы ему понадобилась девственница благородных кровей, и я помогал доставить ее в замок.

Я спросил:

— Если твой Хозяин так всемогущ, почему не явиться и не взять прямо из замка Маркварда?

— Маги сильны только в своих стенах, — объяснил он со снисходительностью взрослого, что говорит с ребенком, — мой Хозяин вообще всемогущ! Правда, он силен и вдали от своих мест, что могут не все маги...

Он ухмыльнулся, я смотрел в его лицо и вспомнил того колдуна, который шел с Грубером и которого мы едва-едва. А здесь мы в логове колдуна намного более сильного. Клотар ухмылялся шире.

— Чем он купил тебя?

Он расхохотался:

— Хочешь предложить больше?.. Не сумеешь.

— Почему?

— Я уже говорил, подходит возраст, когда пора меч в ножны. К этому времени надо что-то скопить... Я не сумел, но когда однажды ночью услышал голос Хозяина и понял, что он может дать, я не стал колебаться.

— И сколько он предложил?

Клотар покачал головой. В глазах мелькнуло нечто похожее на брезгливую жалость.

— Это не только золото. Это сила, власть, молодость!.. Это десяток деревень в моей власти, где я буду сеньором.

Он умолк, прислушался, на лице отразилось злое торжество.

— Он прибывает! Слышите?

Донесся глухой отдаленный грохот. За окнами появилась темная туча, в недрах блеснуло красным. Я кивком подозвал Альдера, он молча подал мне лук. Я наложил стрелу на тетиву. Клотар захохотал:

— Хозяина оружие не берет! А меня тебе не достать...

Я натянул тетиву, Клотар быстро отступил за край дальнего прохода. Прислушавшись, я уловил стук подошв его сапог.

— Надо удиরать, — сказал я торопливо.

— Удириать? — переспросил Альдер непонимающе. — Но такие же решетки и на окнах!

— Этих решеток нет в стенах, — ответил я. — Бывает такое, что ворота несокрушимы, а вся стена — из глины. Ткни пальцем...

Я торопливо перебежал к самому большому светильнику, что прямо на полу, упал на колени и вогнал узкое лезвие меча в щель между плитами. Нажал, напрягся, Альдер смотрел непонимающе, затем ухватился за край плиты и начал тянуть, страшно вздувая мышцы. Снизу пахнуло могильной сыростью, открылся четырехугольный проход.

Альдер, повинувшись моему взору, быстро скользнул в ту темноту и сырь, но брат Кадфаэль неожиданно мотнул головой.

— Нет.

— Что? — переспросил я быстро, просто не поверил ушам. — Лезь быстрее! Я не знаю, что там, но здесь уж точно гибель.

— Нет, — повторил он и добавил с некоторым смущением: — Это колдун, сэр Ричард. Это в первую очередь враг святой веры. Я должен с ним сразиться.

Женевьеве в ужасе пятилась от зловонной норы.

— Там крысы! Я их чую!

— Там мелкие крысы, — крикнул я зло. — Лезь, дура!.. Сейчас сюда явится такая крыса, что всем крысам крыса...

Туча за окном разрослась, молнии сверкают непрерывно, донесся глухой гром. Замок вздрогнул, будто по нему

ударил крупный метеорит или приземлился космический корабль. Снизу из темной дыры донесся тревожный голос Альдера. Я махнул рукой, торопливо полез за ним. За решеткой уже слышно приближение тяжело шагающих людей, я хотел заорать на красивую дуру, но она с таким ужасом пятилась от норы, что я махнул рукой: не хочешь — оставайся, не убьют, во всяком случае — сразу, а нам бы только отсюда выбраться... и после этого она сразу же шмыгнула мимо меня в темную нору, Альдер ее принял, чтобы не ушиблась, следом скакнул Ревель, а я как можнотише опустил плиту на место.

Под ногами похрустывало, словно кто-то разбросал мелкий хворост, а тот иссох. Я опустил взгляд, под ногами рассыпаются на мелкие обломки кости, из меня хреновый Кювье, но, по-моему, половина этих костей — человеческие. Хотя, конечно, некоторые — не совсем. Даже очень не совсем.

Два скелета лежат в нишах, одежда еще не истлела, хоть и превратилась в тряпки. Я ухватил берцовую кость, намотал на верхний конец тряпку, поджег, это я умею, и сказал бодро:

— Fiat lux!

Альдер и Ревель торопливо перекрестились, я услышал за спиной вздох облегчения. Хоть поступаю святотатственно, ни один христианин не потревожит вот так грубо по-крайней мере предков, но если с молитвой, то с молитвой, конечно, можно и Константинополь разнести в щебень.

Крысы разбегаются с писком. Наверное, устрашились визга леди Женевьевы. Что они тут жрут, друг друга?

Несколько шагов по твердому ровному камню, внезапно ход пошел вниз, подошвы захлюпали по воде, я взмок от страха, ненавижу ходить по темной воде, но, к счастью, ход вновь пошел вверх, под ногами снова захрустело... но как-то иначе. Я посмотрел под ноги, подпрыгнул, едва не рассадив макушку о каменный свод: я ступаю по тысячам крупных, как раки, многоножек, мокриц, уховерток, странных и отвратительных слизняков...

Леди Женевьеве двигается, разинув рот в беззвучном крике, глаза как блюдца, руки подняла, словно сдается в плен, захватив концы платья, шагает такими огромными шагами, стараясь как можно меньше наступать на эту гадость.

За спиной сопят, чертыхаются, я собрался с мужеством, прибавил шаг. Полчища многоножек закончились, под сапогом громко хрустнуло, я наклонился, передо мной скелет, явно человеческий. Похоже, бедолага так и не смог выбраться из этого чудовищного места. Все кости целы, да и вообще поза такова, что просто лег, скрючился и умер. Даже мелкие зверьки растащили бы кости, а этого явно обгладали эти мокрицы или муравьи, не способные сдвинуть даже самую мелкую кость.

Внезапно по спине пробежал холодок. Магацитл, всплыло в голове. Я тупо всматривался в останки, начиная чувствовать некоторую диспропорцию в размерах, а затем рассмотрел череп, холод охватил все мое тело. Я не Ламарк, череп питекантропа не отличу от черепа юмориста с Первого канала, но на этой черепушке явно на одну дырку больше. Нижняя — нос, две параллельные выше — глазницы, но еще одна над глазами!

Хорошо бы признать ее отверстием от пули, пусть даже от стрелы, хотя та не сделает такие закругленные края, однако... однако видно, что это глазница. У магацитлов, что, если верить Аэлите, переселились с Земли на Марс, был третий глаз, которым умели видеть недоступное простым смертным, хотя смертными были и они, что сейчас заметно особенно.

Длинный ход изгибался без всякой причины, с потолка свисают полотнища паутины, похожие на застывший лунный свет, стены отесаны грубо, словно в спешке, но добродотно.

— Не отставайте, — крикнул я, не оборачиваясь, — не отставайте!.. Жалобы есть?

Донесся угрюмый голос Ревеля:

— Какие жалобы? Все прекрасно... Хоть пой.

- Где Альдер?
- Несет леди Женевьеву.
- Разбалует, — проворчал я. — Поторопитесь, за нами уже наверняка погоня.

Они не отставали, более того — после моего окрика настykались на меня с разбегу, если я останавливался чересчур резко. У меня мозг горел как в огне, я в бешеном темпе старался вспомнить все-все, что знал о подземельях, мои глаза обшаривали стены, потолок, камни под ногами.

Ревель не понял, почему я метнулся в сторону, ощупал камни и навалился на один всем телом. Тоже уперся, запыхтел. Камень заскрипел, сдвинулся с места. Мы толкали сильнее, он продвинулся еще, застрял. Я попробовал просунуться в щель, не сумел, но теперь есть энтузиазм, с немалым трудом сдвинули еще на ширину ладони.

Я пролез в щель с великим трудом, следом за мной Альдер с вяло стонущей Женевьевой, последним Ревель, затем так же дружно задвинули камень на место. Мы оказались в тесной и очень низкой пещерке, грубо вырубленной в толще горы, факел освещает на расстоянии трех-четырех шагов, дальше все тонет в темноте. Я прислушался, толкнул Ревеля.

— Ни звука!

Издали послышались крики, топот. По ту сторону каменной стены шум приближался, мощно затопали подкованные сапоги. Судя по грохоту, дальше по туннелю пропбежало не меньше десятка крупных воинов с оружием наготове. Судя по лязгу, все в железных доспехах и с обнаженными мечами.

Я тихонько поднялся, Ревель замер в ожидании команды, а я потихоньку прошел дальше, пещерка все тянется, это уже не пещерка, а такой же ход, только шире, свод тоже наконец-то поднялся, уже не только мне можно идти, не склоняя головы, всадник на рослом коне проедет... непонятная роскошь, где камень не только нужно выдолбить, но и поднять наверх.

Хотя, подумал я, возможно, здесь вблизи подземное

озеро. Или вообще провал, куда проще сбрасывать отколотые глыбы.

— Пойдемте, — сказал я негромко. — Не отставайте.

Ревель шумно дышал мне в спину, словно все еще бежал. Я видел то справа, то слева блеск обнаженного меча, Ревель еще и постоянно оглядывается, разрываясь между приказом следовать за мной неотступно и жаждой помочь боевому другу нести сомлевшую красотку.

Наконец я остановился: впереди стена, перед нею в полу круглая темная дыра. Свет факела выхватил гладко отесанные камни, предельно гладко. Дыра выглядит уходящим вертикально туннелем с тщательно обработанными краями. Я свесил руку, горящие капли срываются с факела и долго-долго падают, постепенно исчезая из виду.

Леди Женевьевэ застонала, открыла глаза. Увидев, что она у Альдера на руках, да еще и за шею держит, застыдилась и принялась высвобождаться. Альдер поставил ее на ноги и, чтобы не смущать, повернулся ко мне.

— Что-нибудь видно?

— Ничего...

— Что же, это для птиц?

— Каких птиц? — не понял я. — Почему птиц?

— А как же оттуда выбираться? — спросил он. — Оттуда только птицы могут... Берегитесь, сэр Ричард. Здесь должны водиться ужасные создания!

— Должны, — пробормотал я. — Хотя бы сказал «могут». А то сразу «должны». Ну прям обязаны...

Он непонимающе смотрел, как я ощупываю камни, затем в глазах блеснула надежда. Я не обращал внимания на его сопение, ощупывал, осматривал, старался представить себе, как все это видели древние зодчие, инженеры или рудокопы того времени, наконец под пальцами вроде бы что-то отзывалось. Я нажал, подергал, ничего не сдвинулось, но когда перешел к соседней плите, там в самом деле как будто нечто отзывалось изнутри.

Альдер ахнул, когда отодвинулась целая плита. В нише странного рода рычаги, которые я гордо назвал рубильни-

ками. Осторожно потрогал, ни один не сдвинулся, наконец налег на крайний, выждал, взялся за другой, проверил третий. Повернулся лишь последний. Он потянул то ли невидимый для нас трос, то ли сдвинул нечто в системе противовесов, мы застыли в ожидании, Альдер присел и, выставив перед собой меч, осматривался по сторонам, готовый встретить хоть гигантскую летучую мышь, хоть само исчадие ада.

Что я ждал, и сам не понимал, только чувствовал, что надо ждать, Альдер же смотрел на меня с почтением и распущим страхом. Все троеахнули и попятились, снизу поднимается круглая площадка из такого же гладко обработанного камня. Не до зеркального блеска, но все-таки... А на зеркале ноги будут скользить не только мои.

— Сэр Ричард! — вскрикнул Альдер.

Я шагнул на середину плиты, Альдер взволнованно топтался на прежнем месте. Остальные вообще застыли, как статуи.

— Есть другие варианты? — спросил я.

— Нет, но...

— Смотрите, — предупредил я. — Как и когда оно движется, я еще не знаю...

Альдерахнул и прыгнул ко мне, увлекая леди Женевьеву. Следом скакнул козлом Ревель и упал уже вниз, плита начала стремительно опускаться. Выглаженные стены стремительно убегали вверх, я ощущал пустоту, мы почти падаем, еще чуть — и ноги начнут отрываться от пола. Все это напоминало движение поршня в огромном шприце или велосипедном насосе, Альдер упал на колени и страшно молился.

Мозг мой прогонял в секунду миллионы вариантов, но все пустое, падали мы вечность, я успел передумать все, что только можно в таком положении, Альдер успел отмочиться, поднялся и спросил уже с суровым достоинством:

— Разобьемся прямо в аду?

— Возможно, — ответил я, — хотя не обязательно.

— Надеюсь, задавим какого-нибудь черта! Хорошо бы покрупнее. В смысле рыцаря-черта или сеньора.

— Возможно, — повторил я. — Но мы не падаем, Альдер.

— А что же?

— Опускаемся. Хоть и очень быстро.

Он посмотрел на меня с почтением.

— Магия?

— Или технология, — ответил я. — Хотя, когда она высокая, кто отличит от магии...

Спуск, похожий на падение, продолжался еще несколько минут, я уже страшился думать, на какой мы глубине. Затем мое тело налилось тяжестью, я быстро посмотрел на Альдера и Ревеля, оба побагровели, щеки обвисли. Лучше всего выглядит Женевьеве: с отвисшим подбородком, лицо белое как мел, царапина на щеке вздулась и побагровела, а синяк под глазом стал почти черным — лепота.

Взгляды у всех встревоженные, но я не паникую, и они доверились, едят меня глазами.

В стенах снова появилась рябь, перешла в быстро исчезающие полосы, и через минуту платформа грохнулась о пол с такой силой, что я не удержался, упал на колени. Альдер устоял, в глазах радостное изумление, жив, я поднялся и поспешно соскочил с платформы. Женевьеве хлопнулась на задницу, нежный румянец залил щеки, мне показалось, что встать не сможет, Альдер помог ей подняться и сойти с края платформы.

— Все о'кей? — осведомился я. — Если живы, тогда вперед на танки. За мной!

Мы в просторной каменной пещере, чернеют четыре полукруглые норы. Свет слишком слабый, чтобы я рассмотрел как следует, но, похоже, здесь был в древности просто шахтный колодец, клеть доставляла шахтеров именно сюда, а дальше они своим ходом...

— Впрочем, — сказал я, — почему своим ходом? Разве что рудники совсем рядом...

Альдер отступил и смотрел на меня блестящими глаза-

ми. Я подмигнул им, хотя у самого сердце колотится, как у зайца, схваченного за уши.

— Кобольды? — спросил Ревель шепотом.

— Да хоть и гномы, — ответил я с натужной бодростью. — Надеюсь, Хозяин не отыщет сюда вход, если уж не отыскал раньше. Хотя, конечно...

Не закончив, шагнул к тому туннелю, который показался ближе. Ревель с обнаженным мечом в руке последовал тут же, попытался зайти вперед, раз уж Альдер снова взялся опекать юную леди, но я велел идти сзади, а то еще смету и его, если вдруг впереди попробуют выставить заслон.

Глава 6

Под ногами некоторое время хлюпало, затем ход медленно расширился, впереди открылась пещера. Ровный розовый свет, похоже, свящающийся мох или плесень, сзади охнул Альдер, я застыл, ноги налились свинцом. Выход в пещеру напоминает гигантскую акулью пасть: окровавленные зубы в два ряда смотрят с потолка и точно такие же — снизу, им навстречу.

— Да что за... — сказал я. — Похоже, нам здесь не пройти...

— Да, сэр Ричард, — ответил Альдер мужественно. — Разве что попытаться пробежать побыстрее...

Я всмотрелся, сказал другим голосом:

— Впрочем, почему не пройти?

И пошел, петляя между этих торчащих внизу сталагмитов, изумительно похожих на острые зубы, и свисающих с низкого свода сталактитов — таких же острых, блестящих, жутких. Альдер смотрел, как на безумного, но верность сеньору заставила не то чтобы броситься следом — Женевьеве висит на руке, — но идти беспрепятственно, как и надлежит верному служащему.

Когда одолели пещеру и снова оказались в коротком туннеле, он спросил охрипшим голосом:

— Магия?

— Да, — ответил я. — Природная магия. Ревель, ты что там собираешь? Сувениры?

— Да я так, ваша милость, осматриваюсь...

Впереди послышался несмолкающий грохот, лязг, металлический скрежет, с каждым нашим шагом становился громче. Мы вышли в исполинскую пещеру, нет, исполинский зал, застыли на краю, потрясенные, завороженные, вбитые в землю по ноздри мощью и величием.

Весь зал напоминает внутренности старинных часов, когда вращаются не только колеса для стрелок, но и всяческих фигурок, что кланяются, сражаются, выступают мелодии.

Я сделал несколько шагов, Альдер громко молился за спиной. Впечатление такое, что мы внутри грубо сделанных часов, как будто царь великанов велел сделать для себя этот чудовищный механизм и десятки великанов выковывали эти зубчатые колеса, шестеренки, чудовищные оси, на которых вращаются, зацепляя зубья другие, также грубо выкованные, вот следы молотов по раскаленному железу — это какие же молоты?

— А где же... колдуны? — прошептал Альдер, но я услышал через шум и лязг. — Кто все это...

— Завод еще не кончился, — ответил я тоже шепотом. — Пружина не раскрутилась...

Но чутьем, а не умом понимаю, что вот так вращаются тысячи лет, не стерлись в пыль, на помощь примитивной науке — ведь механика тоже наука — пришла такая же примитивная, но могучая магия. Лязгают, содрогаются от усилий, зубья не всегда попадают точно, скрежещут, но не останавливаются, не останавливаются...

Длинные цепи, каждое звено размером с тележное колесо, мерно поднимаются из темных колодцев в каменной толще и наползают на полуустертые зубья шестеренок, самые мелкие не уступают тем поворотным кругам, на которых разворачивают паровозы.

— Не развалится? — спросил Альдер. Он задрал голову, всматриваясь в громады. — А то ведь прическу испортит...

— Тыши лет стояла, — ответил я. — С чёго бы вдруг?
— Тем более, — возразил он резонно. — Пора.
— Накаркаешь, — предупредил я и невольно ускорил шаг. — Не отставай, вон там проход...

Он ткнулся мне в спину, когда я остановился перед стеной, где мелкими значками испещрены плиты на высоте человеческого роста до черного входа, исчезают в нем, а на стой стороне уже полустерты, даже сколотые. На каменных плитах высекают самое важное, самое нужное, что обязательно сохранить во что бы то ни стало, без чего люди снова вернутся к первобытному строю. Сердце мое колотилось, я почти чувствовал боль тех людей, отчаяние, понимание, что сберечь удастся мельчайшие из крошек, что все равно человечество будет ввергнуто путь не в пещеры к каменным топорам, но все равно воцарится дикость, нежество, костры инквизиции, снова начнет поиск пути на ощупь, в потемках, повторяя кровавые ошибки и делая новые.

Мы вбежали в туннель, Альдер зарычал, поднимая меч. Я почти наткнулся на огромный гроб, чересчур огромный, просто мания величия у наших предков. На крышке тщательно выполненные фигуры львов, грифонов, единорогов, все в золоте, над всем трудилась армия ювелиров, этому произведению искусства украшать бы музей, но такая ценность погребена в никому не известной пещере!

Я с усилием сдвинул крышку, она тяжело рухнула в сторону. В гробу скелет в доспехах, очень странных, но я застыл, как вмороженный в лед: человек в полтора моих роста, неимоверно широк в плечах, череп массивный, как котел, и... третий глаз над переносицей!

Небольшой обруч из серебристого металла уже свалился с черепа, красный камешек тускло мерцает, единственный, что не покрыто пылью. Справа под рукой гиганта узкий меч, рукоять в форме креста, гарда затейливо украшена резьбой, в навершие вделан желтый, как янтарь, камень.

Я осторожно взялся за меч, кости сдвинулись, освобо-

ждая оружие. К моему ликованию, меч оказался совсем не тяжелым, во всяком случае, не тяжелее обычного рыцарского меча, хотя на пару вершков длиннее.

Альдер сказал обеспокоенно:

— Сэр Ричард, у вас же есть меч!

— Да, — ответил я, не в силах оторвать взгляда от меча, — еще скажи, что я ж умный... Но мужчины становятся дураками, когда видят красивое оружие. Правда, это лучше, чем дуреть от женщин...

Он заткнулся, Ревель все понял, быстренько пошустрил по сторонам и подбежал со старинными ножнами, усеянными драгоценными камнями сверху донизу. Я вложил меч, он скользнул тихо и плавно, как по рельсам. Молча они смотрели, как я перекинул вторую перевязь через плечо. Теперь у меня два меча, как у самурая, да еще и лук, будто я скиф. Ну а молот на поясе — это уже малость от скандинава.

Леди Женевьевы засмотрелась на красивый ларец на золотых ножках. Я видел, как у нее заблестели, даже загорелись глаза, особенно тот, который сузился до щелочки из-за вздувшегося кровоподтека. Она шагнула к нему, я увидел протянутую руку, сказал резко:

— Не сметь!

Она боязливо съежилась.

— Я только посмотреть...

— Любопытной Варваре, — сказал я, — нос оторвали...

Обнажив меч, я кончиком лезвия приподнял крышку, чем-то ларец не нравится, слишком уж безукоризнен. Нет пыли, сияет, как новенький. И оставлен на самом видном месте, хотя такую драгоценность должны были унести в первую очередь... Крышка с мягким музыкальным звоном упала на поверхность стола, несколько мгновений звучала, колыхалась, позванивая.

Я уже совсем было вознамерился заглянуть в ларец, как оттуда вырвался яркий лиловый столб света. На каменном потолке образовался круг, с шипением вскипело, камень потек жидкими, как спирт, каплями, что испарялись на

лету. Чудовищная мощь прожигает широкий, все расходящийся туннель в толще горы.

Я стоял, оцепенев, затем ухватил крышку, подкрался зачем-то на цыпочках и рывком накрыл ларец, мгновенно обрезав луч, словно свет простого фонарика.

Альдер судорожно передохнул, перекрестился.

— Тут не только нос, и голова бы в пар... Что за гадости колдуны творят! Недаром Святая Церковь всех в костер.

Я осмотрелся, сказал с сожалением:

— Пойдемте, шлиманы. У нас задача выбраться отсюда. По возможности свернуть рога Хозяину. Но если и просто так удерем — тоже хорошо.

Альдер посматривал на меня как-то странно.

— Сэр Ричард, вы чем-то недовольны?

— Еще бы, — буркнул я.

— Чем?

— Я надеялся на другую эпоху, — признался я.

Он посмотрел на меня с вопросом в глазах, я не стал выяснять, что он обо мне подумал, под ногами захлюпало, а через минуту мы уже неслись по воде, что достигла щиколоток. Ревель предложил идти за водой, она выведет, но умолк, когда через два десятка шагов вода стала уходить в узкую трещину на полу.

Ревель снова мучился, выбирая между верностью сюзерену и дружбой с Альдером, который почти тащил леди Женевьеву. Он то забегал вперед, то возвращался к Альдеру, готов был тоже помогать нести женщину, но она сама старалась не отставать, разве что чаще других падала, расшибая колени и локти.

Я споткнулся в полумраке, ахнул: в этом подземелье, глубоко под землей в туннеле идут рельсы, настоящие рельсы!.. Правда, нет шпал, да и сами рельсы выглядят какими-то детскими, но здесь в камне шпалы без надобности.

Мы бежали, хрипя и задыхаясь, у Ревеля глаза от ужаса как блюдца, просипел пересохшим горлом:

- Колдовство... Что за...
- Найти бы тележку! — прокричал я.
- Что?
- Повозку!

Он посмотрел, как на сумасшедшего, а я заорал, прибавил шаг. В слабом свете впереди угадывалось нечто темное, угловатое. Я набежал на подгибающихся ногах, ухватился за край, чтобы не упасть, кузов тележки и сама она похожа на огромное ведро.

- Залезайте, — велел я, — быстро!

Ревель взмолился:

- Ваша милость...
- Быстрее, — прорычал я.

Они все трое со страхом влезли, я уперся в тележку, она сдвинулась с неожиданной легкостью. Я разогнал ее, подпрыгнул и перевалился через край. Ревель шумно дрожал, глаза блестят, как у негра, на закопченном лице. Женевьевы прижалась к Альдеру, буквально скрючилась у него на груди, ухитрилась взобраться даже с ногами. Тележка неслась все быстрее, колеса стучат на стыках чаще и чаще, наконец начали подпрыгивать, ударяться с силой.

Я забеспокоился, на повороте можно вообще слететь с рельсов, принялся искать тормоза. Альдер следил за мной непонимающими глазами.

- Ваша милость... вам это колдовство знакомо?
- Да какое колдовство, — буркнул я, — у нас этим дети балуются... Ага, вот оно!

Длинный металлический прут опускался концом к одному из колес. Я ухватился за рукоять, нажал, внизу заскрипело, полетели искры.

— Ого, — сказал я, — идем под уклон. Не влететь бы в стену. Ревель, следи за знаками.

- За чем, ваша милость?
- Ладно, это я так, про себя...

Справа и слева мелькали огни. От мощного потока воздуха не трепещут, мне показалось, что вообще свет похож на неоновый, Альдер закричал, я повернулся, впереди раз-

горалось жуткое красное зарево, каменный свод, выгнутый, как в метро, полыхает багровым, вот-вот оттуда потечет лава.

Но еще страшнее, что такое же зарево, но намного более насыщенное, — ниже того уровня, где должны быть рельсы. Я ухватился за рукоять тормоза, и в это время разогнавшаяся вагонетка вылетела из узкого прохода. Сухой и жаркий воздух ударили в лицо, волосы затрещали. Я прижмурился, кожа горит от страшного жара. Земля внизу исчезла, рельсы тянутся в красное пространство и там исчезают, под нами жуткая пропасть с колышущимся озером кипящей лавы.

Ревель всхлипывал, молился, один раз мы проскочили над кипящим озером. Женевьева беззвучно плакала, слезы безудержными потоками бегут по щекам. Я перевел дух, Альдер торопливо крестился и благодарил Господа, что лишь показал ад, предостерегая от неправедной жизни, но по бесконечной милости своей не вверг недостойных и грешных слуг, на что я уязвленно заворчал, я никому не слуга, даже Богу, некоторое время неслись в туннеле, затем слева стена исчезла, пахнуло гарью, в лица ударило волной горячего воздуха. Там блеснуло красным, промелькнула красная полоска кипящей магмы.

Ревель охнул, я все время прижимал штырь к колесу, оставлял за тележкой сноп искр, а иногда и вовсе наваливался грудью, притормаживал всерьез: вагонетка вроде бы не идет под уклон, но почему-то старается разогнаться.

Проскочили огромный зал, по стенам ровным слоем сбегает вода. Тележка пронеслась, поднимая с обеих сторон фонтаны брызг. Однажды проскочили под настоящим водопадом, Ревель упал на колени и молился, я прокричал:

— Встань!.. Господь послал испытание, понял?

Он вскрикнул:

— Но я ведь...

— Он не помогает тем, — крикнул я, — кто просит по-

мощи. Да еще на коленях — стыдись! Он помогает тем, кто борется!

Он перевел испуганный взгляд на меня. Уж чего-чего, а в потоках воды, что просачивается сверху, я не вижу ничего калдовского: строители метро всегда от нее страдают, шахтеры не успевают откачивать — словом, мне это знакомо, все трое начали укрепляться духом, глядя на мое туповатое лицо.

И тут — снова огненное озеро. Вширь как морской пролив, едва-едва угадываются разнесенные вдаль черные громады стен, но самое жуткое, что рельсы уходят вперед, истончаясь как ниточки, висят в красном накаленном воздухе, а так вообще исчезают в клубящемся тумане.

Вагонетка вновь ускорила бег, я навалился на рычаг всем телом, внизу скрежещет, визжит, искры летят, как из сопла реактивного истребителя. Тележку трясет, встряхивает, раскачивает, затем послышался треск, рычаг внезапно подался чересчур легко, я едва не вылетел за борт. Скрежет прекратился, сноп искр исчез, я услышал горестный вскрик Альдера:

— Тормоз сломался!

— Догадываюсь, — ответил я зло. — Теперь держитесь крепче.

Вода течет поверх рельсов, тележка летит, как линкор на воздушных крыльях: два мощных крыла воды из-под колес с силой ударили в стены, разбивая лампы. За нами свет гас, все погружалось в тьму, я успел подумать, что тем, кто сейчас гонится за нами, придется непросто, если они не знают каждый метр пути на ощупь.

Тележка неслась, временами приподнимаясь, как мне казалось, над рельсами, а то и над водой. Ревель начал вскрикивать ликующее, что замедляемся, замедляемся, я хотел было возразить, что хрена там замедляемся, но затем и сам ощутил, что тележка сбавила скорость. Воды в туннеле столько, что тележка гонит перед собой волну, затем все-таки вода начала спадать, к счастью, и резко сбавила скорость вагонетка.

Ревель прислушался, крикнул мне со страхом:

— Господин, что это за грохот?

— Где?

— За нами!

Я оглянулся, в темноте нарастал стук, далекий рев, земля начала вздрогивать под ногами. Альдер вскрикнул:

— Это великан! Он гонится за нами!

— Хуже, — ответил я, — намного...

— Что может быть хуже?

— С великанином можно договориться, — прокричал я, — бегом за мной!

Я выскочил из тележки, за мной вывалился Альдер и тут же подал руку Женевьеве. Нет, не подал, а принял ее на руки, Ревель выпрыгнул, как ошпаренный пес.

Мы понеслись по воде, Альдер, из-за Женевьевы на руках, не заметил ямы, мы потеряли несколько драгоценных секунд, пока помогли ему выбраться. Потом вода опустилась нам до щиколоток, мы понеслись, как олени, убегающие от собак, рев за спиной все громче. Женевьеве слезла на землю и в ужасе перед настигающим валом воды неслась, как трепетная лань с консервной банкой на хвосте.

Впереди показался свет, с каждой секундой его становилось больше, я слышал собственное хриплое дыхание, в дыре прямо перед нами блеснуло синее небо, но за спиной свирепый рев перешел в торжествующий, я слышал тяжелый топот и уже чувствовал, как острый рог нанизывает меня, как жука на булавку...

В последний миг я успел крикнуть:

— Не выпрыгивайте!.. Хватайтесь там за что-нибудь...

Сам я прыгнул, на лету ухватился, едва не вывернув суставы в плечах, за искореженный металлический прут, торчащий слева из камня. Мимо пронеслось нечто гигантское, горячее, заполнившее туннель от стены до стены и от потолка до пола. По руке полоснуло острой болью, с той стороны вскрикнул Ревель, он повис на тонком ржавом штыре, что постепенно прогибается под его весом.

— Держись, — крикнул я.

Его ноги беспомощно скребли по камню, я сам задыхался от усталости. Свирепый рев, что преследовал нас, превратился в полный отчаяния вопль, с каждой секундой удалялся вниз. Я рискнул скосить туда глаза, в мозгу потемнело, а по телу прокатилась ледяная волна. Мы висим на отвесной скале над пропастью, младшей сестрой Марианской впадины. Далеко-далеко по дну змеится крохотный ручей, по направлению к нему летит по крутой дуге металлический носорог, блестящий, как новенький штурмовой танк.

— Вот и хорошо, — прокричал я. — Давайте все обратно!..

— Зачем?

— Я там заметил справа небольшой туннель.

Кое-как, помогая друг другу, все четверо вернулись в большой туннель, а там в двух шагах от стены темнеет ход, который сперва показался нишей. Я пошел первым, выставив меч, за мной Альдер с повисшей Женевьевой, замыкает движение Ревель, охраняя друга, который сейчас и от воробья не отобьется.

Ход пошел по наклонной вниз, мы спускались с четверть часа, воздух стал горячим, я чувствовал неладное, наконец впереди распахнулось огненное озеро с кипящей лавой. Лишь кое-где плавают багровые льдины раскаленного шлака, а так везде по поверхности поднимаются огромные пузыри, как в исполнинской кастрюле с кипящим супом.

Через озеро перекинут тонкий висячий мостик с канатными перилами. Мост уходит в бесконечность, от поверхности озера поднимаются желтые испарения, скрывая перспективу.

Ревель, завидев мост, закричал в отчаянии:

— Я лучше сразу прыгну в пропасть!

— Этот мост слона выдержит! — заверил я.

— Что такое слон?

— Это такой зверь... Как если бы десять груберов и марквардов сложить вон с Альдером...

— Магия, — выдохнул он с отчаянием. — Сэр Ричард, вы как хотите, я лучше останусь и прикрою вас здесь. Если их будет слишком много, обрублю канаты...

— Лучше обрубим на той стороне, — ответил я. — Пойдем, это приказ!

Я не пошел, а побежал, мостик тут же начал раскачиваться, меня бросало из стороны в сторону, а внизу в кипящую лаву как будто кто бросил кассетные бомбы: целые огненные гейзеры взметываются, от жара трещат волосы. За спиной у меня неумолчный крик, я стиснул челюсти и бежал, не оглядываясь.

Мостик длился и длился, а внизу не озеро лавы, а океан, я уже плохо соображал, куда бегу и зачем бегу, затем жар как будто начал спадать, а я ощутил, что бегу наверх, а впереди из красного тумана начинает выступать отвесная гора с чернеющим отверстием слишком правильной формы, чтобы винить природу.

Отсапываясь, мы прошли на дрожащих ногах по этому туннелю и затаились на выступе, откуда смотрели на исполнинскую пещеру внизу. Сотни людей, если это люди, рубят камень, кто-то грузит в плетеные корзины, другие уносят, а эти все вгрызаются в стену, вгрызаются... Над сводом пещеры сгустился лиловый туман, в нем иногда проскаакивают короткие молнии, воздух чист и свеж, освещение не яркое, но ровное, нигде нет теней.

— Это и есть кобольды? — спросил я шепотом.

Альдер ответил осторожно:

— Похожи, но кто знает... В этих краях много такого, что и колдуны не знают. А здесь слишком много странностей.

Я смолчал, слишком много, на мой взгляд, несоответствий. Варварские сооружения из грубо кованного металла, неотесанных камней... правда, не бревна же и доски здесь ждать, но все-таки видна крайне грубая работа, и — этот лиловый туман, в котором чувствуешь порождение высоких технологий или даже высокой магии, потому что ма-

гия тоже может быть простенькой, вроде лечения скота, и высокой, когда вот такая внутриядерная мощь, что и воздух чистит, и свет дает походя, и еще наверняка обеспечивает этих существ всем необходимым для жизни.

— Там есть ступеньки, — заметил я. — И поручни. Видимо, иногда этой дорожкой кто-то да ходит.

Альдер зябко передернул плечами.

— Неужели надо спускаться?

— Надо, Федя, — ответил я твердо. Будучи добрым феодалом, пояснил: — А как иначе?

— Да уж, — ответил он с тоской, — здесь тоже ничего не высидишь...

— Я пойду первым, — вызвался Ревель.

— Хорошо, — согласился я. — Альдер, ты у нас дамский угодник, так что держись в середине. А я прикрою сзади.

Голова Ревеля исчезла за краем, затем на пару ступеней спустился Альдер и протянул руки Женевьеве. Грязная, в порванном платье, с разбитыми в кровь руками и ногами, да еще с подбитым глазом и ссадиной на щеке, она выглядела жалко, однако кивнула ему поистине с королевским достоинством, подала руку, но это не из кареты выйти, ему пришлось придерживать ее за длинные ноги, а потом и за ягодицы, так и спускались, Ревель прокладывал дорогу, проверяя ступеньки, не расшатались ли, а Альдер помогал даме, чтобы не сорвалась, сшибив ползущего ниже друга, все-таки даже хреновый друг лучше самой замечательной дамы.

Я выждал, когда они спустятся хотя бы на треть, мне спускаться быстрее, чем им с ношей, уже готовился перекинуть ногу через край, когда сзади ухватили за горло огромные пальцы. Настолько огромные, что я захрипел в страхе, инстинктивно ударил ногой наугад, хорошо бы в пах, но и в голень неплохо, однако незнакомец уклонился, голову мою тряхнуло, в затылке взорвалась бомба. Он ударил меня лбом, что значит и голова у него чугунная, я ухватился за его пальцы, однако отодрать хотя бы один — то-

гда бы я его хотя бы сломал, — не удалось, а легкие мои дернулись, требуя воздуха.

Он продолжал удушать меня, я сипел, затем попятился, надеясь напугать его тем, что вот так упадем за край котлована. Он уперся, а при его росте и массе остановить меня оказалось нетрудно. Я наклонился, делая вид, что то ли пытаюсь его перебросить через голову, то ли готовлюсь провести какой-то хитрый прием, его туша легла мне на спину, я попытается все быстрее и быстрее, уже вспомнив про торчащий край решетки.

В глазах поплыли красные круги, когда меня тряхнуло от сильного удара, пальцы начали разжиматься на моем горле, а туша поползла со спины. Обернувшись, я всматривался в пошатывающуюся фигуру. Он выше меня на голову, а это значит, что в самом деле гигант, да и массивная фигура с короткими ногами больше подходит горилле...

— Тролль, — прошептал я. — Пошел вон, скотина...

Он зарычал и двинулся на меня, растопырив огромные лапы. Я сделал вид, что пытаюсь броситься вправо, а когда он повернулся, я изо всех сил ударил ногой в голень. Он взывил и вздернул ушибленную ногу, удар в голень — он жестокий из-за болезненности, на миг потерял равновесие, я саданул по второй ноге, он грохнулся, как падающая башня, а я выхватил наконец меч и с силой ударил его в голову.

Раздался треск, словно я расколол толстое полено. Из разрубленного черепа потекло темное, я поспешно вытер лезвие, сунул в ножны и начал спускаться вслед за друзьями.

Глава 7

Мы не успели спуститься, как почти все, кто долбил камни, повернулись в нашу сторону. Мне стало нехорошо от их недобрых взглядов. Ревель соскочил на землю первым, выдернул из ножен меч, сказал торопливо:

— Ищите, куда бежать, а я их задержу!

— Ну да, — сказал я зло, — их сотни...

Почти сразу они бросились в нашу сторону, сжимая

кирки. Глаза горят звериным бешенством, послышался вой, я вроде бы разобрал слова: «Убить...», «...мясо...», «...враги...»,

Молот скользнул в мою ладонь, я поспешил огляделся, в десятке шагов от нас аккуратно прорублен широкий туннель, очень ровный свод, там освещено и как-то даже цивильно.

— Отступайте! — прокричал я. — Вон туда!.. быстрее!

Я метнул молот, на средних дистанциях он надежнее лука; несколько человек упали, превратившись именно в мясо, однако остальные, вместо того чтобы броситься на павших сородичей, аки волки, и пожрать готовое теплое мясо, с диким воем бежали на меня.

— А вот хрен вам, — пробормотал я и со всех ног ринулся за своими.

Они улепетывали по туннелю, Альдер волочил спотыкающуюся Женевьеву, а когда она упала с жалобным плачем, подхватил ее на плечо и побежал, а Ревель держался сзади, прикрывая.

Я остановился в проходе, встретил догонявших с мечом в руке, они падали, как спелые груши, но упорно лезли вперед. Несколько раз меня вроде бы задели кирками, но самую малость, я даже не чувствовал слабости, а когда гора трупов стала мешать сражаться, повернулся и побежал следом за Ревелем.

Еще дважды останавливался и давал бой, а потом внезапно наступила тишина. Я в замешательстве оглядывался: толпа преследователей остановилась, как будто увидели перед собой пропасть. В слабом свете вспыхивали злые искры на оружии и огромных зубах. Красными кострами полыхали огромные глаза подземных жителей, адаптированных к полумраку.

Альдер вскрикнул:

— Слава тебе, Господи!.. Остановил полчища дьявола!

— Не спеши, — сказал я настороженно. — Они просто устрашились.

— Чего?

— Того, что впереди.

Он охнулся, лицо исказилось. Некоторое время мы топтались на месте, Альдер все оглядывался нервно на кобольдов, вдруг да передумают и ломанутся всей ордой, я всматривался в полумрак огромной пещеры, что не пещера уже, а целый подземный мир.

— Пойдем, Альдер. Лучше туда, чем оно к нам.

Он вздохнул, я свой вздох подавил, лидер должен хотя бы выглядеть неустрашимым, под ногами похрустывали камешки, многие с острыми как у бритвы краями. То ли недавно сколоты, то ли здесь нет эрозии. Лучше бы, конечно, второе.

— Господь нас испытывает, — пробормотал он. — Значит, считает нас достойными.

— Да уж, — согласился я, — слабым такое не пошлет. Слабых он вообще послал бы в другое место...

— Какое? — спросил он.

— В другое, — ответил я загадочно. — Не отставай, Альдер. У нас говорят проще: кто везет — того и погоняют. А у нас спины всем спинам спины.

Он открыл рот, собираясь что-то спросить, но застыл с отвисшей нижней челюстью и выпученными глазами. Я резко обернулся, по телу пробежала предательская дрожь. Из стены вышло нечто, похожее на небольшой темный смерч. Острый кончик с огромной скоростью вращается по каменным плитам пола, а когда сдвинулся в сторону, ни одна пылинка на полу не дрогнула. Вверху широкая, колыхающаяся из стороны в сторону воронка, абсолютно черная внутри.

Смерч колыхался, словно струя пара при движении воздуха, я некстати подумал, что, если остановится, упадет, как волчок, но старался не шевелиться, вдруг смерч, как шаровая молния, потянетсѧ вслед за воздушной струей.

На призрачной поверхности начало проступать нечеловеческое... нет, человеческое, но сильно деформирован-

ное лицо. Это было чудовищно: силовой поток несется по кругу с немыслимой скоростью, это сотни метров, если не километров в секунду, а лицо проступает только на одной стороне, обращенной ко мне!

— Кто бы ты ни был, — проговорил я дрожащим голосом, — я не... в общем, мы одной крови... Все умные — братья... Кто ты?

Из смерча донеслось свистящее:

— Кто... ты...

— Такой же, — ответил я быстро, — как и ты. Случайный в этом замке, ничего не знаю, ничего не умею. Хорошо, если бы ты помог, научил, объяснил!

Сейчас главное — польстить, прикинуться несчастненьким, простакам все любят советовать, у нас весь мир — Страна Советов. Кто бы ни создавал это существо или устройство, оно несет на себе отпечаток создателя, а создатели — тоже люди, даже если они и боги.

— Ты знаешь... кто я?

— Я не знаю, — ответил я, — кто я сам! Только и слышал про птицу без перьев. Да еще про мыслящий тростник, что звучит гордо. А кто ты?

— Я... последний из Роющих...

— Прекрасно, — сказал я быстро. — Ты можешь прорыть отсюда туннель до замка? Чтобы я вышел в комнате Хозяина?

— Что такое «замок»? Кто такой «Хозяин»?

Альдер, осмелев, чуть было не взялся объяснять, но я кивнул в сторону сомневшей Женевьевы: взялся ухаживать за бабой — ухаживай, а к людям не лезь.

— Ладно, проехали. Роющий чего?..

— Нити, — ответил он тем же свистящим голосом. — Нити... для эзегенции.

— Эзегенции, — повторил я. — Эзегенции... Ах да, ну конечно! Это важно, молодец! Тут еще остались машины? Любые?

— Да, — ответил он. — Там.

Ревель выругался, призрачный смерч недвусмысленно указывал вниз. Я переспросил:

— Там еще уровни?

— Много, — согласился он.

Я нахмурился, для машины словно «много» не существует, это чисто человеческое, переспросил:

— Сколько точно?

— Было двадцать, — ответил он. — Но пластины двигались... обвалы... сдвиги... потеряя энергии...

Я ощутил облегчение, все-таки машина, от нее хотя бы знаю, чего ждать. Мужчины смотрят с ожиданием, Женевьевы пришла в себя и повисла на Альдере, пряча лицо на его груди.

— Где распределительный щит?.. — спросил я. — Нет, где пульт управления?

Он покачивался на тонком острие, наполовину прозрачный, вопрос мой, судя по всему, не нашел отклика.

— Как тебя включают? — спросил я. — Как ты начинаешь работать?

Он качнулся, голос прозвучал глухо:

— Я автономен.

— Хорошо, но откуда ты берешь энергию?

Он молчал так долго, что я уже начал обходить его вокруг, рассматривая, когда он заговорил:

— Всегда... раньше было много... сейчас мало... почти нет. Я скоро перестану быть.

Я сказал бодро:

— Ну, если без энергии столько жил, то впереди еще долгая жизнь. Если я найду, как ты подзаряжался... ну там кабель или вагонетку урана в пасть, я помогу. Если будет зависеть от меня, станешь жить вечно. У меня такой обет — вознаграждать первых встречных.

Вихрь вращался все быстрее, затем свистящий голос произнес:

— Зачем ты здесь?

— С проверкой, — ответил я быстро. — Покажи, где поломки! Пора все привести в порядок.

Он сказал с надеждой в голосе:

— Значит, наверху уже реставрация?

— Еще какая, — сообщил я. — А теперь веди нас, Сусанин!..

— К Источнику?

— Да, — ответил я со строгостью в голосе. — К нему самому. К Источнику.

Вихрь придинулся к стене, я думал, вдвинется и пропадет, однако там на камне возник контур арочного входа, моментально камень исчез, вихрь вдвинулся в новообразовавшийся проход.

— Идем-идем, — заверил я. Оглянулся и добавил со строгостью: — Все идем. Никто не отстает!

На ходу провел пальцем по стене. Абсолютно гладкая поверхность, словно проход сделали в теплом воске. Впрочем, я могу себе представить технологии, что в состоянии размягчить весь горный массив, чтобы не долбить туннель, а лепить, как в пластилине. Но только представить, да и то очень смутно.

— Как тебя называют? — спросил я.

Вихрь ответил после паузы:

— Последние... называли меня... Подземным Духом Огня...

Я смерил его взглядом, что-то в этом вихре из силового поля не то, словно в самом деле держится на последних каплях энергии, а умирать ох как не хочется после стольких лет жизни.

— Да, огня в тебе осталось немного... Кстати, а как называли те, которые были перед последними?

Он ответил после такой же паузы:

— Великим Прорывателем. Но и они только кланялись и приносили жертвы... Кланялись и зачем-то резали людей, животных, окропляли кровью...

— Великим Прорывателем, — повторил я. — Это уже конкретнее. А еще прозвища были?

— Да, — прозвучало из вихря.

— Какие? Если помнишь, перечисли.

— Демоном Камня... Огненным Червем... Обрушителем... Духом Огня, Проникателем...

Альдер вздрагивал при каждом слове, я вслушивался, стараясь уловить что-то знакомое. Последний из Роющих двигается, как я понимаю, в глубь эпох, но я сам не знаю, чего жду, скорее — оттягиваю страшноватый момент, когда надо будет идти и что-то решать.

— Ладно, — прервал я. — Серийный номер не помнишь, вижу. И код доступа к главному серверу. Альдер, это такой большой сундук с пиастрами. Хорошо, Роющий, это далеко?.. Ты чего такой бледный?

— Моя жизнь исходит, — ответил он громким шелестом. — Я тратил... бережно. Все ждал... Все мы ждали... Велено...

Я сказал бодро:

— Если найдем Источник, который продлевает... я тебе продлю! Так продлю...

— О, господин...

Коридор закончился комнатой, что показалась бы пультовой, если бы там были пульты. Однако только прежний сиреневый туман под самым потолком, мелкие молнии, даже не молнии, а продолговатые искорки, шипение высоких энергий и странное ощущение, что здесь какой-то распределительный щит, но только... уж очень высокого уровня, когда незримые рубильники врубаешь усилием мысли или с помощью встроенных под кожу чипов.

Вихрь выждал, когда собрались все, последними вошли Альдер с дрожащей Женевьевой, затем стены комнаты стремительно ушли вниз, в желудках появилось нехорошее чувство пустоты. Ревель окнулся, несемся вниз с такой скоростью, что почти падаем.

Женевьева закрыла глаза и прижалась к Альдеру. Он

бережно погладил ее по гриве черных спутанных волос, взглянул на меня с непонятным укором.

Падение продолжалось, однако пустота в желудках сменилась тяжестью. Я не преминул похвастаться знаниями, но выглядело это так, что я отечески подбадриваю:

— Перегрузка. Сейчас остановимся.

Через пару секунд стены исчезли, мы оказались в просторном зале, светлом и стерильно чистом. Ревель крякнул, глядя на меня с уважением.

— Наконец-то... Ваша милость, каким волшебным словом вы э-э-э... остановили эту штуку?

— Перегрузка, — шепнул ему Альдер. — Сэр Ричард же сказал!

— Запомню, — пробормотал Ревель.

Я вышел вслед за вихрем, а за спиной на ходу совещались, что делать с таким волшебным заклинанием и за сколько можно продать колдунам.

На той стороне странно пустого зала еще туннель, очень широкий и с высоким сводом, Альдер сразу прикинул, что здесь проедет семь конных рыцарей в ряд с поднятыми копьями, я же подивился чистому воздуху и абсолютной стерильности. Сам туннель освещен мягким светом, достаточно ярким, я рассмотрел розовые стены с оранжевыми и даже зеленоватыми, словно из малахита, прожилками. Мне даже почудилось, что стены не вырублены в розовом камне, а облицованы тщательно подогнанными плитами.

Альдер старался идти на цыпоках, однако наши шаги порождали гулкое эхо, что уходило вперед, предупреждая там кого-то, дробилось так, что я почти слышал, как обломки складываются в слова и даже фразы.

— Тишина...

— И мертвые с косами стоят, — буркнул я.

Он круто развернулся, зубы оскалены, меч в руке, костяшки побелели.

— Где?

— Да это так, — отмахнулся я. — Не обращай внимания.

— Ну да, — ответил он нервно, однако с почтением, — видения Господь посыпает не зря.

И снова лифт, даже Ревель сразу узнал эту просторную окружную комнату, вздохнул, стал держаться ближе ко мне. Молодцы у меня все, быстро схватывают.

На этот раз лифт опускался и опускался с той же стремительностью, я устал стискивать мышцы желудка, рядом бледные лица соратников, Альдер почти держит Женевьеву на руках, она, кажется, вообще вырубилась.

Черный смерч на глазах светел, видимо, эти передвижения пожирают капли энергии гораздо быстрее, чем когда он ждет в покое. Наконец чувство перегрузки, ее узнали все, стены исчезли, Ревель поспешил сделать шаг вперед, будто опасался, что лифт опустится прямо в преисподнюю.

Смерч, истончаясь на глазах, повел через зал, я услышал бесплотный голос, в котором почудилась молящая нотка:

— Простите, Проверяющий... Но после катастрофы удалось восстановить только так...

— Ничего, — ответил я великодушно. — Придет время, восстановим и телепортацию, и внутриядерный синтез, и...

— ...энергию из загентрома, — закончил он, я понял, что сейчас все чувства силового робота страдают от падения энергии. — Как хорошо, что вы пришли... Великий Хront...

За спиной вздыхал, чертыхался Альдер. Я шел молча и почти вздохнул с облегчением, когда короткий туннель перегородила массивная стена из грубо кованного железа. Дух Огня остановился, я подошел вплотную и ощупал ворота.

Альдер опустился на колени и вознес молиту перед битвой с Сатаной, я помассировал левую сторону груди, где защемило, словно воткнулась тонкая острыя игла.

Здесь мне ловить нечего: видны следы молотов, здесь работали даже не искусные мастера, а простые деревенские кузнецы. Или чуть-чуть выше, чем кузнецы.

— За этой дверью, — произнес Дух Огня едва слышно.

Я видел только мерцающий воздух, да и тот осел, подрагивает на уровне моего колена.

— Держись, — подбодрил я без всякой уверенности. — Если там сохранились хоть какие-то аккумуляторы, я тебя подзаправлю.

— Они... вечны, — донесся едва различимый шепот. — Они... постоянно...

Я отошел на приличную дистанцию, знаком велел своим отодвинуться, хотя Духу Огня вряд ли что земное повредит, сдернул с пояса молот. Вдоль розовой стены пронеслась словно крупная птица, часто-часто взмахивающая крыльями. Мы присели от страшного грохота, эхо метнулось по туннелю, заломило уши, в черепе раздался болезненный звон.

Мои пальцы едва удержали рукоять, я замахнулся и швырнул снова, тут же плотно зажал уши ладонями. От второго удара двери дрогнули, чуть подались. Я поймал за рукоять и швырнул в третий раз. Ворота со злым скрежетом раздвинулись, из щели навстречу пахнуло затхлым воздухом, в котором почудились запахи не то озона, не то чего-то неуловимого, что присуще огромным энергетическим установкам.

Я швырнул в последний раз, одна створка с пронзительным скрипом отодвинулась достаточно, чтобы проехал рыцарь на коне. Я с молотом в руке подошел к щели. Альдер с мечом в руке оказался рядом, дыхание частое, глаза безумные, только Дух Огня остался на прежнем месте... если я в самом деле различал его там.

— Ну, Сусанин, — сказал я, — заходим?

Голос прозвучал уже почти в моем ухе:

— Только Тот, Который Вправе, может войти...

— Хорошо, — сказал я, бодрясь, — я вхожу и милостиво разрешаю вам войти тоже.

Я чувствовал впереди и по обе стороны от себя огромное пространство, но глаз увязает в темноте. Бесцеремонно оттеснив меня, в щель протиснулся ощетиненный Ревель с обнаженным мечом, Альдер-де занят женщиной, теперь его очередь идти первым и принимать все удары. Я пробормотал:

— Fiat lux!

И тут же в зале появился свет: слабый, красноватый, аварийный от слабых аккумуляторов, но медленно нарастал, усиливался, даже опередил адаптацию глаз. Некоторое время я щурился, Ревель выдвинулся и закрывал всех нас, ощерившись, как дикий зверь, и выставив острие меча.

Я сказал громко:

— Эй, Дух Огня!.. Давай веди быстрее к аккумуляторам. Я не желаю терять тебя.

Возле уха прошелестело, так тихо, словно Дух Огня и вправду стал духом:

— Следуйте за мной, Тот, Который Вправе...

Зал исполненный, вдоль всех стен высится огромные установки, я на ходу присматривался, массивные станины испещрены барельефами, изображены сцены битв со скальными чудовищами, всадники мчатся на лошадях, везде вскинутые мечи и летящие стрелы, все выглядит странно и нелепо, как если бы во времена Ивана Грозного пытались скопировать танк или ракетный истребитель.

— Вот, — шелестнул затухающий голос, — это и есть Даритель Жизни.

Вдоль стены из неведомого металла отлит или выкован длинный, уходящий вдаль черный блестящий выступ, похожий на кухонную плиту с сенсорным управлением. Правда, через каждые два-три сантиметра имеется углубление размером с пятак, в котором, как мне почудилось,

что-то поблескивает. И такие вот гнезда тянутся и тянутся вдоль стены, пока не исчезают из вида.

— Это и есть клеммы? — спросил я с сомнением. — Ну, давай, подзарядись, парень. Разрешаю.

Над ближайшей ко мне как будто задрожал воздух, затем я скорее догадался, чем услышал, что теперь мне осталось всего-то включить энергию. Мол, только Тот, Который Вправе, может врубить рубильник, а все остальные не имеют допуска.

— А где этот пульт? — спросил я. Ответа не было, то ли Дух Огня окончательно разрядился, то ли от подзарядника не в состоянии докричаться. — Ладно, будем искать...

Альдер смотрел на меня в благоговейном ужасе.

— Сэр Ричард, что мы ищем?

— Если бы я знал, — ответил я. — Но найти надо.

Голова горит, как в огне, я чувствовал себя так, будто перепил кофе. Внутри все дребезжит, серде колотится, руки дрожат, я хватаюсь за все, в мозгу миллиарды операций в наносекунду, задействованы все резервы, даже спинной мозг прибежал и тоже сует свою копеечку...

Все здесь незнакомое, словно делали не люди, а гигантские богомолы, потому, похоже, он, спинной мозг, и указал на одну плиту. Я сперва потрогал ее, чуть ли не грыз, ничего не происходило, затем одна толковая мысль пришла в голову, я опустил ладонь на холодную поверхность и подержал. Через мгновение над ухом прошелестел крепущий голос, будто заговорил мутировавший комар:

— Хорошо... Вот так... пока вы держите там ладонь!.. Только так мы получаем жизнь...

Понятно, мелькнуло в голове. То ли предосторожность, то ли еще что, но созданные магией существа не могут сами подзаряжаться, это у них встроено в саму суть. Древние инженеры взяли на себя досадную и хлопотную обязанность всякий раз подзаряжать этих могучих слуг вручную, зато те никогда не выйдут из повиновения. Свое-

образная средневековая защита не столько от дурака, сколько от бунта.

Еще через пару минут над черной плитой аккумулятора воздух заблистал, уплотнился, Дух Огня сперва обрел очертания, затем начал увеличиваться в размерах. Альдер и Ревель смотрели враждебно и подозрительно, обнаженные мечи держали наготове, молодцы, меня защищают, а Женевьеву пряталась за их спины и поскуливала.

— Сэр Ричард, если это будет расти и дальше, все здесь поломает...

Словно услышав, Дух Огня прекратил расти, даже остался таким же полупрозрачным, но плиту не покидал, я чувствовал, что он продолжает поглощать энергию с жадностью целого мегаполиса в ночь под Новый год. А то и как население земного шара.

Наконец он отделился от аккумуляторов, как я продолжал именовать для себя плиту, повис перед нами.

— Тот, Который Вправе, — произнес он негромким голосом, однако в нем чувствовалось все богатство оттенков, тонов и обертонов, — я готов выполнять все, чему меня обучили.

Я бросил взгляд на исполинские установки. Невероятная мошь, некие уловители энергии собирают, как фотоэлементы ловят лучи солнца, под нашими ногами в толще неведомые аккумуляторы, возможно, все земное ядро используется как гигантский аккумулятор, не знаю, здесь те богатства, перед которыми меркнут сокровища Али-бабы, пирата Моргана и даже все золотовалютные резервы наших олигархов, однако там, наверху, сейчас неведомый Хозяин рвет и мечет, бросается на стены, не в силах найти эту красивую дурочку. И там остался этот бесстрашный дурак святоша...

Женевьеву ощущала на себе мой испытующий взор, выдвинулась из-за Альдера и постаралась выпрямиться с гордостью дочки герцога. Ну, вообще-то для дочки герцога молодец, хоть и неженка. Здесь показала себя... терпимо.

С ободранными в кровь коленями, локтями, с подбитым глазом и кровавой ссадиной на другой щеке, выглядит уже не смешно, теперь даже жалко, терпит, не жалуется, бежит за Альдером, как собачонка.

Я огляделся в огромном помещении, наконец-то добрался до чего-то хотя бы смутно понятного мне, здесь бы поселиться и разбираться в этих остатках долго-долго... однако там, наверху, Кадфаэль ведет неравную борьбу, там терпеливо ждут меня верные и преданные конь и пес, вернее — Зайчик и Бобик...

Взгляд мой упал на широкую чашу, на донышке поблескивают разноцветные мелкие камешки, совсем мелкие, с зерно пшеницы или даже проса. Сердце застучало громче.

— Это... что?

Вихрь не сдвинулся с места, здесь все знакомо, я услышал ровный шелест:

— Это... от Прежних. Мы не знаем, что это.

— Разберусь, — пообещал я.

Одно зернышко выскользнуло из ладони и запрыгало по каменному полу. Я нагнулся, отыскал и тоже опустил вместе с остальными в карман.

— Вот теперь идем. Потрошение остальных сундуков откладывается. Сейчас нужно наверх.

Смерч спросил:

— На какой именно?

— На самый, — ответил я. — Под солнце.

Он ответил с виноватой ноткой:

— Тот, Который Вправе...

— Это длинно, — прервал я. — Зови меня «сэр Ричард».

Я твой сюзерен, твой хозяин, твой владыка. Ты выполняешь мои приказы, а я и дальше продлевая тебе жизнь.

Он спросил торопливо:

— Если сэр Ричард будет доволен моей службой, то продлит мою жизнь... и дальше?

— Конечно, — заверил я. — В качестве премии. Ты сможешь доставить нас наверх?

— Мы созданы для службы здесь, — ответил он виновато. — Любой исчезнет, поднявшись выше Второго уровня. Однако здесь я сделаю все, что прикажете.

Альдер крякнул и сел на край плиты. Тут же раздался звон, на стене напротив вспыхнули красные огни, появилось светящееся колесо, размером с бульварное кольцо, завертелось, разбрасывая искры, будто шутихи в праздничную ночь. Альдер в испуге вскочил, звон оборвался, колесо погасло, а добавочные огни растворились в прежнем свете.

— Понятно, — сказал я медленно и замолчал, стараясь сообразить, что делать дальше.

Понятно и то, что Дух Огня представления не имеет, что на поверхности земли. Ему велели ждать, он и ждет. Возможно, их тут десятки, если не тысячи, ждали, да только энергия истощилась раньше. Он готов служить верой и правдой, его жизнь в моих руках, но он всемогущ... ну это я так, почему бы не помечтать, всемогущ только здесь, в глубинах земли.

— Ах да, — сказал я, — у меня есть еще одно странное устройство...

Я щелкнул пальцами. Альдер ахнул, вскинул меч. В трех шагах от нас возник красный демон. Размером с человека, похож на раскаленную глыбу металла, от него пошел зловещий багровый свет. Он застыл, чуть покачиваясь на полусогнутых ногах, воплощение непонятной и зловещей мощи, глаза его смотрят мимо нас.

— Что-нибудь знаешь о нем? — спросил я.

Дух Огня прошелся вокруг нас, я чувствовал, как потрескивают в воздухе, сгорая, мелкие пылинки.

— Нет, — ответил он. Мне почудилось в его густом голосе острое сожаление. — Никогда подобных мы не видели.

— А что у него за структура?

Дух Огня ответил незамедлительно:

— Он старше. Намного. Сложнее. Он вечен!

— Ого, — сказал я. — Ладно, не завидуй. Просто у него есть право доступа к аккумуляторам.

— Он берет жизнь... — сказал Дух Огня медленно, запнулся, сказал с трудом: — ...из... отовсюду... То, что пронизывает всех и все, он может...

— Не завидуй, — повторил я. — Зато ты живешь, а он в коме. Как его включить, не знаешь?

Справа и слева от меня беспокойно завозились Альдер с Ревелем, оба с выставленными перед собой мечами. Альдер решился, сделал шаг и остановился перед демоном.

— Сэр Ричард... а вы уверены, что это... это не сожрет нас?

Я подумал, кивнул.

— Ты прав. Кто знает, что у него в программе... Вдруг да нажму кнопку самоуничтожения? И будет еще один кратер, размером с небольшое королевство... Ладно, хватит умничать. Дух Огня, как нам выбраться наверх? Я имею в виду до того уровня, куда ты можешь нас доставить?

Альдер вздохнул, сказал с надеждой:

— Да я наверх могу и без лифтов, только покажите, по какой трубе лезть!

Я повернулся к силовому вихрю.

— Нам подниматься тем же путем?

— Нет, Повелитель... сэр Ричард! Теперь моей мощи достаточно, чтобы доставить вас на Второй уровень... сразу.

— Ага, — сказал я глубокомысленно, — тогда, того... доставь.

Глава 8

Свет вокруг нас померк. Я ощущал, что мы движемся вверх сквозь толщу горы, сперва как будто продавливаемся, затем все быстрее и быстрее, мимо, как за стенками прозрачного пузыря, замелькали слои пород, слились в сплошное серо-коричневое подрагивающее марево. Аль-

дер беззвучно ахнул, силовой вихрь качнулся на острие хвоста, похожий на огромного головастика, мы услышали шелестящий голос:

— К сожалению, могу пока только так...

— Ничего, — ответил я бодро, хотя от ужаса в желудке стало холодно, — мы же только начинаем все восстанавливать!.. Сперва вот так, с каменных топоров, а потом...

Вспыхнул свет, мы оказались в большом зале с малахитово-зелеными стенами. Вихрь чуть промахнулся, и, когда силовое поле исчезло, наши подошвы опустились с высоты целых двух сантиметров, но я выговаривать не стал, он и так после стресса, побывав в полуватте от полного исчезновения, ведь инстинкт самосохранения им заложили не зря, иначе бы не дождался меня, Проверяющего, Того, Кто Вправе, и вообще Верховного Спасителя.

— Дальше мне запрещено, — сказал он. — Великий Запрет!

Я не стал спрашивать, что с ним случится: рассыплется ли в пыль или же просто выключится за какой-то линией, смотрел на стену, пока пальцы снимали с пояса молот. Дух Огня в виде небольшого беззвучного смерча, хотя, думаю, может принять любой облик, покачивался на тонком, как шило, острие.

— Запрет, — сказал я, — так запрет. Особенно если он еще и Великий. Ты запомнил, что когда я позову...

— Да, сэр Ричард, — ответил смерч. — Я услышу, где вы ни находились. И появлюсь... в толще земли под вами.

В его густом голосе послышалась виноватая нотка, я сказал бодро:

— Копейщики — это копейщики, а лучники — лучники. Каждому эдэм дас зайне. Ну, пока прощай, береги за-крома и пиастры. Как-нибудь на досуге постараемся разобраться, что же там за сокровища...

Я замахнулся молотом, а Дух Огня моментально отступил и просочился сквозь каменную толщу. Молот ударили с тяжелым грохотом, одна глыба вылетела, как бильярдный

шар от удара азартного игрока, молот исчез, а когда вернулся, я тут же бросил снова. От второго удара завалился целый участок стены.

Альдер с рычанием прыгнул в пролом, опередив меня.

Холод сковал мои члены, мы оказались в огромном зале, который строили не люди, а если и люди, то не совсем люди. Или с очень странной логикой и мышлением. На стенах не барельефы, не статуи, а нечто чуждое, враждебное, как если бы весь зал — гигантский каменный желудок с выступающими из стен наростами, полипами, железами. Свод деформирован, идет наискось, в нем вздутия, словно однажды вскипел, но моментально застыл.

Пол выглажен до зеркального блеска, весь в черно-лиловых квадратах и треугольниках, а в центре зала — лиловая воронка, уходящая вглубь. Туман в ней вращается медленно, мирно, словно густой кисель.

С мечом в одной руке и молотом — в другой, я торопливо осматривался, сердце стучит часто-часто.

Из пустоты раздался ясный холодный голос:

— Меня ищешь?

Под самым сводом возникла человеческая фигура. Я измерил взглядом расстояние, не доброшу, а фигура неторопливо пошла вниз, как снижающийся воздушный шар. Человек опустился на пол, почти моего роста, широк в плечах, выглядит молодым мужчиной, хотя по каким-то мелочам чую, что ему много сотен лет, подтяжками, инъекциями и подсадкой стволовых клеток пользуется не только для продления жизни, но и чтобы держать эту оболочку молодого красавца. Все мужчины, что бы ни говорили, не прочь выглядеть молодыми и сильными.

— Темный Ангел? — спросил я. — Тогда тебя.

— Да, — ответил он с интересом. — Так нередко называют меня. А, и женщину привели! Превосходно, превосходно... Может быть, расскажешь, где сумели спрятаться в подземелье? Все-таки я знаю его вдоль и поперек... Заклятие невидимости? Не пройдет, для меня нет покровов...

Или даже сферу Тайтонса?.. Джек, Джон! Возьмите женщину.

Появились двое громадных слуг, Альдер заорал и бросился на них с поднятым мечом, Ревель атаковал с другой стороны. Колдун отмахнулся от них как от мух, и оба вдруг начали двигаться невероятно медленно, как попавшие в густой клей муравьи. А слуги, не обращая на них внимания, ухватили Женевьеву, сорвали с нее одежду и, голую, начали привязывать к металлической раме.

Колдун повернулся ко мне, на лице интерес, как будто рассматривает пойманного в лесу диковинного жука с цветными крыльями.

— И что ты хочешь, существо?

— Чтобы ты опустил девчушку, — сказал я, — освободил моего спутника, брата Кадфаэля. А сам, если повинишься и поклянешься оставить свою преступную деятельность, можешь отправляться в ад. Не трону... может быть. И даже не напинаю в зад, я хорошо воспитан.

Он усмехнулся, бледное лицо оставалось холодным, и резко изломанные брови придавали лицу мефистофельское выражение.

— Бравая речь, — произнес он саркастически. — Да вот только этот мир признает больше силу, чем гордые речи.

— Знаю, — ответил я. — Лови!

Молот вырвался из ладони, как засидевшийся на руке вице сокол. Захлопало, сверкающий диск пронесся через зал. Улыбка колдуна стала сардонической. Молот ударил о невидимую преграду за шаг до него, я отчетливо слышал удар. Моя ладонь поднялась, как замороженная, рукоять хлопнула вяло, пристыженно, я швырнул снова, уже не надеясь, молот пролетел, ударил и вернулся, совсем обессиленный.

Колдун сказал насмешливо:

— Будешь долбиться еще или же бросишься с мечом?

— А что с мечом? — осведомился я.

— Будет то же самое, — ответил он любезно. — Ладно, теперь ты держи мой удар. Это ведь по-рыцарски, да?

— Пробуй, — согласился я. — Кстати, только ради интереса: почему именно эту женщину, которую сопровождаем мы? Если нужны девственницы, то проще взять из соседнего села.

— Проще, — согласился он. — Я раньше так и делал. А потом обнаружил, что за одних получаю больше моши, за других меньше. Долго ломал голову, пока не узнал, что и девственница девственнице рознь. Нужна еще и благородная кровь, да и та имеет отличия... Это вряд ли вам понятно...

Я кивнул.

— Почему же? Я слышал и про группы крови, и даже про резус-фактор, хотя и не знаю, что это. Есть, наверное, и другие уникальные факторы...

Он поинтересовался с некоторым удивлением в голосе:

— А тебя, как вижу, женщина меньше занимает, чем этот монашек?

— А как иначе? — удивился я. — Женщин везде хватает, а вот приятеля найти куда труднее...

Украдкой я, правда, осмотрелся, нет ли возможности улизнуть, однако за спиной уродливая стена в безобразных наплывах, настолько отвратительных, что почти прекрасна. Колдун вскинул руку, с кончиков пальцев сорвался поток лилового света. Я на миг оглох и ослеп, жуткий холод пронзил от макушки до пят, тело отяжелело, будто я вешу с гробницу Хеопса.

В грудь вонзилась тысяча ножей, едва сделал вдох, затем тяжесть ушла в пол, снова ощутил себя прежним, хотя все мышцы вздрагивают от пережитого ужаса. Сквозь шум и грохот в черепе услышал надсадный скрип.

Сверху на металлической раме опускается по направлению к лиловой воронке в центре зала распятая обнаженная молодая женщина. Я не сразу узнал Женевьеву, но Альдер каким-то чудом сумел освободиться от чар, с яро-

стным криком ринулся, двигаясь все быстрее и быстрее, потрясая мечом, к тому месту, где она должна опуститься.

— Стой, дурак! — крикнул я.

Он остановился, не добежав всего двух шагов до края лиловой струи. Каменный пол там просто исчезал, таял, словно это он состоит из тумана, а лиловая муть — уплотнившаяся до звездных значений материя. Более того, я успел заметить, как под натиском все расширяющейся струи тумана исчезает камень. Лиловая муть действует как беззвучная фреза, как мощнейший растворитель, что превращает камень в ничто, а вместо него возникают кольца, похожие на раздутые тела змей...

— Вон там! — крикнул я хрипло.

У стены со скрипом поворачивается простейшая лебедка, длинный трос протянут у потолка через блок. Человек в темной одежде и с закрытым лицом медленно крутит огромное колесо с торчащими рукоятями, похожее на старинный штурвал, и рама с привязанной Женевьевой, подрагивая, опускается к этому лиловому водовороту.

Увидев нас, Женевьева отчаянно закричала. Альдер бросился на человека у штурвала. Поднявшись с пола, Ревель заковылял за ним. Я же проследил за ними взглядом, вздрогнул: вдоль стены, где особо чудовищные нарости, сверкает гранями глыба льда, а в середине — брат Кадфаэль со вскинутыми руками. Мне показалось, что я рассмотрел даже смертельную муку на его навсегда застывшем лице.

В глазах прояснилось, колдун по-прежнему на том же месте, смотрит на меня с холодным любопытством.

— А ты крепче, чем я думал, — сказал он одобрительно. — Даже не знаю, распылить... или взять в слуги?

— Кто идет за шерстью, — ответил я, — возвращается стриженым.

Он переспросил в недоумении:

— Как-как?

— Я бы разъяснил, — сказал я, — но не при даме.

Он хмыкнул, в черных блестящих глазах одобрение такой браваде, ведь и дама в его руках, и все мы.

— Посмотрим, — задумчиво проговорил он, — насколько ты крепок.

По его хлопку в ладости прямо в стене возникла высокая дверь. Створки распахнулись, словно их отстрелили в ракетной шахте, в зал вошел, тяжело громыхая железом, рослый рыцарь. В прекрасных доспехах, королю впору, с обнаженным мечом в длинной руке и щитом на локте другой. Он сделал несколько шагов, двигается быстро, и только сейчас я начал понимать, что этот гигант выше меня почти на голову, шире и массивнее почти вдвое, а доспехи на нем наверняка в два пальца толщиной.

— Я здесь, Хозян! — громыхнул он железом и голосом.

Колдун повел в его сторону рукой.

— Людвиг фон Лихтенберг, барон Прованса, граф Корнуэла и герцог Лифтлонгии. Служит мне вот уже сорок лет. Без всякой платы, только из убеждений. А наградой ему всего лишь вечная молодость и крепущая мощь рук. Сумеешь одолеть, займешь его место. Граф, если не хотите, чтобы этот человек взял то, чем вы владеете...

Гигант люто всхрапнул и двинулся на меня, поднимая меч. И с каждым шагом он как будто вырастал, а шаги становились все тяжелее.

Я судорожно вдохнул и не смог выдохнуть из охваченной спазмом груди. Голова рыцаря сидит на широченных, как обеденный стол на шесть персон, плечах, железный шлем похож на походный котел запорожского куреня, а руки толще, чем мои ноги. Не думаю, что под стальными пластинами тощие бицепсы, двигается рыцарь легко, а это значит, что его мышцы под железом вздуваются чудовищными буграми, переливаются в ожидании схватки.

Панцирь подогнан изумительно, я думаю, если его хозяин вздумает перейти реку по дну, белье под доспехами останется сухим. Тем более лезвию моего меча не отыскать щель, а рубить по стыкам, в надежде найти слабое место, мне вряд ли дадут.

Он надвигался легко и быстро, я невольно отступил на пару шагов, еще не сообразив, как драться. На случай, если соврал, я размахнулся и запустил в него молотом. Тот с такой стремительностью исчез из моей ладони, что я только успел увидеть размытую поблескивающую полосу, которая с жутким звоном оборвалась у груди железного гиганта.

Обратно молот летел вяло, сделал всего лишь пару оберотов в воздухе и шмякнул рукоятью в раскрытую ладонь. Я повесил его на пояс, подхватил щит и приготовился к схватке.

Лихтенберг вытащил меч из ножен, это же целый рельс, остро заточенный с одной стороны, легко взмахнул крестнакрест, явно красуясь, все это на ходу, щит висит на сгибе левой руки свободно, но чувствуется, что вскинет его с великой легкостью.

Я вдохнул всей грудью, дожидаться нет смысла, сам быстро шагнул навстречу. Лицо рыцаря скрыто опущенным забралом, но мне почудилось, что рассматривает меня с пренебрежительным интересом. Похоже, не так часто ему удается скрестить оружие с противником, если в самом деле находится здесь безвыездно, так что можно надеяться, что бой не закончится в первую же минуту. Ему захочется размяться, проверить свои приемы, а мне это может спасти шкуру.

— Приветствую, сэр Лихтенберг, — сказал я.

Он едва-едва наклонил голову, за решеткой забрала что-то прогудело, словно коротко ревнул медведь. Я отсалютовал, сказал громко:

— Вы очень любезны. Надеюсь, ваше владение мечом на том же уровне.

Я сделал быстрый шаг, выпад и ударил мечом. Рыцарь подставил щит, мне почудилось, будто я нанес удар по наковальне. Щит даже не дрогнул, я нанес второй удар, третий, рыцарь подставлял щит, за решеткой забрала поблескивали зрачки, меч в исполнинской ладони не двигался, а я пошел по кругу, нанося удар за ударом: несильные, пробные, надо следить и за его мечом, одного взмаха хватит,

чтобы расколоть меня в моих доспехах, как жука в хитиновом панцире.

Наконец рыцарь поднял меч, я отпрыгнул, но удара не последовало, он просто ткнул в мою сторону, я успел ударить сбоку, лезвие скользнуло справа по моему боку, а я постарался шарахнуть его по голове. Мой удар, естественно, не достиг цели, хотя чуть-чуть шлем и задел, мы тут же обменялись легкими ударами, железо постоянно звенело, в один из замахов я увидел бледное лицо Альдера, он сражался с двумя монстрообразными слугами с окованными железом палицами в руках, Ревелю достался еще один, а сверху донесся отчаянный крик Женевьевы.

Она, привязанная к железной раме, медленно опускалась в лиловый водоворот в центре зала. Решетка вздрагивала, я избежал удара Лихтенберга, опрометью бросился к колодезному вороту, одним ударом со спины раскроил череп ухватившемуся за штурвал огромному толстому жрецу и сам торопливо начал крутить в обратную сторону.

За спиной услышал предостерегающий вскрик, повернулся и одновременно отпрыгнул. Острье меча с жутким лязгом высекло искры о железные спицы.

Я инстинктивно ухватил гада за руку, вывернулся, меч выпал, а я ударом с другой руки снес голову нерасторопному.

Лихтенберг тяжело шагнул в мою сторону, но я бегом ринулся к нему, крича на ходу:

— Мои извинения, барон!.. Но вы же понимаете, наш долг бросаться на помощь dame...

Он хрюкнул и остановился, ожидая. Я подбежал сам и замахнулся мечом, лучше драться здесь, а там пусть по возможности Альдер с Ревелем. Лихтенберг подставил щит, сам взмахнул мечом, я понял, что играет со мной, как тюлень с рыбой, это я вижу, может быть, видит даже Альдер, это Женевьеве кажется, что рубимся на равных, ведь мечи взлетают, сталкиваются в воздухе, наносят удары по щитам, по доспехам. Если бы он в полную силу ударили в щит, от него остались бы щепки, но я успевал принимать удар и сразу же чуть отдергивать щит, чтобы пустить удар по

скользящей, к тому же противник может потерять равновесие и слегка провалиться за своим мечом...

Увы, он намного опытнее, ни разу не потерял равновесия, ни разу не ушел за своим мечом, двигается достаточно легко, но, судя по всему, быстрее двигаться уже не может, я прыгаю вокруг него, как бандерлог, уже целую вечность, проверил, я чуточку превосхожу в скорости, мои синапсы короче, а нервная система намного разветвленнее.

В какой-то мере громадный рост барона, массивное телосложение и прекрасные доспехи работают на меня, тормозя его движения, но, увы, не настолько, чтобы я отыскал уязвимое место и воткнул в него меч по самую рукоять. К тому, если я прошелкаю хлебалом хоть на секунду, он одним ударом разрубит меня, как я уже сказал, словно майского жука в его прочных хитиновых доспехах.

Я прошел вокруг него, как кот ученый, не меньше пяти раз, пока не начал соображать, как поступить дальше. Всетаки я рожден в мире больших скоростей, я хотя бы пона-слышке знаю о существовании сотен и даже тысяч воинских приемов, видел в кино, как дерутся мушкетеры, самураи и таеквондисты, как хитро поступают ниндзи, как рубятся запорожские казаки, персидские «бессмертные», спартанские гоплиты, римские легионеры и гладиаторы, все это перемешивается в голове и дает такой коктейль, что если правильно воспользоваться...

Правда, я ничего этого не умею, но не умеет и этот гигант, но я знаю, что существуют приемы, которыми можно завалить такого быка, а он о таком даже не слыхивал. Доступные ему приемы просты: либо на коне выставить впереди себя копье и постараться вышибить противника из седла, либо в пешем бою рубить мечом сверху вниз и совсем редко — наискось.

Альдер торопливо крутил, решетка, что уже почти касалась лилового тумана, медленно начала подниматься. Женевьеве только всхлипывает и полными надежды глазами умоляюще смотрит на Альдера.

Двое громадных слуг подбежали к Альдеру, один за-

махнулся дубиной, второй сразу ухватился за колесо, за скрипели железные цепи, рама начала раскачиваться, поползла вниз. Женевьеве вскрикнула, Альдер заторопился, кое-как разделался с противником, бросился на второго, снес ему голову и, сунув меч в ножны, обеими руками ухватился за штурвал.

Наконец мне показалось, что одно уязвимое место в защите Лихтенберга я все-таки заметил. Когда гигант наносит косой удар, на боку слегка раздвигаются стальные пластины. Даже не раздвигаются, а чуть-чуть приподнимаются края, и если бы против гиганта дрались мы с Альдером, то я бы отвлекал его спереди, Альдер же попытался бы сунуть лезвие меча под оттопыренную пластину.

Но Альдер занят, вот к нему побежали сразу трое с пиками в руках, у каждого еще и меч на поясе, а я тем временем начал готовиться к дикому движению, несколько раз представил себе этот трюк, такое часто видел в кино, но здесь отступаю под ударами совсем не кина, выждал богатырский замах, сделал вид, что принимаю удар на щит, а сам быстро-быстро, совсем не по-рыцарски, а как какой-то трусливый джап или китаец скользнул к гиганту вплотную, еще на полшага, и лезвие моего меча, скользнув по пластинке, вошло под соседнюю...

Я ударил изо всех сил, меч с трудом вошел на ладонь, я тут же выдернул, упал, потому что лезвие чужого меча стремительно приближалось, откатился и поспешно вскочил на ноги.

Гигант вскрикнул страшным голосом. Щит соскользнул с его руки, булатная рукавица хлопнула по тому месту, куда вошел меч, в инстинктивном жесте закрыть рану. Несколько мгновений он пожирал меня глазами, за решеткой забрала разгорелось настоящее пламя, затем, не поднимая щит, ринулся на меня.

Я отпрыгнул, никогда не думал, что такие гиганты могут двигаться так быстро: обычно эти закованные в железо горы поворачиваются медленно, с достоинством, ибо суевливость к лицу разве что слугам.

Он размахивал мечом, я позорно убегал, да фиг с ним, рыцарством, у меня не бегство, а тактический маневр, так я считаю, а эта башня ревет и все старается поразить меня одним и тем же ударом сверху вниз, так Ричард Львиное Сердце, как написано в учебниках истории, рассекал до седла сарацинских эмиров.

Альдеру с Ревелем совсем худо, троих они срубили, но оба ранены, а к ним бегут сразу пятеро. Они заслонили собой колесо, доспехи забрызганы кровью, на лице безумная ярость, драться будут до последнего...

Уворачиваясь и увертываясь, я утвердился в мысли, что Лихтенберг не знает других ударов, да, понятно, рыцарские мечи и не позволяют фехтовать, это придет потом, когда мечи истончатся и превратятся где в сабли, где в шпаги, а здесь только могучие тяжелые секачи, рассчитанные на горы мышц. Да и какое фехтование, и шпаги, и сабли бесполезны против таких доспехов.

Альдер и Ревель поразили всех пятерых, но и сами полегли, изрубленные, искалые, истекающие кровью.

Я ухитрился отпрыгнуть, избегая страшного меча Лихтенберга, случайно оказался в удобной позиции и тут же ткнул мечом, как копьем. Острие так же точно скользнуло под пластинку, я нажал, рассчитывая на то, что гигант успел бегать за мной, движения потеряли скорость и точность, однако его меч просвистел над моей макушкой, сдернув клок волос.

Женевьевеа взвизгнула, там к штурвалу подошел еще один в темной робе, крутанул раз, и рама толчками начала опускаться к лиловой воронке. Я хотел было начать отступать в ту сторону, но за спиной жреца зашевелился Альдер, привстал и, подобрав меч, с силой ударил жреца под колени.

Гигант уже дышал так шумно и мощно, что забрало шлема едва не выгибаются наружу при выдохе, впрочем, во время вдоха почти прилипает к губам. Двигается медленно, тяжело переступает, следя за мной, и хотя я сам едва волочу ноги от смертельной усталости, но он вовсе не

взмахивает мечом в надежде задеть меня, а скupo готовится к завершающему удару.

Я быстро взглянул на Хозяина. Он с великим интересом рассматривает наш поединок. И хотя заявил, что победителя оставит себе в услужение, но что-то не верится, чтобы вот так взял и позволил мне остаться в живых после такого поединка. Не знаю, на чем поймал этого Черного Рыцаря, но наверняка видит, что я не так слаб духом. Возможно, даже не позволит мне нанести смертельный удар...

Отступая, я все чаще посматривал на него, да, следит за каждым движением, очень напряженно, словно готовится вмешаться...

Я сорвал с пояса молот и, продолжая отступать от гиганта, швырнул быстрым коротким движением. Ни рыцарь, ни Хозяин не поняли в первый миг, куда я бросил так странно, а там раздался хрустальный звон, на каменные плиты обрушился град крупных и мелких осколков льда. Больше я в ту сторону не смотрел, отступал, увертываясь, по железному боку стекает уже не одна красная струйка, при каждом шаге остаются кровавые следы.

Гигант стоял, слегка раскачиваясь, я надеялся, что от слабости, хотя, возможно, он просто переносит вес с ноги на ногу, выбирает позицию для завершающего удара. Я тоже стоял и дышал часто, шумно, ничуть не притворяясь, одна надежда на то, что я сохранил сил больше.

За моей спиной возник слабый свет, начал усиливаться, словно в зале некто поворачивал верньер бимера. Я не отрывал взгляда от гиганта, он всхрапнул и поднял меч обеими руками. Удар должен быть тяжелым, раскалывающим меня, как гнилой орех. И в этот миг я увидел еще один шанс: доспехи рассчитаны на все варианты схватки, когда их хозяин держит в одной руке меч, в другой — щит, поверженного противника добивают особым кинжалом, мизерикордией, но вовсе не этим варварским ударом...

Я бросился вперед и вонзил меч все тем же невиданным в эпоху рыцарства ударом, словно у меня в руках не меч, а шпага. Острый кончик вошел между сочленениями,

а там я нажал со всей оставшейся силой и, выпустив меч, кувырком ушел мимо, а меч гиганта просвистел рядом и с силой высек сноп искр о каменные плиты.

С трудом вскочив на ноги, я увидел, как ревущий гигант раскачивается вперед-назад, его меч вывалился из ослабевших ладоней. Раскачиваясь все сильнее, он ухватился за торчащий из его живота меч, я замер, если выдернет, я погиб...

Гигант повалился вниз лицом. Раздался скрежет, на спине вздулась пластина панциря, и, пробив ее, острие меча высунуло острый клюв, а затем выдвинулось почти до половины.

Отчаянно верещала Женевьеве, железная рама медленными толчками опускалась в лиловую жуть. Свет в зале вспыхнул яркий, трепещущий, словно заработал гигант-электросварщик. На стенах возникают и мгновенно пропадают причудливые тени. Я торопливо подобрал молот, огляделся.

Вокруг брата Кадфаэля сверкает чистый свет первого дня творения, колдуна окружает прозрачная лиловая сфера, похожая на пленку мыльного пузыря, однако я понимал, что стена из силовых полей может быть гораздо прочнее любых крепостных, даже если те выковывать из легированной стали.

Они смотрели друг на друга неотрывно, мне почудилось, что свет постепенно отступает, да и лицо Кадфаэляискажено, по лбу катятся крупные капли пота.

— Держись! — крикнул я хрипло. — Я иду!

Колдун на миг скосил в мою сторону глаза, лиловая сфера тут же прогнулась и чуть подалась под давлением света. Я подбежал на подгибающихся ногах к поединщикам.

Кадфаэль явно уступает, держится только невероятным усилием воли, пот градом, из груди вырываются хрипы. Их борьба напоминает сцепивших руки армрестлеров, подается то один, то другой, оба изнемогают, но ни один не может одолеть другого... Внезапно я понял, что колдун

все равно победит: брат Кадфаэль просто не способен на насилие, он мирный проповедник, миссионер...

— Убей его! — потребовал я кровожадно.

— Не... могу, — донесся искаженный страданием голос Кадфаэля.

— Убей, — повторил я. — Получишь святости больше!..

— Н-нет...

Надо было сказать, что половина его грехов зачтется, это подействовало бы лучше, он помешан на своей греховности, но все равно не убьет, я торопливо ухватил молот, поймал взглядом перекошенное лицо колдуна. Тоже измучен, выкладывает последние силы, меня раздавить будет проще...

Молот вырвался из моей ладони, как крылатая ракета. Раздался сухой хлопок, лиловый пузырь исчез. Колдун только-только успел скосить глаза в мою сторону, как молот подобно камню из катапульты, рушащей крепостную стену, ударил его в плечо. Послышался странный треск, будто я разбил скелет динозавра в музее. Молот описал ликой полукруг, я выставил ладонь, не выпуская из виду колдуна.

Он сполз на пол, на стене пламенеет огромное кровавое пятно, словно туда выплеснули ведро краски. Кадфаэль тоже опустился, сел, на лице виноватая улыбка, ноги не держат, я подбежал и остановился над колдуном.

— Ну что?

— Я умираю, — прошептал он.

— Даже звери в долине устроят пляски, — сообщил я.

— Кто ты?

— Я тот, — сообщил я, — кто отправляет в ад.

Над головой скрипело и трещало, это раскачивалась рама с привязанной Женевьевой. Альдер сумел воздеть себя на ноги, крутил колесо, наваливаясь всем телом, поднимал конструкцию, а когда лиловый водоворот постепенно истаял и там оказались все те же каменные плиты, начал так же медленно опускать.

Затем я услышал звон, грохот. Железная рама, вместо того чтобы опуститься плавно, рухнула с высоты полуметра. Альдер, выпустив колесо, растянулся рядом. Под ним растеклась широкая лужа крови.

Я заорал, бросился к нему, с размаха шлепнул широко раскрытой ладонью по спине. Из меня как будто душу выдернули, настолько много потребовалось Альдеру, я только сейчас рассмотрел, как жутко он иссечен: и все же, умирающий, ухитрялся крутить колесо и еще драться с целым отрядом слуг колдуна!

Через мгновения раны начали затягиваться, а я, приготавившись к приступу жуткой слабости, ощущал себя... вполне, вполне. Заработал, мелькнуло в голове ликующее. Убив колдуна, я получил пряник в виде более быстрого восстановления здоровья...

Кадфаэль, заливаясь горючими слезами благодарности, пал на колени, воздел к своду тонкие и бледные, как свечи, руки.

— Господь дал мне силы!.. Господь услышал нас!

— Ты сам взял, — возразил я. — Господь позволяет каждому из нас взять ровно столько, сколько сможет. Ты первый левел взял еще за крест... к тому же кверху ластами, надо же такое придумать!.. Второй — за епископа... Святость должна быть с кулаками.

Он замотал головой, не желая слушать богохульные речи даже от паладина, слезы разбрзывались по каменному полу и катились, подпрыгивая и отражая свет в дивных глубинах. Но затем он увидел, что колдун все еще жив, заставил себя встать и доковылял к нам, встал со мной плечом к плечу. В серых глазах киллера и фашиста плещется море сочувствия.

— Грешник, — проговорил он задыхающимся голосом, — ты еще можешь покаяться. Я отпущу тебе все грехи...

Колдун слабо улыбнулся. Изо рта выплескивалась кровь, я не понимал, как он еще живет, молот размолол в кровавую кашу плечо и половину грудной клетки. Взгляд колдуна переместился на мое лицо.

— Ты... смеешься над ним...

— Я не смеюсь, — возразил я чересчур горячо. — Брат Кадфаэль — друг...

— Но... дурак... А вот ты... Сними с безымянного... остальные — простые...

Я заколебался, брат Кадфаэль вскрикнул предостерегающе:

— Сэр Ричард!.. Нельзя касаться нечистого...

— Я не мусульманин, — возразил я. — Христианину, особенно с протестантской этикой, все сгодится.

Все же я колебался, колдун следил за мной затухающими глазами. Остальные кольца выглядят куда богаче: из золота, с драгоценными камнями, а это, на безымянном, явно с волшебницкой. Сперва я осмотрел внимательно: нет ли заусеницы, такие любил Цезарь Борджиа: царапнешь чуть-чуть — и тут же откинешь копыта из-за сильнейшего яда.

— Безопасно, — прошептал колдун. — Я не хочу... чтобы... такое исчезло...

Я кое-как снял кольцо с холодающих пальцев.

— Как кольцо работает? — спросил я. — В чем его сила?

Колдун смотрел остылыми глазами. Брат Кадфаэль с участием надвинул ему веки на глазные яблоки, а сам, чуть не плача над загубленной душой, которой теперь только в ад, сложил ладони лодочкой и, склонив голову, начал шептать молитву. Альдер приблизился, поддерживая уже отвязанную и закутанную в какую-то тряпку Женевьеву, бледную и все время вздрагивающую. Оба с изумлением уставились на Кадфаэля, а он все уговаривал Господа простить по возможности и такую черную душу, скостить ей часть грехов, отнестись снисходительно, ведь слаб человек, западает на соблазны...

Я кивнул на колдуна, а сам двинулся к Ревелю, явно нуждавшемуся в моей помощи.

— Альдер, сними кольца, если хочешь. По-моему, дорогие вещи, и... надо уходить.

Толстые стены медленно бледнели, стали полупро-

зрачными, их покачивало порывами воздуха. Колдун умер, и все им созданное умирает вместе с ним. Все-таки путь науки перспективнее, все созданное ею остается. Альдер коснулся стены, пальцы прошли в камень, как в белесый туман.

Испугавшись, он отдернул руку, а голос брата Кадфаэля возрос, налился силой, мощью. Стены растворялись, таяли, уже хорошо видны сквозь них просторы зеленой долины, синее небо. Через пару минут наших лиц коснулся ветерок, а ноги вместо надежных каменных плит ощутили мелкую сорную траву. С надсадным ревом пронесся перегруженный жук, по земле шныряют паучки и муравьи. Вдали такие же зеленые холмы, пологие, небо синее, в зенице кружит, расправив крылья, не то очень крупный орел, не то недомерок-дракон. Между холмами виднеются аккуратные домики, стадо на лугу, пастух на коне.

Я свистнул дважды, на серо-зеленом пространстве показались две темные точки. В нашу сторону протянулась стремительно приближающаяся ниточка вздывающейся пыли. Через минуту перед нами разом затормозили, упервшись всеми восемью, Зайчик и Бобик. Зайчик ткнулся мне мягкими губами в шею, аристократ, джентльмен, а просто народный пес не скрывал чувств и ухитрился моментально облизать мне лицо, как я ни отбивался, хвостом же так восторженно лупил по ногам, что от него поплытились с болезненными гримасами.

Альдер кашлянул, спросил нерешительно:

— Думаю, сможем купить трех коней, а также мула для брата Кадфаэля...

— Сможем, — ответил я резко, — но не станем.

Альдер спросил встревоженно:

— Что-то еще?

— Кони нужны только нам, — отрезал я. — Эта женщина такая же добыча, как и все, что здесь осталось.

Женевьева лишь опустила голову, Альдер посмотрел укоризненно, но я нахмурился, изображая приступ не-

обузданного феодальского гнева, брат Кадфаэль спросил кротко:

— А как с нею, сэр Ричард?

Женевьевы и Альдер смотрели с ожиданием. Я нахмурился, сказал нетерпеливо:

— Что, непонятно?.. Вы, леди Женевьевы, настолько осточертели мне за это время, что я вас продам в том селе, красивые рабыни всем нужны. Уж они-то вас обломают, научат покорности!..

Она вскрикнула, прижала руки к груди. В прекрасных глазах засияли слезы. Альдер переступал с ноги на ногу, хмурился, брат Кадфаэль переспросил с печалью в голосе:

— В рабыни?

— Это еще милосердно, — отрезал я. — Ей по фигу, что Альдер отдал всю кровь, чтобы ее освободить! Уже сам смертельно раненный, искалый, изрубленный, он, дурак, все дрался у того колеса! Не думаю, что она стоит его мизинца. Скажу честно, я меньше всего думал о ней, когда громил это чертово гнездо. И если бы не Альдер, скажите честно, брат Кадфаэль, разве не стоило бы просто сровнять это место с землей, не заботясь, что эта красивая змея еще там?

Она смотрела на меня с ужасом, все больше придвигаясь к Альдеру, наконец очутилась за его спиной.

— Да, — согласился брат Кадфаэль, он взглянул на меня как-то странно, — работорговцы ее быстро обломают. Наверное, продадут в солдатские казармы для потехи...

Альдер прочистил горло.

— Сэр Ричард... вы чересчур строги к леди...

— Строг? — воскликнул я. — Да она тебя чуть не погубила. Да и нас заодно.

Он сказал все так же упрямо:

— Она красивая, сэр Ричард. Красивым прощается многое. И вообще...

— Что?

— С красивой... нельзя быть правым всегда.

Я пожал плечами.

— Раз ты постоянно защищаешь, то оставайся защитником и дальше. Что, струсил?

Он смотрел на меня с недоумением. Женевьевы что-то пискнула за его спиной. Я спросил свирепо:

— Ты готова выйти замуж за Альдера?

Альдер отшатнулся, брат Кадфаэль понимающе молчит, а я сказал злорадно:

— Ага, сам убоялся такую змею взять в жены? То-то!..

Брат Кадфаэль, садясь на Зайчика, ты слабее всех.

Женевьевы вышла из-за спины Альдера и взяла его под руку. На лице страх, но сказала почти не дрожащим голосом:

— Я готова выйти замуж за Альдера.

Я уже взялся за луку седла Зайчика, обернулся. Стоят рядом, на лице Альдера смущение, хотя усы уже приподнимают острые кончики, Женевьевы смотрит прямо.

— Альдер, — спросил я неверяще, — ты что, рухнулся?

В самом деле готов взять в жены... это?

Он буркнул с неловкостью:

— Если леди Женевьевы меня удостоит...

Я повернулся к Женевьеве.

— Что-то вам везет... слишком!

Она ответила быстро:

— Я... я обещаю быть послушной женой Альдеру. Верной и послушной.

— Честно?

Она глянула мне в лицо глазами повзрослевшей женщины.

— Я... многое поняла за эти дни.

Я некоторое время смотрел на них тяжелым взглядом, давая прочувствовать, что еще не решил, спустить ли дело вот так на тормозах, позволить ли свою равной красавице отделаться слишком уж легко.

— Тогда так... на колени, Альдер!.. Властью сюзерена Амальфи, Амило и Вердена посвящаю тебя в рыцари. За проявленную отвагу, мужество и поистине рыцарскую доблесть, которую выказывает далеко не всякий золотопо-

гонник и даже золотошпорник!.. В твое владение передается замок Плессе со всеми прилегающими землями, с принадлежащими ему городами, копями, рудниками и лесами. Я остаюсь твоим сюзереном. Новый управляющий замком и прочим хозяйством у тебя уже есть, вон лыбится. И если кто посмеет оспаривать твое владение замком, ты вправе призвать меня, и я тут же явлюсь на защиту своего вассала!..

Ревель смотрел блестящими глазами, как его друг и соратник смиленно принял удар меча по плечу. Альдер поднялся с сияющим лицом. В глазах недоверие, перемешанное со счастьем. Женевьева прижалась, инстинктивно ища защиты, а его широкая ладонь обхватила ее узкие плечи властным жестом собственника.

— Брат Кадфаэль, — спросил я, — можешь обвенчать их по-быстрому? Так это, нерушимо, чтоб эту капризулю приковать к Альдеру навеки? Отцеремонь побыстрее, а то вдруг турнир начнут без нас? А к герцогу Альдер ее сам отвезет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	36
Глава 5	48
Глава 6	60
Глава 7	71
Глава 8	80
Глава 9	92
Глава 10	102
Глава 11	114
Глава 12	125
Глава 13	138
Глава 14	150
Глава 15	159
Глава 16	173

ЧАСТЬ 2

Глава 1	181
Глава 2	193
Глава 3	203
Глава 4	216
Глава 5	229
Глава 6	239
Глава 7	248
Глава 8	258
Глава 9	274

Глава 10	282
Глава 11	293
Глава 12	308
Глава 13	318
Глава 14	328
Глава 15	339
Глава 16	348
Глава 17	359

ЧАСТЬ 3

Глава 1	372
Глава 2	383
Глава 3	391
Глава 4	402
Глава 5	416
Глава 6	427
Глава 7	439
Глава 8	454

Литературно-художественное издание

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ВЛАСТЕЛИН ТРЕХ ЗАМКОВ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *А. Стариakov*

Технический редактор *О. Кулкова*

Компьютерная верстка *Т. Жарикова*

Корректор *Н. Сгибнева*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: Info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
 обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Миочуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

*Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:*

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12

(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.

Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:

РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 28.09.2004.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 25,20. Уч.-изд. л. 21;7.

Тираж 25 000 экз. Заказ № 4402478.

Отпечатано на ФГУИПП «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

СТРАНА ИГР

Вы первыми узнаете,
во что все будут
играть завтра

В МИРЕ ЕЖЕДНЕВНО ВЫХОДЯТ ДЕСЯТКИ ИГР

НА САМЫХ РАЗНООБРАЗНЫХ ПЛАТФОРМАХ:

PC, PLAYSTATION 2, XBOX, GAME CUBE, GBA.

МЫ ПОМОЖЕМ ВАМ РАЗОБРАТЬСЯ

В ЭТОМ КРУГОВОРОТЕ

И СДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

Издательство «Эксмо» представляет

АЛЕКС ОРЛОВ

В СЕРИИ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Алекс Орлов –
знаменитый писатель-фантаст!

Книги Орлова мгновенно
становятся бестселлерами!

Многочисленные фэнзи
называют Орлова «российским
Эдмундом Гамильтоном»!

Роман «База 24»
и его продолжение
«Штурм базы» написаны
в традиционном
для автора жанре –
«фантастический боевик»!

НОВЫЙ
ХИТ
АВТОРА!

Также в серии:
«Охотники за головами»,
«Бросок Саламандры»

ВАДИМ ПАНОВ

ТАИННЫЙ ГОРОД

КАКИЕ ТАИНЫ
хранят городские подземки...

ПОЧЕМУ
в современном мегаполисе
бесследно исчезают люди...

У КОГО
из твоих соседей два сердца...

www.t-grad.com

ОТВЕТ В КНИГАХ

Книги серии:

«Войны начинают неудачники. Командор Войны»,

«Атака по правилам. Все оттенки черного»,

«И в аду есть герои. Наложницы Ненависти»,

«Нукашка Последней Надежды», «Тень Инициатора»,

«Кафедра Странников»

«Правила крови»— НОВИНКА ОКТЯБРЯ!

На грани реальности

ISBN 5-699-08177-1

9 785699 081776 >

Гриффорд

Длинные Руки —
властелин трех замков

